СЕВЕРНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ШКОЛЬНИКА

ФОЛЬКЛОР

народов Крайнего Севера и Дальнего Востока России

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ ПРОГРАММА
«ДЕТИ РОССИИ»

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ЦЕЛЕВАЯ ПРОГРАММА
«ДЕТИ СЕВЕРА»

СЕВЕРНАЯ БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА
в четырех книгах:

Книга первая

ФОЛЬКЛОР
народов Крайнего Севера и Дальнего Востока России

Книга вторая

ПРОЗА
народов Крайнего Севера и Дальнего Востока России

Книга третья

ПРОЗА
народов Крайнего Севера и Дальнего Востока России

Книга четвертая

ПОЭЗИЯ
народов Крайнего Севера и Дальнего Востока России

СЕВЕРНАЯ БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

ФОЛЬКЛОР

народов Крайнего Севера и Дальнего Востока России

Москва
«Северные просторы»
2002

УДК 373.167.1:398.2(470.1/.25)+398.2(470.1/.25) (075.3)
ББК 82.3(2Рос-Рус)-6 я 721
Ф74

Вступительная статья и общая редакция *А.В. Преловского*

Редакция приносит глубокую благодарность за участие в подготовке и выпуске книги Оргкомитету I Международного конкурса юных художников «Арктика и ее первооткрыватели глазами детей», в книге использованы работы *Романа Благовещенского, Инессы Гуськовой, Наташи Завущак, Нины Ивановой, Инны Кальной, Томаса Кардиса, Вики Кортавиной, Иры Кравченко, Златы Плуговой, Иры Поляковой, Маши Поляковой, Саши Рудакова, Саши Сонoловой, Лены Телюк, Аи Юмудовой.*
Редакция благодарит за участие в подготовке книги *Л. Бакшееву, Н. Баринову, Е. Батьянову, М. Белянскую, П. Боярского, А. Бурыкина, Г. Волченкову, В. Макарова, Л. Нимаеву, В. Преловскую, П. Прокофьеву, Е. Старшинову, А. Фарберова, Т. Чернову, А. Чиликина.*

Рисунок на авантитуле художника *В. Мельниченко*, о-в Колгуев, 1963 г.

Ф74 **Фольклор народов Крайнего Севера и Дальнего Востока России** /Сост. Е.Р. Акбальян. – М.: Северные просторы, 2002. – 544 с. (Северная библиотека школьника)
ISBN 5-87098-049-6.
ISBN 5-87098-052-6.

Первая книга из серии «Северная библиотека школьника» знакомит с произведениями устного поэтического творчества коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока: легендами и преданиями, воплотившими древнейшие представления северных народов о мироздании; традиционно излюбленным жанром – сказками о животных, бытовыми, волшебными – во всем разнообразии и богатстве тем, сюжетов, фантазии; с вершиной устно-поэтического творчества – героическим эпосом ненцев, манси, эвенков, энцев и других народов.
В сборнике нашло отражение особое внимание писателей-северян к своему фольклору: читатель встретит немало мифологических сюжетов, записанных и литературно обработанных В. Санги, Л. Ненянг, Ч. Таксами, Улуро Адо и др.
Книга иллюстрирована рисунками юных северян.

УДК 373.167.1:398.2(470.1/.25)+398.2(470.1/.25) (075.3)
ББК 82.3(2Рос-Рус)-6 я 721

ISBN 5-87098-049-6
ISBN 5-87098-052-6

К читателю

Дорогой читатель, перед тобой замечательная книга — собрание фольклора коренных народов севера нашей страны.

От Кольского полуострова и Ледовитого океана до Чукотки и Тихого океана, захватывая почти всю Арктику, почти всю Сибирь и почти весь Дальний Восток, протянулась земля, а вернее, земли, которые стали колыбелью жизни для множества разноязыких этносов. В далеком их прошлом зародились сюжеты народной прозы, представленные здесь в более поздних записях и обработке.

Богатству этому нет цены.

Да и можно ли оценить душу народа, его многовековой опыт жизни в тайге и тундре, его поэзию, его космогонию, его мудрость, нажитую в ежедневной борьбе с холодом и голодом, не считая врагов? Да и кто осмелится оценивать главное качество фольклора, устного народного творчества — наставление предков потомкам, как жить, как искать счастье, как общежительствовать с Природой? А ведь именно этому учит нас и бесхитростная сказка о животных, и волшебное героическое сказание о борьбе за свободу и выживание целого народа.

Впервые в этой книге представлены все крупноформатные жанры фольклора (от мифа, предания и сказки до объемного героического сказания). Это мир чудес, куда открыта дорога каждому и всем. Это и планетарный, подобный чуму дом, где вместо жердин-устоев — язык и национальные особенности быта и мировосприятия, а в роли покрытия — Космос, под куполом которого мы родились, живем и намереваемся добрососедствовать с Природой и друг с другом.

Входите. Располагайтесь. Внимайте немолкнущим голосам сказителей. Набирайтесь мудрости веков и народов. Обогащайтесь опытом предков. На фольклорных примерах это доступно каждому.

Неисчислимо долгие годы шли к нам нынешние тексты — в том числе и те, что сейчас у тебя перед глазами, в этой книге, дорогой читатель. Их устное бытование в смене и путанице поколений было неуследимо до зарождения фольклористики — науки о фольклоре, о принципах его собирания. И сама наша отечественная фольклористика, особенно сибирская, северная и дальневосточная, зачиналась поздно и развивалась медленно.

История запомнила, что еще святитель Стефан Пермский, рукоположенный в сан Сергием Радонежским и миссионерствующий среди зырян, нынешних коми, в конце XIV века, согласно своему разумению, боролся с суевериями древних пермяков, в том числе, естественно, с народными легендами и преданиями. Сибирская история помнит, что отписки и донесения первых русских землепроходцев в конце XVI века и в начале XVII несли множество сообщений о верованиях и легендарном происхождении таежных «народцев». Это были первые свидетельства, зачастую на уровне слухов, о фольклоре народов за Каменным Поясом, нынешним Уральским хребтом.

И конечно же, и здесь не обошлось без воли Петра I.

В 1712 году по указу царя Петра отправилась вниз по Оби миссионерская экспедиция митрополита Тобольского и Сибирского Филофея Лещинского. Ей предписано было крестить остяков и вогулов, тогдашних ханты и манси, рушить их святилища, свергать идолов, в общем, силой загонять сибирцев в христианство, чтобы плотнее увязать с Россией. Митрополит так и поступал, не вызывая особой любви аборигенов. Но он взял с собой ссыльного полковника из окружения гетмана Мазепы и препоручил ему совершенно иные занятия. Так Григорий Новицкий, образованный и умный человек, составил «Краткое описание о народе остяцком», которое вскоре и было опубликовано. Там, наряду с этнографическими и географическими материалами, присутствовали записи сказок, легенд и преданий обских угров. И это было, по сути, первым шагом на долгом пути собирания фольклора народов Сибири и Дальнего Востока.

Следующий этап познания фольклора северных народов означился трудами ученых-путешественников середины и конца XVIII века: Гмелина, Георги, Миллера и других. Эти немецкие академики на русской службе благодаря заботам Екатерины II составили описания земель и народов на всей

территории России к востоку от Урала, в том числе произвели и некоторые фольклорные записи. К сожалению, подавляющее большинство их ученых книг выходило на немецком языке и многое из записанного осталось до сих пор не переведенным на русский.

Расцвет фольклористики коренных народов Севера и Сибири начался во второй половине XIX века благодаря планомерным этнографическим, лингвистическим и фольклорным изысканиям Императорской Академии наук, Императорского Русского Географического общества (ИРГО), Православных миссий и других экспедиций, организованных, например, на средства промышленника А.М. Сибирякова. Ими были собраны уникальные по ценности и объемам коллекции фольклорных текстов. Среди них значительными являются собрания Н. Катанова (тофалары), В. Иохельсона (юкагиры), В. Богораза (чукчи), Г. Гута (эвенки), Л. Штернберга (гиляки и гольды), Г. Потанина (разные народы Сибири), а также труды многих других фольклористов и этнографов.

В первые советские годы появилась книга М. Ошарова «Северные сказки» — плод его многолетних путешествий, работы на пушных факториях еще в дореволюционной и послереволюционной Сибири. Это было первое системное собрание сказок народов Сибири и сибирского Севера, отмеченное М. Горьким как знаменательное событие. Вышел также первый стихотворный памятник северного эпоса — мансийское сказание «Янгал-Маа» в реконструкции М. Плотникова (в стихотворном переложении С. Клычкова известное как «Мадур Ваза-Победитель»).

Но тогда же, в 1930-е годы, начались идеологические гонения на шаманизм и его культуру. Репрессии не заставили себя ждать. Одной из первых была разгромлена ленинградская фольклористика, среди представителей которой выделялись переводчица Е. Тагер, этнографы Г. Василевич, Н. Гаген-Торн. В сталинских лагерях и застенках стали исчезать сначала сибирские и северные шаманы, затем сказители, затем местные ученые и краеведы — те, кто пополнял сокровищницу фольклора как всенародного достояния.

Но именно в это время вырастает и заявляет себя в работе и публикациях новое поколение фольклористов. Кстати, на смену блокноту и карандашу собирателя приходят фонограф, потом магнитофон, затем портативные диктофоны.

В середине XX века утверждаются в науке такие блистательные имена этнографов-фольклористов, как Г. Василевич (эвенки), Е. Крейнович (кеты, нивхи), А. Попов (нганасаны, долганы), Г. Пелих (селькупы), А. Дульзон (кеты), Б. Долгих (энцы, нганасаны), Н. Ткачик (эвены), В. Аврорин (нанайцы) и многие другие, не названные мной за недостатком места славные подвижники северной фольклористики.

Со второй половины XX века и по нынешнее время вышло множество книг, коллективных и авторских сборников сказочной прозы практически всех народов севера нашей страны. Именно из них, в лучшем, по мнению составителей, отборе, сложена и представлена тебе, дорогой читатель, эта книга.

И здесь пора сказать несколько слов об эпосе, который как жанр дан в сборнике фрагментарно, в отрывках.

Эпос — богатырские героические сказания в стихах и прозе — высший, божественный, совершенный по художественности и народной нравственности жанр любого развитого фольклора. Он родился как благотворный синтез шаманских призываний, волшебной сказки, бытового рассказа и сказки-притчи, кровно связанный с народной песенной традицией, с исполнительским мастерством сказителей.

В эпосе сосредоточена память рода, племени и, в конечном счете, всего народа. В нем же высказан в художественной форме главный завет предков, посылаемый потомкам по отработанной веками «почтовой» связи — из уст в уста, из души в душу: как жить, как искать счастья в жизни, как добрососедствовать с людьми и природой. Об этом, применительно к народной прозе, мы уже говорили выше.

В отличие от других фольклорных жанров эпос народов Севера и Сибири начали записывать очень поздно. Это стало возможным, когда выросло поколение фольклористов — плоть от плоти самих народов. Дело в том, что любое сказание считалось заповедным достоянием отдельного рода и потому было табуировано, то есть закрыто для слуха иноплеменника, а тем более чужестранца. Даже женщинам, поскольку они всегда брались в жены из иных родов, запрещалось присутствовать при таинстве сказывания — исполнения эпоса на празднествах или похоронах.

Вот почему северный эпос, к началу XX века уже сильно и динамично разрушающийся, был записан точечно, там, где еще бытовал и поддавался фиксации. Чисто сказительских,

сюжетно полных записей северного эпоса к нашему времени сохранилось, к сожалению, немного.

Только подумать, что Пушкин с его сказками и Ершов с его «Коньком-Горбунком» еще 180 лет назад обратились к поэтическому переосмыслению фольклора, дав нам непревзойденные шедевры авторских версий народных сказочных сюжетов, чем обогатили и фольклор, и все последующие поколения читателей, детей и взрослых. А потомки долго раскачивались, долго запрягали лошадей, чтобы двинуться вслед за классиками.

Но время пришло, и национальные поэты заторопились уберечь от исчезновения хотя бы то, что еще можно было сохранить. Так появилась прекрасная работа В. Санги «Человек Ых-мифа» и другие авторские версии нивхского эпоса. Вслед за ним обратились к своему эпосу юкагир Улуро Адо, эвен Баргачан, сказительница-манси А. Конькова. А поэтесса и фольклорист Л. Ненянг литературно обработала, по сути реконструировала на ненецком языке сначала только свое, родное, а затем нганасанское и энецкое сказания. На труд, равный подвигу этой женщины, теперь уже ушедшей от нас, не отважился, к сожалению, ни один национальный литератор.

Героические волшебные сказания всех коренных народов севера Западной и Восточной Сибири, наконец, собраны, переведены на русский язык и даже проиллюстрированы. Этот эпический свод вот уже десять лет ждет своего издания, но не может пробиться через барьеры незнания и непонимания ценности и необходимости эпоса для воспитания героического начала в молодом человеке.

В сборнике, к сожалению, читатель может познакомиться лишь с некоторыми отрывками эпических поэм северных народов.

Что же сказать о главных носителях фольклора, хранителях традиций, памяти, совести и своей этнической поэзии — о великих сказителях прошлого и нынешнего времени? Это, как правило, люди скромные, вроде бы незаметные, но в своей среде отмеченные уважением, даже почитанием сородичей за их дарование и душевную певческую щедрость. Читатель найдет их имена в рекомендуемой литературе. Сами они не претендуют на повышенное внимание к себе, ведь предназначение свое видят в том, чтобы передать божественное знание, как минимум, слушателям и, как максимум,

фольклористам, а через них — всему человечеству. В отдельных случаях это удалось.

Ныне в мировом сообществе растет интерес к российскому национальному фольклору. Скандинавы, например, ищут свои языковые и фольклорные корни среди угров, самоедов и сибирских тюрков. Тем же заняты и венгры. Итальянцы переводят северный фольклор и издают его серийными книгами. Американцы пополняют анналы Библиотеки Конгресса компьютерными копиями записей устного творчества коренных народов России. В мире книг фольклора народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в переводах и в различной степени адаптации (в частности, в пересказах прозой стихотворных текстов) уже не единицы, а десятки. Может быть, сотни.

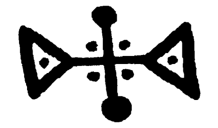
А у нас в Отечестве внимание к собственному фольклору все еще зреет, все еще книги его малотиражны, плохо изданы и потому вытеснены всякого рода чтивом на обочину читательского внимания. Это не по-хозяйски.

Все, что представлено в этой книге, лишь малая толика записанного и сохраненного в рукописях фольклора — нашего с вами родового, многовекового знания. Оно для нас, потомков, веками вынашивалось, хранилось в памяти и сказывалось нашими предками, затем записывалось, десятилетиями переводилось, обрабатывалось и сохранялось неизданным до поры. Для нас же, для нас.

Пора настала.

Не зря, наверное, в конце «Сказки о золотом петушке» обмолвился мудрый тайновидец Пушкин: «Сказка ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок». Не время ли и нам, дорогой читатель, понять «намек» великого поэта? Не пора ли, открыв эту книгу, заглянуть еще раз в заповедные «сусеки» и «амбары», где хранятся жемчужины знаний и опыта российских народов — нам с вами завещанные сокровища?

Саамы



БОГАТЫРЬ ЛЯЙНЕ

Сказка

Лежит в широкой тундре Ловозеро.

Самое большое, самое красивое, самое рыбное, самое глубокое озеро в тундре. Главное озеро саамов.

С тех пор как солнце взошло над землей, на Ловозере поселились люди в жилищах – вежах. Кто на берегах стал жить. Кто на островах вежу построил. Кому где понравилось.

Жили, рыбу ловили, детей растили, оленей пасли. Особого добра не наживали: больно уж глухие места.

И стоял на Ловозере остров Салма. А знаменит был тот остров тем, что поселился на нем богатырь – Ляйне.

Кто Ляйне не знал? Все знали, и свои и чужие.

Сила у Ляйне была медвежья, хитрость лисья, бегал он быстрее оленя, а прыгал лучше белки.

Жил Ляйне на острове с женой, прекрасной Воавр, и с сыном, маленьким Пяйвием.

Пяйвий – по-саамски значит «солнышко». Его так назвали в честь того юноши, который первым поверил в солнце и принес его сородичам.

Жил еще на острове родной брат богатыря Ляйне – Арипий, с женой и сыновьями. И другие люди жили.

Собрались однажды братья, Ляйне и Арипий, на рыбалку. И маленький Пяйвий-солнышко просится:

– Возьмите меня с собой.

А Ляйне говорит сыну:

– Мал ты еще для настоящей рыбалки. Подрасти, тогда и возьмем. А пока останься дома, матери помоги, будь за мужчину в доме.

Сказал – и уехали они с Арипием.

Ничего не поделаешь, слово отца – закон. Остался Пяйвий.

Уехали старшие, а на прощанье сказали, что проведают старых своих родителей на другом берегу Ловозера.

Только братья за порог – злая чудь подступила к острову.

А было так: вышла Воавр, жена Ляйне, посмотреть, что за шум на берегу, не братья ли вернулись с озера. Видит – злая чудь бежит, копьями колет, мечами рубит. И впереди самый страшный чудин – Чудэ-Чуэрвь. Закричала Воавр страшным голосом, испугалась. Видит она – не убежать ей никуда, не спрятаться. Схватили ее враги, связали прекрасную Воавр.

А жена Арипия в это время белье полоскала на берегу. Услыхала она крик, обернулась, увидела страшную чудь и Чудэ-Чуэрвя – и бросилась не долго думая в озеро. Бросилась и поплыла. Долго плыла, сколько сил хватило. Доплыла до Тавь-острова, что стоит вдали от берега, на глубокой воде. Тем и спаслась.

А Воавр, жена Ляйне, попала в плен.

Пяйвий в кустах успел спрятаться. Все он видел, все он слышал, все запомнил: и как злая чудь народ перебила, и как Воавр в плен взяли, и в какую сторону увели.

А Ляйне с Арипием рыбы наловили, загрузили лодки, поехали старых своих родителей проведать. Обрадовались старик со старухой: сыновья приехали! Стол накрыли: свежее оленье мясо поставили, свежую рыбу сварили. Так рады, так рады...

Сидят старики с сыновьями за столом, не насмотрятся друг на друга, не нарадуются. Вдруг слышат – крик на берегу. Выбежали, а навстречу им жена Арипия идет, шатается, плачет.

Рассказала: напала на остров Салма злая чудь. Кто был на острове, тот погиб. Кто не был на острове – тем и спасся. А она, жена Арипия, белье на берегу полоскала, страшную чудь увидала – в воду бросилась и плыла, сколько могла. До острова доплыла, отлежалась, отдышалась – снова в воду бросилась, до другого берега доплыла. Едва не утонула, но весть принесла.

– Что ж, – говорят братья, – раз такое дело, рассиживать некогда.

Попрощались со стариками, бросились в свои лодки. Гребут веслами что есть сил, на Салму торопятся...

Однако не успели. Ушла злая чудь и увела с собой Воавр. Ходят братья по своему острову, горюют: всюду люди лежат, побитые злой чудью, вежи сломаны, ветер плачет... Ой, беда!

Вышел к отцу Пяйвий. Обрадовался Ляйне: сын живой. Спрашивает:

– Куда увела чудь мою жену, а твою мать, прекрасную Воавр?

– Туда, – показал рукой Пяйвий.

– Ладно, – сказал богатырь Ляйне. – Кто долго плачет, тот силу теряет. Не будем слезы лить, пойдем злую чудь догонять. Скоро зима, чудь далеко не уйдет, зима ее остановит. Пойду следом я, найду Чудэ-Чуэрвя и убью его. И жену свою Воавр освобожу.

– Ладно, – сказал Арипий. – Иди, брат. Если выследишь чудь до снега, дай мне знать, я тебе на помощь приду. А не выследишь до снега – подожди до весны. Весной я тебя разыщу и вместе врага осилим. Одному тебе с чудью не справиться, а по белому снегу чудь тебя самого выследит и убьет. Будь осторожен, брат мой Ляйне, не давай сердцу своему воли, пусть все голова решает.

– Ладно, – сказал Ляйне, – так и будет.

Нарубил Ляйне ворох кустов и вырезал целую охапку крепких стрел. Настрелял из лука гагар и сделал стрелам наконечники из гагарьих клювов. Такая стрела, пущенная богатырской рукой, пробивает врага насквозь.

Взял Ляйне четырех оленей: на одного навьючил гагарьи стрелы, на другого – мясо, на третьего – рыбу. На четвертого сам сел. Попрощался с Арипием, братом своим. Попрощался с сыном, Пяйвием. Говорит Пяйвий:

– Возьми меня, отец, с собой. Помогу я тебе выследить злую чудь. И за оленями присмотрю.

– Нет, – говорит Ляйне. – Тебе еще расти надо. На твой век врагов хватит. Оставайся с Арипием, помоги новые вежи строить, рыбу ловить. Сделает тебе Арипий лук, учись стрелять. Скоро тебе это пригодится.

И уехал Ляйне. Долго бежали по тундре олени.

Чудь хитро уходила и следы заметала. Искал-искал Ляйне, вот уж и осень кончилась, и снег кружит.

Построил Ляйне вежу, стал в веже жить, зиму пере-

жидать. А сам в разные стороны на оленях ездит, злую чудь разыскивает. Не могла чудь уйти далеко, где-то близко зимует...

Искал-искал – и нашел. Видит однажды: дым на берегу озера. И еще дым, и еще, и еще. Много костров. Значит, здесь чудь зимует. Обрадовался Ляйне: теперь не уйдет от него Чудэ-Чуэрвь.

Стал Ляйне весны ждать. На охоту ходил, двух медведей добыл Ляйне. Шкура у медведя густая, теплая, мясо у медведя вкусное очень. Но не ради шкуры убил медведей Ляйне. И не ради мяса. Заготовил он медвежий жир, заморозил его и высоко на дереве спрятал, чтобы жадные песцы не добрались.

Медвежий жир – первое лекарство для воина. Спрятал его Ляйне до весны, когда будет с чудью сражаться.

Вот и весна пришла. Солнце над тундрой всплыло, растопило снег. Ручьи побежали в речки, речки побежали в озера, озера вспухли и сбросили лед. Рыба пошла к берегу, икру метать.

Поехал Ляйне туда, где зимой костры видел.

Пока по озеру плыл, солнце спряталось, темь упала на землю, на воду, на небо.

Подплыл Ляйне к вражескому лагерю, лодку привязал и полез на вежу, где жил Чудэ-Чуэрвь. Эту вежу он просто узнал: из отверстия наверху вежи самый жирный, самый густой дым валит. Мясом пахнет, свежей рыбой.

Слышит Ляйне, Чудэ-Чуэрвь говорит:

– Что-то глаза у Воавр повеселели? Что-то тело мое играет, будто перед боем? Что-то дым из вежи худо идет? Не Ляйне ли по веже лезет? Не он ли до нас добрался? Не он ли смерть свою ищет?

Услышал Ляйне эти слова – скорей с вежи долой, и к берегу. Спрятался в кустах, ждет. Долго ждал.

Слышит – идет его жена, его Воавр, любимая. Чудэ-Чуэрвь ее за водой послал. Видит Ляйне – Воавр веревкой привязана, и тянется та веревка от самой вежи.

Чудэ-Чуэрвь ее как собаку держал, на привязи. И веревка та из тысячи корней сосновых, тысячи корней еловых сплетена: не сразу топором разрубишь, не сразу ножом разрежешь.

Увидала Воавр своего мужа, своего Ляйне, обрадовалась, про воду забыла. Обнялись они крепко, и от радо-

сти их утро наступило, и солнце взошло, и птицы запели, и тростник качнулся.

Сказала Воавр, сколько врагов в стане, сколько охраны у Чудэ-Чуэрвя. Выслушал ее Ляйне и говорит:

– Вот тебе нож, подрежь веревку, которой привязана. И собери вокруг вежи Чудэ-Чуэрвя побольше хвороста и сухой бересты.

Тут Чудэ-Чуэрвь стал за веревку дергать. Ничего не поделаешь, пора Воавр обратно идти. Зачерпнула Воавр воды и пошла в вежу.

– Тебя только за смертью посылать, – ворчит Чудэ-Чуэрвь.

– За твоей смертью я бы бегом сбегала, – говорит Воавр, а сама снова из вежи идет.

– Куда тебя опять понесло? – сердится Чудэ-Чуэрвь.

– Пойду растопку соберу, скоро еду варить, – сказала Воавр. Вышла она из вежи и стала обкладывать ее хворостом и берестой, как Ляйне велел. А Ляйне тем временем положил стрелу на тетиву и залез на вежу Чудэ-Чуэрвя. Заглянул в дымовое отверстие. Видит, Чудэ-Чуэрвь одной рукой веревку держит, которой Воавр привязана, а другой рукой сиговую икру берет на нож. Взял он сиговую икру, раскрыл свою пасть и только хотел икру проглотить – увидел через отверстие Ляйне. Замер Чудэ-Чуэрвь, даже крик из него не идет. А Ляйне выстрелил из лука прямо в пасть Чудэ-Чуэрвю. Стрела с гагарьим клювом пробила глотку Чудэ-Чуэрвю насквозь.

Воавр услыхала, как тетива звенит, схватила нож и обрезала веревку. Ляйне спрыгнул с вежи и поджег бересту. Огонь поднялся до неба – и спалил Чудэ-Чуэрвя.

А Ляйне схватил прекрасную Воавр за руку, и бросились они к своей лодке.

Увидели чудины, как вежа предводителя горит, и кинулись Ляйне ловить. Из луков стреляют, копья бросают, топорами машут. Бьется Ляйне, звенит тетива его лука, свистят гагарьи стрелы. И Воавр бьется: хватает на лету топоры чудинов и со всего маху обратно во врагов бросает. Пробились Ляйне и Воавр к своей лодке, а все же попали в Ляйне две стрелы, и один топор зацепил богатыря. Обливается кровью саамский богатырь, но метко посылает свои стрелы в страшную чудь, насмерть врага разит. Много положил, а чудь все наседает, толпой прет.

Воавр веслами гребет изо всех сил, а Ляйне из лука стреляет.

Тут им помощь подоспела. Арипий ждал-ждал, когда Ляйне вернется, дождался весны и сам поехал на помощь брату. В самый раз и успел.

Отстали страшные чудины, кто живой, кто мертвый остались на берегу, а саамские богатыри уплыли на своих лодках.

– Спасибо тебе, брат, – сказал Ляйне. – Выручил ты нас из беды. Много чуди у Чудэ-Чуэрвя, мне бы одному не справиться.

Арипий смеется.

– Мы, – говорит, – еще больше чуди перебили бы, если бы я твоего сына с собой взял, Пяйвия. Уж как он просился со мной, тебе на подмогу, как просился! Но сказал я ему твои слова: расти еще, Пяйвий, силы набирайся, учись тетиву натягивать сильно, как настоящий мужчина. Оставил я его наши вежи охранять.

Обрадовался Ляйне. И Воавр обрадовалась.

Пришли саамы в вежу, которую Ляйне зимой построил. И просит Ляйне брата Арипия:

– Достань мне, брат, с дерева медвежий жир. Двух медведей я убил зимой, теперь сослужит мне их жир добрую службу.

Не успел Арипий бровью шевельнуть – метнулась Воавр, как кошка-рысь взлетела на дерево, достала медвежье сало и принесла мужу.

Разделся Ляйне догола, обнажились страшные раны.

Завернулся Ляйне в медвежий жир, весь завернулся, только нос снаружи оставил и глаза. Долго ли, коротко ли так лежал – затянулись раны, потому что нет лучшего лекарства для боевой раны, чем медвежий жир.

Поднялся Ляйне на ноги – и поехали они все домой.

Приехали на остров Салма, на Ловозеро.

Обрадовались саамы возвращению братьев. Пир закатили, песни пели, пляски плясали, весело было.

Снова стали жить саамы – оленей пасти, рыбу ловить, охотиться.

Жить, как раньше жили.

Записал П. Юрьев.
Литературная обработка С. Панкратова

СКАЗКА ПРО ЖЕНЩИНУ И ДИКОГО ОЛЕНЯ

Старик со старухой жили. Было у них три дочери.

Девушки выросли, невестами стали. И вот приехали в вежу, жилище старика, однажды три жениха: тюлень, ворон и дикий олень.

Старик дал женихам задание сделать три резных ковша и тогда приходить за невестами. Сделали женихи резные ковши и на следующий день пришли за невестами. Взял старик ковши и отдал дочерей мужьям. Старшая дочь вышла замуж за ворона, средняя – за тюленя, а младшая – за дикого оленя.

Вот старичок жил один, жил и пошел однажды к старшей дочери в гости. Шел-шел, смотрит – над вежей два вороненка летают и каркают:

– Кронк-кронк, дедушка идет! Кронк-кронк, дедушка идет! Кронк-кронк, дедушка идет!

Это они матери сообщают.

Старичок вошел в вежу. Дочь приготовила угощение. А какое у ворона угощение? Потроха да головки. Старичок не знает, что и есть.

Посидел-посидел и пошел к средней дочери. Ближе подошел, видит – два тюленьих детеныша с вежи катаются и кричат:

– Хурьгк-хурьгк-хурьгк, дедушка идет! Хурьгк-хурьгк-хурьгк, дедушка идет! Хурьгк-хурьгк-хурьгк, дедушка идет!

Старичок вошел. Дочь стала готовить угощение. Тюленье угощение – объедки семужьи да куски от всяких рыб, но лучше, чем у ворона. Здесь старик проспал вторую ночь, а на третий день пошел в гости к своей младшей дочери.

Шел-шел, увидел вежу. У вежи два диких олененка бегают. Одному идет третий год, другому – второй. Играют вышелушенными рогами. Увидели дедушку, подбежали к веже и начали кричать:

– Хонгкэр-хонгкэр, дедушка идет, хонгкэр-хонгкэр, дедушка идет, хонгкэр-хонгкэр, дедушка идет!

Пробегут мимо, только земля гудит. Старичок зашел в

вежу, и мать оленят стала готовить еду. Вежа у них имеет два входа: через одну ходит дикий олень, через другую – хозяйка. Дикий олень, уходя на охоту, предупреждал жену:

– Если придет отец, ты его прими хорошо. Накорми, напои. Приготовь все, что есть лучшее. На ночь уложи спать. Только помни: не стели под него шкуру дикого оленя, а постели шкуру домашнего оленя.

Сам он был диким оленем и очень берег шкуры диких оленей.

Дочь постелила отцу шкуру дикого оленя. Сама думает: «Пусть хоть раз на своем веку отец поспит на шкуре дикого оленя». Старичок поел, попил и лег в постель, приготовленную дочерью, а ночью его мутить стало (он съел много жиру и мяса).

Дочь наутро встала, шкуру почистила и повесила проветрить на той стороне, откуда приходит муж ее – дикий олень. Дикий олень как раз из лесу бежал. Бежал-бежал, смотрит: постель из шкуры дикого оленя сохнет, значит, старичок пришел и постель намочил. Он забежал под ветер и почуял человечий запах от этой шкуры. Сказал своим детям:

– Ребятушки мои, идите за мной, здесь очень человечиной пахнет. Не сумела мать ваша кормить и поить отца своего и стелить ему постель, пусть теперь на месте следов наших остается.

Жена тем временем выбежала на улицу за своими сыновьями и увидела, как они побежали за отцом, а сам дикий олень скрылся уже. Мать кричит детям своим:

– Ребятушки, ребятушки, вот вам грудь моя, вот вторая, вернитесь ко мне!

Они бегут в сторону и кричат:

– Хонгкэр-хонгкэр, мамочка, не придем, тяжело нам переносить человечий запах на шкуре дикого оленя!

Мать видит, что не вернутся они, кричит им вслед:

– Ребятушки, ребятушки, берегитесь, где камень будет возвышаться, там человек вас поджидает, где пень будет утолщаться, там человек вас будет ловить.

После этого в вежу вошла, около огня долго плакала. Потом с отцом стала собираться в дорогу. Запрягли ездовых оленей, разобрали вежу. Кости задних оленьих ног были ставниками в двери, кости передних ног были

поперечниками, дверь была сделана из грудины, остовом вежи служили ребра, затянута вежа была шкурами. Положила женщина все в кибитку, и поехали они в вежу отца.

Рассказала А. Антонова
(пос. Териберка, Мурманская обл.).
Записал в 1955 г. и перевел Г. Керт

ЛЕГЕНДА О ЗЛОЙ ЖЕНЩИНЕ

Жила женщина с дочерью. Была у них соседка – смирная, добрая, но бедная – все ее имущество состояло из одной овцы. Однажды злая женщина говорит дочери:

– Я так люблю свежее мясо, пойдем, когда настанет ночь, к соседке и возьмем у нее овцу.

Ночь пришла лунная, светлая. Женщина и говорит дочери:

– Возьми кадушку с дегтем и мазилку, обернись птицей и лети к месяцу, замажь его дегтем, чтобы он не светил.

Дочь взяла деготь, обернулась большою птицей и полетела замазывать месяц. Но месяц притянул ее к себе и не отпустил. И до сих пор, когда делается месяц полным, видно там ее, с кадушкой. А мать ее в наказание за злой умысел с тех пор обратилась в жука.

Записал В. Немирович-Данченко

БОГАТЫРЬ, ЕГО СЫН И РАЗБОЙНИКИ

Сказка

Жил-был богатырь. Искал он встречи с равными ему по силе и раз увидел в поле конский след. По следу было видно, что проехал тут человек сильный: ноги коня уходили в землю по колено. Пустился богатырь догонять

всадника, настиг его и ударил сзади железной палкой пяти пудов весом. Всадник только почесался да промолвил:

– Ишь ты, вошь проклятая!

Бросил богатырь палку, выдернул с корнем березу и ударил снова всадника. Тот это только за блоху принял и едет дальше. Выхватил богатырь сосну и так треснул всадника, что лошадь споткнулась и всадник ткнулся носом в землю. Тогда только заметил он богатыря, накинул на него аркан из толстой проволоки, привязал к лошади и поехал дальше в лес.

Приехали к избе. Всадник слез с лошади и крикнул:

– Батюшка, привез я к тебе гостя!

– Веди его сюда, – отвечал ему отец из избы.

Тогда всадник переоделся в женское платье, так как это была женщина. Отвязала она богатыря, ввела в дом и дала ему есть.

Прожил он с ними некоторое время и говорит старик-отец богатырю:

– Женись на моей дочери.

Не очень-то обрадовался богатырь, да делать нечего, женился. На свадьбе они здорово выпили. Молодые выпивали по полу-анкерку за один дух, старик выпивал по целому.

Родился у них сын, вырос и стал ходить с отцом на охоту. Один раз пришли без них двенадцать разбойников и стали просить у хозяйки есть. Наелись, а потом видят, что в доме одна женщина, стали забирать себе все добро, что было в доме. Рассердилась хозяйка, схватила клюку, загребла всех разбойников в печку и закрыла заслонкой.

Пришли с охоты отец и сын, узнали, в чем дело, открыли печку и предложили разбойникам служить у них и помогать им охотиться. Те согласились. На следующий день отправил отец с ними на охоту сына. После охоты сын заснул. Тогда одиннадцать разбойников сговорились убить его. Срубили сосну и хотели повалить на него, но двенадцатый разбойник разбудил спящего. Тот вскочил, отбросил одной рукой сосну и заставил разбойников идти с ним к его отцу. Отец сильно рассердился и хотел сейчас же убить всех разбойников, но сын просил оставить в живых одного, спасшего ему жизнь. Отец не

хотел, тогда сын спрятал разбойника за пазуху и тем избавил его от смерти.

От этих силачей и происходит в Северном и Южном Варангере род Силиных.

Записал В. Немирович-Данченко

СКАЗКА О ЧЕЛОВЕКЕ-МЕДВЕДЕ

На островах кочевал лопарь с женою и двумя сыновьями. У них не было оленей или другого скота, жили они в глухих местах и никогда не встречали других людей. Отец был человек молчаливый, но добрый и смирный. Случилось однажды, что он ушел в тундру и не возвращался несколько дней. Жена стала очень беспокоиться и несколько раз посылала своих сыновей посмотреть, не идет ли отец. Но когда он возвратился домой, то никто не смел спросить, где он был, потому что отец не любил расспросов.

Была поздняя осень. Листья попадали с деревьев, настали темные ночи, и отец пропал снова. Жена искала его, искала, но не могла найти. Послала сыновей в лес, но и они проходили напрасно.

Зима кончилась, дни стали длиннее, снег растаял, настала весна. И вот однажды дети увидели – идет по тундре отец. Узнал своих детей, ласково стал говорить с ними и пришел с ними домой. Жена едва верила, что отец вернулся, обрадовалась, стала расспрашивать, где он был. Он ей ничего не рассказал.

Прожил отец с ними все лето, но только выпал первый снег, он опять исчез. На этот раз один из сыновей увидел, что отец ушел в лес, и рассказал это матери. Пошла она по следам мужа и дошла до высокой пихты. Здесь увидела следы мужа – в несколько рядов кругом одного куста, и дальше шли уже следы медвежьи. Стала жена ходить по мужниным следам кругом куста и вдруг почувствовала, что обращается в медведицу. Поняла она тогда, в чем дело. Пошла по медвежьим следам дальше и дошла до берлоги.

– Ой, вой-вой, – закричал муж, увидя ее. – Зачем ты пошла за мной. Мы теперь не скоро опять сделаемся людьми, а дети подумают, что нас съели медведи, придут сюда и убьют нас. Делать, однако, нечего, надо ждать прихода детей. Тогда я выбегу из берлоги, сыновья убьют меня, а ты лежи смирно и жди, пока не снимут с меня шкуры и не расстелят ее по земле. Тогда выбеги из берлоги и старайся попасть на мою шкуру, и ты снова будешь человеком.

Жена плакала, старалась уговорить мужа уйти с ней в тундру.

– Этим не спасемся, – отвечал он.

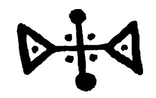
Двое суток они лежали в берлоге. На третий день услышали, что далеко в лесу кто-то кричит. Это были их дети. Когда голоса стали слышны совсем близко, муж сказал жене:

– Делай же, как я тебе велел, – и выбежал из берлоги.

Старший из сыновей тотчас застрелил его стрелой. Когда снял с медведя шкуру и разостлал ее по земле, из берлоги выбежал другой медведь, упал на шкуру и сделался человеком, обратился в их мать. Рассказала она детям, что они убили отца, и они горько заплакали.

У матери их осталась, однако, медвежья лапа, так как одна нога ее не попала на шкуру.

Записал В. Немирович-Данченко



Вепсы

ДОБРАЯ ДЕВОЧКА ВАРВЕЙ

*Сказка**

Жили три сестры. Одна была грязнуля Варвей. Она никуда не выходила, только на печи лежала. Другие же сестры ходили за грибами и ягодами. Вот как-то Варвей слезает с печи и идет за ними следом в лес. Собирают они там ягоды, грибы и что подвернется. Варвей быстренько бежит домой, раньше сестер. Пришла и забралась, бедняжка, на печку. Следом пришли из лесу сестры.

– Принесли ли, сестры, грибов да ягод? – спрашивает Варвей.

– Ой, сиди, грязнуля Варвей, на печке!

И бьют ее.

На следующее утро сестры опять собираются в лес. Варвей говорит:

– Возьмите меня с собой!

– Ой, черт тебя побери! Куда мы тебя возьмем? Сиди на печке!

Опять побили ее.

Пошли сестры в лес, и Варвей следом. Шли-шли ее сестры, видят – в грязи лежит овечка.

– Сестрички, поднимите меня!

– Ой, лежи ты, где лежишь! Не будем мы пачкать одежду, не будем тебя поднимать!

Прошли они немного – старичок лежит.

– Сестрички, поднимите меня!

– Не поднимем, лежи, где лежишь! Не будем мы свою одежду пачкать!

---

* Сказки, помеченные звездочкой, даются в литературной редакции.

Теперь проходит мимо грязнуля Варвей.

– Подними-ка меня, девочка, – говорит овечка.

Она подняла из грязи овечку. Прошла немного – старичок лежит.

– Ой, девочка, подними меня.

И его подняла эта грязнуля Варвей. Побежала домой, опять на печку забралась. Пришли из лесу сестры, говорят ей:

– Грязнуля Варвей, завтра будет служба в церкви, а ты лежи на печке.

Вот одеваются сестры, идут в церковь.

– Сестрицы, возьмите меня с собой!

– Как мы возьмем тебя, грязнулю, в церковь? Срам такой?!

– Ой, беру свое слово обратно, только не бейте!

Решила Варвей идти в церковь следом за сестрами. Пошла в поле, стукнула по камушку, оттуда поднялся старичок, дал ей золотую одежду. Пришла Варвей в церковь. И поп не поет, и служба не идет, все на эту барышню смотрят. А девушка Варвей быстренько повернулась и вышла из церкви раньше других, села верхом на лошадь и поехала домой. А сестры идут впереди нее. Она обогнала их, хлестнула ту и другую кнутом. Приехала Варвей в поле, стукнула по камушку, оставила тут лошадь и одежду. Дома снова забралась на печку. Пришли сестры.

– Ой, грязнуля Варвей, сегодня в церкви была девушка в золотой одежде. Поп не служил и никто не молился, все на нее смотрели.

– Не я ли это была? – Варвей-то говорит.

– Ой, черт тебя побери, ты-то там и была!

И опять побили ее.

Назавтра сестры снова собираются в церковь.

– Возьмите-ка меня, сестры, сегодня!

Опять чуть не побили ее.

А Варвей пошла в поле, стукнула по камушку, дали ей звездное платье. Села Варвей верхом, поехала в церковь. От ее одежды церковь засветилась огнем. Иван-царевич взял и намазал смолой пол в церкви на месте, где стояла эта девушка. Калоша девушки тут и осталась. А Иван-царевич еще и стукнул именным перстнем девушку в лоб.

Все вышли из церкви. Девушка опять села верхом, обогнала своих сестер. Одну хлестнула, другую хлестнула...

Быстро разделась в поле у камушка, опять забралась на печку. Пришли сестры из церкви.

– А-вой-вой! Грязнуля Варвей, сегодня была барышня, все на нее только и смотрели!

Варвей-то и говорит:

– А не я ли это была?

Ее опять начали бить-колотить, бедняжку.

– Ой, не бейте, возьму слово обратно!

Лоб у Варвей перевязан. Сестры говорят:

– Почему у тебя, грязнуля Варвей, лоб перевязан?

– А я за грибами ходила да ушибла.

– Сегодня, – говорят сестры, – Иван-царевич повсюду ищет себе невесту. Намазанную калошу теперь всем примеряет по ноге, никому она не подходит. Скоро и к нам приедет примерять. Иван-царевич ту возьмет замуж, кому подойдет калоша.

А у Варвей там, на печке, душа болит. Пришел Иван-царевич, примерил калошу двум сестрам. Не по их ногам калоша.

– А кто у вас там, на печке? – говорит Иван-царевич.

– Ой, там наша грязнуля Варвей! Не связывайся с нею!

– Нет, – говорит, – нужно ее спустить.

Варвей с перевязанным лбом спустили с печки. Примерил Иван-царевич калошу, – она как раз по ноге Варвей. Лоб ей развязали. Иван-царевич поцеловал ее крест-накрест, а сам испугался: такую замарашку надо замуж брать.

– Сиди тут, – говорит ему Варвей.

Пошла она в чисто поле, зеленую дубраву, стукнула крест-накрест по камушку. Появилась лошадь-картинка, только на нее и смотреть. Оделась Варвей и стала красавицей. Села верхом на лошадь, едет во дворец. Там царь и Иван-царевич уже встречают ее. Девица такая, что глаз не оторвать. Отвели Варвей в дом, под руки вели и сестер пригласили.

Сыграли свадьбу. Они и сегодня там живут. Все, больше ничего.

Рассказала П. Ефремова
(д. Залесье, Прионежье).
Записала в 1947 г. и перевела Егорова

БОГАТЫЙ И БЕДНЫЙ БРАТЬЯ

*Сказка**

Богатый брат был золотарь, делал золотые вещи, а бедный брат делал лыжи-голики. Однажды пошел бедный брат в лес за ветками для голиков, увидел на дереве красивую птицу и думает: «Как бы добыть эту птицу?» Схватил топор, швырнул в нее и убил птицу. Приносит домой, говорит брату:

– Какую птицу я убил!

Богатый брат говорит:

– Давай сюда!

Он принес.

Богатый говорит:

– Продай мне!

Бедный отвечает:

– Бери.

– А сколько стоит птица?

– Два рубля.

– Бери деньги.

Богатый взял птицу, приподнял правое крыло, видит – написано: «Кто эту птицу съест, тот будет сильным». Приподнял левое крыло, а там написано: «Кто эту птицу съест, у того каждую ночь под подушкой будет пятирублевая золотая монета».

Богатый брат приказывает своей жене:

– Зажарь эту птицу и никому не отдавай, кроме меня.

В это время пришли дети бедного брата, съели все и ушли. Вернулась хозяйка из хлева и видит – жаркого нет. Что теперь делать? Взяла и отрубила голову петуху, сделала другое жаркое. Пришел мужик домой:

– Дай, жена, есть.

Жена подала ему это жаркое. Он съел. Лег спать, утром встал, а силы не прибавилось и золотой монеты под подушкой не оказалось.

А дети бедняка встали, силы у них прибавилось и под подушкой у них было по одной золотой монете. Так бедный брат разбогател. Богатому стало завидно. Позвал он брата к себе домой:

– Слушай-ка, брат, у тебя в доме нечистый дух, дети

твои – черти. Уничтожь их, если хочешь остаться в живых. Пришел брат домой и говорит своей жене:

– Слушай-ка, жена, в нашем доме плохи дела, дети убьют нас. Как нам теперь быть?

Жена ему говорит:

– Надо отвезти их в лес и оставить там.

Дали детям по лошади, по собаке и по ружью.

– Дети, сегодня пойдем за грибами, вы поедете на лошадях, возьмите ружья и собак.

Так и сделали. Ушли в лес за десять верст, сбили детей с пути, оставили там, а сами пришли домой.

Детей настигла темная ночь. Что им теперь делать? Надо огонь развести.

– Ты, брат, разведи костер, – говорит один брат другому, – а я пойду добуду чего-нибудь на жаркое.

Шел недолго, видит: впереди медведь с двумя медвежатами. «Сейчас я выстрелю». Слышит, медведь заговорил:

– Не стреляй, я отдам тебе медвежат, они тебе пригодятся.

Он и не выстрелил, а взял медвежат у медведицы и привел к брату:

– Не выпускай их никуда, брат.

Тот так и поступил.

– Я опять пойду, не достану ли чего-нибудь на жаркое. Отправился, прошел немного, навстречу заяц. «Зайца я застрелю». Тот и говорит:

– Не стреляй, возьми у меня двух зайчат, они тебе пригодятся.

Так и сделал он. Принес брату и говорит:

– Опять я добыл двух зверят, что будем делать, зажарим или оставим?

Другой брат говорит:

– Не надо жарить.

Наступила темная ночь. Легли братья спать. Проспали ночь, наступило утро. Надо идти дальше. Шли они по лесу целый день. Под вечер увидели дорогу. Идут они по дороге. Впереди развилка. Младший брат говорит:

– Я пойду вправо.

А старший говорит:

– Я пойду влево.

В этом месте они и разошлись и договорились, как потом найти друг друга. Младший брат и говорит:

– Давай оставим здесь стакан с водой. Кто из нас придет сюда и увидит, что вода испортилась, значит, другого брата нет в живых.

Попрощались они и разошлись.

Младший брат пришел в город и спрашивает у старушки:

– Нельзя ли мне остановиться на квартире?

Старушка говорит:

– Можно.

Он спрашивает у старушки:

– Почему в городе черные флаги вывешены?

А старушка говорит:

– Завтра царскую дочь повезут на драконову гору на съедение змею. Этот змей съел всех девушек в нашем городе.

Этот ночлежник говорит:

– А можно ли мне пойти посмотреть?

Старушка отвечает:

– Можно.

Наступило новое утро. Этот ночлежник оседлал лошадь, взял с собой собаку, медведя и зайца. Пришел на место раньше всех и ждет. Через некоторое время привели царскую дочь и оставили на горе, а вся свита вернулась обратно в город. Вдруг поднялся ветер, зашумели деревья. Слышит – идет змей. Усевшись на каменную плиту, он увидел, что на ней написано: «Кто эту плиту поднимет – под ней сабля и сосуд с крепким вином, а кто это вино выпьет, тот может овладеть этой саблей и победить змея». Так он и сделал. Он почувствовал большую силу.

Появился двенадцатиголовый змей и говорит:

– Я просил одну, а тут двое...

Начался бой. Силач отрубил шесть голов, и у него искривилась сабля. Махнул он второй раз, отрубил четыре головы – и сабля переломилась. Он говорит собаке:

– Помогите мне убить змея.

Собака, медведь и заяц дружно бросились и оторвали змею последние две головы. Силач обрадовался.

– Теперь, – говорит, – дело сделано, надо костер развести.

Развели костер, разрубили на кусочки змея, бросили в огонь, а жала и языки богатырь взял себе. Ушел он с

этого места, пришел в будку, где была царская дочь, от страха полуживая. Богатырь поднял ее:

– Не бойся, змей убит.

Та не верит.

– Смотри, тут тебе доказательство, видишь – двадцать четыре штуки: жала и языки.

Царская дочь поцеловала его, дала ему золотое колечко и носовой платок, а зверям привязала на шеи шелковые ленточки.

Девушка говорит:

– Теперь сделаем так...

А богатырь перебивает:

– Я хочу спать. – Собаке говорит: – Карауль, пока я сплю.

Собака караулила недолго, медведю говорит:

– Карауль, я лягу спать.

Медведь немного посторожил и говорит зайцу:

– Присмотри немного, я спать лягу.

Покараулил заяц немного и тоже спать лег. Теперь все спят, а царская дочь не спит.

Тем временем царь послал на гору своего слугу:

– Иди, проведай, жива ли моя дочь, и сообщи мне.

Тот так и сделал. Пришел он на гору, видит – царская дочь жива. Он и спрашивает у нее:

– Змей уже был?

Царская дочь отвечает:

– Был змей, и его убил этот человек, который спит с собакой, медведем и зайцем.

Царский слуга говорит девушке:

– Скажи своему отцу, что это я убил змея, а не скажешь, отрублю тебе голову.

Царская дочь согласилась. Слуга взял саблю и отрубил голову богатырю. Слуга и царская дочь отправились в город к царю. Царь удивляется:

– Этого никогда не бывало, я себе не верю, моя ли дочь явилась живой ко мне?

Слуга говорит:

– Больше змей никого не тронет, я его убил.

Царь говорит:

– За это доброе дело я отдам свою дочь за тебя замуж и с нею полцарства.

И сыграли они свадьбу.

Тем временем проснулся заяц, будит медведя и собаку.

– У нас беда, голова у хозяина отрублена.

Медведь и собака рассердились на зайца:

– Мы убьем тебя за это.

Заяц говорит:

– Не убивайте, я все улажу. Отпустите только меня в лес.

Собака говорит зайцу:

– Иди и через час возвращайся.

Заяц сбегал, принес живой и мертвой воды и говорит:

– Теперь нужно помазать хозяину шею и поставить голову обратно.

Сказано – сделано. Только голову они поставили не так, а лицом к спине. Потом помазали они живой водой, и богатырь встал. Видят – голова не так. Собака рассердилась на зайца:

– Не так ты сделал, я тебя разорву!

Заяц говорит:

– Давайте помажем опять мертвой водой.

Так и сделали. Сняли голову и снова поставили, помазали мертвой и живой водой. Богатырь встал, говорит:

– Почему вы дали мне так долго спать?

Собака ему говорит:

– Потому что мы все спали.

Богатырь говорит:

– Где же царская дочь?

Заяц отвечает:

– Одна домой ушла.

Богатырь говорит:

– Пойдемте и мы домой.

Сели они на лошадь и поехали домой. Пришли они опять на ту же квартиру. Пришли и спрашивают у старушки:

– Бабушка, почему в городе красные флаги развешены?

Та говорит:

– Царская дочь замуж выходит.

– За кого? – спрашивает богатырь.

Та говорит:

– За слугу, он спас царскую дочь, а за это царь отдает ему свою дочь и полцарства.

Богатырь спрашивает:

– Бабушка, а можно нам пойти на свадьбу?

Старуха говорит:

– Всем можно.

Богатырь надел кольцо царской дочери себе на палец, перевязал тряпочкой, чтобы не видно было. А царем был дан приказ: на свадьбу пускать только здоровых. Когда он пришел в царский дворец, доктор спрашивает:

– Почему палец перевязан?

Богатырь говорит:

– Заяц укусил.

– Где заяц?

– В коридоре оставлен.

Доктор говорит богатырю:

– Нужно палец посмотреть.

Тем временем собака, медведь и заяц шмыгнули туда, где были жених и невеста. Невеста любила медведей. Она ласкает рукой медведя, по шее гладит, и попалась ей ленточка под руку. Невеста говорит:

– Этого зверя я уже видела раньше, на той горе, где меня змей хотел съесть.

Жених обозлился.

А доктор снял у богатыря тряпку с пальца и говорит:

– Где ты взял это кольцо?

Тот отвечает:

– Мне подарила его царская дочь за то, что я убил змея.

Доктор доложил об этом царю. Царь подумал: «Надо узнать, как кольцо попало к этому человеку». Позвал богатыря в свою комнату и спрашивает:

– Как к тебе попало это кольцо?

Силач опять повторил то же, что сказал доктору. Царь спрашивает:

– Есть еще доказательства?

Богатырь говорит:

– Есть доказательства: колечко, носовой платок, двадцать четыре жала [с языками] от змея, которого я убил. Собаке, медведю и зайцу завязаны на шее шелковые ленточки, а повязала их ваша дочь на драконовой горе.

Узнав об этих фактах, царь говорит:

– Если пожелаешь взять ее себе в жены, то будешь моим зятем и дам тебе полцарства.

Так все и было. Сыграли свадьбу. После свадьбы позвал царь слугу и спрашивает:

– Кто тебе велел обманывать царя? За это тебе через два часа снесут голову.

Слуге отрубили голову, а царскую дочь выдали за богатыря.

И этот богатырь пошел после пиршества в лес охотиться. Взял лошадь, собаку, медведя, зайца и в лесу заночевал. Развел костер под елкой и хотел переночевать. Слышит с елки голос:

– Мне холодно.

– Спускайся и погрейся у костра, – говорит царский зять.

С елки говорят:

– Я боюсь твоих зверей, твои звери меня укусят.

– Не бойся, они не тронут.

С елки опять говорят:

– Слушай, молодой человек, возьми прут, который я тебе брошу, и ударь тихонько по своим зверям.

Царский зять так и сделал. Сам он, лошадь, собака, медведь и заяц превратились в камни.

Пришел на развилку старший брат, взял в руки стакан, смотрит, а вода помутнела. Думает он: «Нет в живых моего брата. Нужно мне пойти теперь по его следам». Пошел он по той дороге, куда ушел его младший брат, и пришел в город. Видит, вывешены приказы, под ними царская подпись. В приказе написано: «Потерялся царский зять, кто найдет, тому дам хорошую лошадь и четыре тысячи золотом». Старший брат прочел приказ, пошел, нашел себе квартиру и спрашивает у хозяина квартиры:

– Кто такой этот царский зять?

Хозяин квартиры говорит:

– Не знаю, откуда-то явился человек верхом на лошади, с собакой, медведем и зайцем, и вот что он сделал: он избавил от смерти царскую дочь и так стал царским зятем.

Старший брат решил: «Надо найти брата».

Пошел он в лес за дичью. Пришел на то место, где окаменел его брат. Настала ночь. Развел он костер, чтобы сварить дичь. Слышит с елки голос:

– Мне холодно.

Снизу ответ:

– Спустись, погрейся.

– Не смею, твоих собак боюсь. На тебе прутик, ударь по своим собакам, не то они меня укусят.

Снизу говорят:

– Не бойся.

– Не смею.

– Ну, если боишься, то я тебя спущу, – говорит старший брат.

– А как ты меня спустишь?

– Очень просто.

Взял он ружье в руки, вложил патрон.

– Еще раз говорю: спускайся.

Тот не спускается. Старший брат выстрелил, а тот хохочет:

– Было много таких, как ты, но все они сгинули.

– Скажи, где мой брат, а не скажешь, то я тебя убью.

С елки говорят:

– Твоя пуля меня не убьет.

Он поставил крест на пуле, выстрелил в верхнего, тот упал возле него. Он наступил упавшему на горло. Ну, оказалось – это волшебник. Деваться ему некуда: расколдовал он брата, лошадь и зверей. Все встали. Братья обнялись, поцеловались и пошли к царю.

Пришли они к царю. Царский зять и говорит:

– Это мой брат, нас отец потерял в лесу, мы заблудились. Вот теперь брат нашел меня, а я привел его к тебе.

Все, что было записано в приказе, царь уплатил. После этого устроили бал, на этом балу гулял старший брат, и я, Кузов, на этом балу тоже был, пива пил досыта, по губам текло, в рот не попало. Охмелел я, и царь выдворил меня пинком.

Рассказал Ф. Кузов
(с. Шокша, Прионежье).
Записали в 1937 г. и перевели Г. Власьев, П. Карпов

ГЛУПОВАТЫЙ ЗЯТЬ

*Сказка**

Жил когда-то глуповатый зять. Жену он взял издалека. Пошел он в гости к теще и тестю. Пришел в гости, теща приготовила толокно. Приготовила толокно и усадила зятя за стол. Поел бы зять, да боится: если он поест, то образуется ямка, и теща скажет, что он много съел.

И не посмел он есть, да так и пришел домой. Отец спрашивает:

– Ну, угощали тебя у тещи?

– Меня угощали так: приготовила теща сладкого толокна, да я не посмел есть, потому что образовалась бы ямка.

– Ой ты, глупый, надо было, когда поешь, все перемешать, и толокно опять бы выровнялось.

– Поесть, что ли, в следующий раз?

Прошла неделя, и опять он едет в гости. Приехал к теще и тестю. Тесть и теща встречают его, угощают. Теперь теща поставила на стол кисель. Он немного поел и видит, что ополовинил кисель, и перемешал его. А теща увидела и говорит:

– Зять, кисель ведь не размешивают.

Он встал из-за стола. Приходит домой, отец спрашивает:

– Ну, как тебя угощали?

– Угощали хорошо, да я кисель размешал, а теща сказала, что кисель не размешивают.

– Хорошо, пойдешь в следующий раз – не делай так.

Прошла неделя-другая, и едет зять опять в гости. Далеко было добираться, приехал рано утром. Теща блины печет.

– Садись, зять, блины есть.

– Сяду, пожалуй, с дороги так есть хочется!

Сел он и ест блины. А теща подала еще и грибов. Он все уплетает с аппетитом.

– Ну, теща, у тебя почки так почки.

– Да не почки это, зять, а грибы.

– Ну, грибы так грибы, а я думал почки.

Ну, и ладно. Поел да и поехал домой.

– Ну, как угощали? – спрашивает его отец.

– Угощали очень хорошо, но я думал, что были почки, а были грибы.

– Ну, хорошо, если пойдешь в следующий раз, то иначе поступай: посмотри хорошенько, распробуй и только потом скажи теще, – это отец-то говорит.

Хорошо, опять решил зять ехать в гости. В гости приехал в субботу вечером. Сначала теща не угощала его, а затопила баню. Затопила теща баню, а баня загорелась. А зять спокойно смотрит в окно и говорит:

– Теща, баня-то горит.
– Пусть, на то она и затоплена.
Сидит, сидит зять. Опять говорит:
– Теща, баня горит.
– Горит [топится], так пусть, на то и затоплена.
Ну, ладно. Теща все работает, ужин готовит.
– Теща, а баня горит.
– Горит [топится], так пусть, она ведь затоплена. Ну, пойду-ка я дров принесу, – говорит теща.
Теща ушла за дровами, а у зятя с собой краюха хлеба взята, он горбушку жует – есть захотел. А тут снег валит, очень сильно метет. Теща стоит с дровами на крыльце и говорит:
– Метет так метет!
– А мету [уплетаю] – так свою горбушку.

Рассказала П. Фадеева
(д. Ладва, Ленинградская обл.).
Записала в 1981 г. и перевела Н. Онегина

ВАНЬКА-ВОР

Сказка

Жили-были старик со старухой. У них было три сына. Одного звали Ваней, второго Васей, третьего Федором. У одного брата было три сына, а у второго никого не было. Тот брат, у которого не было детей, говорит:
– Отпусти-ка сегодня Федора со мной в лес, я посмотрю, что из него получится.
Пошли они. Дядя взял своего племянника и пошли в лес. Там они ходили, ходили. Говорит племянник дяде:
– Ой, дядя, какие тут пригожие сосны, срубить бы эти сосны и построить из них красивый дом.
Дядя говорит:
– Хорошо, пойдем сейчас домой.
Пришли домой, он и говорит брату:
– Этот твой сын будет крестьянином, так он там рассуждал. Завтра отпусти со мной второго сына.
Взял он второго сына. Ходили, ходили они по лесу.

Дядя отвел его туда, где растут одни березы. Племянник говорит:

– Дядя, если бы этот березняк срубить, если бы сделать подсеку, то выросла бы здесь хорошая рожь.

Дядя говорит:

– Из этого парня получится сеятель.

Пришли домой, дядя и говорит:

– Сегодня отпусти со мной Ваню, третьего сына.

Пошел дядя с третьим сыном в лес. Ходили, ходили по лесу. Видят: мужик ведет быка по дороге. Ваня говорит:

– Дядя, я украду этого быка.

– Как же ты украдешь?

– А вот украду.

Побежал вперед по дороге, сбросил с ноги сапог и пошел с дядей дальше. А старик идет со своим быком. Ведет, ведет быка. Сапог заметил:

– Ой, – говорит, – какой красивый сапог на дороге, да один, не возьму один сапог.

И пошел дальше.

А парень опять обошел его, забежал вперед и бросил на дорогу второй сапог. Старик идет с быком по дороге.

– Гляди-ка, – говорит, – тот я не взял, а тут второй сапог. Взял бы, так у меня были бы новые сапоги. Пойду-ка возьму тот сапог.

Привязал он быка к дереву и пошел за сапогом. Пошел за сапогом, да поди знай, где сапог-то был. Не помнит.

А тем временем Ваня отвязал и увел быка. Украл его. Старичок шел, шел по дороге – сапога нет. «Не знаю, где сапог. Не пойду дальше. Бык бы не сбежал». Вернулся – и сапога нет и быка нет.

Ну, хорошо. А дядя подкарауливал. Спрятался и видел, как парень увел чужого быка.

Дядя домой пришел, брату говорит:

– Вот что, братец, сын-то твой настоящий дурак. Не будет из него человека, подлецом он будет – у старика украл быка.

Ну, а этот парень говорит:

– Дядя, – говорит, – я украл быка, я один украл быка, я один и съем его.

– Да как ты один съешь его?

Пошли они в лесной стан. Развел Ваня огонь и начал в котле варить быка. Дядя сторожит.

– Дядя, ты жди не жди, а я быка сварю и один съем.

– Как же один быка съешь?

Пошел парень за стан и орет:

– Не я быка украл, дядя украл, не я быка украл, дядя украл!

Дядя и убежал из стана и мяса не поел. А парень сварил быка и съел один.

Пришел этот мужик домой и говорит брату:

– Братец, – говорит, – вот так и так, подлец он настоящий: украл быка, сварил и один съел.

Все.

Рассказала М. Микшина
(д. Ладва, Ленинградская обл.).
Записала в 1980 г. и перевела Н. Онегина

КАК ТРИ БРАТА ВЕПСА НАУЧИЛИСЬ ГОВОРИТЬ ПО-РУССКИ

Сказка

Давно это было. У мужика было три сына. Вся семья жила дома. Они совсем не умели говорить по-русски.

Как-то отец говорит:

– Сыновья, надо вам научиться говорить по-русски, а потом направлю вас куда-нибудь бурлачить.

Дал отец старшему сто рублей и направил в Питер учиться. Сын пошел туда пешком, потому что железных дорог тогда не было и по воде пароходы не ходили. В дороге прошло много времени, сын устал в пути, но все же дошел. Пришел он в Питер из деревни, все было незнакомо ему, но раз пришел учиться русскому, то надо научиться. Идет он между большими домами по длинным улицам. Догнал двух старушек, которые почему-то между собой твердили: «Мы, мы...» Услыхал он эти слова и подумал, что, наверно, так и говорят по-русски. Решил: «Я научился говорить». И в хорошем настроении пошел сразу домой. Всю дорогу твердит: «Мы, мы, мы, мы», чтобы не забыть.

Пришел довольный домой, отцу своему говорит:

– Я уже научился по-русски.

И твердит полчаса: «Мы, мы, мы, мы».

Отец обрадовался:

Ну, молодец, быстро ты научился говорить! Вот нужно еще научить двоих твоих братьев, и тогда все вместе пойдете бурлачить.

Отец дал среднему сыну сто рублей:

– Иди ты теперь научись говорить по-русски.

Пошел средний сын. Пришел в Питер, подходит к одному мосту, тут стоят два инженера и намереваются построить новый мост. Один из них говорит:

– Надо сделать обязательно.

– Конечно-дело, – говорит другой.

Этот парень услыхал слова «конечно-дело» и решил, что научился уже говорить по-русски. Быстренько побежал домой. Всю дорогу твердил эти слова, чтобы не забыть. Пришел домой довольный. Отец спрашивает:

– Как дела, сын, научился уже говорить? Ну-ка, как ты говоришь?

Сын начал твердить:

– Конечно-дело, конечно-дело, конечно-дело.

Долго твердил.

Ну, отец говорит:

– Надо и третьего сына, младшего, выучить.

Дал ему сто рублей, и тот тоже ушел.

Пришел в Питер к одной пивной и видит: городовые под руки ведут сильно пьяного мужика, тот кричит:

– За что? Ни по что! За что? Ни по что!

Ну, парень услыхал слова «за что, ни по что» и думает, что научился уже говорить по-русски. До самого дома твердил эти слова.

Пришел он к отцу домой и говорит:

– Папа, я хорошо научился говорить по-русски.

– Ну-ка, как ты говоришь?

Сын целый час твердил:

– За что, ни по что...

Отец доволен: научил сыновей говорить по-русски.

– Теперь идите в Питер бурлачить.

Сыновья собрались и пошли. Идут уже четыре дня. Вдруг видят мертвеца. Задумались: что делать с этим мертвецом? И решили нести его до деревни. Только они

хотели его поднять, идут полицейские. Подошли к ним и спрашивают по-русски:

– Кто убил?

Старший сын, научившийся говорить по-русски, говорит:

– Мы.

Полицейский спрашивает:

– За что?

Младший сын, научившийся говорить по-русски, говорит:

– За что? Ни по что!

Полицейский говорит:

– Вас надо арестовать.

Средний сын, тоже обученный, говорит:

– Конечно-дело!

Полицейские их забрали, и с тех пор отец не мог их найти.

Рассказал П. Сидорков
(с. Шокша, Прионежье).
Записали в 1937 г. и перевели Г. Власьев, П. Карпов

ВАНЬКА-ДУРАК ПРОДАЕТ БЫКОВ

Сказка

Жила как-то целая семья: отец, мать и три сына. Один дурак, а два других – умные. Мать и отец умерли, достались братьям три быка. Ну, что делать? Как быков прокормить? Зимой было дело. Ванька и говорит:

– А давайте, братья, продадим быков.

– Ну, продадим. А куда мы их отведем?

– А я найду место.

Взял он своего быка, отвел в лес на большой косогор и там привязал. А там было трухлявое дерево, засохшая такая сосна, верхушка-то отломлена. Он бьет по пню обухом да приговаривает:

– Дядя, купи бычка. – Сам же и отвечает: – Продай. – Сколько дашь? – Триста. – Когда деньги? – В Рождество.

Ну, оставил он там своего быка, а сам домой пришел. Братья спрашивают:

– Ну, Ванька, продал быка?
– Продал.
– А наших быков можешь продать?
– Пожалуй, могу.
Один из братьев говорит:
– Отведи сегодня моего быка.
Ванька опять повел быка в лес, привязал к тому же трухлявому дереву. Его бык уже съеден, одни кости оставлены.
– Дядя, купи бычка. – Продай, – сам он и отвечает. – Сколько дашь? – Триста. – Когда деньги? – В Рождество деньги.
Оставил он там быка. Пришел домой. Братья спрашивают:
– Продал?
– Продал.
– А где деньги?
– В Рождество будут деньги.
И второй брат говорит:
– А зачем мне быка кормить, кормить-то нечем, для чего мне его держать? Отведи и моего быка, Ванька.
Ванька повел быка. В лесу привязал к тому же трухлявому дереву. А там быка брата уже тоже нет, одни кости оставлены. Привязал к пеньку быка, стучит обухом да говорит:
– Купи бычка. – Продай. – Сколько дашь? – Триста. – Когда деньги? – В Рождество деньги.
Оставил там быка. Пришел домой. Брат спрашивает:
– Продал?
– Продал.
– А где деньги?
– В Рождество будут деньги.
Возле деревни стоит часовенка. У часовни встречается братьям поп и говорит:
– С Рождеством!
А они уже идут за деньгами. Пришли братья к тому дереву.
Ванька дубасит обухом по дереву:
– Отдай деньги, дядя, отдай деньги!
А братья его ругают:
– Какие тут тебе деньги: дерево трухлявое, сгнившее. Кто тебе здесь деньги отдаст?

Ванька до того дубасил по тому дереву, что вывернул его с корнем. Смотрят, а под корнем золото, золотые монеты. Полные мешки начерпали братья. И Ванька начерпал полный мешок. Немного снежком прикрыли и пошли домой. Дошли до поля, до часовни. Возле нее встретился им поп:

– Где вы, братья, были?

– А-а, где мы были...

И подумали братья: «Если пойдет поп по нашим следам, найдет эти деньги, нам они больше не достанутся. Перетаскает поп все наши деньги к себе». Что делать? Взяли они и убили попа, втащили на часовню, свои мешки с золотом на спину взвалили, домой пошли. Ваньке наказывают:

– Никому ничего не говори.

Пришли братья домой очень богатыми.

Минуло шесть недель. Попа ищут, ищут, нигде нет попа. Сорочины уже собрали, всех позвали, и этих братьев тоже позвали. Братья собираются да и говорят:

– Ты, Ванька, не ходи, мы без тебя пойдем, без тебя помянем, а тебе гостинцев принесем.

А Ваньке разве терпится? Народ за стол уселся. Ванька пошел туда же да и говорит:

– Здравия желаю, кого вы поминаете? Не того ли попа, которого мы убили?

Братья выскочили из-за стола, быстрехонько убежали. Была у них коза, они ее убили – и в часовню. Попа стащили, бросили в прорубь. А в часовне – коза мохнатая.

Там, на поминках, у Ваньки спрашивают:

– А когда вы попа-то убили, куда вы его дели?

– А мы бросили его на часовню.

Пошли проверять к часовне. Ванька поднялся на часовню и спрашивает:

– А у вашего попа борода была?

– Бороды не было.

– А какие ноги у него были? С копытами?

– Копыт у нашего попа не было, на ногах сапоги были.

– А рога-то были?

– У нашего попа рогов не было. Ванька, брось, опусти с часовни, мы посмотрим, какой там поп.

Ванька с часовни козу шарахнул вниз.

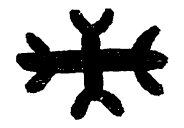
— Тьфу, тьфу! Ванькину болтовню послушаешь, так... Подите, поминайте попа, поп уже в козу превратился, коза тут.

Пошли опять поминать. Закончили сорочины.

А братья зажили хорошо: вытаскали себе все деньги. Живут все вместе, и Ванька с ними. Все.

Рассказала А. Калинина
(д. Пондала, Бабаевский р-н, Вологодская обл.).
Записала в 1981 г. и перевела Н. Онегина

Манси



ОТКУДА ЗЕМЛЯ НАЧАЛАСЬ*

Миф

Как землю выловили

Две гагары вниз слетели. Одна большая, другая малая гагарка. Со дна моря землю достать хотели.

Большая гагара в воду нырнула. Ныряла-ныряла – долго ныряла, коротко ныряла, – на поверхность выплыла. Ничего не принесла, дна не достала.

Тогда малая гагарка нырнула. Ныряла-ныряла, наконец наверх поднялась, тоже ничего не достала, до земли не дошла.

Большой гагаре гагарка говорит:

– Давай вместе нырнем!

Нырнули обе. Плыли-плыли, дыхание сдавило, назад вернулись. Выплыли, подышали немного и снова нырнули. Глубоко спустились, до дна все же не дошли, дыхание сперло. Снова вернулись. Выплыли, отдышались и в третий раз нырнули.

Долго спускались, наконец все-таки до дна дошли. Кусочек земли подхватили, в обратный путь пустились.

В этот раз уж очень долго гагары под водой пробыли. Дыхание у них так сперло, что, когда наверх выплыли, у большой гагары из груди воздух вырвался и кровь потекла. Оттого теперь у гагары грудь красная. У малой гагарки из затылка кровь потекла, и теперь у всех малых гагар затылок красный.

---

* В цикле «Откуда земля началась» собраны отдельные эпизоды мансийского мифа о сотворении земли и происхождении человека.

Землю на воду положили. Начала земля расти. Скоро с подошву величиной стала, а потом такой выросла, что человеку на ней лечь можно. И все больше и больше растет.

Как ворон землю мерял

На болотной кочке старуха со стариком жили. У старика белый ворон был. Земли всего лишь островок маленький, только юрточку поставить, а кругом вода. На месте земля не стояла: северный ветер подует, к южному морю ее погонит, с юга ветер поднимется, землю на север несет.

Старик из юрты своей не выходит, какая такая земля есть, не знает. Белого ворона однажды посылает:

– Землю кругом облети, хочу знать, намного ли она выросла.

Ворон полетел и вскоре вернулся. За то время, что летал он, котел рыбы сварить можно было.

Такой земля стала.

Жили-жили, опять посылает старик ворона посмотреть, на сколько земля выросла. Ворон землю всю облетел, через три дня лишь вернулся. Такой земля стала.

Еще сколько-то времени прошло. Старик ворону говорит:

– Землю кругом облети, хочу знать, намного ли еще выросла.

Улетел ворон. Зиму прожили, и вторая зима прошла, ворон все не возвращается.

Старик и ждать перестал: «Погиб где-нибудь ворон».

На третий год видит старик – летит какая-то черная птица. Это белый ворон почерневшим прилетел.

– Ну, где же ты летал?

– Я три зимы, три лета летал, насилу землю окружил. Ни одной речки, ни одного озера не пропустил.

– Пока летал, что сделал, почему почернел?

– Что сделал? Человек какой-то умер, я его съел. Оттого и почернел.

– Человека если съел, уходи прочь. Отныне ты сам зверей убивать, рыбу добывать не сможешь. Человек когда зверя убьет, там кровь подбирать станешь, а ничего не найдешь, голодным будешь.

Ворон улетел. Так и поныне живет.

Опоясывание земли

Иоли-Торум-Шань* на землю спустилась. Сверху-Идущая-Крылатая-Кальм на землю спустилась. На земле жить стали.

Однажды Иоли-Торум-Шань Сверху-Идущей-Крылатой-Кальм говорит:

– К Верхнему духу, отцу твоему, поднимись. Так ему скажи: «Кожистая земля наша все качается, на месте не стоит. Когда люди на ней появятся, как на ногах стоять смогут? Верхний дух, отец мой, землю нашу укрепи!» Может быть, поясом каким-нибудь он ее опояшет.

Сверху-Идущая-Крылатая-Кальм к Верхнему духу поднялась. В дом его вошла. Нуми-Торум за столом сидит, правой щекой о посох опирается.

Спрашивает он дочь:

– Сверху-Идущая-Крылатая-Кальм, какое ты слово принесла, с какой речью ко мне пришла?

Сверху-Идущая-Крылатая-Кальм отвечает:

– Нуми-Торум, отец мой, земля наша, как ни велика уже стала, а все еще движется, на месте не стоит. Человек, когда появится, на ногах устоять не сможет. Ты землю нашу укрепи, каким-нибудь поясом ее опояшь.

Верхний дух голову опустил. Пока так сидел, котел рыбы свариться мог.

Потом голову поднял. Дочери сказал:

– Я сделаю, как ты сказала, – землю опояшу.

Сверху-Идущая-Крылатая-Кальм из дома Верхнего духа вышла, обратно на землю спустилась.

Иоли-Торум-Шань ее спрашивает:

– С чем пришла, какую весть принесла?

Отвечает ей Сверху-Идущая-Крылатая-Кальм:

– Нуми-Торум, отец мой, землю укрепить обещал, сказал, что опояшет ее.

После этого Верхний дух пояс свой на землю спустил. Пояс его тяжелыми пуговицами украшен был. Земля в воду глубоко осела и неподвижной стала. На том месте, где пояс лег, теперь Уральский хребет. Это самая середина земли.

---

* Иоли-Торум-Шань или Калтащ-Эква – в мансийской мифологии – старшая сестра Верхнего духа, Нуми-Торума, олицетворения неба.

Как человека сделали

Сколько-то времени прошло. Опять Иоли-Торум-Шань Крылатую-Кальм посылает:

– Пойди к Нуми-Торуму, скажи ему: «Земля теперь крепко стоит, надо человека сделать, чтобы жил на ней».

Сверху-Идущая-Крылатая-Кальм к отцу своему пошла. Далеко ли, близко ли шла – кто узнает. Однажды пришла, Нуми-Торуму говорит:

– Землю ты укрепил. Теперь человека сделать надо.

Нуми-Торум голову поднял, на дочь посмотрел:

– Я человека сделаю и на землю спущу, а вы его там оживите.

Сверху-Идущая-Крылатая-Кальм ушла. Нуми-Торум тогда Тапал-Ойка* позвал, человека сделать ему велел.

Тапал-Ойка из лиственницы семь человеческих подобий вырубил. За это время Хуль-Отыр** семь человеческих подобий из глины слепил. Говорит Тапал-Ойке:

– Давай, братец, поменяемся, а?

– Нет, не буду меняться, – Тапал-Ойка отвечает, – твои люди глиняные, худые.

– Ну поменяемся, – Хуль-Отыр уговаривает.

– Не хочу своих людей отдавать, вон сколько я с ними бился.

– И я над своими поработал, – Хуль-Отыр говорит. – А ты души для них откуда возьмешь? Нуми-Торум тебе душ не давал.

Сидит Тапал-Ойка, голову почесывает.

– Верно, – говорит, – душ-то у меня нет. Ну, а ты моих деревянных людей живыми сделаешь?

– А то как же! Я их оживлю. А из глиняных людей пусть менквы*** будут.

Тапал-Ойка лиственничных людей Хуль-Отыру отдал, себе глиняных взял. Хуль-Отыр деревянные подобия взял, к Нуми-Торуму отнес. Нуми-Торум спинами к себе их поставил, дунул – куда девались? Тапал-Ойка руки расставил, да ни одного не поймал.

---

* Тапал-Ойка или Полум-Торум – младший брат (а по другим вариантам – сын) Нуми-Торума.

** Хуль-Отыр – младший брат Нуми-Торума, дух Нижнего мира.

*** Менкв (манс.) – лесной дух.

Тапал-Ойка затылок себе почесал. Глиняных людей взял, посмотрел на них. Что же? Глина, и только.

Говорит ему Нуми-Торум:

– Глиняных людей к сестре нашей, Калтащ-Экве, снеси. Корс-Торум* ей души для них отдал. Пусть она их и оживит.

Тапал-Ойка к Калтащ-Экве отправился.

Пришел, говорит ей:

– Сестра, этих людей оживить сможешь?

– Оживлю, – Калтащ-Эква отвечает, – только ты отсюда уходи.

Тапал-Ойка ушел. С тех пор, когда дети на свет появляются, мужчине при этом быть нельзя.

Глиняные люди живыми стали. Только век их недолог: глиняные руки, глиняные ноги куда годятся? В воду человек упадет – тонет, жарко станет – из него вода выступает. Из лиственницы сделанные люди крепче были бы и в воде бы не тонули.

Когда люди на земле появились, Сверху-Идущая-Крылатая-Кальм снова к Нуми-Торуму пошла.

Сказала ему так:

– Вот люди на нашей земле появились. Теперь скажи, чем кормиться они станут, от холода тела свои чем прикроют?

Нуми-Торум голову опустил, долго думал.

Потом так ответил:

– Сверху-Идущая-Крылатая-Кальм, обратно на землю иди. В тайге, в лесной чаще, много сохатого зверя будет, на болота я оленей пущу. Там они жить станут, себе пищу искать, а люди туда на промысел пусть идут.

Сверху-Идущая-Крылатая-Кальм на землю спустилась. Иоли-Торум-Шань ее спрашивает:

– От отца своего какое слово принесла?

– Сказал так Нуми-Торум: «В тайгу, в чащу лесную, в болота сохатых зверей и оленей пущу. Люди пищу себе промышлять туда пойдут».

Рассказал К. Сампильталов
(пос. Янымауль, Остяко-Вогульский округ).
Записано в 1934 г.

---

* Корс-Торум – высший дух, мифический хозяин второго, Верхнего мира, отец Нуми-Торума.

МОЩНЭ И ПОРНЭ

Сказка

Женщины Мощнэ и Порнэ живут вместе одни в деревне.

Мощнэ съездила за реку. Она съездила так: подошла к берегу и сказала:

– Мои два зверя, черный и рыжий, быстро выплывайте из-под воды!

Выплыл на поверхность воды ее черный (приятный) зверь, она села на его спину и переплыла на ту сторону реки. Вышла она на берег и идет потихонечку, смотрит вперед: стоит один дом. Она вошла в этот дом, там сидит одна старенькая женщина.

– А ну, внучка, – говорит старушка, – почини ты мне мою шубку.

И вот та ее внучка начала чинить шубку. А бабушка варит пищу. Эта пришедшая женщина ничего не говорит, она лишь просто так иногда поглядывает в ту сторону.

У бабушки пища в котле сварилась, она ее сняла (с огня), поверхность (супа) покрыта жиром, застыл там жир.

И затем она говорит:

– Внучка, поищи ты у меня в голове. Внучка, ты скажи так: твой огромный нос – словно нос берестяной маски.

– Вот уж зачем ты так говоришь, милая бабушка, твои черты лица когда-то в молодости были мелкие и аккуратные.

– Внучка, скажи, пожалуйста, так: твои руки словно лопаты, которыми разгребают горячую золу.

– Ну, бабушка, зачем так говорить, милая, ты когда-то была женщина с маленькими аккуратными руками и ногами.

Она опять продолжает искать в голове. Затем кончила искать в голове и собралась уходить.

– А ну, внучка, иди, там стоят два амбара на ножках, один новый амбар, а другой старый. Ты заходи в старый амбар, на одной стороне амбара стоят новые ящики, а на другой – старые ящики. Из старых ящиков ты возьми один ящик.

И пошла она, подошла к амбарам на ножках, вошла в старый амбар, взяла один ящик из старых ящиков и пошла к берегу, и снова зовет она к берегу тех своих зверей:

– Выплывайте мои черный и рыжий звери!

Ее звери выплыли на поверхность. Снова она села на спину своего черного зверя, и он везет ее. Он ее переправил на ту сторону, а она тащит ящик домой, принесла домой, открыла она свой ящик: там сидит один какой-то невзрачный мужчина!

И живут, мужчина стругает какие-нибудь кусочки дерева (и летят щепки), он делает стрелу и лук. Однажды зашла Порнэ, говорит:

– Милая Мощнэ, оказывается, у тебя есть муж, эти щепки похожи на то, что их стругал мужчина.

– Нет, эти щепки я сама стругала.

И начали они там спорить. И вот Порнэ выбежала на улицу, видимо, она о чем-то догадалась. Она побежала на берег, говорит:

– Черный зверь, рыжий зверь, выплывайте!

Она села на спину рыжего зверя, он ее то погружает в воду, то поднимает на гребень волны, так и качает. И вот вышла она на берег и тоже пошла по лесу, вышла к дому, как и та, прежняя, женщина. Вошла в дом, видит: сидит одна старушка.

– Внучка, почини ты мне мою шубку.

Дала ей тут же шубку, и шьет эта Порнэ, но шьет она неаккуратно. А бабушка варит еду в котле.

А та все продолжает шить. Наконец она кончила чинить шубку, и котел сняли с огня, как и прежде котел покрыт жиром. И они начали есть пищу.

Поели пищу, кончили, бабушка говорит:

– Внучка, ты поищи в моей голове! Внучка, скажи, пожалуйста, так: бабушка, глаза твои выглядят так, что вот они кого-нибудь уничтожат! Словно вот они съедят кого-нибудь, вот они пропьют кого-нибудь.

– Да! И правда! – говорит пришедшая женщина.

– Внучка, скажи так: руки твои огромные, словно лопаты, которыми разгребают золу в очаге.

Та ей снова сказала:

– Да, и правда так!

И вот сейчас женщина собралась уходить.

– Ты сейчас пойдешь, там стоят два амбара на ножках. Ты не залезай в старый амбар, залезай в новый амбар, из новых ящиков ты возьми один ящик!

Этой женщине что еще нужно! Она обрадовалась,

пришла к амбарам. Как ей сказали, так и взяла. И пошла к берегу, те самые звери снова выплыли из-под воды, она села на спину рыжему зверю, снова ее то поднимает, то опускает на волнах. Она вышла на берег, внесла в дом ящик, открыла его, оказывается, там огромная змея! Змея свернулась там и лежит. Так живут, и змея ее всю высосала. Так исчезла с лица земли эта женщина Порнэ. А женщина Мощнэ со своим милым мужем и поныне блаженствуют, и поныне живут.

Рассказала М. Ромбандеева
(д. Хошлог, Ханты-Мансийский н. о.).
Записала в 1958 г. Е. Ромбандеева

СКАЗКА ОБ ЭКВА-ПЫРИСЕ

Старуха со стариком живут. Долго жили, коротко жили. После того как состарились, старуха родила сына. Человек песни, человек сказки вырос. Стал человеком сильным, как зверь. Стал похаживать по городской улице.

Пришел под окно царского дома. Царем был замечен: «Эква-Пырись похаживает!»

Царь спросил:

– Эква-Пырись, куда ходил?

– Я ходил искать место для найма.

– Эква-Пырись, нанимайся ко мне. Я тебя найму. Эква-Пырись, умеешь лошадей поить? Умеешь лошадей сеном кормить? Умеешь конюшню чистить?

– Что ты говоришь, все умею.

Царь нанял Эква-Пырися в работники. Царь Эква-Пырисю дал бумагу: «Завтра приходи».

Эква-Пырись пошел домой, пришел домой. Отцу своему говорит:

– Я к царю нанялся.

Мать его говорит:

– Зачем ты нанялся? В виноватые попадешь.

– Нет, я не попаду! Я завтра утром пойду.

Утро настало, пошел. Пришел в дом царя.

– Эква-Пырись, пришел?

– Пришел.

– Вот твое место для жительства.

Эква-Пырись стал работать. Работает очень хорошо.

Царь делает через реку мост. Мост через реку сделать не может. Как только до середины реки дойдет – мост рушится. Народ там увечится и течением уносится. Эква-Пырись у царя спрашивает:

– Бог мой батюшка, царь мой батюшка! Схожу я сегодня домой?

– Можно сходить.

Эква-Пырись пошел домой, пришел. Говорит своей матери:

– У меня болит голова.

Его мать говорит:

– Может быть, вино пил, потому и болит?

– Нет, я не пил.

– Может быть, ругают?

– Нет, у меня голова вот почему болит: царь мост делает через реку, да сделать не может, а там народ увечится и течением уносится. Наймусь в распорядители мост делать.

– Нельзя, в виноватые попадешь.

– Нет, я не попаду.

Эква-Пырись пошел. Пришел в конюшню. Там он заснул.

Пришел царский десятник:

– Эква-Пырись, тебя царь звал.

– Иду.

Пришел к царю. В дверях стоит. Царь говорит:

– Иди сюда.

Эква-Пырись к царю подошел. Царь расспрашивает Эква-Пырися:

– Эква-Пырись, как надо мост делать?

– Не знаю. Ты мне дай-ка ту толстую книгу.

Царь дал ее. Эква-Пырись читает.

– Теперь я смогу сделать. Если мне дашь три лошадиные нарты, полные золотых денег, сделаю.

Царь протянул свою руку:

– Дам.

Эква-Пырись пошел. Делал мост десять дней – и мост готов.

Пошли к царю, к царю пришли. Эква-Пырись стал говорить царю:

– Работайте, люди! – говорю я. – Работайте, люди! Как я говорю, так и делайте. – Потому и быстро успели.

Царь Эква-Пырисю дал три лошадиные нарты, полные золотых денег.

Эква-Пырись пошел. Пришел домой. Отцу своему говорит:

– Купи нам дом, чтобы жить.

Дал своему отцу мешок денег. Отец пошел. Долго ходил, коротко ходил. Пришел.

– Я дом купил – дом высотой в два этажа.

Эква-Пырись пошел опять в ту же конюшню. Когда он находился в конюшне, к нему пришел главный царский человек:

– Эква-Пырись, тебя царь звал.

Пошел к царю. К царю пришел. В дверях стоит. Смотрит: приехал какой-то незнакомый царь. Незнакомый царь к Эква-Пырисю подходит:

– Эква-Пырись, садись к нам. Надо немного с тобой о деле поговорить.

Эква-Пырись сел. Стал с царем чай пить. Другой, незнакомый царь ему говорит:

– У меня к тебе дело.

Эква-Пырись отвечает:

– Можно, какой разговор у тебя? Можно говорить.

– У меня такой разговор. Семь лет стало, как заболела моя дочка, которая теперь находится в доме без огня, без воды. Может быть, ты ее сможешь вылечить.

– Да, посмотрю, может быть, смогу.

Эква-Пырись пошел домой. Дал отцу своему денег.

– Купи мне хорошую рубашку, хорошее пальто, хорошие сапоги. Я пойду в землю другого царя.

Отец его сходил. Купил сапоги, рубашку и пальто. Эква-Пырись оделся. То ли природный герой, то ли природный богатырь! Эква-Пырись пошел к другому царю. Пришел к царю. Пошли вместе в землю другого царя. Эква-Пырись смотрит вдаль. То ли божий город, то ли царский город виднеется. Пришли в царский город. Вошли в царский дом. Царь приготовил стол – стол с пьяной едой, с медовой едой. Во время еды и питья разговаривают.

– Как надо мою дочь лечить? Дам денег, сколько ни попросишь.

– Я посмотрю и решу, как нужно лечить.

Смотрит на часы и говорит:

– Я схожу.

Эква-Пырись разделся. Царь смотрит – у Эква-Пырися белая одежда. Эква-Пырись пошел к царской дочери. Пришел к царской дочери.

– Здравствуй! Здравствуй! – и третий раз сказал: – Здравствуй!

Царская дочь стала смотреть.

– Ты кто?

– Я Эква-Пырись.

Царская дочь говорит:

– Прошло семь лет, семь зим, как я тебя жду. Я потому притворялась больной – батюшка мой отдавал меня сыну другого царя. Чтобы дождаться тебя, я притворялась больной. Ступай к моему отцу и принеси дорогой еды. Я, – говорит, – есть хочу.

Эква-Пырись пошел к царю.

Царь говорит:

– Ну, как, лечить можешь?

– Могу. Ты мне дай всякой-всякой дорогой еды.

Царь дал. Эква-Пырись пошел. Пришел к царской дочери. Приготовили стол с пьяной едой, медовой едой. Во время еды и питья царская дочь говорит Эква-Пырисю:

– Пусть будешь ты мне супругом, назначенным Богом. Сходи, принеси мои одежды. Скажи так: «Дочь твоя просила свои одежды». Проси мое именинное платье, что находится у моей матери.

Эква-Пырись пошел. Пришел к царице.

– Дочь твоя просила свои одежды. Так говорит: «Пусть матушка моя даст мои именинные платья, что у нее находятся».

Ее мать поспешно отыскала их. Дала Эква-Пырисю. Эква-Пырись пошел. Пришел к царской дочери. Царская дочь умылась и оделась. То ли природная героиня, то ли природная богатырша! Они целовались, обнимались. Взявшись под руку, они идут к царю.

Пришли к царю.

– Царь мой батюшка, царь мой отец. Вот мне Богом назначенный супруг.

Царь сидит с поникшей головой:

– Пришелся по мысли тебе, пришелся по мысли и мне.

Услышал другой царь, что царскую дочь отдали за другого человека. Послал тому царю письмо: «С этого дня на третий день придем к тебе войной».

Царь испугался:

– Как такое дело нужно сделать?

Эква-Пырись говорит:

– Такое это дело! Можно раздавить большим пальцем и ладонью. Царь мой отец, царь мой батюшка! Дай мне такую лошадь, чтоб меня повезла. Я один пойду воевать.

Царь выводит лошадь. Эква-Пырись надавил своей рукой спину лошади, спина у лошади переломилась.

– Я пойду пешком воевать.

Долго шел, коротко шел. Царь вслед за ним послал войско. Как сможет один человек воевать?

Эква-Пырись смотрит вдаль: войско идет. Протягивает руку вверх:

– Я буду воевать с вами.

Войско подошло близко.

– Как один ты сможешь с нами воевать? Во главе войска идет тот самый человек, который сватался к твоей жене.

Пришли к тому человеку.

– Что ты за человек?

– Я – Эква-Пырись.

– Если так, то сделаем мировую. Мы пойдем по домам. Я о тебе около двух-трех лет тому назад слышал.

Начальник войска кричит своим воинам:

– Мы назад идем.

Большая половина кричит:

– Стыдно нам. Встречаем одного человека и домой повертываем. Не пойдем.

Царский сын дал Эква-Пырисю руку:

– Больше никогда не придем войной.

Царский сын говорит:

– Пойдемте домой.

Пошли домой. Половина войска осталась. Эква-Пырися кругом охватили. Эква-Пырись вынул из кармана платок и махнул им: то ли лошадь явилась, то ли зверь явился! Эква-Пырись сидит на спине лошади. Саблю протянул вверх.

– Если хотите воевать, будем воевать.

Эква-Пырись начал сражаться. Рубил семь ночей, рубил семь дней. Одного человека оставил. Тому человеку говорит:

– Придешь домой, скажи царю, какого вида был Эква-Пырись.

Человек пошел домой. Пришел в божий город, в царский город. Он пришел, царь на улицу вышел. Весь народ туда собрался.

– Я имею дело. Эква-Пырися кругом охватили. У Эква-Пырися не было лошади. Стали смотреть: у Эква-Пырися и лошадь и большая сабля. Понесся, весь народ перебил. Мне так говорит: «Придешь к царю и скажи, какого вида был Эква-Пырись».

Царский сын говорит:

– Говорил я вам – всем нужно идти домой. Тебя также надо было убить. В течение трех лет я ведь знал его.

Эква-Пырись пришел к тестю. Эква-Пырись говорит:

– Войны больше не будет.

Другой царь говорит сыну:

– Я схожу к Эква-Пырисю руку подать. Если руки не дадим, он придет к нам, город наш, как водой, смоет.

Царь пришел в царский город. Царский помощник говорит:

– Царь пришел.

Эква-Пырись говорит:

– Пусть входит.

Царь вошел. Царь расспрашивает:

– Где Эква-Пырись?

Эква-Пырись говорит:

– Я.

Царь подошел к нему, поклонился в землю, дал руку.

– Я тебе руку даю. Когда нужны будут деньги, я тебе дам. У меня есть тридцать амбаров, вместе соединенных, полных золотых денег, тридцать амбаров, в один ряд соединенных, полных серебряных денег, тридцать амбаров, в один ряд соединенных, полных медных денег. Попадешь в какую-нибудь нужду-беду, я тебе денег дам.

Царь простился и пошел.

Долго жил, коротко жил Эква-Пырись. Говорит:

– Царь мой батюшка, царь мой отец! Настала пора мне идти.

– Ладно, – говорит.

Царь для своей дочери приказал снарядить лошадиный обоз: конца ему не видно. Эква-Пырись собрался идти. С царем целуются и обнимаются.

Эква-Пырись пришел в божий город, в царский город, в котором сам он жил. Идет под окнами царского дома. Царь спрашивает:

– Эква-Пырись, чей это обоз?

– Это мой обоз.

Эква-Пырись пришел домой. Сделал большую свадьбу, чтобы всей деревне наесться, чтобы всему городу наесться. В доме люди не помещаются, – на площади столы приготовили; на площади люди не помещаются, – домой еды давал и вина давал. Семь ночей ели, семь дней пили.

Царь послал помощника своего к Эква-Пырисю. Пришел он к Эква-Пырисю.

– Эква-Пырись, тебя царь с женой в гости звал.

Пришел к царю. Едят пьяную еду, медовую еду. Когда они ели-пили пьяную еду, медовую еду, царь говорит:

– Эква-Пырись, садись ты царем, я буду помощником. Завтра соберу народ.

На другой день весь народ собрался вместе. Царь своему народу говорит:

– Пусть Эква-Пырись садится царем в нашем божьем городе, в нашем царском городе, в этой обитаемой нами земле. Я буду помощником.

И теперь в счастье и в благополучии живет Эква-Пырись.

Рассказал П. Яркин.
Записал и перевел А. Баландин

ИВЫР

Сказание

Евра – лесные болота
в непроходимых урманах*,
где длиннорукие кедры
землю от солнца закрыли,
где медноострая хвоя –
как вековая подушка,
где на березе берёста
белого снега белее.
Реки текут, не мелея,
сосны стоят, не желтея,
вечно прозрачны озера –
в крае, пойдут о котором
наши рассказы. О древних
людях, событьях, деревнях.

Евра – святая округа,
речками вся перевита,
нитками тропок прошита,
в песнях народных воспета,
в сказки, в легенды одета.
С прошлых времен и поныне
добрые духи и злые
в рощах, озерах и в реках
рядом с людьми проживают.
Добрые – жизнь охраняют,
злые – живому мешают.

Тысячу лет или больше
здесь обитали лесные
мирные, тихие люди –
их называли «вогулы»,
«манси» они назывались.
В темных урманах скрывались,

* Урманы – хвойные дебри на болотах. *(Здесь и далее комментарии А. М. Коньковой.)*

в топких болотах таились,
зверя, как пращуры, били,
рыбу, как предки, ловили.
Так бы, наверно, и жили...

Так бы и жить им, но с юга
конные ханские люди
в лес приходили за данью:
стойбища манси зорили,
шкуры и мех отбирали,
в плен молодых уводили,
а стариков убивали.

Вот и однажды зимою,
только промерзли болота,
чащи доступными стали.
И по ручьям, как по тропам,
ханские конные люди
снова явились. Так много
было их, что закрывали
белую землю собою;
если же стрелы пускали,
солнце тогда затмевали...
Манси готовились к бою.

Манси навстречу пришельцам
вышли и тоже пустили
точные, звонкие стрелы.
Враг отвечал. И над лесом
сонмище стрел закружилось:
больше, чем листьев на иве
и комаров на болоте.
Стрелы, свистя, пролетали –
сердце живое искали,
а, попадая друг в друга,
сами себя расщепляли.

Битва семь дней не стихала
и семь ночей не стихала.
Месяц семь раз подымался
в черное, грозное небо –
был он то бледным, то тусклым,

больше же красно-кровавым –
ото всего, что увидел.
Видел еще он, что мало
манси, врагов же несчетно,
да и еще прибывало –
резало, жгло, убивало.

Вспыхнуло стойбище, словно
хвороста куча. Пришельцы
всех, кто оружье держали,
поубивали. И чтобы
манси навеки исчезли,
стали и малых детишек
резать. Повсюду искали
и находили. Сверкали
лезвия вражеской стали.
Все, все, кто двигался, пали...

Мальчик и девочка только
в стойбище том оставались –
месяц увидел их сверху,
на землю тотчас скатился.
Взял тех сирот и поднялся
в небо – и скрыл их, несчастных,
в мягких, как мох, непроглядных
тучах...
С тех пор, если смотрят
манси на месяц, то знают:
дети их там обитают –
землю людей вспоминают.

Манси сражались. И кедры
тоже с врагами боролись –
землю от стрел защищали.
Острою хвоей кололи
лица врагам – потому-то
иглы росли, удлинялись.
Ну, а кора, где втыкалась
ханская сталь, запекалась
смолкою... Так и осталось.

Вот что запомнили люди,

вот что для нас сохранила
памяти добрая сила.
Было давно это. Было
въяве, хоть время промчалось.
Жизнь же на том не кончалась.

* * *

Так уж случилось, что прежде,
чем набежали пришельцы,
Па́ламей, смелый подросток,
вышел в тайгу. Если раньше
был как помощник, то нынче
шел он один на охоту
и как добытчик – впервые.

Долго он гнался за лосем
то по чащобе, то речкой,
но скараулил, спроворил.
Тушу оставил на месте,
а вот с печенкой и сердцем
и с головою лосиной
шел он домой. Размечтался:
«Сварят печенку и сердце,
сварят и голову лося
женщины наши. И сядут
наши охотники кругом,
и пригласят меня к мясу.
Станут расспрашивать, где я,
как я свалил великана.
Я расскажу по порядку.
Тут и свершится обычай:
старые манси мне скажут,
что я не мальчик отныне,
а – настоящий охотник...»
Но – вместо стойбища пепел
Паламей встретил. Безлюдье.
Пусто на месте становья.
Пусто вокруг. Стон раздался –
выполз старик из укрытья,
добрый и тихий Петотка.
Бросился Паламей к деду:

«Что с тобой сделали? Как же
ты уберегся, Петотка?»

Поднял пустые глазницы
старый Петотка: «Напали.
Били. Потом ослепили.
И позабыли, должно быть...
Нам тут нельзя оставаться –
вдруг возвратятся злодеи?
Нам уходить с тобой надо
тропами к дальним болотам».

Обнял парнишку Петотка,
за руку взял, чтоб держаться,
стал вспоминать, где какие
речки, ходы, переправы, –
так они двинулись вместе,
старый и малый. Урманы
их в своих дебрях укрыли
и тишиной врачевали,
вьюга их след заметала...

Сколько прошли, неизвестно,
только Петотка вдруг замер.
«Дедушка, ты не устал ли?»
«Нет, – отвечал. – Ты послушай,
вроде бы плачет ребенок
в тех кедрачах, за увалом...»
Паламей бросился в чащу –
и в тесноте ее темной
белую пайву* увидел.
Пусто. Подвешена кем-то,
на одинокой лесине
пайва, как зыбка, качалась.

Пайву они приоткрыли,
в пайве той – заячьи шкурки.
Шкурки они развернули,
видят, там – крохотный мальчик.

* Пайва – берестяной кузов с лямками для ношения за спиной.

«Ай-ё, – заплакал Петотка, –
это ведь мать молодая
знала о гибели рода –
вот и доверила лесу
малое зернышко жизни...»

Вдруг появилась собака:
шла, ви́дно, следом за ними.
Вот в отдалении стала
и недоверчиво смотрит.
В пасти щенка она держит –
тот обгоревший, как уголь,
видно, что оба с пожара...

Что-то знакомое было
в этой несчастной собаке –
тощей, безумной от горя.
Паламей суку окликнул:
«Халь»...* Но она отбежала.
«Пусть. Если справится с болью,
к людям вернется». Петотка
мальчика взял. И бедняги
двинулись дальше в дорогу.
В пайве ребенок то плакал,
то замолкал, будто чуял:
жить ему, видно, недолго.

Сколько прошли, неизвестно.
Стало смеркаться. Но снова
вдруг появилась собака.
Где-то щенка схоронила.
Долго скулила, ласкаясь.
Паламей суку огладил,
вычесал снежные комья
из обвалявшейся шкуры.

Халь отзывалась на кличку,
ластилась к людям. Петотка
стал ее гладить – наткнулся

* Халь – березка.

на неживые, как зубья
граблей, сосцы. Надавил их –
брызнула млечная жидкость:
«Паламей, вынь-ка ребенка,
может, спасем их обоих...»
Халь облизала мальчишку
и к молоку подпустила –
и успокоились оба:
и сирота и собака.

После еще они долго
шли... только позднею ночью
вышли к заветной избушке.
Спать повалились. И спали,
не просыпаясь, до света.
Утром Петотка на ощупь
печь растопил и натаял
снегу для чая, взывая
к духам окрестного леса,
чтобы детей пожалели,
чтобы в беде помогали.

Паламей тоже проснулся,
но не от тех заклинаний,
а оттого, что мальчонка
на ноги встал и прошелся –
шел по локтям и ладоням,
будто в болоте по кочкам:
так удивительно вырос!

Стали придумывать имя
мальчику. Паламей вспомнил,
как поднимал его кверху
сильный отец, как в могучих,
теплых ладонях взмывал он
к вечному синему небу...
«Можно мне звать его Ивыр? –
так мы отца называли...»
«Можно, – ответил Петотка, –
предка достойного имя
названного осчастливит...»

Ивыр так Ивыр... Но рос он
много быстрее, чем травы,
много быстрее, чем листья,
даже быстрее дыханья,
даже быстрее движенья...
Скоро помощником стал он,
скоро опорою стал он,
вскормленный сукой подкидыш:
если за зайцем бежали –
Паламей тщетно старался
первым за хвост подержаться,
если на кедр залезали –
Паламей тщетно старался
первым коснуться вершинки.

Так проживали в избушке
на безымянном болоте
дети, слепец и собака.
Верили в духов, боялись
дыма чужого, страшились
тайных набегов, не знали,
кто обитает в округе:
то ли хорошие люди,
то ли недобрые люди, –
так в отдаленное время
жили все древние манси –
тихо, как звери лесные.

Вдруг незаметно исчезла
Халь – как ее ни кричали,
не докричались... И стало
жить им совсем одиноко.
Ну а потом, как обычно,
дни побежали за днями.
Много прошло их: однажды
Халь возвратилась. С собою
масти почти золотистой
пса привела: словно солнце
в темную избу вкатилось.
Не было пса – это точно! –
в стойбище бывшем, не знали,
был ли такой у соседей, –

и потому испугались.

«Может, от добрых хозяев,
может, от злых он пришел к нам, –
вслух размышляя, Петотка
так говорил. – Не гоните,
пусть он у нас обживется.
А из губы лиственничной*
сделайте-ка человечка.
Сделав, оставьте незрячим
и, обернувши берёстой,
псу привяжите на шею:
это – знак бедствия, знайте,
это – как весточка людям...»

Вновь замелькали мгновенья,
дни потянулись за днями.
Только лишь пса с человечком
к людям отправили, ночью
снова напасть: заявился
в гости медведь. Он взобрался
на ненадежную крышу,
стал расковыривать кровлю,
чтоб до живого добраться, –
так шатуны поступают,
если им голод несносен.

Ужас подкрался к Петотке
и приковал его к месту,
Паламей сел от испуга,
Халь-соболятница в страхе
в угол под лавку забилась.
Только лишь Ивыр не струсил,
с криком: «Боюсь тебя, страшный!» –
вытащил старую пайву
из-за трубы и взобрался
к зверю на крышу. Медведю
на́ уши пайву надвинул,
да как ударил по донцу

* Лиственничная губа – нарост на коре лиственницы.

и закричал: «Если ходишь,
то – по медвежьим тропинкам,
а по людским не старайся!»

Рявкнул медведь оглушенный,
до смерти сам испугался,
бросился прочь без оглядки –
в лес... И поныне в урманах
манси, встречая медведя,
в пайвы стучат – и береста
гулко гремит, а косматый
так и бежит без оглядки
в страхе, почти первородном.

После, когда поостыли,
Ивыра спрашивать стали:
«Как же ты не убоялся,
как же рискнул – на медведя?..»
«Мне надоело бояться,
жить я хочу, – он ответил, –
чтобы ни зверя, ни птицы
и никого не страшиться...»

Старый Петотка огладил
Ивыра, чтоб убедиться,
что перед ним уж не мальчик,
а настоящий охотник:
«Смелому сухо и в ливень,
в холод тепло, ну а в бурю –
вовсе легко» – так подумал
мудрый слепец. И добавил:
«Стужи и зноя не бойся,
духов и зверя не бойся.
Если крылатым родился,
то и взлети выше леса –
будь властелином простора...»

День или два промелькнули –
и появился хозяин
пса золотистого: понял
знаки беды и на помощь
тут же пришел... Оказалось,

стойбище – неподалеку,
в нем – соплеменные манси.
Долго просил их владелец
пса золотистого, чтобы
Паламей, Ивыр, Петотка
бросили эту избенку,
чтобы они разделили
с ним и еду и дорогу
до безопасных становий,
чтобы, как равные, жили
в стойбище – пусть не родимом,
но не враждебном... Так вышли
из лесу три погорельца –
и средь людей поселились:
в мир их вошли и в заботы,
дни и труды разделили.

* * *

Вырос, как деревце, Ивыр –
стал крепконогий, плечистый.
Рыбная ловля, охота –
труд вековечный – подростка
выровняли, закалили,
сделали юным мужчиной.
Холода он не боялся,
уши под шапку не прятал:
гордо носил смоляные
кудри. И в самую стужу
не надевал рукавицы:
пальцы, привыкшие к снегу,
крепко держали оружье,
не примерзали к железу.

Стал выше дерева Ивыр,
стал силачом и красавцем.
Строен, как кедр. Смуглолицый.
Быстр, будто ветер. Веселый.
Черные, будто озера
в бурю, глаза его были:
зоркой, глубинною силой

так и сияли. А брови,
выпуклый лоб оттеняя,
как два бобра, к переносью
в смехе и в гневе сходились.
Плечи – как скалы над речкой:
мышечной мощью пугая,
силою камня дышали.
Сам среди сверстников Ивыр –
будто бы лось меж оленей,
будто бы кедр меж сосенок –
кедр трехсотлетний, могучий,
в самую пору расцвета.

Дело охотника – ловли,
стрелы, погони, засады,
петли, капканы, загоны...
Дело охотника быстро
Ивыр удачливый понял –
зверьи повадки изведал,
тайны лесные усвоил.
Если иные с охоты
в дом возвращались пустыми,
то узнавали: «А Ивыр?..»
Ивыр всегда был с добычей.

«Как же без лука и стрел ты
столько всегда добываешь?» –
спрашивать стали.
Им Ивыр
так отвечал, улыбаясь:
«Соболя с ветки снимаю,
лося валю за рога я,
лис на бегу я хватаю...»
Верили Ивыру люди.
Как же не верить, коль реки
были ему не преградой,
коль не тонул он в болотах,
коль проходил буреломы
словно по тропочке торной?..

Хоть приносил он с охоты
много пушнины и мяса,

но на ясак* уходило
тоже немало – ведь манси
были обложены данью:
каждое племя платило
грозному хану степному.
Только за что, неизвестно...

Но, как и прежде, зимою,
лишь позамерзнут болота,
конные ханские люди
снова приходят с побором,
снова и снова приходят –
требуют больше и больше.

Вот и опять появились –
дальние стойбища грабят:
весть эта всех облетела...
Вольнолюбивые манси
стали натягивать луки,
стали затачивать стрелы –
новою битвой запахло,
смертью повеяло... Ивыр
остановил торопливых:
«Лучше останьтесь-ка дома,
старых и малых кормите,
я же один постараюсь
справиться нынче с врагами».

К дальнему стойбищу Ивыр
соболем юрким прокрался,
видит: враги там лютуют –
грабят пушнину, одежды
с плеч меховые срывают,
юношей сильных уводят,
девушек нежных бесчестят,
а стариков заставляют
аж догола раздеваться
и истязают плетьми их...
Вопли. Огонь. Разоренье.

* Ясак – подать натурой: мехами и прочим.

Бросился Ивыр к злодеям –
сбил одного и другого,
третьего ткнул, а четвертый
сам повалился на землю.
«Кто вы такие? – вскричал он. –
Кто вас послал?..» Отвечали:
«Люди мы грозного хана.
Хан Златоверхая Шапка
с данников требует дани...»

Тут подошли остальные
ханские люди – обстали
Ивыра. Видят, один он.
Что он один против войска?
Битые встали, все вместе
вскинули луки тугие;
стали смеяться, браниться,
целиться в Ивыра стали.

Ивыр стоит, улыбаясь,
видит, что взят в окруженье,
но изготовился к схватке
и не боится каленых
вражеских стрел. Засвистели,
вскинулись тучею стрелы –
каждая в Ивыра метит.

Он от одной отмахнулся,
а от другой уклонился,
третья прошла мимо цели,
а остальные руками
Ивыр хватает, хватает –
треск от ломаемых древков
густо стоит над округой.
Будто бы снежные хлопья
в бурю – так стрелы закрыли
Ивыра сплошь. Но бессильны
острые ханские стрелы.
Ивыр их ловит, как мошек,
Ивыр их мнет и ломает,
так что обломки их густо
землю усеяли. Сам он

был по лодыжку в обломках,
после – уже по колено,
после – по пояс... но стрелы
кончились у нападавших.
Время схватиться за копья.
Луки отброшены. Копья
целятся Ивыру в сердце –
снова враги подступают.
Но ведь и Ивыр не промах –
выломал с корнем сушину
и закрутил над собою.

В смертное это крученье
кто ни попал, все пропали...
Много врагов уложил он,
а остальных же рассеял:
так побежали ретиво,
что и не чуяли в беге,
где у них пальцы, где пятки.
С чем приходили – забыли...
Как-то их встретит кровавый
Хан Златоверхая Шапка?

В стойбище Ивыр вернулся,
просто сказал: «Научил их,
как приходить к нам с войною...»
Вындыр, старейшина рода,
сход объявил и поведал
всем, кто собрался: «Я – старый,
многое мне не под силу.
Зверь наш врагами распуган,
рыбу мы выбрали сами
всю из озер и речонок.
Надо искать, где кормиться,
надо искать, где селиться, –
пусть вожаком будет Ивыр.
Думаю, он вам – нужнее...»

«Пусть вожаком будет Ивыр!
Он наш спаситель! Пусть будет!» –
радостно люди вскричали:
жизнь и надежды на счастье

в грозном изменчивом мире
крепко связали отныне
с Ивыром. Смелый охотник,
воин отважный людские
души притягивал: было
столько в нем чести и силы,
доблести и благородства,
что его все полюбили.

Но, как вожак, был обязан
Ивыр подумать о людях:
женщинах, детях и старцах.
Вот потому и пошел он
в дальнюю даль, чтоб разведать
полные рыбою реки,
полные зверем долины,
к жизни пригодные рощи...

Ивыр нисколько не медлил,
вышел в свой путь беспримерный:
как и всегда – в одиночку.

* * *

Долго ходил по урманам.
Там и нашел он угодья,
полные зверем и рыбой.
И на угоре над речкой
начал настраивать избы,
чтобы зимою по снегу
прикочевать – поселиться
родичам всем в новодельных
теплых домах и домишках.

Как и всегда – в одиночку
сосны валил вековые,
бревна таскал в три обхвата,
срубы вязал терпеливо
добрый, заботливый Ивыр.
Так он от света до света
только и знал, что трудился,
и от усталости тяжкой
в сон как подкошенный падал...

* * *

Снова подмерзли болота,
реки ледком затянулись.
Ивыр со стойбищем вместе
откочевал по знакомой
с лета дороге – к той речке,
где он дома понастроил.

Шли они долго. И вышли
к топкому месту. Болото
было настолько огромным,
что поразило их души
и затемнило их взоры.
Люди сперва удивились,
ну а потом испугались:
вдруг злые духи болота путь
перекроют, утянут
в топь или всех переловят?

Ивыр заметил, что люди
встали у края болота,
что устрашились безмерно.
Жалко их Ивыру стало –
песню запел, чтобы словом
их подбодрить и утешить:
«Всюду, всюду злые духи –
в небе, водах и на суше.
Всюду их глаза и уши,
всюду их тела и души.
Что же делать добрым людям?
Не бояться. Не пугаться.
За тугие луки браться –
смело с нечистью сражаться!»

Старенький Вындыр промолвил:
«Смелость и ум нам помогут,
дерзостный Ивыр спасет нас...»
Но остальных напугала
Ивыра громкая песня,
ведь никогда еще люди
этаких слов не слыхали:
духам они приносили

жертвы. Молились и чтили.
Раньше никто не решался
помыслом, словом иль делом
духов тайги потревожить.

Женщины заговорили:
«Ивыр, позволь нам исполнить
пу́рлахтых – древний обычай:
добрые силы приветить,
злые молитвой задобрить!
Дай сотворить заклинанья,
как полагалось издревле!..»
«Ладно, – ответил им Ивыр, –
делайте все, что хотите,
только смотрите...» Но сам-то
верил борьбе, а не слову,
делу, а не уговорам.

Женщины мясо сварили,
в чашки из белой бересты
важно разлили похлебку.
Тут же четыре старухи
взяли по чашке, степенно
поразошлись на четыре
стороны света. На угли
бросили веточки пихты,
и, как с парком от похлебки
хвойный дымок размешался,
бросились наземь старухи.
Кланяться истово стали,
духов на пир приглашая:
чтобы похлебки поели,
чтобы они подобрели
и помогли перебраться
через большое болото.

Утром пошли по болоту –
стала земля прогибаться,
и ходуном заходили
кочки, и мох провалился.
Бездна разверзлась. Открылась
пасть властелина болота:

видно, вчерашние жертвы
были ему не по нраву,
видно, вчерашние яства
были ему не по вкусу.

Грязные воды болота
грязным туманом взметнулись,
и над людьми закружилась
нечисть болотная тучей.
Чудища разные были:
скользких, крылатых, рукастых,
с клювами и многоглазых –
сколько взвилось, все летало
над головами. Кричало,
ахало, ухало, пело.
Крови хотело. Вдруг нечисть
мохом и мерзлой землею
стала бросаться – и люди
начали обороняться.

Лед и болотные брызги,
кочки и мох, сами люди
с полчищем чудищ смешались
и закрутились, как вьюга, –
черным столбом. Сколько били
духов – их больше и больше:
если один побежденный
канет в провал, то оттуда
четверо новых выходят.

В битве болотные духи
многих людей утянули
в черную бездну трясины:
не было в жизни такого,
чтобы во время кочевий
кто-нибудь не потерялся,
кто-либо да не остался
в лапах жестокого, злого
и ненасытного духа.

Вот и к слепому Петотке
жадные, цепкие духи

руки свои протянули –
он и не видел, как взяли,
он и не знал, что схватили.
Не закричал и не охнул,
как утащили в пучину
доброго старца. Хватились –
нету Петотки, лишь шапка
втоптана в снег, а поодаль
посох его одинокий
грустно торчит у сугроба...

Манси сражаться устали,
на землю стали валиться,
Ивыр же лишь разошелся –
только лишь сил понабрался.
Бьет он болотную нечисть
так, что, упавши в болото,
встать она не успевает –
и завалил, замостил он
топкую бездну телами
чудищ... Пошли по настилу
манси – настил прогибался.
Бездна морозом дышала.
Страшно идущему было.

Но перейти не успели,
как появился Комполэн* –
жуткий, косматый Комполэн,
самый коварный из духов.
Страх от Комполэна к людям
шел через ноги, а ноги
были: одна – как у лося,
только лишь с конским копытом,
и деревяшка – другая,
в острых сучках, точно елка...

Рявкнул, подпрыгнул Комполэн –
Ивыра выбрал для схватки,
битва продолжилась снова.

---

* Комполэн – полузверь-полумужчина (от манс.: ком – мужчина, полэн – зверь).

Как они драться схватились –
почва качалась, деревья
наземь валились, а звуки
этого смертного боя
до облаков долетали.

Людям казалось, Комполэн
одолевает, но Ивыр
не поддавался. И часто
оба менялись местами:
силы их равными были.
Так кровожадному духу
противоборствовал Ивыр,
как справедливая сила –
несправедливому делу.

Может, погибли бы оба
в схватке, но вот изловчился
Ивыр и выдернул ногу
у полузверя. И тут же
он зашвырнул деревяшку
в лес, за болото. Комполэн
заверещал, точно заяц,
и, точно заяц безногий,
в сторону жалко запрыгал,
чтоб отыскать, если сможет,
ногу вторую в урмане.

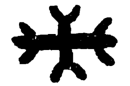
Весело, с легкой душою
манси победную песню
пели, идя по болоту
к светлому снежному бору.
Там их судьба и дорога
вывели к речке, где Ивыр
много домов понастроил.
Быстро огонь разгорелся
в жарких печах. Ночевали
славно, счастливо – ведь Ивыр,
что обещал, все исполнил.

Утром, едва только солнце
пики вершин осветило,

мир первозданный открылся
людям, взыскующим мира.
Были здесь светлые дали,
были здесь темные дали,
были урманы и реки,
были холмы и долины –
как сотворил Номи-Торум*,
главный хранитель Вселенной.

Возликовали пред чудом
новых краев, новой жизни
люди...

Стихотворное авторизованное
переложение А. Преловским
прозаических записей А. Коньковой.
Фрагмент



* Номи-Торум – Бог-сотворитель и вседержитель мира.

Ханты

ОТВАЖНЫЙ ЯРАСЬ

Сказка

Жил на Оби отважный ханты по имени Ярась. С малых лет не страшился он непогоды, не боялся хитрых и сильных зверей. Великую воду в пору разлива-сора переваливал в долбленке без опаски.

За смелость полюбила охотника Яся девушка Овра. И она ему по душе пришлась.

Хороший добытчик много мяса с охоты несет, много рыбы несет с рыбалки. Кто приберет добычу и улов, сохранит припас на черный день?

– Ханту жена нужна, – говорят старики. Женился Ярась на Овре. Хорошо зажили. Все умела делать Овра. Только не было у них детей. Как охотнику без детей?

Старики посоветовали Ярасю:

– Бери вторую жену – девушку Най из селения у холмов.

Ярась взял вторую жену.

Овра так говорила:

– Хорошо быть женой Яся-охотника. Когда мужа разуваю, все юрты радуются. Мой муж делится добычей со всеми, у кого нет еды.

Най стала так говорить:

– Худо быть женой Яся-охотника. Когда одежду мужа развешиваю для просушки, сердце мое разрывается от злости. Опять мой муж отдал лучшие куски мяса чужим старикам и чужим детям. Из-за сородичей мои дети едят одну рыбу, а мяса совсем мало.

Ярась не знал, что думают о нем его жены. Он заботился обо всех юртах и редко задерживался в своей деревенской избушке.

Так и прожил он свой короткий век на охоте да на рыбалке. Свалила его хворь. Поболел отважный Ярась, и не стало его среди живых.

Сильно загоревали старые люди и малые сироты. Как проводили Ярася в Нижний мир, редко сытыми спать ложились.

Стали старики и сироты просить:

– Вернись к нам, наш кормилец. Мы тебя уважали. Мы тебе трубку набивали и уголек подносили. Разве тебе было плохо с нами, отважный охотник Ярась?

Старшая жена Ярася тоже, плача, приговаривала:

– Разве я тебя не любила, мой смелый муж? За короткую ночь успевала просушить мокрую одежду и нюкивей. Никогда в сыром на тропу не вставал.

Слушал-слушал Ярась в Нижнем мире голоса жены и сородичей, собрался с силами и пополз из Нижнего мира на белый свет. Ползет Ярась потихоньку, а ветер северный заметил его и понес в стойбище сон, что Ярась домой возвращается.

Увидела Овра – старшая жена Ярася – сон про мужа, говорит Най – младшей жене:

– Сегодня наш хозяин воротится из Нижнего мира. Я воду стану греть, муж, поди, там намерзся.

Молчит Най, ничего не говорит.

В полночь шум послышался. Овра дверь отворила, мужа встретила. Вошел Ярась, поздоровался.

Най не выдержала, с нар соскочила и закричала:

– Не вернусь больше, не хочу свой кусок в чужой рот класть.

И побежала в свою деревню.

Старшая жена Овра тем временем согрела мужа, сухую меховую одежду дала.

Ярась тут окончательно ожил, а к утру на охоту отправился.

Тот, кого народ любит и помнит, – бессмертен. Так сказка говорит.

Рассказала сказительница Т. Чучелина.
Обработала Г. Слинкина

БАБУШКА СЯСИМИ И ВНУК ИМИХИЛЫ

Сказка

Жили Имихилы и его бабушка Сясими в маленьком старом домике.

Однажды внук говорит:

– Надо сети поставить, может, какая рыбка попадется.

– Ты еще такой маленький – руки у тебя не окрепли, ноги у тебя не окрепли. И сетей у нас нет, – ответила бабушка Сясими.

– У моего отца была сеть. Наверно, она сохранилась, – говорит Имихилы.

– Может, и правда сохранились какие сети, – сказала бабушка Сясими и отправилась к амбару.

Сходила бабушка в амбар, поискала там и нашла сеть в одну сажень. Пришла и говорит:

– Вот только такую сеть нашла.

Положил Имихилы эту сеть в мешок и спустился к берегу речки. На берегу стояла калданка – маленькая лодка из осины. Имихилы взял легкие весла, сел в лодку.

Поехал Имихилы по речке, взмахивает веслами. Смотрит – вдали через перешеек виднеется сор*. Подъехал к берегу. По волоку перетащил лодку, оказался на сору. На мелководье нашел подводное русло.

«Вот здесь и поставлю свою маленькую сеть», – решил Имихилы.

Воткнул кол, привязал конец сетки и стал ее разворачивать. А сеть оказалась длинной! Имихилы разворачивал ее, разворачивал. Едва опустит сеть в воду, в каждой ячее рыба!

Только развернул сеть, как тут же стал ее выбирать. Сложил рыбу в лодку, поехал обратно. Стал тащить лодку с рыбой по волоку. Тащил легко. Но лодка вдруг отяжелела – не сдвинуть с места. Имихилы оглянулся – в лодке сидит лесной дух Менгк, улыбается.

* Сор – разлив (залитые в половодье низменные места, луга).

– Менгк! Менгк! Отпусти лодку, мне надо быстрей домой. Дома бабушка меня ждет голодная.

А Менгк сидит в лодке, только улыбается.

– Сейчас дам веслом по шее! – сказал Имихилы.

Отпустил лодку Менгк. Имихилы тянет дальше свою лодку. А она опять стала тяжелой. Оглянулся – тот же злой лесной дух Менгк. Имихилы схватил весло, ударил его по шее.

Дотащил лодку до воды, поехал домой.

Усталый Имихилы прилег отдохнуть, а бабушка Сясими перетаскала рыбу, почистила, повесила на вешала вялить. Из внутренностей рыбий жир вытопила.

Настал вечер, бабушка Сясими будит внука:

– Вставай, внучек, уже вечер. Поешь.

Имихилы проснулся. Оказывается, и правда уже вечер. Поел, попил чаю.

– Я еще раз поеду на рыбалку.

С той же сетью поехал по вчерашнему пути. Перетащил волоком лодку. Приехал на место рыбалки. Опять в то же русло поставил свою сеть в одну сажень. Опять сеть оказалась очень длинной, и опять в каждую ячею попала рыба. Тогда Имихилы и говорит:

– Хватит! Возьму столько рыбы, чтобы моя старая бабушка Сясими могла справиться.

Наполнил лодку рыбой только наполовину, поехал обратно. Подъехал к волоку. Снова стал тянуть лодку через волок. Тут опять лодка отяжелела. Оглянулся – двухголовый Менгк ухватился за лодку и тянет ее к себе.

– Менгк! Менгк! Отпусти лодку, мне надо быстрей домой – рыба испортится, пропадет.

А Менгк не отпускает, тянет лодку назад.

– Сейчас дам веслом по шее.

Менгк отпустил лодку. Имихилы опять стал тянуть свою лодку.

А лодка опять стала тяжелой. Имихилы схватил весло, стукнул Менгка по шее.

Сел Имихилы в лодку, поехал домой. Пристал к берегу.

Усталый Имихилы прилег отдохнуть, а бабушка Сясими перетаскала рыбу домой, почистила, повесила на вешала вялить.

Напекла бабушка лепешек. Когда управилась с рыбой, разбудила внука.

Имихилы поел. Потом собрал сеть, сел в лодку, опять отправился на то же место. Как и вчера, сеть тут же наполнилась рыбой. Поехал Имихилы домой. На том же волоке лодка опять стала тяжелой. Имихилы оглянулся – трехголовый Менгк схватился за другой конец его лодки, стоит, улыбается. Имихилы рассердился, говорит:

– Сейчас ударю тебя веслом!

Менгк отпустил лодку. Имихилы двинулся дальше. Менгк снова схватился за борт.

Имихилы стукнул веслом Менгка по шее.

Сел, поехал домой. Пристал к берегу. Вытянул лодку на берег, повесил сети сушить, поел, попил и говорит:

– Хватит. Три раза съездил на рыбалку. Теперь другим делом займусь.

– Внучек мой, зачем ты хочешь уехать! Сиди дома. Отец твой ездил, отец твоего отца тоже не сидел дома. Где они сейчас? – говорит бабушка Сясими.

Имихилы сел в свою лодку-калданку, поехал по великой Оби. Ехал-ехал, видит – кто-то впереди ловит рыбу маленькой сетью. Подплыл ближе. Оказывается, это лесной дух Менгк ловит рыбу. Менгк добыл большую щуку.

– Дядя Менгк, здравствуй! – сказал Имихилы.

Менгк даже не пошевелился. Имихилы второй раз говорит:

– Дядя Менгк, здравствуй!

Менгк не шевелится, молчит.

На третий раз Имихилы тронул его концом весла. Менгк только тогда открыл глаза.

– А, Имихилы, это ты! Такой взрослый стал! Я здесь долго сижу, ничего не могу добыть. Наверное, на твое счастье, добыл одну щуку. Отнеси щуку на берег, в мой дом. Одну половину щуки пусть съедят сырой, другую половину пусть сварят. Ты поешь, тогда и поезжай дальше.

Имихилы пристал к берегу, смотрит – стоит большой дом. Несет он щуку, а она такая большая, что хвост по земле тянется. Вошел в дом. Видит: сидит жена лесного духа.

– Здравствуй, жена Менгка! Менгк добыл щуку. Просил, чтобы одну половину сырой съели, другую половину сварили и меня накормили.

Жена Менгка встала, пошла в передний угол, схватила большие рога и стала бить Имихилы. Била-била, вытолкала за дверь.

– Иди! Я тебя накормила, – сказала жена Менгка.

Имихилы проглотил слюну, отправился к берегу.

– Ну как? Накормили тебя? – спрашивает Менгк.

– Накормили, накормили!

– Если накормили, то хорошо.

Имихилы сел в лодку и поехал дальше. Ехал-ехал, смотрит – вдали что-то виднеется. Это, оказывается, двухголовый Менгк рыбачит.

– Здравствуй, дядя двухголовый Менгк!

Двухголовый Менгк даже не пошевелился. Имихилы еще раз к нему обратился:

– Здравствуй, дядя двухголовый Менгк!

Менгк не шевелится, молчит. На третий раз тронул его Имихилы концом весла. Менгк очнулся, открыл глаза и говорит:

– А, Имихилы, это ты! Такой взрослый стал! Я здесь долго сижу, ничего не могу добыть. Наверное, на твое счастье, добыл одного налима. Отнеси его на берег. Печень съешь, саму рыбу пусть сварят

Имихилы взял налима, поехал к берегу. Подошел к дому, смотрит: жена лесного духа с детьми сидит.

– Это двухголовый Менгк добыл налима. Велел дать мне печень, а саму рыбу сварить.

Жена Менгка молча встала, в переднем углу нашла звериный рог, стала бить Имихилы. Била-била, вытолкнула на улицу. Имихилы слезы из левого глаза смахивает в правую сторону, слезы из правого глаза смахивает в левую сторону. Плачет, идет к берегу. Двухголовый Менгк спрашивает:

– Ну как, накормили?

– Как не накормят! Печень я съел, рыбу сварили.

– Тебя накормили, хорошо.

Имихилы поехал вверх по Оби. Ехал-ехал, смотрит – впереди что-то виднеется. Подъезжает. Это трехголовый Менгк сидит, рыбачит.

– Здравствуй, дядя трехголовый Менгк!

Трехголовый Менгк даже не пошевелился. Имихилы еще раз поздоровался, Менгк молчит. Тогда Имихилы тронул духа концом весла.

– А, Имихилы, это ты! Как ты вырос! Я тут давно сижу, плохо рыба идет. На твое счастье, добыл одну нельму, – сказал Менгк. – Отнеси на берег. Печень сырую съешь,

рыбу пусть сварят. Имихилы взял нельму, поехал к берегу. А на берегу стоит большой, из толстых бревен, дом. Вошел. Жена лесного духа с детьми сидит.

– Это трехголовый Менгк добыл знатную нельму. Велел дать мне сырую печень, а саму рыбу сварить.

Жена лесного духа встала, в переднем углу нашла громадные рога, стала бить Имихилы. Била-била, вытолкнула за дверь. Имихилы плачет, слезы из левого глаза смахивает в правую сторону, слезы из правого глаза смахивает в левую сторону.

Пришел на берег, Менгк спрашивает:

– Ну как? Накормили тебя?

– Как не накормят! Печень я съел сырой, рыбу сварили.

– Тебя накормили, хорошо.

Имихилы сел в лодку, поехал вверх по Оби.

Ехал-ехал. Проехал мимо деревень, показался город. К одному дому подошел, а дом золотой. Дверей нет, окон нет. Нашел обуглившуюся щель. Локтем толкнул, а это дверь, она открылась. В доме сидит старец с белой бородой:

– Дорогой внучек Имихилы, откуда ты взялся? Руки твои еще не стали руками, ноги твои еще не стали ногами, зачем ты так далеко ездишь? Твои отец и дед тоже ездили, где они сейчас?

– Я езжу, почтенный дедушка, чтобы узнать свою землю, на белый свет посмотреть.

Посадил старец Имихилы за золотой стол, а на столе всякая еда: и сахар, и вино. Сидят, едят, пьют. И тут послышался какой-то шум. Небо закачалось, земля зашаталась.

Имихилы и говорит:

– Посмотрю, что там случилось.

– Сынок, зачем выходить? Мои люди вышли, они справятся.

И правда, все стихло. Старец и Имихилы опять едят, беседуют. А на улице опять как загрохочет. Имихилы вскочил:

– Посмотрю-ка, что происходит.

Вышел. Видит – много воинов вокруг. Многие из воинов уже мертвые лежат, некоторые в деревья превратились. Откуда ни возьмись лесной дух Менгк появляется.

– Имихилы, давай сделаем железную площадку для игры на двоих, – говорит Менгк.

– Тебе захотелось поиграть, ты и делай, – ответил Имихилы.

Менгк бросил кольцо на землю – получилась железная площадка для битвы, по краям площадки – острые железные прутья.

– Сейчас, – говорит Менгк, – будем здороваться. Встань в тот угол площадки. В эту сторону здоровайся, – предлагает Менгк.

Имихилы говорит:

– Тебе захотелось здороваться, ты и здоровайся.

Менгк встал в дальний угол железной площадки. В сторону Имихилы идет, здоровается, пытается поймать руку. Менгк бросился на Имихилы, Имихилы изловчился, прыгнул в сторону. Лесной дух угодил на острие железа, так и остался.

Откуда ни возьмись появился двухголовый Менгк.

– Имихилы, сделаем-ка железную площадку, – говорит двухголовый Менгк.

– Тебе захотелось поиграть, ты и делай, – ответил Имихилы.

Бросил двухголовый Менгк кольцо – получилась площадка для битвы.

– Начинай, Имихилы, здороваться!

– Я не умею здороваться. Тебе захотелось здороваться, ты и здоровайся!

Двухголовый Менгк ушел в дальний конец. Медленно двигается в сторону Имихилы, здороваясь. Имихилы выбрал удачное место. Когда двухголовый Менгк бросился, Имихилы упал ему под ноги. Менгк споткнулся, наткнулся на железное острие. Так и остался, не пошевелился даже.

Тут же появился трехголовый Менгк.

– Имихилы, дружище, сделаем-ка железную площадку для игры, – предлагает Менгк.

– Тебе захотелось поиграть, ты и делай, – отвечает Имихилы.

Бросил трехголовый Менгк железное кольцо на землю – получилась железная площадка для битвы, по краям – острые железные прутья.

– Сейчас, – говорит трехголовый Менгк, – будем здороваться. Встань в тот угол площадки. В эту сторону здоровайся, – предлагает Менгк.

Имихилы отвечает:

– Тебе захотелось здороваться, ты и здоровайся.

Трехголовый Менгк встал в дальний угол железной площадки. В сторону Имихилы идет, здоровается, пытается поймать руку. Имихилы изловчился, ударил злого духа. Тот упал, напоролся на железное острие. Так и остался, не шевельнулся даже.

Имихилы развел большой костер и всех Менгков побросал в огонь.

А чтобы больше на земле хантов не водилось злых духов – вверх летящие искры вверх не пустил, вниз летящие искры вниз не пустил.

Покончив совсем с Менгками, вернулся Имихилы к старцу, в золотой дом.

– Теперь, – говорит, – небо больше не будет качаться.

Белобородый, белоголовый старец и Имихилы посидели, поели. Старец и говорит:

– Слушай мои слова. Я их тебе оставляю. Живи так, чтобы все три угла твоего дома были полны зверями, рыбой, всякой едой. В четвертом углу пусть всегда сидят мужчины и женщины.

Сказал старец эти слова и исчез. То ли на небо забрался, то ли в землю провалился – кто его знает.

Имихилы к берегу пошел, сел в лодку. Поехал.

Доехал до дома трехголового Менгка, пристал к берегу. Жена трехголового Менгка увидела его, ласково позвала:

– Внучек, иди отведай вкусной нельмы.

– Если ты добрая хозяйка, почему, когда я хотел есть, побила меня и выгнала?

Схватил ее, бросил в лодку, поехал дальше. За поворотом сказал:

– У этой излучины реки будешь тихой заводью. Пусть в бурю люди найдут у тебя спасение.

Приехал к жене двухголового Менгка. И ее наказал за недоброту и жадность – она стала заводью на другом повороте Оби.

А жену лесного духа Менгка, которая пожалела для Имихилы щуки, превратил в заводь на третьем повороте Оби.

Добрался Имихилы до своего дома. А у бабушки Сясими обвалились три угла дома, в четвертом углу сидит

она и поддерживает последние догорающие угли очага. Имихилы подошел к Сясими, наступил на тлеющий уголь. Вспыхнул уголек, выстрелил искрой. Вздрогнула бабушка. Смотрит – рядом с очагом стоит ее внук Имихилы, а чуть в стороне – молодая девушка в красивом сахе – хантыйской одежде, расшитой прекрасным орнаментом.

Наверное, эта девушка Султум появилась из искры домашнего очага, который так долго нянчила бабушка, пока ее внук был в дальних странствиях.

– Сясими, это я приехал, твой внук. Вижу, вы меня здесь долго ждали. Я рад, что Султум делила с тобой твое одиночество, – сказал благодарный внук.

И стали они жить. Наверно, до сих пор живут.

Рассказал Миляхов
(д. Теги, Березовский р-н, Ханты-Мансийский н. о.).
Записала в 1963 г. Е. Нёмысова.
Литературная обработка В. Санги

КОГДА КУРОПАТКИ СМЕЯТЬСЯ СТАЛИ

Сказка

Недалеко от зимовья куропатки кормились. А в зимовье веселые люди жили: охотник с женой, их старые родители, ребятишки.

И все-то у людей было ладно да складно. Песни да радость в избе. Шутки да смех около дома. В тальниках слыхать дружные голоса!

А куропатки поедят и нахохлятся – скучают! Завидуют птицы:

– Счастливые ханты! Котел не всякий день полон. А чему-то все рады. Чему?

Один раз возвращались ребятишки с болота. Осень была. Снег не выпал, но дул холодный, пронзительный ветер. Насквозь куропаток пробирало, хотя они уже в зимних шубках сидели. Видят – дети домой бегут, смеются.

Окликнули птахи мальчишек и девочек:
– Где веселье нашли?
– На болоте, – посмеиваются ребята. Кузова заплечные друг у друга пооткрывали. – Смотрите, сколько радости нашей матери несем и обеим бабушкам.
– У самих пальцы, как клюква, и носы от стужи, как клюквины, сизо-красные, – бормочут куропатки. – Чем сердце тешат? Не понимаем...
В другой раз дело зимой было. Глядят куропатки – хозяйка тащит по глубокому снегу на грузовой нарте обломки сухар. Толстые бревешки! Высохли стволы на корню, а все равно тяжелые.
– Трудно? – птицы у женщины спрашивают.
– Слов нет, нелегко, – отвечает мать.
– А почему улыбаешься? – допытываются куропатки.
– А я дрова притащу, чувал вытоплю. Семья согреется. Еда сварится. Всех накормлю. Одежду, обувку для всех просушу, погрею. Семейство оденется, пойдет работать. Кто на промысел, кто у дома, кто в амбаре. Все за дела примутся, как не радоваться.
– У-у-у, – бормочет стая. – В заботах разве веселье есть? Не понимаем...
И опять нахохлились.
Скучают, покуда голод их шевелиться не заставит. И все мечтают, как у людей веселье перенять.
Под весну охотник с дальнего промысла пушнину нес. Спина под грузом дичи согнулась. В нарточке лосиное мясо грудой. Сам улыбается и на солнце щурится радостно.
– Еле лыжи двигаешь, а веселый, – дивятся куропатки.
– Удачно поохотился, – отвечает мужчина. – Семья сыта будет. Старики довольны останутся. Похвалят: сын – кормилец.
– Не понять, – переговариваются куропатки. – Ему приятно свою еду отдавать другим.
И опять сидят скучают.
Много ли, мало ли минуло, люди из зимовья в гости к деревенской родне уехали. Оставили домовничать деда с бабой.
И снова в тальнике смех доносится да беседа ласковая.
– Ладно, – говорит самая старая куропатка, – попробуем старика обмануть. Если удастся его провести, обязательно засмеемся.

Закружилась стая над зимовьем. В оконца стучат клювами, в двери мохнатыми лапками царапают.

– Дед, – велит бабушка, – лови куропаток! Им в таловой роще тесно, на избу сели.

Вышел дед, начал кругом избы пленки – петли волосяные ставить. Настораживает, навешивает силки над тропинками, которые куропатки натоптали. На пальцы дышит – зябнут!

Студено!

Белые куропаточки, милые головки бочком, на старика хитро поглядывают.

– Дедушка, зачем в такой мороз по нашим следам ходишь? Сидел бы у чувала, грелся.

– Я пленки-ловушки вынес, – отвечает охотник. – Ловить вас буду. А поймаю, тогда у огонька вдосталь посижу.

Переглянулись птицы и поучают старика:

– Что нас ловить петлями-силками? Выгони старуху. А в избе-то вымой да прибери. Мы беленькие, молоденькие, сами прилетим.

Дед поскорей силки кинул и домой.

Заходит в избу – так-то всюду показалось ему нечисто, неубрано. Закричал он на хозяйку:

– Перетаскивай свое добро в амбар. Там жить будешь. Вон собак сколько! Обогреют.

Старуха заплакала. Не уходит. Сроду дед ей громкого слова не говаривал, а теперь гонит. А старик еще пуще сердится.

– В избе прибирать стану. Ишь, три хозяйки, закоптили, запоганили! Ступай вон!

Обиделась старуха. Но видит, деда не переспорить. Кабы все дома были, другое дело.

– Ну ладно! – старуха говорит. – Пойду...

Кликнула бабушка собак в амбарчик. Навесила там полог из шкур, настелила шкурок, и с собачками ей тепло.

А старик воды нагрел – и ну скоблить стены да потолок, нары да полки. В окошко тонкую льдинку вставил. Пол пихтовником застелил. А чувал белой глиной выбелил. То-то светло в дому, то-то свежо – как в новом. Дед и себя прибрал. Праздничную малицу надел с разноцветными узорами из ярких суконных полосок. Оленьи сапожки, выше колен, натянул. Обувка тоже изузорена и

мехом, и бисером. Ой, пригляден старик! Не зря говорится, наряди пенек, и то паренек.

Растворил дед избу, запел, хотя и утомился с приборкой:

– Куропаточки беленькие, молоденькие! Пожалуйте к моему очагу, беленому да топленому. Будьте хозяюшками!

Ждал-пождал, не слыхать крылатых озорниц, не видать. В тяжелой малице поплелся усталый дед к тальникам. Еле-еле широкие подволоки-лыжи двигает. Прибрел в тальники. Куропатки на кустах охорашиваются да ощипываются. Одна другой белоснежней.

Старик их укоряет:

– Куропаточки белые, что же вы в гости ко мне не идете. Я старуху выгнал в амбар. А в избе-то прибрал. Дверь растворял, вас звал да звал.

Захохотали куропатки. Таким смехом залились, закатились. Снег с ветвей посыпался!

– Ах ты, старый ловец! Где это видано, чтобы вольные птицы в избенке жили? Мы над одним лужком летим – покормимся, на другом в снегу зароемся. Переночуем, на новые луга полетим.

Вот так!

И вспорхнули стайка за стайкой, будто буран понесся, будто вьюга по-над вербными вершинками.

Погнался было старик за птицами. Да куда! Лыжи не крылья... Лыжи не крылья, а слетели. Старик в рыхлый снег с лету да и провалился по горло. Хорошо – изба-то близехонько, он и закричал что есть мочи:

– Старуха, что в тепле расселась, не видишь работы! Иди откапывать мужа!

Засмеялась бабушка в амбаре. И куропатки хохочут на всю округу. Так и хохочут до сих пор по-человечески.

Услышишь смех в безлюдном поле зимой, не бойся. Не над тобой смеются дружные птахи. Вспоминают, как погнался дед за ними да и застрял в снегу по самую голову, как кол в сугробе.

Рассказала сказительница Т. Чучелина.
Обработала Г. Слинкина

ОБСКИЙ БОГАТЫРЬ И ЕГО СЫН КЕШИ-ПАЛАТ-ПОХ

Сказка

Давно это было. На большом холме у Оби три брата богатыря дружно жили, друг другу всегда помогали.

Старший на самой вершине жил, звали его Вун-Вурт – Большой богатырь. Средний – Орты-Ики – на середине холма. У него было семь сыновей. Младший богатырь жил внизу холма на самом берегу, звали его Ванкреп-Ики. У него тоже семь сыновей было.

Старший брат много воевал, стал худо видеть. Пора ему боевой лук на стену повесить, пора ему жену в дом ввести, род свой продолжить. Решил Вун-Вурт жену из татарского народа взять.

Посватался, большой выкуп дал. Привез богатырь жену на вершину холма.

Она сначала обрадовалась. Хорошо сверху смотреть – всю землю видать, весь народ видать. И другое хорошо – у очага коптиться не надо. Вун-Вурт богатый, отец ему оставил наследство – волшебный стол с яичком. Покрутит Вун-Вурт яйцо на столе – еда горячая появляется. От хорошего житья жена Вун-Вурта сильно гордиться стала. Невзлюбила братьев мужа, а их сыновей не стала пускать в избу.

Вот прожили первую зиму, весна наступила, лед уплыл. Принес Иртыш подарки от татар. Лодка крытая приплыла, в ней – холсты, шелка, топоры, котлы.

Младший брат – Ванкреп-Ики – первый лодку заметил, поймал ее. Средний брат – Орты-Ики – спустился на берег, разделил дары на три части.

Сыновья Орты-Ики и Ванкреп-Ики отнесли Вун-Вурту его часть. Женщина сверху все видела, рассердилась, что подарки ей достались не целиком. Говорит мужу:

– Твои братья жадные, а ты им слова против не скажешь. Твои племянники ненасытные, ты им рад все наше добро отдать.

Вун-Вурт как ударит кулаком по волшебному столику:

– Длинный язык вырос у моей жены, как поселилась она на вершине холма. Пусть моя жена возвращается к

отцу и передает ему: «Я первый не нападу на ваших, но с тестем готов из-за нее посчитаться. Пусть выходит тесть один на один, как зима начнется. Пусть по первому снегу сюда, на устье Иртыша, едет».

Жена обского богатыря обрадовалась, думает: «Воевать начнут, родне мужа не уцелеть. Пусть всех побьют: и братьев и племянников Вун-Вурта. Останется обский богатырь один, примет меня обратно, все добро-имущество при нас будет».

Села жена Вун-Вурта на коня, поехала домой, вверх по Иртышу.

Увидели татары – женщина одна. Удивляются.

– Почему в гости без мужа приехала?

Сказала женщина:

– Вун-Вурт воевать хочет с моим народом. Сердится обский богатырь, мало даров тесть прислал.

Обиделся старик: «Зима настанет, пойду на зятя». Стал ледостава ждать.

Окреп лед. Собрал старик большое войско, пошли вниз: передние воины возле устья Иртыша, а последние на речке Демьянке.

Вышли против них племянники Вун-Вурта. Бились три дня и три ночи. Погибли племянники обского богатыря – все четырнадцать. И у татар много конных воинов погибло. Некоторые татары в лесу спрятались, домой собрались ехать.

Вун-Вурт оружия не взял, из избы не вышел: договор с татарским народом не хотел нарушать... Глаза у обского богатыря худые, а слух острый. Слышит богатырь Вун-Вурт – нету татарских воинов близко. Один его тесть кричит, помощь зовет. Слышит богатырь – вышли к тестю несколько воинов из леса. Тесть приказывает:

– Поймайте братьев обского богатыря, посадите их в сыромятный мешок. Повезем домой, там принародно казним.

Чует Вун-Вурт – горят избы братьев и племянников, а голосов никаких не слышно. Видно, всех убили татарские воины. Видно, думает обский богатырь, выходить надо, мстить за гибель родных.

Надел Вун-Вурт кольчугу, достал плетку из железных колец. Тяжелая плетка, может столетнюю лиственницу переломить у корней. Вышел из дверей обский богатырь,

пнул горелый пень у дома. Обернулся пень крылатым конем.

Сел Вун-Вурт на коня, полетел конь меж снеговых туч грозовым облаком. Догнал богатырь татарских воинов, которых тесть вел, ударил молнией в середину отряда. Воины все с коней попадали, тесть едва удержался. Засмеялся обский богатырь – в грозовом облаке гром прогрохотал.

Летит обский богатырь дальше следом за татарами. Видит он сверху – выехали воины на тропу, которая ведет к каменной избе людоедов. Остается им до этой избы переход в три дня.

Обогнал богатырь воинов тестя, долетел до каменной избы. Опять вниз глядит. Людоеды на каменном крыльце сидят в косматых шубах. Волосы у них дыбом, уши как у лося, носы крючком. А всего безобразнее рты – от уха до уха рты у людоедов и битком набиты волчьими клыками. Курят трубки людоеды и смеются:

– Тесть обского богатыря едет, нам поживу в сыромятном мешке везет – братьев Вун-Вурта. Их съедим, татарскими воинами закусим.

Спустился Вун-Вурт на землю, шапку на глаза надвинул, как принялся железной плеткой махать, побил людоедов и воронам кинул.

Вычистил Вун-Вурт каменный дом, смолой кедра обкурил. Поставил волшебный столик, яичко на нем повернул. Появилась еда горячая. Подкрепил свои силы обский богатырь, стал татарских воинов поджидать.

Подъехали они на третий день.

Вышел Вун-Вурт, сказал им:

– Добром прошу, отдайте мне братьев.

Воины увидели плетку богатыря из железных колец, погнали коней в сторону своего города. Мешок сыромятный на дорогу бросили.

Развязал Вун-Вурт мешок, освободил братьев.

Они его спрашивают:

– Старший брат, почему на выручку не пришел, когда нас татары в плен брали?

– Нельзя было, – говорит Вун-Вурт. – У меня с татарским народом договор есть. Я нарушать его не хотел.

Только сказал он это, из-за поворота тесть выехал. Отстал, видно, от своих воинов. Обский богатырь поздоровался с тестем, спрашивает:

– Кто из нас договор нарушил? Зачем мои юрты спалил?

Тесть вниз смотрит.

– Каюсь, зять, из-за дочери все вышло, она виновата. Не сердись, зять. Готов ясак платить, чтобы опять мир наступил.

Вун-Вурт согласился.

– Вези ясак: четырнадцать лошадей, семь возов муки, три воза соли, три воза холстов, один воз топоров и котлов и двух красавиц, моим братьям в жены. Извели мой народ, побили племянников, теперь когда новых сыновей мои братья подымут.

Тесть заплакал:

– Зять, не хотел я тебе урона чинить. Дочь меня обманула, сказала, ты воевать хочешь.

– Езжай домой, тесть, – говорит обский богатырь, – будем старое забывать. Посылай ясак, здесь, в каменном доме, ждать стану.

Просидел обский богатырь с братьями в каменном доме день, ночь ночевали.

Утром слышат – обоз идет. На четырнадцати лошадях – четырнадцать воинов. На последних двух возах татарки-красавицы сидят.

Вун-Вурт братьям приказывает:

– Езжайте домой, жен везите, делите меж собой добро. Мне доли не надо. Я теперь один.

Уехали они.

Вун-Вурт кольчугу надел, пнул горелый пень. Появился на месте пня крылатый конь. Сел богатырь на коня, вознес его крылатый под самые небеса. Увидел Вун-Вурт сверху – братья скоро к дому едут.

«Добрых коней дал тесть», – думает Вун-Вурт. Поглядел он в сторону татарского города, глядел-глядел – что за чудо? Как береста на огне, на пегом коньке маленький мальчик ростом с нож скачет с татарской стороны.

Спустился Вун-Вурт на землю, поймал мальчика.

– Ты кто такой?

– Я обского богатыря сын! Кеши-Палат-Пох. Видишь – ростом с нож.

– Я твой отец. Поедем к твоему дедушке.

Полетел крылатый конь, быстро привез Вун-Вурта с сыном в татарский город.

У ворот городских обского богатыря тесть встречает.

– Хотел к тебе ехать, а ты опередил. Пойдем в мой дом, гостем будешь.

Пришли в избу, тесть говорит:

– Хоть я своей дочери отец, не бери ее больше. Из-за нее столько крови пролито.

Вун-Вурт говорит:

– Я твоей дочери муж. Сам решу, брать ее или оставить в твоем доме. Ты посмотри, тесть, я сына привез.

Вынул из-за пазухи обский богатырь крошечного мальчика на пегом коньке.

Тесть рассмеялся.

– Зачем, зять, игрушку кажешь?

Соскочил малыш на пол, принялся плясать. От печи к стене по-татарски пляшет, от стены к печи по-хантыйски пляску ведет. Сам себе напевает.

– Какой такой внук, – дивится старик. – Больно мал ростом. Не мой внук!

Рассердился Кеши-Палат-Пох. Перерубил себя ножом. Обе половины стали плясать. Одна на руках по-татарски пляшет, другая половина на ногах по-хантыйски пляску ведет. Обский богатырь не знает что делать, кричит:

– Сынок, стань каким был!

Старик кричит:

– Внук, стань каким был!

Подпрыгнула половина мальчика на руках, приросла к другой половине.

Подскочил Кеши-Палат-Пох к деду, обнял его за шею.

Вышла жена обского богатыря, угощать хотела, ласково говорит:

– Самые родные мои встретились: муж, отец и сын.

Вун-Вурт отвечает:

– Мы со своим угощеньем приехали.

Поставил волшебный столик посреди избы, покрутил на столешнице яичко. Еда горячая появилась.

Три дня погостил богатырь у тестя, домой собрался. Жене приказывает нарядов столько надеть, сколько она сумеет. Напялила женщина на себя кучу платьев и три шубы.

Повел ее богатырь по подгорью, где березы и осины росли. Говорит Вун-Вурт:

– Зачем завела ссору между моим народом и твоим народом? Сколько людей погибло! У нас избы сгорели. Твой народ ясак нам платил.

Стоит жена, головы не опустила.

Плюнул на нее Вун-Вурт.

– Была худая женщина, стань грибами худыми!

Тут поднялся ветер сильный, начал с женщины наряды рвать. Закружились разноцветные лоскутья, полетели по всему свету. А женщина, как осталась без одежды, провалилась в землю. Из лоскутков ее платьев осенью поганки выросли, мухоморы и другие ядовитые грибы.

Вун-Вурт повернулся, хотел горелый пень ногой толкнуть, своего крылатого коня добыть. Видит богатырь – его сын по подгорью на пегом коньке торопится, кричит:

– Отец, что ты наделал?

Богатырь поднял его к самым своим глазам, отвечает:

– Я ее для тебя оставил бы, а только что мне мой народ скажет? Ее народ тоже обижен. Много воинов погибло из-за длинного языка этой женщины.

Заплакал Кеши-Палат-Пох, поскакал в Полуденную гору. С печали великой много лесу примял.

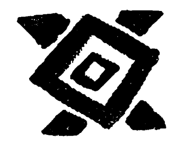
Увидел мальчик – в одном логу вода блестит. А это Конда была. Он схватил Конду, до Иртыша вытащил. Возле устья Конды город свой поставил.

Народ к нему жить пришел. Хорошо, справедливо обходился с людьми Мальчик-с-нож – сын хантыйского и татарского народов.

Долго он на свете жил, сейчас в этой сказке живет.

Рассказала сказительница Т. Чучелина.
Обработала Г. Слинкина

Ненцы



КУРОПАТКА

Сказка

Наступило время, и начали канюки перелетать в теплые страны канюков.

Канюки сове сказали:

– Совушка, полетим с нами!

Сова сказала:

– Нет, не полечу! В тундре среди лесистых холмов, вместе с куропаткой, должно быть, придется зимовать. Когда не будет мышей, куропаточкой буду питаться.

А куропатка оказалась неподалеку. Услышав такие слова, на кочку встала и сказала:

– Если я тут останусь, то пропаду, оказывается. Надо куда-то убираться!

Сова, должно быть, увидела ее.

– Куропатка! Куда отправляешься?

Куропатка сказала:

– Товарищи наши, кажется, в теплые страны улетели. Пока видны их следы, за ними отправлюсь.

Сова сказала:

– Эх, куропатка! Как ты не соображаешь? Ты же видишь улетающих в теплые страны? Вон там отверстие в солнце. Они сквозь него полетят. А оно горячее будет. Оно узкое будет. Они-то пролезут. А мы с тобой ведь не пролезем. Там застрянем и сгорим.

Услышав такие слова, куропатка стала плакать, и оба глаза ее покрылись кровью. Она говорит:

– В теплую страну гусей хотя и полетели бы мы, да ведь сгорим в солнечном отверстии. На этом месте остались бы, да, если не будет мышей, старик-сова нас хочет есть.

Тут куропатке на месте умирать невозможно показалось. И побежала она куда глаза глядят.

Долго ли, коротко ли бежит по хребту гор, только голова набок, только хвостом потряхивает да ножками семенит.

Впереди нее на склоне травянистой кочки стоит мышь, горделиво подняв нос.

– Куропатка, если по этому месту пойдешь, тебя живой не выпущу!

Куропатка никуда и не смотрит. Когда поравнялась с мышью, мышь на нее набросилась и в заднюю ногу вцепилась. Семь раз уперлась, на седьмой раз у нее поджилки ослабли, а куропатка идет, только ножки мелькают, только хвостиком потряхивает, и голова набок. Мышку за собой тащит.

Долго ли, коротко ли шла, навстречу ей идет горностай с поднятой головой:

– Если тут пойдешь, тебя живой не выпущу!

Куропатка никуда и не смотрит. Когда она поравнялась с горностаем, горностай на нее набросился, но промахнулся, в заднюю ногу мыши вцепился зубами. Семь раз уперся, так что огромные комья снега полетели. Тут поджилки у него не выдержали, ослабли.

А у куропатки только ножки мелькают, хвостиком потряхивает, голова набок. Миновала хребет. Спустилась в долину. Дошла до берегов горьководного моря. По высокому берегу горьководного моря пошла влево.

Навстречу ей песец прогуливается. Только завидел куропатку, сразу сказал:

– Куропатка, если по этому месту пойдешь, тебя живой не выпущу!

Куропатка ничего не опасается.

Вдруг из-под корня дерева песец выскочил, на куропатку набросился. Куропатку схватить не успел, мышку схватить не успел, за заднюю ногу горностая ухватился. Семь раз уперся. На седьмой раз поджилки у него ослабли.

У куропатки только ножки мелькают, хвостиком потряхивает, голова набок.

С большого хребта в море впадала широкая лесная река, туда спустилась. В устье реки лиса завидела куропатку и сказала:

– Куропатка, если сюда идешь, тебя не пропущу, живой не отпущу!

Куропатка ничего не боится, не остерегается. Когда поравнялась с лисицей, лиса из-под корня дерева выскочила. Куропатку схватить не успела, за задней ногой песца потащилась. Семь раз уперлась. На седьмой раз поджилки у нее ослабли.

А у куропатки только ножки мелькают, хвостиком потряхивает, голова набок.

Долго ли, коротко ли шла, вверх по лесной реке поднимается. Впереди, между сопками, похаживает росомаха. Куропатку, кажется, заметила. Увидев куропатку, сказала:

– Куропатка, если сюда придешь, тебя не пущу, живой не отпущу.

Куропатка ничего не опасается. Когда куропатка поравнялась с росомахой, росомаха на нее кинулась. Куропатку схватить не успела, мышку – не успела, горностая – не успела, песца – не успела, за заднюю ногу лисы ухватилась. Семь раз уперлась, на седьмой раз поджилки ослабли.

А у куропатки только ножки мелькают, хвостиком потряхивает, голова набок.

Долго ли, коротко ли шла, впереди волк похаживает на опушке леса.

Куропатку как будто заметил и говорит:

– Куропатка, если здесь пойдешь, тебя не пущу, живой не отпущу.

Волк на куропатку бросился. Куропатку схватить не успел, мышку – не успел, горностая – не успел, лисицу – не успел, за задней ногой росомахи потащился. Семь раз уперся. На седьмой раз поджилки у него ослабли.

Куропатка по лесной реке вверх поднимается. Лесная река извилистой стала. На крутом повороте извилистой реки бурый медведь прогуливался. Куропатку как будто заметил и проговорил:

– Куропатка, если здесь пойдешь, тебя не пущу, живой не отпущу.

Куропатка ничего не остерегается. Медведь за заднюю ногу волка зубами уцепился. Семь раз уперся. Мышь пополам разорвалась. Когда мышь перервалась, куропатка, садясь на кочку, закричала по-куропаточьи:

– На берегу моря, оказывается, житья нет! В лесу житья нет! Придется мне жить в тундре среди холмов, в кустарниках, вместе с совой.

С того дня куропатка живет в тундре вместе с совой.

Тут и конец.

Рассказал И. Ледков
(пос. Варандей, Амдерминский р-н, Ненецкий н. о.).
Записала в 1950 г. и перевела А. Щербакова

ЛЕСНОЙ И МОРСКОЙ МЕДВЕДИ

Сказка

Однажды шел лесной медведь и дошел до высокого морского берега, а тут и морской медведь тоже вышел на землю.

Увидев это, пошел лесной медведь навстречу морскому. А у морского медведя ощетинилась шерсть.

– Почему ты, черный, ходишь по моей земле?

– Откуда взялась у тебя земля, что ты запрещаешь по ней ходить?

Вот встали оба на задние лапы. Как схватились, дрогнула земля.

Что же будем еще рассказывать? У обоих великанов только слюни брызжут. Целые полдня боролись. У обоих на уголках рта появилась пена.

Вот и вторую половину дня провели в драке. Ни один не может одолеть другого.

Когда солнце спустилось низко, устали. Уселись на разные кочки.

Через некоторое время заговорил лесной медведь:

– Морской, ты, оказывается, сильнее меня. Но я увертливее. Поэтому ни один из нас не может побороть другого. Должно быть, это оттого, что мы с тобой братья. Разве деды наши не братья? А раз братья мы, так что же мы делим?

И морской медведь тоже сказал:

– И в самом деле! Земля наша очень обширна. Да и братья мы, кроме того. Что же и зачем мы делим?

Лесной медведь сказал:

– Морской, это я оказался виноват. Не буду больше приходить на твою землю. Буду жить на своей земле.

Морской медведь тоже сказал:

– Лесной, не доходил я до твоего леса и впредь туда не пойду. Буду жить только на своей земле.

Сказав это, разошлись в разные стороны. Лесной медведь ушел в свой лес. Морской медведь никуда не ушел от своего моря. Как сказал лесной медведь, так и сделал: никогда больше не выходил он к горьководному морю.

С той поры оба великана всю свою жизнь живут каждый на своей земле.

Тут и конец.

ПОЧЕМУ СОВЫ НЕ ВИДЯТ СОЛНЕЧНОГО СВЕТА

Сказка

Жил старик-сова со своей старухой, и был у них один-единственный сын.

Пришло время сына женить.

Сказал тогда старик-сова своей старухе:

– Надо женить нашего сына. Не знаешь ли ты для него жены?

Ответила старуха-сова:

– Я целыми днями в чуме сижу. Что я знаю? Ты повсюду ходишь. Тебе лучше известно, где найти жену для нашего сына.

Сказал на это старик-сова:

– Ну, если ты не знаешь, то я знаю. У воронов есть младшая сестра. Придется нам перекочевать в их землю.

Вот пустились совы в путь. Долго ли, коротко ли кочевали, только доехали без всяких происшествий. Младшую сестру воронов в жены своему сыну взяли. Сыграли свадьбу. Потом совы обратно в свою землю отправились. Проехали около семи дневных перекочевок. Остановились, чум поставили. Несколько дней на одном месте живут.

Сестра воронов уж очень черна. И характер у нее вспыльчивый. Никакого поперек ей сказанного слова не

стерпит. А старуха-сова ворчливая, всегда на своем поставить хочет.

Стала однажды молодая невестка волосы расчесывать.

— Бабушка, — говорит она, — мне голову смазать надо бы. Нет ли у тебя мозга из ноги дикого оленя?

Старуха-сова заворчала в ответ:

— Мозг из ноги дикого оленя тебе понадобился! Откуда его взять? Твои родные не положили мозгу в твои нарты. Да и черную голову чем ни смажь, все равно не станет она белой.

Невестка ответила:

— Моя чернота вместе со мной на свет появилась.

Так, слово за слово, и поспорили. Рассердилась невестка на свою свекровь и говорит:

— Пока видны еще мои следы, пойду-ка я обратно в свою землю.

Ушла сестра воронов, а совы перекочевали в свои места. Надо им для сына новую жену искать.

Вот наступила весна. Из теплых стран прилетели канюки. Сказала тогда старуха-сова:

— В поисках невесты мы по лесам кочевали. А тут девушки-невесты сами к нам приехали. Можно взять в жены нашему сыну дочь птиц-канюков.

Взяли совы в жены своему сыну дочь птиц-канюков. Сыграли свадьбу. Вместе жить стали. Невестка всем хороша: добрая, работящая, воду и дрова для чума заготовляет, никогда слова грубого не скажет.

Только однажды заболела у невестки голова. С каждым днем все хуже становится.

Говорит старик-сова своей старухе:

— Хороша невестка наша, да как бы не умерла она.

Сказала старуха-сова:

— Недалеко от нас живет, говорят, шаман-мышелов. Нужно его позвать, может быть, он вылечит нашу невестку.

Пошел сын совы за шаманом-мышеловом.

Пришел шаман-мышелов, сказал:

— Сделайте для больной чум из дерна. Пока я лечить буду, в этот чум не входите.

Сделали совы чум из дерна. Внесли туда больную. Вместе с ней шаман-мышелов вошел. Семь дней лечит. Совы и близко к чуму подойти не смеют.

Через семь дней стих голос шамана. Потом он сказал:

– Откройте двери чума.

Открыл старик-сова двери чума, и шаман-мышелов оттуда стрелой вылетел.

Послушала старуха-сова и говорит:

– Не слышно больше стонов нашей больной. Наверно, она поправилась.

Вошли совы в чум, а от дочери канюков только косточки остались.

У старика-совы, у его старухи, у их единственного сына слезы так и полились. Словно аргиши* текут у них слезы по обеим сторонам клювов.

Стали канюки перекочевывать в теплые страны, увидели, как плачут совы, и говорят:

– Чего вы так плачете? Есть у нас ведь еще женские шапки, невесты есть. Если одна умерла, другую дадим.

Сказал старик-сова:

– С женами из других мест нам не посчастливилось. Будем мы зимовать в своей тундровой земле на ернистом хребте. Может быть, в этих местах найдем невесту своему сыну.

Улетели канюки, а совы опять плакать стали. Так плакали, что глаза у них закрылись. С той поры и не видят совы дневного света.

Этой сказке конец.

Рассказал Н. Вылка.
Записала в 1934 г. и перевела Н. Терещенко

КАК ЛИСА БОГАТСТВО ДОБЫВАЛА

Сказка

Жила в тундре одна очень злая и завистливая лиса. Кто знал эту лису, тот ее боялся и дружить с ней не хотел.

Однажды лиса узнала от людей, что на том берегу богатые юраки-ненцы живут, добра всякого много

* Аргиш – караван из оленьих упряжек.

имеют. И часто юраки с лусами (русскими) торгуют там.

Пришла она к реке и думает: «Как бы на тот берег попасть, там добыча богатая...»

Долго лиса на берегу так сидела.

Вот видит, лодка по середине реки плывет. Людей в лодке много. Спрашивает она их:

– Куда плывете?

– С русскими людьми торговать едем. Меха и рыбу менять будем.

– Возьмите меня с собой, толмачом вам буду. Я по-русски говорить умею. Вот, послушайте: «Кадыр-мадыр», «Етушки-матушки» – вот как.

Взяли ненцы лису в лодку и поплыли дальше по течению. Поверили ей.

В лодке всякого добра было много. Лисе уже завидно: «Много товару имеют они, за него всякой русской еды, разного цвета сукна, сетей, капканов выменять можно», – думает. И захотелось ей завладеть юрацким добром. Сидит, гадает: «Как же это сделать-то?»

Плывут промысловики вдоль берега, плывут и плывут, веслами гребут, разговаривают между собой по-своему. И не видят рыбаки, что лиса какое-то зло замышляет. А лиса все думает-думает и какую-то хитрость придумать хочет.

Вот, кажется, придумала. Спрашивает она рыбаков:

– Скоро приедем к торговым лусам? Где будет у них становище-харад?

– Вниз по реке еще долго плыть будем. Еще день-ночь мера будет.

Вот день целый плывут. Но тут лиса говорит, что заболела она. Схватилась за живот, стонет, плачет, корчится в лодке...

Просит она рыбаков:

– Ой, однако, сильно заболела я. Ой, умру! Давайте причалим к берегу, костер запалим, погреемся. Чайку горячего бы!..

Пожалели ненцы лису. Причалили к сухому бережку, сушняка набрали, разожгли костер. Дело к ночи уже было. Напились горячего чая рыбаки, спать на берегу улеглись. И лису «больную» меж собой положили. Уставшие люди сразу и захрапели.

Лиса, конечно, не дремлет. Выскользнула, лодку

оттолкнула и поплыла по течению реки. Плывет лодка и плывет, а лиса лежит на мешках с пушниной и юколой лакомится, лежит себе на ящиках с рыбой и глаза закрыла – довольная от удачной проделки.

Проснулись утром юраки-промысловики, а лодки нету. И лисы постель, где она лежала-стонала, давно остывшая. Что тут пользы бегать, кричать: обманула добрых людей хитрюга.

Долго плыла лиса, всю ночь и весь день. Веслами грести она не умела. Течение лодку несет, а она мало-помалу правит кормовым веслом.

Только на другой день подплыла лиса к становищу торговых людей. Вышла на берег и начала лусам товар продавать-предлагать: меха, рыбу и многое другое.

Осмотрели русские люди товар и думают: «Товар-то хороший. Только как вот лиса охотилась и рыбачила? По тундре не слыхать такого было. А если у кого украла? Кого-то, должно быть, обманула хитрая лисичка».

– Покуда с лисой торговать не будем, – решили русские. – Может, хозяин товара найдется? А лису... да, у нее шкурка-то баская! Лису надо в темную пока запереть...

Окружили торговцы лису, будто что менять-покупать у нее задумали. Схватили, заперли в темную.

А тем временем те рыбаки, которых лиса вздумала обдурить, пешком по берегу пришли. Все рассказали. Товар свой да лису-обманщицу ищут.

– Вот ваш товар, – русские люди говорят. – А лиса-то, выходит, наша. Шкурка-то ее на пялах уже сушится. На воротник сгодится.

На том и порешили.

Хорошо, говорят, торговались-менялись люди, все довольны остались.

Записала и пересказала Л. Ненянг

ДЕВУШКА И ГАГАРА

Сказка

На берегу озера стоял чум. Жили в этом чуме старик со старухой и их взрослая красавица-дочь.

Пошла как-то девушка гулять по берегу озера. Шла-шла, от чума далеко ушла. Устала и присела на траву отдохнуть.

Вдруг большая черногрудая гагара прилетела, на воду села и смотрит на девушку. Удивилась девушка и начала прогонять гагару, но птица не улетает и никуда не плывет – очень близко от девушки на воде сидит и смотрит, смотрит. Девушка в одну сторону по берегу пошла, потом в другую, а гагара все за ней плывет.

Сняла девушка свой красивый пояс и силок-ловушку из него сделала, чтоб надоедливую гагару поймать. Сама отошла в кустарник. Но гагара схватила этот пояс и улетела.

Пришла девушка домой и рассказала матери, как одна гагара ее пояс с собой унесла. Мать говорит ей:

– Птице гагаре зачем пояс? Потеряла, наверное, пояс, а гагару придумала?

Матери девушка больше ничего не сказала.

На другой день девушка опять пошла к озеру и увидела, что все гагары улетают в теплые края. Как же теперь убедить ей свою мать, что птица гагара с ее поясом улетела?

Вот лето кончилось, и наступила зима. Потом и зима прошла, опять весна пришла. Из теплых краев стали птицы возвращаться. Веселее в тундре стало.

В один какой-то день девушка увидела, как на озеро прилетели гагары, а с ними была и гагара с ее поясом. Удивилась девушка: «Почему птица носит мой пояс? Какая странная птица! Может, непростая эта гагара?»

И опять эта гагара стала приплывать. Как только девушка вечером выйдет на берег и сядет на траву – сразу приплывает гагара с ее поясом. А потом и днем стала к ней прилетать: увидит гагара девушку далеко от родного чума и летает над ней, и летает. Покой потеряла девушка, а что сделать, чтоб гагара отстала – не у кого спросить.

Увидела это мать и говорит дочери:

– Говорила я тебе: не ходи вечером одна к озеру или к

реке – что-нибудь привидится или украдет тебя кто-нибудь. Однако, гагара эта «украла» тебя.

Но девушка все равно уходила к озеру. Какая-то сила тянула ее туда. И только она придет, сядет – откуда-то гагара прилетает и недалеко от берега садится на воду. Видно, ждет птица девушку и выслеживает.

И так все лето было...

И вот однажды, в конце лета, пришла так же девушка на берег озера, села и ждет. Гагара прилетела, села на воду и к ней плывет... Подплыла совсем близко и вышла на берег и – в красивого парня-богатыря превратилась птица. Парень был в богатой одежде и ее поясом подпоясан.

Подошел юноша к девушке и говорит:

– Вот, теперь самим собой я стал. Три года гагарой был. Один злой шаман хотел меня своим работником сделать. Я отказался. Он меня заколдовал. Теперь его сила прошла, потому что человеческий пояс на мне. Теперь всегда человеком буду, если буду носить этот пояс. Ты меня спасла. Женой моей будешь, однако.

Парень и девушка пошли в чум старика и старухи, родителей девушки, и обо всем рассказали. Потом шумную красивую свадьбу сыграли.

Говорят, молодой муж хорошим рыбаком и охотником стал. И теперь у него много оленей. Всем он выделялся: и силой богатырской, и красотой особенной, и старанием в делах. Долго и счастливо жили они с женой-красавицей и мастерицей, много детей имели, а потом и внуков.

Записала и пересказала Л. Ненянг

ХОЗЯИН И РАБОТНИК

Сказка

Жили два брата. Жили они очень бедно. Однажды один из братьев говорит:

– Одному из нас надо остаться дома, а другому пойти наняться в работники к богачу.

Так и сделали. Один из братьев остался дома, а другой отправился к богачу.

Вот пришел он к богачу. Богач сказал:

– Ты будешь работать у меня до весны. Закончишь работу, когда закричит кукушка.

Бедняк согласился. Тогда богач дальше сказал:

– Вот что я тебе еще скажу: ты ни на что не должен обижаться. Если только обидишься, должен будешь отдать мне сто оленей. Если же я обижусь, тогда я должен буду дать тебе сто оленей.

Бедняк говорит:

– У меня ведь нет ста оленей.

– Ничего, тогда будешь работать у меня до следующей осени, – говорит богач.

Работник долго думал. Наконец, сказал:

– Пусть так будет!

Про себя он подумал: «Уж я-то ни на что не обижусь».

Вот начал бедняк работать у богача.

Однажды утром хозяин послал работника в оленье стадо.

– Ступай в стадо, на улице уже светло. Когда стемнеет, тогда вернешься.

Целый день пробыл работник в оленьем стаде. Стало темнеть. Когда скрылось солнце, работник вернулся в чум. Хозяин спросил:

– Почему ты уже вернулся?

Работник говорит:

– Ведь солнце скрылось, уже вечер наступил.

– Правильно, уже наступил вечер, – говорит богач. – Но я ведь так тебе говорил: «Работай, пока не стемнеет, только после этого приходи в чум». Сейчас, правда, солнце скрылось, но вместо него месяц взошел.

Работник говорит:

– Что же это? Так мне придется работать все ночи.

Богач спрашивает:

– Ты что, обиделся на меня?

– Нет, не обижаюсь я, – отвечает работник.

Опять пошел работник в стадо. Месяц светит всю ночь, и всю ночь пробыл работник в стаде. Утром месяц зашел. Вместо месяца взошло солнце. Работник бросился на землю и стал бранить богача:

– Так все время и придется мне, по-видимому, работать. Сам-то богач не работает. Хорошо ест, а меня он не кормит и одежды мне не дает.

Бедняк не видел, что богач был в это время близко. Богач заговорил:

– Ты на меня обиделся, так давай сотню оленей. Если же не дашь сотни оленей, придется тебе у меня работать до следующей осени.

Проработал бедняк у богача до осени, ничего не заработал. С пустыми руками вернулся домой.

Вот вернулся бедняк домой, а брат его спрашивает:

– Ну, сколько тебе богач дал оленей?

Тогда бедняк рассказал про то, как он работал.

Сказал тут второй брат:

– Ну, теперь ты оставайся дома, а я пойду работать.

Пошел второй брат работать к богачу. Пришел он к богачу, тот и говорит:

– Долго ты будешь у меня работать. Только когда закричит кукушка, тогда закончишь работу. Пока работаешь, на меня не обижайся. Если только обидишься на меня, ты должен будешь отдать мне сотню оленей. Если же я обижусь на тебя, то я дам тебе сотню оленей.

Работник говорит:

– Хорошо, только сотни оленей мало. Давай так договоримся: кто обидится первым, тот должен будет отдать другому тысячу оленей.

Долго думал богач, наконец, сказал:

– Пускай так.

Про себя богач подумал: «Ладно, у меня же оленей будет больше».

Начал работник работать у богача. Вот однажды солнце уже взошло, а работник все еще спит. Стал богач будить работника:

– Вставай, бродяга! Солнце уже давно поднялось, а ты все спишь.

– Ты что, на меня обижаться начинаешь? – спрашивает работник.

Богач говорит:

– Нет, я не обижаюсь. Просто я говорю тебе: иди в стадо.

Работник стал потягиваться.

– Скорее, очень уж ты медленно собираешься.

Работник опять спрашивает:

– Ты что, обижаешься?

– Нет, не обижаюсь, – говорит богач. – Только, если будешь так возиться, опоздаешь на работу.

Работник долго одевался. Потом долго умывался. Уже наступил полдень. Работник говорит:

– Давай сначала хорошенько поедим, потом уже я пойду на работу.

Поели, работник и говорит:

– Уж очень я наелся. Не могу работать. Вздремну немного. – Положил работник голову на траву и заснул. Богач не выдержал, закричал:

– Почему ты не идешь на работу? Другие уже вернулись с работы, а ты еще не выходил на работу.

Работник открыл глаза, посмотрел на небо и говорит:

– Уже начинает темнеть. Не буду я сегодня работать.

Богач закричал сильнее прежнего:

– Почему не будешь ты сегодня работать?

– Ах, ты начинаешь обижаться? – спрашивает работник.

– Нет, я не обижаюсь, – говорит богач. – Просто говорю. Довольно, говорю, на сегодня. Не ходи сегодня на работу. Уже наступил вечер.

– Да ты в самом деле не обижаешься, – говорит работник. – Пусть будет по-твоему. Давай спать ложиться.

Так проработал батрак три месяца. Не радует богача его новый работник. Плохой работник и очень хитрый. Работает мало и на хозяина не обижается.

Захотел богач обмануть работника. Думает: «Как бы обмануть мне хитрого работника? Глупо я сделал, зачем сказал ему – работай у меня, пока не закричит кукушка. А до весны еще далеко».

Долго думал богач. Наконец, надумал. Пришел богач домой и говорит жене:

– Ступай в лес и заберись на дерево. Как только мы покажемся, ты крикни кукушкой, только не попадайся на глаза.

Пошел богач к работнику и говорит ему:

– Пойдем на охоту.

Взяли они ружья, отправились в лес.

Дошли до леса.

Увидела их издали жена богача. Начала она кричать как кукушка:

– Хутий, хутий, хутий!

Богач и говорит работнику:

– Слышишь, кукушка кричит! Раз уже кричит кукушка, пора тебе кончать у меня работать. Ступай к себе домой.

Понял работник, что богач его обманывает: разве кричат зимой кукушки?

Работник говорит:

– Ладно, только сначала посмотрим, что это за зимняя кукушка. Посмотрим, что это за птица.

Сказал это работник и навел свое ружье на дерево, на котором кричала кукушка.

Когда увидел это богач, набросился он на работника. Начал отнимать у него ружье. Сам кричит:

– Худо стрелять в человека! Если убьешь ее, плохо тебе будет.

Работник говорит:

– Ах, ты, оказывается, обиделся на меня?

Богач стал браниться:

– Ты чуть не убил мою жену. Ступай к себе домой! Возьми оленей!

Взял работник у богача оленей и вернулся к себе домой.

После этого хорошо зажили братья.

СТАРИК ХЭНГОРЕ

Сказка-быль

Жил в тундре старик. Звали его Хэнгоре, по фамилии Ядне. Жили они со старухой одни, не безбедно. Оленей у них было много.

Старик Хэнгоре целыми днями одно бревно обтесывает. Тесал-тесал – сделал из бревна человека-идола. И говорит Хэнгоре своей старухе:

– Достань все свои украшения. Наряди этого идола девушкой. Вдруг кто-нибудь приедет свататься, искать себе жену? Может, нам какая польза будет?

Старуха так и сделала.

Идола-девушку старики спрятали в полог от комаров. Ноги «девушки» в бакарях из-под полога торчат, будто она спит. А чтобы «ноги» были как живые, привязали к бакарям веревочку. Шевельнет старуха украдкой эту веревочку – будто «девушка» ногами шевелит, ворочается. А когда ворочается, украшения звенят.

Старик Хэнгоре Ядне уехал в другое стойбище погостить. Старуха дома осталась, сидит, женихов поджидает.

Приехали на быстрых упряжках молодые парни. В чум к Хэнгоре гостевать зашли. И увидели...

Спрашивают парни:

– Бабушка, а что это твой старичок днем спит – ведь грех спать?

– Где это вы видите старика? Это же моя дочь, – отрезала старуха (а сама веревочку подергивает слегка). – Ей так нравится. Мы ничем дочь свою не неволим. Пусть себе спит-отдыхает, пока не замужем.

Вернулись парни домой в свое стойбище и рассказали всем, что у Хэнгоре-старика, оказывается, есть незамужняя дочь. Правда, своенравная она девушка.

– Вся в украшениях, – рассказывают парни. – Так и звенят, так и позвякивают.

– Однако, сватов к ней отправлять надо, – решили женихи.

Однажды в стойбище Хэнгоре Яднэ приехало десятка два оленьих упряжек. Парни – один другого краше. Лица румянее красного сукна.

Долго торговался старик Хэнгоре, много оленей за свою «дочь» просил. Много шкур песцовых, лисьих, оленьих стоила его «красавица-дочь». Одних украшений у нее на оленье стадо. Так говорил старик женихам.

И один из парней, краше, чем щавель, растущий на склоне яра, пообещал столько, сколько просил Хэнгоре.

Уехали богатые женихи, обещали приехать за невестой по весне.

А старик со старухой уже радуются, какое у них в будущем году большое оленье стадо будет, как много добра прибавится в их хозяйстве.

Перед приездом гостей старик велел старухе нарядить его девушкой.

Лицо закрыл, мол, скажем, стеснительная у нас дочь.

Приехали гости и сваты за невестой. Навстречу им вышла одна старуха.

– Где же старик твой? – спрашивают гости.

– Старик на озеро за рыбой уехал, а то ведь мне угощать вас нечем.

Ждали-ждали гости, а старика Ядне нет как нет.

И рассердились сваты. Кричат:

– Снаряжай, бабка, свадебные нарты, сади свою дочь и поехали к нам!

Старуха так и сделала. Снарядила свадебные нарты, усадила туда «невесту», закрыла ее покрывалом из красного сукна и поехали.

Ехали-ехали, а на пути бурная и глубокая речка попалась. Переехать ее – не так-то просто. Начали мужчины аргиши через речку переправлять, тут свадебная нарта «невесты» и опрокинулась, перевернулась на быстром течении. Куда старику деваться? От испуга закричал он своим мужским голосом, когда в студеную воду упал. Вот смеху-то было!

С позором их со старухой вместе и прогнали люди от себя. Больше их никто не видел.

Записала и пересказала Л. Неняпг

НОХО-СИЛАЧ

Легенда

Вот вышла моя сказка. И пошла по земле. Сколько-то времени ходила. Много земли исходила. Наконец, на один чум набрела. Эту сказку дед мой услышал, говорят. Сыну своему, отцу моему, рассказал. Отец – мне, а я – тебе рассказываю. Слушай.

Давно это было, за нашими глазами. Старые люди говорят: в те времена рыбы по земле ходили, а звери с людьми на человеческом языке разговаривали, и друг друга понимали они. Спроси любого старого человека. Говорят, это правда. В самом деле было так.

Однажды умерло солнце. Раз померкло оно, Земля тоже вот-вот при смерти была. Завыли тут собаки, а олени, растаптывая друг друга, бежали прочь, не зная куда. Холодно стало. Темно на Земле.

Вот в этот самый день украл злой Тысье у старика Хэтанчи его единственную дочь, Няркне.

Теперь сказка к одному юноше пошла. Нохо звали этого парня. Нохо – значит Песец.

Что и говорить, на его белом лице два узких глаза по-

перек, как острым ножом прорезаны – так он был красив. А за то, что работящий был, Нохо (Песец) его и прозвали. Запряг красавец Нохо своих четырех лучших оленей. Поехал себе жену добывать. Торопится. Едет он, а позади него снежный буран остается, летящих по небу птиц-соколов Нохо опережает.

Семь длинных ночей и семь длинных дней не было солнца. Нохо тем временем все едет – спешит. Холодно, темно, а он все едет и едет.

Сказка наша вместе с Нохо. Девушку Няркне, за которой он едет, однако, он сердцем нашел. Очень спешит Нохо, все время гонит упряжку. В те времена, говорят, сильнее Нохо никого не было. Очень был сильный парень.

Да и девушка, Няркне – красавица, какую нигде не найдешь. Видать, действительно это было так, ведь походила она, Няркне, на дождевую каплю, что свисает с шеста чума, когда дождь идет. И, конечно, мастерицей была Няркне. Две ее косы как два самых толстых шеста чума, разве такую еще где встретишь?

Как бы то ни было, доехал все же Нохо до чума Хэтанчи. Сватов вперед себя отправил. А старик что скажет? Молчит Хэтанчи. Ведь дочь свою он позволил украсть. Разве у него есть силы обратно ее отобрать? Как только Нохо показался в дверях чума, старик сказал:

– О, какая хорошая погода принесла тебя? Теперь я живу!

Тут они, наверное, поели. Наверное, Нохо заночевал у Хэтанчи. Но вот собаки залаяли: кто-то приехал. Как посмотрели – это был Тысье.

Войдя в чум, Тысье сказал Нохо:

– Если ты хочешь отобрать девушку, которую я взял, давай бороться.

Тогда старик Хэтанчи так сказал:

– Боритесь, дела нет. Кто из вас победит, тот и возьмет мою дочь. А я буду смотреть и судить вашу борьбу.

Вышли на улицу. Сначала, по совету Хэтанчи, Нохо и Тысье стали через нарты прыгать. Нохо победил, Тысье ослаб. Рассердился.

Начали бороться. Вот уже на небе звезды показались, а они борются. Ни один из них на спину не падает. Но вот Нохо так закружил Тысье, что у того бакари снялись.

Какое-то время босиком Тысье борется.

– Хватит уж, – сказал, наконец, Хэтанчи. – Ведь видно, что Нохо сильнее. Хватит.

Тут и свадьбу сыграли, выдали девушку замуж за силача Нохо. Тысье тоже был среди гостей.

Назавтра, запрягая оленей, Тысье сказал Нохо:

– Вчера ты меня под себя положил, одолел. В самом деле, силен ты. Вот моя упряжка – четыре пестрых моих оленя – возьми их себе.

Засмеялся Нохо:

– Зачем мне твои олени, у меня свои есть: рога у них серебряные, копыта медью отливают. Разве не видишь?

– Тогда возьми мои нарты, полозья у них из мамонтовой кости, – сказал Тысье.

Нохо сказал:

– Езжай-ка ты домой. Я не нуждаюсь в нартах. У всех моих нарт серебряные полозья.

Ничего не хочет Нохо. Пристыженный Тысье взялся за вожжу и укатил. Как ветром его сдуло.

Вот с тех пор опять ожило солнце. Нохо увез Няркне. За своими нартами молодожены вели длинные аргиши. Они уехали в те края, где жил Нохо.

Много было еще приключений с силачом и смельчаком Нохо. Половину сказки я тебе завтра расскажу. Ведь ты еще зайдешь ко мне?

Записала и пересказала Л. Ненянг

СЫН ХОЗЯИНА ЯБТА САЛЯ

Сказание

Речка. Берег. Ягель. Ивняк.
Далеко от Ябта Саля*
затерялся средь тундры чум:
бедный, плохонький и кривой,
не оленьей шкурою крыт,
а травой прошлогодней. Там
много лет старуха живет:
уж зима к ее волосам
подбирается сединой,
бедность дни затемнила ей,
а болезни спать не дают.
Но старуха детей растит –
мальчик с девочкой в чуме том,
как травинки две, поднялись.

Слово-Песня мимо летело –
с неба на землю опустилось,
через дымник в чум залетело,
возле полога затаилось,
смотрит, слушает: что и где? –
может, к счастью, может, к беде.

Нум!** Дух Неба, старик небесный,
Слову-Песне ты помоги,
чтобы верха над Словом-Песней
никогда не взяли враги,
чтобы все, что оно видало,
что слыхало в тундре когда,
людям будущим рассказало,
пронеся сквозь дни и года.

* Ябта Саля – узкий мыс; здесь – название родового урочища. *(Здесь и далее примечания Л. П. Неняпг.)*

** Нум – верховное божество ненецкой мифологии, дух-вседержитель Неба и мироздания.

I

Слово-Песня взвилось, как птица,
полетело скорей туда,
где должно бы что-то случиться...
Может, счастье, может, беда.

Берег. Стойбище. Чумы в ряд
над рекой стоят. Все черны,
все угрюмы и высоки.
Их владелец – большой богач,
великан, кулачный силач –
злобный Хан Хаденгота*...

Он
спит и дергается во сне,
потому что в который раз
видит он навязчивый сон:
берег речки, ягель, ивняк,
одинокий плохонький чум,
не оленьей шкурою крыт,
а травой прошлогодней, –
там
пожилая вдова живет,
мальчик с девочкой вкруг нее
подросли, как былинки две...

И на самом деле: стоит
по-над речкой плохонький чум,
и на самом деле вдова
дочь и сына растит.
Пурга
подгрызает его бока,
дождик сверху гноит его,
снизу холод его сковал.
Трое в чуме: дети и мать,
пригорюнились у огня –
за движеньем огня следят.
Мать заботливо говорит:
– Повнимательней помолчите

* Хан Хаденгота – букв.: тот, у кого нарта с древесной серой.

да послушайте, что для нас
приготовил нынче учитель,
что нам скажет на этот раз
наш Хозяин-Огонь – основа
нашей жизни, нашего слова?..

И огонь, как шаман, тотчас
задрожал, заметался – треск,
дым да искры поразметал
вбок и вверх. Языки его
перевились, как змеи: «И-и-и!» –
лишь и смог просвистать огонь,
и не радостной весть была,
и тревога звучала в ней.

А вдали запахло бедой.
Не всходило солнце еще,
а уж Хан Хаденгота встал,
сны отбросил. Покинул чум.
И, чтоб слышали слуги все,
в тундру мощный отправил крик:
– Эй! Оленей мне пригоните!
Самых резвых мне отберите!
Самых бешеных запрягите!
Прокачусь-ка по ветерку –
разгоню по снегам тоску...

Крик и шум. Беготня. Ему
подогнали оленей, вмиг
запрягли их в упряжку так,
чтобы Хан Хаденгота в путь
мог отправиться хоть куда.
Он к упряжке еще подпряг
быстроногих важенок, пал
на тяжелую нарту сам –
и лишь снег завихрился вслед.

Полетела упряжка вдаль,
быстро скрылась она из глаз –
едет Хан Хаденгота так,
как велел ему ночью сон.
Едет он, на снега глядит

и поет – распирает грудь
то ли крик, то ли хрип ему:
  – Я, наверно, богаче всех.
  Я, конечно, сильнее всех.
  Я владею всей тундрой, эх! –
  кто осмелится одолеть,
  пусть готовится умереть...

Принесли олени его
к дальней речке. Берег. Ивняк.
Там стоит одинокий чум –
не оленьей шкурою он,
а травой прошлогодней крыт:
сразу видно, что дом сирот, –
нет мужчины взрослого в нем.

Подогнал упряжку свою
к чуму Хан Хаденгота вплоть.
С нарты он хорей* протянул,
полог чума им отвернул.
Беден чум, а богач велик –
на порог не ступит ногой.
Тяжело вздохнул великан
и запел о прошлых делах,
восхваляя удаль свою:
  – Десять лет навязчивый сон
  мне спокойно спать не давал.
  Женщина, десять лет прошло,
  но я все ж тебя отыскал!
  Здесь, на этих пастбищах, жил
  сам Владыка Ябта Саля,
  и такого богатыря
  вряд ли раньше знала земля.
  Мы пришли из семи краев,
  натянули луки свои,
  но нельзя было одолеть
  нам Владыку этой земли.
  Десять лет мы сражались с ним,
  десять лет не кончался бой,

* Хорей – шест для управления упряжкой.

стрелы вились, как стаи птиц,
над речонкою голубой.
Землю всю истоптали мы,
чумы все изодрали мы,
но в сраженье с мужем твоим
много сил потеряли мы.
Все же мы сломили его,
уложили в землю его,
поделили стада его...
Нынче я – владетель всего!

Сплюнул Хан Хаденгота в снег
и, посапывая, хорей
в чум просунул –
нашарил там
дочь старухи. И выволок,
перепуганную, на свет.
Он с конца хорея ее
прямо в нарту сбросил, потом
привязал, увязал, как тюк,
чтоб сбежать она не могла.
И, довольный, захохотал.
Просмеявшись, он так сказал:
– Я беру твою дочь себе –
оставляю сына тебе.
Пусть пока с тобой поживет,
пусть помучается, пусть сон
от него навсегда уйдет.
Пусть покоя лишится он!
А пока не окрепнет он
и за лук не схватится он,
я еще приеду сюда –
и прикончу его тогда.
Это я говорю не зря:
сын Владыки Ябта Саля
за отцом уйти обречен!..

Покрик. Посвист. Упряжка вмах
понеслась, унося с собой
в рабство девушку. А она,
приглядеться, стройна была –
как хорей стройна, подлинней

стрел – ресницы, но уж глаза
по-оленьи были темны
и такой излучали свет
на румяном круглом лице,
что видавший ее бывал
ослеплен сиянием глаз
и уже разглядеть не мог
за спиной ее две косы –
как две речки струящихся
в русле девичьих острых плеч...
Да! Недаром ее Сэвне*
назвала в колыбели мать.

Крепко-накрепко привязал
к нарте девушку великан –
тело стонет, душа кричит,
сердце рвется назад, к родным.
Но внимательный юный взгляд
все, что встретилось, примечал:
сопки, речки, холмы, кусты –
все приметы пути домой
из постылого плена. Стон
из груди исходил порой –
это был потаенный звук
тихой просьбы, глухой мольбы:
  – Нум! Глаз Неба, ты видишь все,
  что творится. И слышишь все...
  Так услышь молитву мою –
  помогай мне в чужом краю.
  Из беды меня выручай.
  Наставляй. Умереть не дай!

Подогнал упряжку свою
к дому Хан Хаденгота – в чум
к батракам затолкал Сэвне.
Стала там, как рабыня, жить
дочь Владыки Ябта Саля –
груз работ на стойбище лег
на девичьи плечи ее.

---

* Сэвне – букв.: девушка-глаза, глазастая.

Побежали тяжкие дни,
потянулись ночи – зимой
да и летом Сэвне в слезах.
Сядет, голову опустив,
мыслью раненой улетит
к дому, к чуму своих родных,
а сама про себя поет:
– Я – как рыбка в тугих сетях,
как песец, попавший в капкан, –
держит злой меня великан
на работах черных, в рабах.
Где вы, брат мой и мать моя?
Удлинятся ли дни мои?
Осушатся ль глаза мои?
Отдохну ль когда-нибудь я?

II

Слово-Песня вновь полетело
над огромною тундрой белой
в чум холодный, заледенелый,
вместе с ветром вошло туда,
где живет большая беда:
неужель она навсегда?

Мать-старуха, седая вся,
плачет, бедная, день и ночь,
словно чайка, что у гнезда
разоренного в крик кричит:
– Я-небя*, наша мать-земля,
поручаю сына тебе!
Нум, хранитель Ябта Саля,
доверяю сына тебе!
Об единственном о моем
позаботьтесь в краю чужом –
берегите его вдвоем!..

Слезы льются, а сына мать
снаряжает в далекий путь,

* Я-небя – родительница-земля, дух земли, покровительница женщин.

обряжает в парку* его,
сняв, изношенную, с себя:
лишь бы сыну было тепло,
лишь бы сын ее не замерз
в неизведанном том пути,
что от верной смерти ведет –
в холод, в голод, в простор снегов.

Вышел мальчик в свой первый путь,
может быть, и в последний путь,
чтобы Хан Хаденгота здесь
не застал его, не убил.
Он пошел по большим снегам,
не ломая наста, пошел –
мать глядела ему вослед:
как сперва он маленьким стал,
после вовсе маленьким стал,
а потом вообще исчез –
растворился в больших снегах.
И упала без чувств она
в шкуры – вдовью свою постель,–
будто бы простилась навек
с сыном, дочерью, миром всем.

Долог путь. Холодны снега.
Небо синее высоко.
Надо все же идти вперед –
сын Владыки Ябта Саля
вдоль по застругам держит путь,
и в мальчишеском сердце песнь
созревает сама собой:
– Если счастье на свете есть,
я к нему дорогу найду.
Может, там оно, может, здесь?
Как найду, домой приведу.
Две руки, две ноги да ум –
вот что взял в дорогу с собой.
Я вернусь в материнский чум,
но сперва поборюсь с судьбой.

---

* Парка – расшитая шуба из оленьего меха.

Стань, дорога, мне – словно мать,
будь, дорога, мне – как сестра.
Не устану в мире искать
справедливости и добра.

Сын Владыки Ябта Саля
шел семь дней наугад, в снегах,
грелся только движеньем он –
и к большому стаду пришел,
где оленей не сосчитать,
не измерить пастбища их.
Сын Владыки Ябта Саля
обходить это стадо стал –
пастухов при нем не нашел.
Удивился. Пошел бродить
меж оленей – он гладил их,
как с друзьями, беседовал
и заглядывал им в глаза.
И ответствовали ему
стук рогов, перестук копыт
и дыхание многих горл –
будто море пришло сюда
и о берег шуршит волной.
И запел тогда он. Запел,
счастлив этой встречей в снегах
с молчаливым стадом ничьим:
– Оленьки́-олешки мои,
вы всегда к человеку добры,
помогите, братья мои,
путь найти до моей сестры.
Будьте, будьте всегда со мной,
я ведь вам больше друг, чем враг,
пусть все зло пройдет стороной –
ради счастья. Пусть будет так!

Он лежал на снегу и пел,
материнской паркою он
накрывался. Над ним стоял
небосвод. Олени вокруг
вразнобой копытили снег.
Мальчик чувствовал, что его
хочет сон у мира украсть –

и свернулся он, как червяк,
и уснул в копанице* он
безмятежно – без слов и снов...

Слово-Песня из копаницы
встало, мальчика не тревожа,
полетело быстрее птицы,
с серебристым облаком схоже,
полетело в дальние дали,
где ленивый снежок кружил,
где высокие чумы стояли
и где Хан Хаденгота жил.

Будто кто уколол во сне –
вспрыгнул Хан Хаденгота, встал.
Разогнулся, взглянул вокруг
он, в округе первый богач,
великан, кулачный силач,
в чуме тихий расслышав плач,
в чуме пленницу разглядел:
– Что ты плачешь? А ну, вставай!
Пошевеливайся давай!
Спину праздную разогни,
ноги вялые разомни –
и оленей мне собери,
ближе к чуму их пригони.
Да скорей у меня смотри!
Нынче некогда чаевать –
надо парня мне убивать,
чтоб не вышел в богатыри...

Пряча слезы, пошла Сэвне
стадо в снежной тундре искать,
еле-еле хватало сил,
чтоб сугробы одолевать.
Шла, а слезы так и текли
по девичьим круглым щекам:
– Нум! Отец наш, взгляни на землю,

* Копаница – яма или неровность в снегу, где животные добывали себе корм.

здесь беда пострашней пурги:
рушат судьбы нам, рушат семьи –
если есть ты, Нум, помоги!..

Хоть рыдала она, но – шла,
хоть и плакалась, но дошла
до оленей. Глядит, а те
сбились в круг, и внутри его –
парка старенькая торчит
из-под снега. Откуда здесь
материнский узор – цвета
родовые, родные? Вдруг
шевельнулась парка. Сэвне
отогнула полу, глядит –
а под нею-то брат родной!
Спит он в ямке снежной, лежит,
как теленок, свернувшись, брат,
о котором слезы лила...

Разбудила брата Сэвне,
расспросила, как шел, что ел,
как попал в это стадо? – все
брат сестрице порассказал...
И Сэвне порешила так:
– Пусть мы вместе с тобой умрем,
но судьбе не сдадимся, нет!
Лучше нам замерзнуть вдвоем,
чем позволить себя убить.
Надо в тундре нам спрятать след
и не гибели ждать, а – жить!

Парку из-под снега рванув,
на себя набросила так,
чтоб другою полой укрыть
плечи брата – взяла его
за ручонку и повела.
Нет, скорей побежала вдаль –
все вперед и вперед. Куда?
Да куда их глаза глядят
и куда их ноги бегут –
дальше, дальше от этих мест.

Слово-Песня их проводило,
проследило, так ли идут,
и скорей туда поспешило,
где событья новые ждут.

В чуме Хан Хаденгота ел,
в чуме Хан Хаденгота пил –
вот пригонят оленей, ждал.
Не дождался. В дымник смотрел,
сколько времени потерял,
оказалось, почти полдня.
Рассердился. Начал ворчать.
Рассердился. Начал кричать.
Встал. Из чума вышел на свет.
К стаду сам, торопясь, пошел,
а потом, как волк, побежал:
что ни шаг, то скачок – длинней,
чем хорей. Все глядит на снег,
след выискивает, как волк.
Вот и стадо! А вот следы –
мальчик с девушкой были здесь,
тут стояли, туда пошли...
И он бросился по следам,
воя, будто голодный волк.

Ну, а дети бегут, бегут
по сыпучим снегам долин
и по жестким снегам холмов –
ноги будто птицы летят.
Легок бег, и легка земля,
потому и поет Сэвне:
   – Мать-земля наша, Я-небя,
   умоляю, как дочь, тебя, –
   снежной паркой нас укрывай,
   спрячь, догнать нас врагу не дай!

Оглянулись дети, а вслед
им несется могучий рык –
и на дальнем холме видать
великана: это их враг,
это Хан Хаденгота сам
ищет их, догоняет их,

чтобы до смерти всех убить.
Поглядели дети вперед –
там лишь длинный узенький мыс
море отделил от реки,
а за ним только льды и льды
и разводья черные в них.
Побежали дети туда,
а дороге вроде бы нет
ни конца ни краю – она
протянулась почти на весь
узкий мыс, что Ябта Саля
называется искони.

Сын Владыки Ябта Саля
обратился к родной земле:
   – Сердце наше, Ябта Саля,
   земли предков, старшая мать,
   мы с тобою – одна семья,
   так не дай нас врагу догнать:
   стороной беду пронеси,
   спрячь тобой рожденных. Спаси!

Побежали дальше они
вдоль по Узкому Мысу... Вдруг
видят, что у самой воды
нарта, в землю вросши, стоит –
вся железная от времен
и вся ржавая от дождей,
меж копыльцев нарты торчит
длинный, тоже ржавый, хорей, –
будто кто-то забыл их здесь.
Кто? Железный воин? Когда? –
было некогда размышлять.
И тогда на пути врага
парку бросила в снег Сэвне:
– Пусть, – сказала,– тут встанет лес,
пусть возникнет густой ивняк,
чтобы Хан Хаденгота в нем
заблудился бы навсегда!.. –
И поднялся лес. Зашумел,
перевитый пуще, чем мех,
и вдоль тундры стеною встал.

С ревом Хан Хаденгота в лес
устремился – начал топтать,
стал ломать, стал с корнями рвать,
продираться стал сквозь ивняк.

Прикоснулась к нарте Сэвне
и сказала:
– Пускай гора
здесь возникнет! Железной пусть,
неприступной будет она!.. –
Обернулась нарта горой.
Засверкали бока горы
темным блеском железным так,
что у Хан Хаденготы глаз
заболел. Но, рыча как зверь,
начал Хан Хаденгота лезть
по отвесным скалам, то вниз
он срывался, то снова полз
на вершину...
И одолел
эту гору. И вновь вдогон
припустился он за детьми.

Хоть ножищи едва несут,
хоть глазищи едва глядят,
а все движется он вперед
вдоль по мысу и все вопит:
– Десять лет не бывал здесь я!
Десять лет воевали тут
мы с Владыкой Ябта Саля:
чумы все изодрали мы,
землю всю истоптали мы...
От меня теперь не уйдут
эти двое! А их убить
надо мне – иначе не жить!

Дети видят, спасенья нет:
их к воде прижимает враг.
Тут схватила хорей Сэвне,
брата на спину посадив,
и хореем, как бы шестом,
оттолкнулась от нарты той –

как на крыльях перенеслась
с мыса в море, на льдину, в снег,
что обоих мягко принял.
И качнула льдину волна,
и от берега отнесла.
В дно морское воткнув хорей,
снова девушка, как шестом,
оттолкнулась – брата с сестрой
льдина дальняя приняла
и, как лодка, помчала вдаль.

А Сэвне, уже как веслом,
помогала хореем плыть
по холодным черным волнам.
И запели дети тогда:
   – О Хозяин морей и рек,
   ты подставь нам спину свою,
   ведь боится плыть человек
   через бездну моря твою –
   помоги, помоги же нам,
   не отдай ни льдам, ни волнам!..

Отлегла от льдины волна,
и, как лодка, льдина ушла
в море.
            Хан Хаденгота выл
и метался на берегу,
кулаками детям грозил,
и проклятья вдогонку слал,
и плевался черной слюной.
Но Дух Моря руку ему,
как убийце, не протянул –
и оставил на той земле,
где так много творил он бед.

Слово-Песня в снегах кружило,
но, заметив во льдах просвет,
в море с берега поспешило –
за детьми, по льдинам, вослед,
чтобы все, что случится с ними,
увидать глазами своими.

III

Море. Льдины. Разводья. Треск.
Никого не видать вокруг.
Дети морем, по спинам льдин
перескакивая, идут –
наугад, на авось. К земле.
Долго по морю шли они,
и земля показалась им.
Льдина боком уткнулась в лед
прибережный – и, спрыгнув в снег,
дети вышли на берег. Был
незнакомым берег, чужим.
Сопки высились невдали.
Никого вокруг. Тишина.

Поднялись на сопку они –
не увидели никого.
Тут и сумрак упал с небес.
И на сопке спали они,
в снег зарывшись, как два песца.
Обнимая брата, Сэвне
говорила ему:
– Держись!
Надо смело глядеть вперед,
и сквозь ночь мы увидим день –
он покажет дорогу нам
к людям. Люди согреют нас,
приоденут, накормят нас.
Будем в тундре друзей искать,
будем к людям тропу искать.

Рассвело. Проснулись они,
солнце выглянуло из туч.
Поразмялись со сна, пошли
к людям тундры искать тропу.
И весь день они шли и шли.
Ни кусочка мяса во рту,
ни глоточка воды во рту,
лишь порой пожуют ивняк,
точно зайцы, – и дальше в путь.
Ночь застала в дороге их.
Снова в снег зарылись они.

Брат захныкал: хочется есть,
ослабел совсем без тепла.
Утешает сестра его,
согревает теплом своим,
а сама, как брат, голодна,
руки, ноги совсем как лед.
Неизвестно, как ночь прошла,
неизвестно, как день настал,
но остались живы они,
брат с сестрой, и на этот раз.
Поутру сказала Сэвне:
– Ты давай посиди-ка здесь,
я пойду похожу вокруг:
может, я отыщу людей,
может, я принесу поесть...

Побежала Сэвне одна
по сыпучим, вязким снегам –
ноги сами несут ее,
длинный шаг помогает ей
делать в тундре за кругом круг.
Смотрит девушка, нет ли где
чума, стойбища? Пустота!
Стали ноги ее слабеть,
стали хуже видеть глаза,
но вдали почудилось вдруг
что-то темное... Чумы? Нет?
Побежала Сэвне туда
из последних сил, а сама
беспокоится: как там брат –
не ушел, не замерз ли он?

То, что темным казалось ей,
оказалось чумом. Сэвне
подошла из последних сил,
ног не чувствуя. Никого
возле чума. Сбоку стоят
две огромные лыжи. Чум
спит как будто... Сэвне вошла –
там старуха со стариком
молча возле огня сидят:
то ль напуганы кем они,

то ль подавлены чем они,
на полупогасший очаг,
будто каменные, глядят.

Осмотрелась в чуме Сэвне:
старичок-то вроде слепой –
загноились глаза его,
неподвижно его лицо.
У старухи потухший взгляд
и от горя лицо темно.
Кто обидел? Кто запугал?
Кто в тоску вогнал стариков?
За очаг взглянула Сэвне –
там какой-то мужик лежит:
ноги длинные протянул,
космы дикие разметал,
полусидя спит и храпит
так, что гаснет в чуме огонь...

– Что, пришел кто? – спросил старик,
протянувши руку к Сэвне.
– Тише! Это ветер качнул
полог чума... – в ответ ему
зашептала старуха, но
разглядела Сэвне во тьме,
повела ее от беды
вон из чума. Там обняла,
расспросила: кто и зачем,
почему очутилась здесь.
Рассказала старой Сэвне,
ничего, как есть, не тая:
– Я – Владыки Ябта Саля
дочь, а в тундре укрылся брат.
Оба мы не ели давно,
оба мы в скитаньях давно,
оба мерзнем в снегах давно, –
не дадите ли нам поесть,
не дадите ли нам огня?..

Испугалась старуха так,
что глаза поползли на лоб:
– Знаешь ли, кто в чуме храпит,

полусидя близ очага?
Это Хан Хаденгота спит!
Он повсюду рыскает здесь –
ищет в тундре двоих детей.
Значит, вас это ищет он?
Значит, надо мне вас спасать...
Ты послушай-ка, что скажу:
убегай, убегай скорей
и братишку бери с собой.
Вот по этой иди тропе –
там придет удача к тебе.

Принесла старуха Сэвне
мяса, жира и огонька –
все, что нужно в дорогу взять,
если путь далекий лежит.
Проводила и обняла,
как родную. Как дочь свою.
А вернулась старуха в чум,
там проснулся, кто сидя спал.
Взглядом впился в старуху он,
заворчал:
– Кто сюда входил?
Кто из тундры в чум проникал?.. –
Соврала старуха ему:
– То собаки! Который раз
в чум врываются – все к теплу
тянет их... Я едва-едва
прогнала их из чума в ночь...

Слово-Песня, как убедилось,
что беда обошла ребят,
полетело. И опустилось
там, где буря-пурга таилась,
где беды еще не случилось,
но – скитались сестра и брат.

IV

Мясо. Жир. Тепло огонька.
Осмелели дети, поев,
обогрелись дети, попив,
показался им светлым день,

показалась короткой ночь:
ни пурги, ни тумана нет –
стало весело, хорошо.
Но сказала брату сестра:
– Ищет Хан Хаденгота нас,
всем клянется нас умертвить,
значит, надо идти на юг –
наше счастье-судьбу искать...

Взялись за руки и пошли.
День, неделю, месяц идут –
истрепалась одежка их,
истопталась обувка их,
ветер лица им исчернил,
иссушила стужа тела.
Но – идут!.. Навстречу весна,
растопляя снега, спешит:
прилетают птицы, зверье
выползает из нор, трава
и лишайники в рост пошли.
Вот и берег большой реки,
за рекой виднеется чум,
а за чумом – стойбище, но
как же реку им переплыть?

Сын Владыки Ябта Саля
как мужчина себя повел –
ловко лиственницу свалил,
стал долбленку вытесывать.
Ветка-лодочка хоть мала,
а двоих подняла, несет
по речным и острым волнам.
Страшно плыть. И тогда Сэвне
обратилась к духу воды:
  – Ты, Хозяин озер и вод,
  пусть поможет твоя спина
  через реку нам переплыть.
  Пусть поможет твоя волна
  обойти нам водоворот –
  впереди нас спасенье ждет,
  нам на сушу надо ступить!..

Переплыли. К чумам идут.
Но Сэвне замедлила шаг,
брата спрятала, чтобы ждал
возле берега, средь кустов.
И пошла к тем чумам одна.
Видит, там аргиши стоят –
как примчались нарты сюда,
так и ждут, когда снова в них
резвых важенок запрягут.
Села. Ждет у чума Сэвне,
кто появится... Вышла к ней
вскоре девушка, что меха
понесла на нарты грузить, –
тут и встретились взгляды их.

Стала девушка узнавать,
кто, откуда гость, зачем...
Рассказала ей все Сэвне,
дочь Владыки Ябта Саля,
рассказала, чтоб та в ответ
ей поведала о себе.
Стала девушка отвечать
тоже честно и не таясь:
– Я – сестра семерых Сохо,
самой младшей им довожусь.
Злые люди братья мои:
любят грабить и убивать.
С ними Хан Хаденгота был,
когда ночью напал на чум
твоего отца, с ними он
грабил всех на Узком Мысу.
Мне ужасно с братьями жить,
я у них служанкою здесь.
Хоть я их не люблю, боюсь,
но тебе, Сэвне, помогу...

Отлучилась девушка в чум,
принесла еды и огня
и сказала:
– Дня через три
откочуем отсюда мы.
Наши чумы и нарты здесь

остаются – придите жить
в наше стойбище. Целый год
нас не будет. Ни в чем нужды
не узнаете. Но сейчас
лучше скройтесь-ка от беды,
чтоб никто не заметил вас.
Семь Сохо коварны, хитры,
плохо будет, если найдут,
плохо будет и вам и мне.
Локамбой – до свиданья! Жизнь
переменчива к нам, к живым –
без надежды никак нельзя...

Длиннокосая, как тальник,
станом стройная, как хорей,
легконогая, как олень,
поспешила к чуму Сохой*–
семерых злодеев сестра.
А Сэвне к братишке пошла,
и сидели они в кустах,
выжидая, пока Сохо
не начнут аргишить. Едва
караван семерых Сохо
в дальних сопках скрылся из глаз,
вышли дети из тайника
и на стойбище побрели,
где остался старенький чум
да рядочек нарт грузовых.

Жили дети там целый год
да еще три года. Никто
не наведывался сюда.
И за этот короткий срок
сын Владыки Ябта Саля
ловким, сильным красавцем стал:
тундра вырастила его,
укрепила мышцы его,
научила всему его,
что обязан мужчина знать,
чтобы в тундре оленной жить.

---

* Сохой – букв.: женщина из рода Сохо.

Так и жили бы и росли,
но однажды, в туманный день,
возвратились Сохо: вдали
стали слышны аргиши их,
стало слышно, как их стада,
потрясая тундру, идут.
Разбудила брата Сэвне,
и ушли они от беды
со становья семи Сохо,
за излучиной той реки
в глубине оврага тайком
небольшой поставили чум.
Тихо стали жить, чтобы их
не слыхал, не видел никто.

Разгрузили нарты Сохо,
разобрали чумы Сохо
и поставили все их – семь! –
на свои чумовища, в ряд.
Шум на стойбище, беготня
унялись. Наступила ночь –
с темнотой и пошла Сэвне
к стойбищу семерых Сохо.
Там, на крайнюю нарту сев,
стала ждать, и на встречу с ней
вышла вскоре сама Сохой,
повзрослевшая за года
и красивая – не узнать.
Стали девушки говорить,
как жилось, как теперь живут,
как друг другу они пришлись
с первой встречи еще... Сохой
пригласила с братом Сэвне
посетить ее завтра в ночь:
образ брата, со слов сестры,
сильно девушку взволновал.

День прошел, наступила ночь –
брат с сестрою пошли к Сохой,
не стесняясь и не шумя,
прямо к чуму держали путь.
Им навстречу вышла Сохой,

у реки повстречала их.
Сын Владыки Ябта Саля
увидал впервые Сохой
и почувствовал, что в груди,
там, где сердце, стало тепло.
И сказала Сохой ему:
– Сын Владыки Ябта Саля,
я – сестра семерых Сохо.
Все они великаны, все
злые люди, убийцы, все
по колено ходят в крови.
С ними в вечном страхе живу,
не живу, а мучаюсь я.
Я ведь знаю, это они –
семь Сохо – напали тогда
на становья Ябта Саля,
с ними Хан Хаденгота был...
Только вместе они смогли
одолеть твоего отца –
дух Владыки Ябта Саля
мести требует и не спит.
Знай, у старшего из семи
в чуме спрятан железный лук –
это лук твоего отца,
лук Владыки Ябта Саля.
Если ты возьмешь этот лук,
если ты натянешь его,
наживив железной стрелой,
то лишь только так победишь
семерых могучих Сохо.
Завтра в полночь, как будут спать,
приходи. Помогу тебе
в справедливой мести за кровь...

Долго вслед глядела Сохой:
в новом свете явился ей
сын Владыки Ябта Саля –
молодым красавцем предстал,
добрый взгляд, и могучий стан,
и достойные речь и слух.
Пели птицы в груди Сохой,
сердце билось рыбой в сетях,

а лицо раскраснелось так,
как предсолнечная заря.
Поняла Сохой, что любовь
поселилась в душе ее,
и запела она тогда –
в жизни, может быть, в первый раз:
– Становлюсь я совсем другой:
жаждой встречи томиться буду,
ведь сильнее стужи с пургой
свет любви – ожиданье чуда.

Слово-Песня не встрепенулось,
не взлетело, не унеслось
от людей, чьи любовь и юность
ополчились на мрак и злость,
на разор, на грабеж и подлость.
Может, думает им помочь?
Слово-Песня в медвежью полость
завернулось – не спит всю ночь:
нынче много тревожных дум
Слову-Песне идут на ум.

V

Ночь прошла. А за нею день.
Снова ночь. Назревает бой.
Сын Владыки Ябта Саля
приготовил сердце свое,
мускулы и душу свою
к этой схватке. А мысль его
улетает к милой Сохой:
вспоминает он, как стройна,
как прекрасна и как добра,
как правдива и как умна
с ним в беседе вчера была.

Поглядит на брата Сэвне,
видит – сильным мужчиной стал
сын Владыки Ябта Саля:
так он крепок станом своим,
что упряжки не разглядеть
за плечами. Ноги его
так могучи и так длинны,

что как будто растут от плеч.
Как у ласточки, зорок глаз;
как у филина, слух остер;
как у волка, легок прыжок;
как зимой у оленя, бег
по сугробам неутомим.
Молодая мужская стать,
мощь отцовскую переняв,
зрелой силою расцвела.
Но задумчив – на взгляд Сэвне –
нынче брат: неужели он
стал рабом красоты Сохой?
Лучше б думал о схватке он,
лучше б сердце ожесточил,
лучше б доблесть бодрил свою
перед битвой с семью Сохо.

А с утра еще семь Сохо
в нарты важенок запрягли –
на соседей пошли в набег:
нет святынь для них на земле
и на небе, наверно, нет.
Ведь не только детей, старух,
чумы, лабазы и стада
норовят пограбить Сохо,
но и Нума, Бога-творца,
разорили, если б смогли.
В тундре о таких говорят:
кем родился, тем и умрет.

Утром вышли, вернулись в ночь,
привели аргиши с добром,
что награбили. Пошумев,
собрались негодяи в чум.
Самый старший из всех Сохо,
что привык не петь, а вопить,
зарычал, как зверь, на сестру:
 – Ну-ка, дай нам рыбы скорей!
 Ну-ка, дай нам мяса скорей!
 Мы устали, хотим поесть –
 все давай нам, что в чуме есть!..
Настрогала рыбы Сохой,

наварила мяса – едят,
а наевшись, валятся спать
у огня, животами вверх,
все громадные семь Сохо.
Их раскатистый мощный храп
сотрясает чумы, едва
те стоят, дрожа, как листва
на осеннем дрожит ветру.

В полночь, в самый кромешный час,
сын Владыки Ябта Саля
вышел, может, в последний путь
к стойбищу семерых Сохо.
Тишина. Темнота вокруг.
Чумы высятся. Слышен храп
семерых Сохо.
Подошел
сын Владыки Ябта Саля
к чуму крайнему. А Сохой
уж навстречу вышла и ждет.
В чум его провела она,
показала железный лук
в изголовье брата. Как тень,
сын Владыки Ябта Саля
проскользнул над спящим, схватил
лук и стрелы и вновь, как тень,
вышел, полога не качнув.
Натянувши железный лук,
он, уже снаружи, вскричал:
– Эй-хо-хо! Просыпайтесь все!
Выходите, все семь Сохо!
Умирайте в траве, в росе,
а не в чумах, в мехах, Сохо!
Я зову вас на бой, Сохо!

Пробудились Сохо все враз,
повскакали со спальных шкур,
похватали луки свои,
разобрали копья свои.
Увидал тут старший Сохо,
что железного лука нет
в изголовье, а также стрел, –

и взъярился старший Сохо,
закричал от страха беды,
ощущая близкую смерть:
   — Братья, нас сестра предала!
   Наша смерть — дело рук ее!
   Пусть отыщет ее копье,
   пусть догонит ее стрела!..

Вышли вон из чумов Сохо,
натянули луки свои
и отправили во врага
тучи острых, свистящих стрел.
Всю-то ночь стреляли они,
всю-то ночь сражались они —
семь, с одной стороны, Сохо,
великанов, убийц, волков,
а с другой стороны
            один
сын Владыки Ябта Саля,
пусть не мальчик уже, но все ж
не мужчина еще совсем.
А зато с ним рядом — Сохой,
помогает ему в борьбе,
стрелы тяжкие подает,
ободряет словом своим.
А за их спиною стоит
Слово-Песня, готово вмиг
затесаться в схватку, спасти —
отвести стрелу и беду.

Видно, с помощью тех двоих
сын Владыки Ябта Саля
поразил семерых Сохо —
всех железным луком достал,
всех догнал железной стрелой.
В том жестоком сраженье сам
сын Владыки Ябта Саля
глаз бойцовский свой отточил,
руку воина укрепил,
силой правды проникся так,
что как будто очнулся в нем
обладатель железных стрел,

лука, нарты, хорея – сам,
сам Владыка Ябта Саля,
мудрый муж, защитник сирот,
добрый, праведный исполин.

Мир, покой и новая жизнь
утвердились с этой поры
на земле, где жили Сохо,
где теперь другие живут.
Сын Владыки Ябта Саля
на охоту ходит, а две
хлопотуньи девушки шьют,
варят, чистят, жгут и скребут, –
всю работу в чуме легко,
с песней делают и с душой,
«будто ищут своих детей»*.

Так и жить бы,
            но как-то раз
сын Владыки Ябта Саля
им сказал, собираясь в путь:
– Нам чего-то недостает,
не хватает кого-то нам.
Вы живите дружно, пока
не вернусь. А поеду я –
поищу-ка старую мать,
привезу-ка ее сюда.
Без нее еда – не еда,
жизнь – не жизнь, холоднее льда...

Полетел он выше земли
на упряжке верной своей,
поскакал, как ветер, с горы
через речку в долину –
            внук
тундры-бабушки вековой,
сын Владыки Ябта Саля.
Едет, едет, лук за спиной,
стрелы острые под рукой,

* Ненецкая поговорка, означает: работает, отдавая все силы.

ищет чум, где старуха-мать
без вестей о детях живет.

И, летучее, словно дым,
все желая видеть и знать,
Слово-Песня спешит за ним,
от событий чтоб не отстать.

VI

Речка. Берег. Ягель. Ивняк.
Одиноко высится чум:
бедный, плохонький и кривой,
не оленьей шкурою крыт,
а травой...
Слышно, в чуме том
кто-то плачет или поет:
– Одинока старость моя.
Все, кого я люблю, пропали:
сын убит, а дочку отняли.
Скоро, видно, помру и я.
Сердце плачет – любимых ждет,
а умру – никто не заметит.
И никто ко мне не приедет,
и никто от меня не уйдет...

Но качнулся полог – вошел
сын Владыки Ябта Саля,
сел к огню и мать приласкал.
Рассказал, изумленной, ей
все, что сталось с ним и сестрой:
– За тобой приехал, – сказал. –
Собирайся в большой аргиш*,
там тебя твоя дочка ждет,
ожидает новая жизнь,
где всегда ты будешь сыта
и всегда ты будешь в тепле...

Перевез он старую мать
на становье семи Сохо,

* Здесь – перекочевка.

где ей лучший чум отвели,
где ни ласки ей, ни еды,
ни забот никто не жалел.
Много стало оленьих стад
вкруг становья семи Сохо –
темной сплошь бывала трава,
как олени придут к реке.
Сын Владыки Ябта Саля
и три женщины жили там
сыто, мирно, не зная бед.

Так и жить бы...
Но плохо спал
сын Владыки Ябта Саля –
«далеко его ум ходил»*
по ночам, когда вой пурги
плыл над тундрой, когда ветра
чум раскачивали, когда
стужа все обращала в лед.

И однажды в такую ночь
сын Владыки Ябта Саля
сам оленей выбрал, запряг
и трем женщинам так сказал:
– Не могу я спокойно спать,
если Хан Хаденгота жив.
Дух отца моего не спит,
я убийцу пойду искать
и найду – чтоб сеявший смерть
больше бы не смел убивать.
Ожидайте семь дней меня –
не вернусь, соберите все
и кочуйте к Ябта Саля.
Поведет аргиши сестра –
все тропинки помнит она.
Ждите месяц меня домой,
не вернусь, это значит – я
насмерть с Хан Хаденготой бьюсь,
добиваю, значит, его...–

* Ненецкий фразеологизм, означает: глубоко задумался.

и, сказавши все, что хотел,
сын Владыки Ябта Саля
двинул нарту свою в снега,
и быстрее ветра она
понеслась по гулкой земле.

Слово-Песня вдогон помчалось,
чтобы вместе с героем быть,
чтобы все, что предназначалось,
как и прежде, знать и делить.

В тундре, где ни дорог, ни троп,
сын Владыки Ябта Саля
отыскал становье врага,
отыскал его черный чум
и, у входа снаружи встав,
как обычай сильным велит,
бросил Хан Хаденготе клич:
  – Ну-ка, Хан Хаденгота, встань!
  На тебя поглядеть хочу.
  Я тебя испытать хочу –
  докажи мне, что ты не дрянь.
  За отца, за сестру, за мать,
  за потоки крови и слез,
  за все зло, что тундре принес,
  не пора ли ответ держать?..

Принял Хан Хаденгота бой –
и весь длинный день и всю ночь
на снегу боролись они.
Изодрали чумы они,
истоптали долину сплошь.
Сын Владыки Ябта Саля
примерялся к хватке врага
и, когда лишь солнце взошло,
начал Хан Хаденготу мять,
как оленьей шкуры лоскут.
Он швырял врага и бросал –
так задергал, что сам силач,
сам хвастливый и злой богач,
грозный Хан Хаденгота, сник –
задыхаться стал, падать в снег.

Сын Владыки Ябта Саля
видит:
Хан Хаденгота стал
черным, будто горелый пень,
силу всю вконец истощил,
«ноги все потерял» – осел...
Тихо-тихо стало вокруг.
Начал Хан Хаденгота петь
расставальную песню-плач
не по ком-нибудь, по себе:
– Сын Владыки Ябта Саля,
не убил я тебя, а зря.
Пусть твоею будет земля,
где аргишит твоя семья.
Песнь пою я в последний раз
и последним ветром дышу.
Пусть потомки рассудят нас!
Все! Я умер. Все! Не дышу –
«за морошкою ухожу» *...

Слово-Песня сидело рядом,
как всегда и везде – молчком,
и следило горячим взглядом
за победой добра над злом.

VII

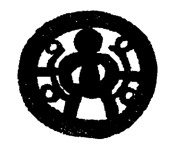
Свежий ветер. Олений бег.
Солнце радостное встает.
Слово-Песня рядом летит.
Сын Владыки Ябта Саля
держит путь в родные места.
Вот и море шумит вдали.
Вот Ябта Саля – Узкий Мыс,
чум стоит у большой реки,
и оленьи стада вокруг.
И встречает его семья:
мать, сестра и, конечно, та,
что еще родней, чем сестра.

* Ненецкая поговорка; ненцы говорят об умершем: не умер, а ушел за морошкой.

Сын Владыки Ябта Саля
взглядом обнял родной простор
и весь мир обогрел душой –
потому так радостно пел:
 – Ты веками растила нас,
 сила предков, моя земля.
 День печали, веселья час
 ты делила с нами, земля.
 Ты, как сердце, всегда со мной.
 Ты, как песня, всегда со мной.
 Ты мне солнце, луна, заря,
 мир отцовский – Ябта Саля!

Авторизованный перевод А. Преловского
версии Л. Ненянг.
Фрагмент

Селькупы



ГЛАЗА И УШИ

*Сказка**

В лесной речке жил бобёр. Хорош у него дом – сам для него бревнышки заготавливал, по воде сплавлял, сам стены и крышу складывал. Хороша шуба у бобра: даже зимой в воде тепло в ней и ветер не продувает. Хороши у него уши: слышит, как проплывает в реке неслышная рыба, как падает лист в лесу. А вот глаза у бобра не видят.

По соседству с бобром жил у озера журавль. Красивый, гордый, ни с кем не хотел водить дружбу. Даже с соседом-бобром. Вытянет свою длинную шею, смотрит на бобра свысока. Тот кланяется соседу, а журавль лишь слегка качнет в ответ головой.

Как-то бобёр работал в верховьях речки. Подгрыз наполовину ствол у осины, ветер дунул и свалил дерево. Бобёр разделил ствол на бревнышки, взвалил одно на спину и тащит, придерживая ношу одной лапой. Видит: близко по воде журавль идет. Скинул бобёр бревнышко, говорит:

– Здравствуй, журавль!

Журавль поднял шею, кивнул с высоты бобру:

– Ты меня только вблизи увидел, а я тебя заметил издалека. – Смеется над бобром: – Пропадешь ты с такими глазами! Охотники тебя, слепого, голыми руками возьмут!

Бобёр выслушал журавля и говорит:

– Пусть ты видишь лучше меня, а слышишь ли, что по реке плывет в обласке человек?

Журавль не поверил бобру:

– Ты меня обманываешь, никаких людей не видно!

– Прощай, – говорит журавлю бобёр, пусть тебе твои глаза будут, как мне мои уши.

Взвалил на плечо бревнышко и нырнул под воду. Тут из-за леса выскочила лодочка с охотником. Поднял он ружье и выстрелил в журавля. Журавль упал в воду.

Не зря говорят таежные люди: «В тайге первое дело уши, а второе дело – глаза».

Рассказала Н. Бояринова
(пос. Усть-Озерное).
Записала и перевела Э. Беккер

ХОЗЯЙКА ОГНЯ

Сказка

Давным-давно это было. Жили люди на стойбище. В четырех чумах жили.

Однажды все мужчины пошли в лес на промысел. В чумах только женщины да дети остались. Так жили одни они три дня. На третий день вечером одна женщина вышла из чума, дров нарубила, еду варить собралась. Вернулась с дровами в чум, подбросила дров в очаг, сама с ребенком села к огню и стала его грудью кормить. Огонь весело горит, трещит, мать сына греет. Вдруг искорка взвилась из костра и упала на грудь ребенку, обожгла его. Ребенок заплакал. Мать вскочила, ругает огонь:

– Что ты делаешь? Я тебя кормлю дровами, а ты моего ребенка сжег. Не будет тебе дров. Изрублю тебя топором, залью, затушу!

Ребенка в люльку пихнула, топор взяла, огонь рубить стала. Котел с водой взяла, в огонь вылила.

– Ну вот, обожги теперь еще моего сына! Первый раз совсем потух ты, ни одного глазка-искорки от тебя нет!

Огонь больше не горел. Темно, холодно стало в чуме. Ребенок сильнее заплакал от холода.

Опомнилась мать. Скорее опять огонь разжигать стала. Старается, раздувает, никак разжечь не может – ведь ни искорки не осталось. А сын все кричит.

Мать подумала: «Сбегаю я в соседний чум, возьму огня, разожгу». Побежала в соседний чум. Только дверь в

тот чум отворила – огонь в костре потух. Вошла в чум – огня уже совсем в очаге нет. Женщины стали стараться разжечь огонь, но все напрасно – ни искорки не осталось. Мать на улицу выбежала, в другой чум побежала. Едва дверь приотворила – и тут огонь в очаге погас. Она и в чум не зашла. Дверь закрыла, в другой чум побежала. Так же, едва дверь чуть-чуть открыла, костер потух. Обратно в свой чум побежала. В стороне видит еще чум, а там огонь горит. Это чум ее бабушки. Туда побежала, в чум вошла. Только за дверь шагнула – огонь в костре стал фыркать, задымил и потух. Бабушка стала ее ругать:

– Что у тебя случилось? Едва вошла ты, и огонь погас. В своем очаге уж не обидела ли ты огонь, лягушка ты этакая?!

Плачет женщина. Во всем стойбище нет огня. Никто разжечь костра не может. Темно, холодно.

– Пойдем к тебе, я посмотрю, что ты наделала, – сказала бабушка.

Женщина повела бабушку к себе. Пришли, в темном, холодном чуме сын ее плачет-заливается.

Бабушка серное дерево взяла, стала огонь разводить. Старалась-старалась – ничего не выходит. Встала на колени, на очаг смотрит – темно, не разглядеть. И вот, едва заметная, сидит тут старуха, кожа ее как огонь горит. И говорит старуха бабушке:

– Что ты стараешься? Невестка твоя меня сильно обидела!

Бабушка спросила:

– Как она тебя обидела, я ведь не знаю, что тут случилось?

– Глаза мои водой залила, лицо железом рубила. Зачем это она, глупая, делала – не знаю.

Бабушка еще сильнее рассердилась:

– Я прежде говорила, что эта лягушка что-нибудь да сделает! Огня-пламени хозяйка, не сердись, дай огонь!

Молчит хозяйка огня. Долго просила бабушка. Наконец хозяйка огня-пламени сказала:

– Огонь я тогда вам дам, когда эта женщина мне своего сына отдаст. Из сердца его огонь я вам добуду. Будете помнить, что из сердца вашего сына у вас огонь, беречь будете!

Мать еще сильнее заплакала. Бабушка ей говорит:

– Все семь родов людских из-за тебя без огня остались. Как жить будут? Сына своего отдай!

Мать сына отдала. Хозяйка огня-пламени сказала:

– От этого времени вовек всякий селькуп знать будет, что огонь железом шевелить нельзя. Только при большой нужде можно огонь железом трогать, при этом позволение прежде надо попросить. Все семь родов людей, слушайте и помните это мое слово!

И хозяйка огня дрова пальцем тронула, взвился огонь, а она в вихре огня с сыном той женщины скрылась.

Бабушка женщине сказала:

– Отсюда сказка-предание пойдет о том, что сердцем своего сына огонь зажгла ты.

Рассказали С. и Н. Агичевы
(пос. Янов Стан, Тазовский р-н, Туруханский край).
Записала в 1927 г. и перевела Е. Прокофьева

СКАЗКА О СЕМИ РЕБЯТАХ

Жили старик со старухой. Однажды семерых детей нашли. Жили с этими детьми. Потом жить стало невмоготу. Решили бросить детей. Отвели детей в лес, а сами домой убежали.

Утром проснулись – глядят, дети домой вернулись и спят.

Опять в лес отвели и бросили, а сами домой пришли. А дети в лесу заблудились. Потом какой-то чум увидели. В чум зашли. В чуме старушонка живет.

– Бабушка, накорми нас, – попросили они.

А старушка отвечает:

– Как я вас накормлю, черт домой вернется и вас убьет.

– Бабушка, накорми нас, – снова сказали дети.

Бабушка их накормила и спрятала. Потом черт домой пришел. Так сказал:

– Что это селькупским духом пахнет?

Старуха говорит:

– Ты по небу летал и селькупского духа нахватался.

Долго нюхал, потом сказал:

– Нет, это здесь пахнет!

Старуха ему ребят показала. Черт тогда так сказал:

– Ты этих ребят накорми.

Старуха ребят накормила. Черт так сказал:

– Пусть эти ребята у двери на пороге спят.

Дети на улицу вышли. Видят, на пороге спят семь дочек черта. Ребята надели свои шапки чертовым дочкам на головы, а сами ушли.

Вечером черт на улицу вышел и всем своим дочкам головы отрубил. Потом так сказал:

– Старуха, у этих ребят кишки вытащи, завтра утром есть их будем.

Утром старуха увидела – черт своим дочкам головы отрубил.

Потом черт свои летающие сапоги надел и улетел. Долго летал, все за ребятами гонялся. А дети в глубокую расщелину залезли. Черт ищет:

– Куда это дети девались?

Так долго летал черт, все небо кругом облетел. Потом назад вернулся и сел на согнутое дерево. А дерево росло рядом с тем местом, где дети спрятались. Сел черт, ноги вниз спустил и заснул.

А старший из этих ребят тихонько подкрался и у черта с ноги сапог стащил. На свою ногу надел. Потом второй сапог стащил и на вторую ногу надел. Потом к той бабушке полетел:

– Бабушка, дедушку русские купцы схватили, скорей мешок с золотом принеси, дедушка так сказал.

Бабушка мешок золотом набила и ему дала. Он мешок на себя взвалил и полетел. Долетел до своих братьев, посадил их на себя и домой полетел. А черт так и остался сидеть на том согнутом дереве.

Дети домой вернулись и стали старика просить:

– Дедушка, расскажи нам быль какую-нибудь!

Старик такую быль рассказал:

– Жили мы, жили и однажды семерых детей нашли. Потом жить стало невмоготу. Мы детей в лес увели и бросили.

Тогда эти дети так сказали:

– Вы нас на смерть в лесу бросили, а мы вам мешок с золотом принесли.

КЕНГЕРСЕЛЯ

Сказка

Жили-были три брата. Однажды в чуме сидели, разговаривали. Один из них так сказал:

– Загадаем-ка, богато или бедно мы жить будем?

Старший брат сказал:

– Я так загадал, будет у меня много-много муки и еды всякой.

Средний брат сказал:

– А я загадал, что у меня золотых денег целая куча до рта высотой будет.

Младший брат, по имени Кенгерселя, так сказал:

– А я загадал, что вы оба плохо жить будете; ни муки, ни золота у вас не будет. Ко мне придете, у меня отрубей просить будете.

Братья рассердились:

– Ты плохого нам желаешь! Убить тебя мало! Но брата своего как мы можем убить? Откочуем отсюда, а тебя одного здесь под деревом оставим. Живи один как знаешь.

Ушли, а Кенгерселю одного оставили. Так жил он один долго.

Однажды услыхал он, что князь их земли так приказал: кто семиверхую большую лодку сделает и к его, князя, дворцу причалит, тому он свою дочь в жены отдаст. У Кенгерсели от матери кольцо волшебное осталось. Спрятал он это кольцо от братьев; думали все – потерялось кольцо.

Вот Кенгерселя к князю пришел и говорит:

– Я могу с семью верхами лодку сделать!

Пошел Кенгерселя к берегу реки, пожевал кольцо и бросил в реку. Тотчас такая красивая семиверхая лодка причалила! Князь очень обрадовался и дочь свою Кенгерселе в жены отдал. Стали жить. Однажды Кенгерселя вечером спустился к реке. К проруби подошел, прислушиваться стал. Слышит – внизу по реке, на седьмом речном перекате, богатыри о нем рассуждают:

– Вот, слышно, Кенгерселя жену где-то нашел, богатый стал. Надо к нему съездить, побиться с ним.

Кенгерселя на берег поднялся, домой пришел, переночевал. На следующее утро собрался. Спустился с женой к реке и говорит:

– Если за три следующих года ты обо мне ничего не услышишь, значит, я погиб.

И ушел. Пешком к нижнему речному перекату подошел. Видит – будто старый черт-лоз* щуку удит. Крупную щуку добыл. Кенгерселя подошел к нему тихонько и сказал:

– Дедка, ты что это делаешь?

Испугался старый лоз и закричал:

– Что тебя сюда принесло, сын хрипящего горла? Что вызвало тебя из давних времен? На нашей земле нет зверей, которые в воде плавают и на крыльях летают. Откуда ты?

Кенгерселя ответил:

– Что ты зря кричишь? Я в гости к тебе пришел. Накорми меня сначала.

Дедка повел его в дом; щучьей ухой и икрой накормил, затем говорит:

– Дальше если пойдешь, внизу, на речном перекате, брат мой сидит, рыбу удит; к нему зайди.

Опять пошел, видит – река запором, снастью перегорожена. Но не по-людски поставлен запор. С чешуей на спине, с плавниками, похожими на крылья, мелкая рыба в воде плавает. Чешуя и плавники, как перья, взъерошились. От реки вверх на берег грязная тропинка проложена. По ней пошел. Видит – чум стоит. В чум вошел. В чуме старуха сидит. Глаза красные, больные. Кенгерселю увидела и сказала:

– На нашей земле ни плавающий в воде, ни летающий на крыльях зверь не живет! Что тебя принесло? Сыновья мои тебя съедят.

Кенгерселя отвечает:

– Один из твоих сыновей меня накормил, к тебе послал. Ты не брани меня, а тоже накорми.

Старуха накормила его и сказала:

– Вот накормила. Жалко мне тебя. Зачем ты пришел сюда, глупый? Сыновья мои тебя все равно съедят. Куда я тебя от них спрячу?

---

* Лоз (селькуп.) – лесной житель, дух.

Старуха пуховую подушку взяла и туда Кенгерселю запихала. Сама головой на подушку легла.

Вот на улице шум послышался. Это ее сыновья все вместе пришли. В чум заходят, мачеху спрашивают:

– Кенгерселю мы сюда послали. Он к тебе не приходил? Ты его не видела?

Мачеха отвечает:

– О каком это вы Кенгерселе говорите? На этой земле нет ни плавающего в воде, ни летающего на крыльях зверя. Никакого Кенгерсели я не знаю.

– Ты не обманывай нас. По краям твоего рта складки грязными стали, потому что ты говоришь неправду.

Старуху схватили, везде искать стали. Подушку нашли, в клочья разорвали. Кенгерселю вытащили, на пол чума бросили, сами есть начали. Поели, потом по сторонам чума встали и Кенгерселю, как мячик, друг к другу перекидывать принялись. Плохо парню. Думает про себя: «Хоть бы из рук у них выскочить, когда у дверей буду». Так и сделал. Старик-лоз, что у двери стоял, не поймал Кенгерселю. Тот из рук у него выскользнул, на улицу выскочил. К реке побежал, в прорубь нырнул, маленькой щучкой обернулся. Лозы за ним погнались, к проруби подбежали, нырнули, в налимов превратились. Шумят, Кенгерселю догоняют. Кенгерселя к берегу подплыл, человеком стал, пешком пошел. Вдруг видит – что-то со скрипом приближается. Ближе подошел, а это сын Нума-богатыря семь островов по реке тащит. Кенгерселя ему сказал:

– Богатырь, ты бы хоть меня из беды выручил, за мной лозы гонятся, убить меня хотят.

Сын Нума ответил:

– Хоть бы меня кто освободил. Много лет тому назад на свадьбе моей сестры я раньше всех старших еду со стола схватил. Мой отец Нум за жадность меня наказал. Уже много лет я таскаю семь островов.

Кенгерселя ответил:

– Ты мне помоги, и я тебе помогу.

Тогда сын Нума подошвой правого сапога слегка наступил на Кенгерселю. Семипудовый камень поднял, ждет. Вот все лозы навстречу ему идут. Сын Нума спросил:

– Куда, старики, путь держите?

– А ты будто Кенгерселю не видел?

– О каком это вы Кенгерселе говорите, я не знаю.
– Не обманывай нас. Вот складки у рта твоего грязными стали.
Сын Нума семипудовый камень в них бросил. Будто и не было лозов, ни одной костяной крошки не осталось от них.
Ногу приподнял, Кенгерселю выпустил.
– Ну, теперь ты иди, помогай мне.
Кенгерселя соколом обернулся, в небо полетел. К Нуме приблизился и сказал:
– Что это твой сын сделал, за что ты его так сильно наказал? Не забыл ли ты его? А он меня только что из беды выручил. Простил бы ты его...
Нум помолчал и сказал:
– Ладно, куда донес свои острова, пусть там и оставит.
Кенгерселя на землю вернулся и сыну Нума сказал:
– Кончено твое наказание, брось здесь свои острова.
Сын Нума бросил семь островов.
До сих пор эти острова на Енисее стоят.

Рассказал П. Теперкин
(стан Фарково на р. Турухане).
Записала в 1926 г. и перевела Е. Прокофьева

ИЧА И ЧЕРТ

Сказка

Ича жил со своей бабушкой.
Однажды собрался Ича на озеро идти. Бабушка осталась одна в чуме. Вышел Ича из чума, к реке спустился, сел в челнок и поплыл вверх по реке.
Недолго плыл. Видит, на воде чирки сидят. Взял Ича лук, стрелу с железною развилкою-наконечником, надел стрелу на тетиву, нацелился, выстрелил по чиркам и... промахнулся. Улетели чирки. Жаль Иче стрелу свою. Подплыл к берегу и пошел искать стрелу. Нашел. Воткнулась стрела в кочку. Потянул Ича стрелу, что такое? Не выдернуть стрелы, будто кто держит ее.
В досаде Ича громко сказал:
– Что это держит мою стрелу?

И вдруг слышит, как эхо отвечает:
«Что это держит мою стрелу?»
Крикнул Ича:
– Черт, негодная куча, стрелу мою отпусти!
И опять слышит:
«Черт, негодная куча, стрелу мою отпусти!»
Рассердился Ича – стукнул кулаком по кочке... Кулак что-то схватило.
– Эй, черт, негодная куча, кулак мой отпусти!
А эхо вторит:
«Эй, черт, негодная куча, кулак мой отпусти!»
Ударил другим кулаком... И тот попался.
Совсем рассердился Ича, ударил ногой – ногу кто-то схватил. Ударил другой ногой – и ту поймало. Что делать? Ударил Ича лбом кочку и... лоб прилип. Совсем попался Ича. Кричит:
– Черт, мусорная куча, лоб мой отпусти!
И будто эхо повторяет: «Черт, мусорная куча, лоб мой отпусти!»
Лежит Ича. Двинуться не может. Что делать?
Вдруг черт-старик показался. Идет, смеется:
– У-у-у! Счастливый капкан мой! Какую пташечку я поймал! Верно, это кукши птенца я поймал! У-у!
Подошел, схватил Ичу, взвалил на плечо и потащил к себе домой. Принес. Дочкам своим показывает:
– Дочки, ну-ка, котел берите, водой налейте! На огонь повесьте! Смотрите, какую пташку я поймал!
Чует Ича – его варить черт собирается. Говорит Ича черту:
– Дедушка, что это ты говоришь? Разве в такой маленький котел я хорошо помещусь? Если в нем меня будешь варить, половина жира на землю через край выльется!
– У-у! Внучек, справедливо говоришь!
Говорит черт дочкам:
– Ладно, подождем до завтра! Я завтра за большим котлом схожу, пожалуй!
На следующее утро пошел черт за своим большим котлом.
Ича с дочками черта дома остался. Дочки черта в пологе сидят. Не велел им черт-старик с Ичей играть. Среди дня Ича им говорит:

– А не сделать ли мне для вас красивые, узорные ложечки? Хотите, сделаю?

Дочки закричали:

– Верно, Ича, верно! Ну-ка, сделай!

Ича взял топор, вышел на улицу. К одному дереву подошел, топором постучал, к другому дереву подошел, топором постучал – будто ложки делает.

Потом зовет чертовых дочек:

– Ай-да, хорошую ложку делаю! Ай-да! Выгляните на двор, посмотрите сами!

Чертовы дочки были любопытны. Не усидела старшая и вышла к Иче на улицу. Какую ложку ей Ича сделал? Ича топором ее зашиб. Пошел в полог и младшую дочку прикончил. Схватил котел, налил водой, на огонь повесил, чертовых дочек варить стал. Варево на дорогу выставил, чтобы черт увидел.

Сам поймал в лесу двух птичек-сорок и в полог впустил. Щебечут в пологе сороки, будто дочки черта говорят, спорят. Взял Ича пимы черта-старика, начерпал в пимы золы, привязал к поясу, заткнул за пояс топор и залез на одну из высоких лиственниц, что против двери чертова дома росли. Залез и притаился. Сидит, ждет, что дальше будет.

Вот возвратился черт-старик. Подошел к котлу с варевом, схватил котел, проговорил:

– У-у! Чем-то вкусным пахнет! Возьму с собой!

Дошел черт до своего дома. Котел большой притащил. Слышит: в пологе дочки спорят. Крикнул им:

– Что это вы с Ичей играете? Теперь уж Ичин жир на землю не прольется! Бо-ольшой котел я притащил!

А дочки не идут. Слышно, в пологе весело болтают. Ввалился в полог рассерженный черт, поднял полог – понял черт, что Ича его дочек убил. Заплакал черт, упал на землю. Плачет, песчинки в земле считает, смотрит – не ушел ли Ича в землю. Нет, ничего не видно. Повернулся черт на спину, лежит, звезды считает – не ушел ли Ича в небо. Нет, ничего не видно. Деревья считает черт, смотрит – где Ича? Нигде ничего нет. Куда Ича делся? Куда он ушел?

Вдруг увидел черт – Ича на лиственнице сидит. Около самого дома на лиственнице сидит. Черт рассердился, схватил топор, стал эту лиственницу рубить. Рубит, ру-

бит. Бежит по лесу медведь. Увидел черта и говорит:

– Дедушка, ты устал, отдохни, я за тебя порублю!

– Дельно говоришь, внучек!

Черт отдал топор медведю, а сам лег.

Медведь раз-другой рубнул и убежал с топором. Черт вскочил, погнался за медведем. Да разве догонишь! Убежал медведь. Взял черт другой топор. Опять рубит, рубит. Прибежала из лесу росомаха:

– Дедушка, отдохни, ты устал, дай я помогу тебе!

– Верно, внучка, помоги!

Отдал росомахе топор, а сам лег.

Росомаха разок-другой рубнула – и бежать! Черт вскочил, погнался за ней. Да где уж! Разве догонишь! Убежала. Что делать? Нет топора у черта.

Сел и думает. Вспомнил: «У-у! В прошлом году я целый город проглотил. Верно, есть там и топоры!»

Стал черт отрыгивать, отрыгнул топор без топорища. Сделал быстро топорище, надел топор и принялся рубить лиственницу, где Ича сидит. Рубил, рубил.

Бежит из лесу лисица:

– Дедушка, ты устал, давай я тебе помогу!

– Ладно, внучечка, помоги, я прилягу!

Отдал черт топор лисице, сам лег, глаза закрыл. Лисичка рубнула разок-другой и убежала с топором. Вскочил черт, погнался за лисичкой, уговаривает ее:

– Внучечка, отдай топор, внучечка, отдай топор!

Где уж догнать! Совсем убежала.

Вдруг слышит черт, как Ича говорит ему:

– Дедушка, ты так совсем надорвешься! Лучше сделаем так: ты ложись под эту лиственницу, рот и глаза распяль пошире, а я прямо в рот тебе спрыгну!

– Верно, внучек, так-то будет лучше!

Лег черт под лиственницу, глаза и рот палочками распялил, чтобы шире были, и лежит.

Ича стал спускаться.

– Что это, внучек, мне в глаза сор летит?

– Потерпи, дедушка, я спускаюсь пониже, это кора с дерева летит!

Спустился Ича еще пониже, взял пимы с золой, которые у него за поясом приготовлены были, и высыпал золу черту в глаза. Только ногами задрыгал черт. Ича спустился, торопится.

Черта топором зарубил. Костер бо-ольшой развел и черта сжег.

– Не будешь ты, старик-черт, людей таскать и губить да дочек своих откармливать!

Когда горел черт, от костра большие искры вверх летели, летели, жужжали. Наверху потухали и в комаров превращались. Вот так родились комары из искр от костра, на котором давно-давно Ича старика-черта злого сжег.

Рассказал М. Корсамин
(пос. Янов Стан, Тазовский р-н, Туруханский край).
Записала в 1927 г. и перевела Е. Прокофьева

Энцы

ЗВЕЗДНЫЙ МИФ

В густом лесу есть озеро Сиговое. Из озера к Енисею уходит ручей Чумового дьявола. Вода круто по нему идет, берегов нет, только обрывистые стены.

Предание-дёре говорит, что здесь, в устье ручья, когда-то жили люди, много чумов стояло на верхней стороне ручья. Сейчас их шесты упали, покрышки-нюки сгнили.

Видит все это одна старушка, ходит из чума в чум, мимо изломанных санок. Говорит сама с собой:

– Эй, когда-то здесь народ жил. Теперь беда, бог меня замучил. Как буду жить, не знаю. Есть мне нечего, санки все пустые, припасы на них сгнили, уже несколько лет, как эти чумы умерли от оспы.

Чумочек ее маленький, на самом краю. Старая-старая, зубов нет совсем. Ни сына нет, ни собачки, ничего. Пришла старушка в чум, огонек разложила.

– Хоть согреюсь. Если до утра не помру, по морошку пойду, есть хочется очень сильно.

Спать легла, согрелась. Утром встает, котлик взяла и идет по морошку. Пошла вверх по речке, по левой стороне. Лайду не может найти, морошка ведь на лайде бывает. Вышла наконец на большую круглую лайду. На той ее стороне лес чернеет.

Идет по лайде, ищет залыбы, где растет морошка. До темноты ходила – нет морошки.

– Вот беда. Назад уж не дойду.

Нашла сопочку, сухая сопочка, а кругом нее вода.

– Отдохну на этой сопочке. Домой не дойду, а если и дойду, все равно там есть нечего. Хоть на улице пропаду, хоть в чуме, все равно.

Легла она на бок на сопочке и глаза зажмурила. Что-то мелькнуло около щеки. Хвать – что-то мягкое попало в руку. Посмотрела – мышка, голая, хвост долгий. Раздавила ее рукой и стала есть. «Все-таки мясо, хоть сердце поправлю». Съела всю, даже костей не оставила. Опять глаза зажмурила. Спит. Потом опять проснулась: где-то ушкан, что ли, плачет?

Только и слышно:

– Вяя! Вяя!

Старушка голову подняла. Слышно где-то рядом, против лица. Какой-то зверь? Если ушкан, то почему не видно его? Или ребенок это? Слышно где-то недалеко. Или ушкан, или что-то другое. На ноги встала.

– Дай пойду туда, где это воет.

Идет, идет, уж ноги устали, лес близко. Увидела впереди покрытую травой сопку. Трава отереблена, на ней лежит вроде копны. Подошла ближе. Ну, все-таки слышно, тут плачет. Травка – будто ее кто топтал. Кое-где она вырвана. Часть травы лежит комком. Вот тут, под травой! Подняла траву: ребенок лежит!

Мальчик маленький, кажется, двух месяцев, пуп уже зарос, руками шевелит. Взяла ребенка за ручку, целует:

– Эх, ты бедный, кто тебя бросил? Где твоя мать?

Ребенок ничего не говорит, только плачет. Нарвала травы, закутала его, качает.

– Вот, – говорит, – чем морошку, лучше я ребенка принесу в чум.

На руки парнишку взяла, пошла к чуму. Падает, да идет. На ходу целует, качает ребенка.

– Вот, – говорит, – счастливая я. Думала, я с голоду пропаду, а теперь сына нашла. Подрастет, мне куропаток добудет, потом, может быть, и рыбку.

Достала зыбку, старую, наверно, от какого-нибудь умершего ребенка, в нее мальчика положила.

– Только бы у меня вырос этот парнишка.

Утром встает. Парнишку распеленала. Парнишка будто вчерашнего больше и выше. И каждый день так. И скоро стал парнишка ходить, бегать. И с тех пор, как его нашла, парнишка ничего не ест. Сама тоже только мышку съела и больше ничего.

Но огонь каждое утро разжигает. Чумочек малень-

кий. Как встанет на ноги, головой шесты достает. Теперь парнишка уже стал говорить.

– Мама! Есть дай!

– Сын, где я возьму тебе еды? Сама тебе скажу: дай мне есть, сын.

– Где, мама, я найду тебе еду? Пусть отец нас кормит. У меня отец был или нет? Мать-то есть, ты, а отца не было?

Старушка говорит:

– Отца у тебя не было. Вот, сын, я тебе имя дам, как без имени ходить? Твое имя будет Нгуоку (Травка), или Сиды надо дёдэо (Двух мхов середка), потому что ты в траве родился.

Нгуоку – так она его зовет теперь. Парень уже ходит на улице, говорит хорошо.

– Мама! Почему ты зовешь меня Нгуоку? Говоришь – отца нет. Кто мой отец?

– Потом узнаешь, как без отца родился. Отец куда денется? Помаленьку найдешь отца, не торопись.

Старуха на улицу вышла. Ох! Снег, все побелело. Куропатки кругом чума бегают.

– Сын! Ты куропатку не добудешь? Я тебе сделаю маленький лук и стрелочку.

– Скорей, мама, делай лук и стрелку. Может, я одну куропатку и добуду. Беда, ты хочешь есть! Я-то не хочу, ничего не ем и все будто сытый.

Вот мать сделала ему из тальника лучок и из палочек стрелочки с гвоздиками-наконечниками.

– Иди, пока свет. Далеко не ходи, тут худо. Покойник тебя может поймать.

Парнишка лук взял, пошел. Недалеко от чума застрелил куропатку. Побежал обратно в чум. Взглянул на небо – все оно усыпано звездами. Идет в чум обратно и все глядит на небо.

– Посреди неба идет один человек. Вижу, что на голицах-лыжах он идет. Как он по небу идет?

Тут остановился парень. Хотел к матери куропатку отнести, но остановился, как будто кто его привязал.

– А человек идет, все ниже, ниже, ниже и прямо передо мною на снег вышел. Концы его голиц у моих ног, а сам шагов за пять. Длинные, длинные у него голицы. Человек чистый, одежда на нем аккуратно подпоясана, ничего не болтается. Бакари, сокуй – все как с

картинки, блестят; то ли это шерсть, то ли что другое. Человек глядит на меня. Я от его глаз словно опьянел. Опустил руки и смотрю на него. У меня все внутри дрожит; в одной руке куропатку держу, в другой – лучок.

Так друг на друга глядят. Парнишка говорит:

– Старший брат, или отец, или дядя, отпусти меня. Мама с голоду умирает.

– Ты, парнишка, откуда? Какой-то ты смелый и бойкий. Откуда ты? Как тебя зовут? Я тебя узнал. Люди, которые по земле ходят, они на взгляд другие. А ты на взгляд какой-то чистый человек.

– Отпусти меня, пожалуйста. У меня имени нет и отца нет. Мне имя мать дала: Нгуоку.

– Ну, ладно, Нгуоку, а еще как?

– А еще я Сиды надо дёдэо.

– Если так, то я правду говорю, что ты не простой человек. То, как ты родился, я слышал, даже видел. Вот, наверху, видишь небо? Нга-ныо, Сын неба на землю спускался, здесь за лесом, на лайду, я тогда тоже ходил по небу и видел. А к нему пришла Дя-каты, Дочь земли. Вместе легли и спали Нга-ныо и Дя-каты. Ты говоришь, что ты Сиды надо дёдэо, но по правде ты Сиды нга ныодо – Дитя двух богов – Дочери земли и Верхнего бога. Ты нойде – внебрачный.

– Старший брат ли ты, или дядя, отпусти меня. Что ты мне дорогу в чум загораживаешь? У меня мать, однако, померла.

– Твои мать и чум где?

– Чум на устье ручья Чумового дьявола, вот этой речки.

– Напрасно ты говоришь «мама». Это не мама твоя. Это знаешь какая старушка? Это Дя-сои – Родительница Земли. Все люди от этой старушки родились. Каждого человека глаза от этой старушки глядят. Иди, парнишка, корми, корми ее, но это не твоя мать.

Двинулся человек вперед и вверх, так что парнишка прошел у него между ног, а сам он ушел в небо. Идет вверх, обернулся и кричит:

– Эй, нооку*! Старушке скажи, что ты встретил

* Нооку – обращение к младшему.

Диа*. Так скажи: этот Диа мне рассказал: мать моя Дя-каты, отец мой Нга-ныо.

Еще раз двинул лыжами – и уже на небе.

Парень пришел к старушке:

– Мама! Я принес тебе еду.

– Хо! – Мать вскочила, поклонилась огню так, что волосы все загорелись. – Что тут морошку собирать, когда я сына нашла! Сегодня одну куропатку добыл, завтра две, потом еще больше настреляет. Теперь я покушаю! А что ты, парень, веселый? Ты с кем-нибудь разговаривал?

– Я встретил Диа. Он меня всему научил. У меня отец Нга-ныо, мать Дя-каты. Это правда, мама?

– Ну, как не правда. Я ведь нашла тебя просто на земле. Ведь я говорила тебе, что постепенно у тебя отец найдется и мать найдется.

– А ты мне не мама? Диа говорит, что ты – Дя-сои. Всё в мире, что ходит, всё твои дети. Это мне Диа рассказал.

Бабушка говорит:

– Ну, Диа как не расскажет! Он все тебе расскажет, что на земле делается, где, может быть, крот роет, мышка ходит, всякие червячки, жуки ползают. Он все тебе скажет. Это имя Диа, что ему дано, оно значит неправда. Большею частью он тебе будет врать. Но одно-два слова верно скажет. Другой раз, когда он попадется тебе навстречу, не всему верь, что он скажет. Но иногда он и правду говорит, так что от него ты все-таки и новости узнаешь.

Старушка отеребила куропатку, сварила. Они поели и легли спать. Парнишка вскочил на рассвете, ничего не сказал и ушел.

Бежит во весь мах. Никогда тихо не ходит, сам не поймет, то ли по земле идет, то ли маленько выше. Самому своих шагов не слыхать.

Бежал, бежал, стал назад глядеть – совсем не заметно следов. С неба снег падает, но даже мягкий снег не мнет он своими ногами.

Лес прошел, на лайду вышел. Что это посреди лайды чернеет? Как будто в тумане. То ли один человек сидит, то ли два. Если не человек, то что-то другое. Но только тень эта не черная, а беловатая.

---

* Диа – значит «сплетник», «лжец».

Бежит, бежит во весь мах на эту тень.

– Правда, – говорит, – люди.

Одна девушка или женщина. Одежда на ней травяная, но вся блестит; чистая, зеленая, как будто растущая трава. Другой – мужчина.

– Посмеиваются они, на меня даже не глядят. А я около них стою. У мужчины на груди звезда и на спине звезда. Человек как человек, но лопоть у него, как облако. Я на них гляжу, но они на меня нисколько не поглядывают. Только друг на друга глядят.

– Как вас назвать? Старшей ли сестрой, старшим ли братом? – Как это слово сказал я, они как будто испугались, на меня не глядя, откинулись назад; одна ушла в землю, другой поднялся на небо. Только и увидел я, как он за облако свернул.

Парень стоял, стоял и говорит:

– Что такое? Это какие люди? Они испугались меня. Одна спряталась тут же. Где же дыра в земле? Никакой дыры нет. А другой ушел на небо, только что за облако скрылся. О чем они толковали, не знаю. Нет, я вас как-нибудь подкараулю!

Тут около него села куропатка и кричит:

– Кобэ, бэ, бэ!

Взял он в руки лук, пустил стрелу. Лук хоть маленький, а прямо в голову стрелой попал. Куропатка на землю упала.

– Вот, опять бабушке будет еда!

Крыльями куропатки охватил себя кругом пояса, связал их концы, чтобы руки были свободны, и скорее в чум побежал, чтобы бабушка с голоду не пропала.

Бежал, бежал, не доходя леса опять сопочку нашел. Видит, на ней кто-то белый сидит. Голова большая, глаза круглые. На него взглянул, глаза выпучил.

Парень испугался: будто человек, но почему он с крыльями, всєь покрыт перьями?

Обошел его кругом, далеко-далеко. Пока обходил, тот поворачивал голову, следил за ним глазами, большими, как месяц.

Парень пришел к краю леса. Около маленькой лесины сидит, скорчившись, беленький с большими ушами.

Увидел парня, на задние ноги встал, а передние болтаются. Повернул голову, глядит. Это что? Парень

совсем близко подошел, мог бы убить его, но побоялся, что тот его укусит.

– Какой-то кусливый он с виду и с длинными ушами. Как меня увидел близко, так и удрал. Я испугался его, но и он меня.

Бежит парень в чум через лес. Посреди леса, от чума уж недалеко, опять взглянул на небо. А там идет человек, тоже на лыжах. То ли тот же, то ли другой. Спускается, спускается и встал перед парнем. Сказал:

– Эй, Нгуоку! Куда ты ходил? Куропатку одну добыл-таки! Так и должно быть. Ты должен кормить старушку. Я видел тебя днем. Сейчас уже ночь, но не торопись, не закружаешь. Я теперь часто буду с тобой говорить. Ты молодой, надо тебе привыкать кое к чему. Вот днем я видел что-то, когда шел сюда, вон на небе моя дорога, белая лента. Я когда оттуда шел, видел посреди лайды двух людей, а ты около них стоял. Ты это был, я ведь видел. А ты не спросил их, кто они, кем приходятся тебе? Потом я видел, что они испугались тебя. Одна в землю ушла, другой в облако ушел. Я видел, он мимо меня прошел. Одна была твоя мать Дя-каты, другой – твой отец Нга-ныо. Добыв куропатку, ты оттуда ушел. Я ведь все вижу. Ты сунул куропатку за опояску, а перед тобой на сопочке сидел лунь. Ты его испугался и обошел. Почему не стрелял? Это тоже еда, мяса в нем много. Потом ты нашел ушкана. Ты и его испугался. А это тоже была еда. Если бы ты их обоих добыл, неделю бы лежал и ел. Есть разные звери, есть разные птицы, черные, белые, пестрые. Ты их убивай. Ну, иди домой. Старушка есть хочет.

Опять скользнул Диа так, что парнишка пришелся у него между ног. Ушел на небо. Парень посмотрел ему вслед и думает: «Что это за человек, Диа? Почему всегда, уходя, оставляет меня между ног? Так он когда-нибудь меня затопчет».

Ладно, побежал домой.

– Вот, бабушка, одна куропатка. Я все-таки добыл нам поесть.

– Молодец, сын. Теперь голодом сидеть не будем. Каждый день стал еду добывать. Завтра тоже, может быть, добудешь.

Старушка огонь разложила, котлик повесила. Куропатку сварила и едят. Пока едят, разговаривают:

– Сын, ты Диа опять встретил, я знаю. Ну, что он теперь наврал тебе?

– Посередине лайды два человека сидели. Я с ними разговаривал. Спросил их, кто они мне, они испугались и скрылись. Вот про них Диа мне сказал, что одна – это Дя-каты, а другой – Нга-ныо, сказал: это твои отец и мать. Но все-таки когда-нибудь я их скараулю и кого-нибудь из них поймаю, а то они на меня даже глядеть не хотят.

– Сын, не надо их ловить. Если Нга-ныо поймаешь, он унесет тебя до полнеба и бросит, ты наколешься на лес или ударишься о землю, у тебя брюхо лопнет. Дя-каты схватишь, она под землю нырнет, навсегда тебя унесет. С испугу они тебя унесут. По-хорошему обращайся к ним, если не услышат, пусть идут. На третий раз, может быть, услышат. Если ты второй, третий раз пойдешь туда, то знай, на этой сопочке ты родился. Отец тебя не знает. Это мать тебя родила и там под травою оставила.

– Я еще двух встретил, – говорит ей парень. – Один лунь. Глаза у него большие. Я испугался его. От луня пошел, зверя с длинными ушами нашел. Мы с ним друг друга испугались. Говорят, их едят?

– Верно. Дурачок ты, сын. Их если бы убил, были бы мы сыты. А то утром нам опять нечего есть.

– Ничего. Мне не хочется есть. Я не устаю. Мать! Почему этот Диа оба раза через меня перешагивал? Неужели он меня человеком не считает?

– Дурачок ты, молодой еще. Это лучше, что через тебя он шагает. Это он тебя прижимает к земле, чтобы ты не поднялся. Если бы он мимо тебя проходил, он бы тебя с собой увлек. Ты ведь сын бога, легкий. Поэтому он тебя придавливает, чтобы ты на земле, у меня остался: этот Диа все-таки умный. Но потом, постепенно ты будешь богом, ты чистый, необычный человек.

Утром парень встал и опять убежал. Туда же, к сопочке на лайде, бежит.

Пришел опять к месту, где сидели те люди. Нету их.

– Наверно, они скоро не придут, потому что испугались.

Маленько отошел и видит – ушкан. Прицелился и выстрелил – попал ему прямо в голову.

– О, – говорит, – теперь мясо будем есть, что-то он тяжелый. Это мясо большое.

Повернулся к чуму, в лес зашел. Нашел лайдочку, а рядом густой лес. Там на дереве сидит лунь. Собирается лететь, крылья поднимает и хвост.

Пока собирался, парень хлоп его из лука. Бросил убитую птицу себе на плечо, радуется: «Вот теперь едим. Диа – очень умный. Если бы он мне не сказал, я бы их не убил. Теперь моя бабушка сытая будет».

Обратно бежит домой по берегу речки. Лес густой. Вдруг услышал, смеется кто-то или кричит. Вроде как смеется, громко-громко.

Парень испугался, а смех все слышен и слышен, хотя уж и чум близко. Может быть, это какой-то амуки-дьявол? До чума дошел, бросил ушкана и луня бабушке.

– О, если ты каждый день так будешь промышлять, я жирная буду. Теперь никуда не ходи: на два дня еды добыл.

Парень стряхивает снег с бакарей и говорит:

– Мать, я испугался. С прыгающим сердцем бежал домой. В лесу я смех услышал, или кричал кто-то. Я не остановился даже, думал, что меня поймает какой-либо амуки.

– Это не амуки. Скажи, как он смеется?

– Он смеется так: хахааа, хахааа! То ли смеется, то ли кричит.

– Это не амуки. Это моя родная дочь. Когда родилась, я ее отпустила в лес. Если встретишь ее опять, то назови: парнэку. Когда второй раз встретишь, позови ее: «обоу!» – как старшую сестру, а то она тебя бояться будет. А если позовешь, то не испугается и пойдет к тебе.

Ладно, ободрала и выпотрошила старушка ушкана, луня. Луня сварила, ушкана оставила на завтра.

– Теперь ты большое мясо добыл. Что жалеть его? Будем есть досыта.

– Нет, мать. Досыта не буду есть. Я хоть сутки хожу, голода не чувствую. А ты ешь, поправляйся.

Вот сварила луня и стали есть. Сын поел и сразу лег, даже не разулся. Лег-то он лег, но не спит, слышит, как мать ест, обсасывает кости. Но, кроме того, услышал: на улице кто-то кашлянул. Он сел и говорит:

– Мать, ты еще не спишь? Кто там на улице ходит? Кто-то там кашлянул против моей головы.

Мать говорит:

– Это кто может быть? Я напрасно не пойду. Если кто

и есть там, то это один Диа по ночам ходит. Это он подсматривает, как мы живем.

– Ты почему знаешь, что это Диа? А может быть, какой-нибудь другой человек?

Мать вышла все-таки. Только от двери шагнула, видит: там за чумом какой-то человек. В одной руке держит хорей, в другой руке – вожжу. Санка его стоит подале. Хорей он держит рогатиной вперед, хочет воткнуть ее в чум против того места, где находится голова парня. Увидел старушку, хорей отдернул.

Старуха вернулась в чум:

– Вот, сын, если бы я не вышла, он тебя заколол бы сквозь чум.

– Пусть его. Я не боюсь. Это он только пугал меня. Какой это человек? Если бы на лыжах пришел, это был бы Диа.

Спать легли. Огонь угас. Не боятся, что на улице стоит какой-то человек. Парень стал уже храпеть. Тот человек стоит на улице.

Это тот же Диа, он теперь на оленях приехал. Два белых-белых быка у него. Но олени не такие, как домашние, а как дикие или какой-то другой породы. Видно, что у обоих оленей из лба растут самородные рога, никогда не опадали они, пошли кольцами и спутались друг с другом. И шерсть у этих оленей гладкая и жесткая.

Диа стоит, подняв хорей, будто намеревается колоть, но о чем-то думает он. Вот поднял другой конец хорея, ударил вожжой и уехал.

В чумочке парнишка голову поднял:

– Мать, разожги огонь, уже рассвело.

Мать разожгла огонь и стала варить ушкана. Уже зима настает, потом проходит. Уже чуть не весна, март или апрель.

Парень, Нгуоку, идет. Ну, жара! Все растаяло. Не тем путем идет, каким он до этого ходил, а другим – по яру над Енисеем. Не вниз пошел, на север, а вверх, на юг.

Теперь он лесом идет. Ну, жарко, лето стало. Вдруг кто-то рассмеялся опять. Самый густой лес кругом, незнакомый. Опять кто-то засмеялся:

– Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!

Он остановился и слушает. Вот слышно, где-то здесь, недалеко.

– Мать говорила, что это моя оба. Неужели она меня съест? Ну, конечно, это амуки, раз в лесу живет.

Парень идет, идет.

– Ох! Там, на лесине сидит. Как увидела меня, соскочила с лесины на землю и бежать. Я кричу ей: «Оба, оба, оба! Куда бежишь?» Старшая сестра услыхала. Остановилась, повернулась и на меня пошла. Я все кричу: «Оба, оба, оба!»

– Ты, парень, чей сын? – говорит, а сама идет ко мне. Хвост тащится за ней. Лопоти на ней нет, но тела не видать, вся шерстью покрыта. Подошла ко мне.

– Я Сой мэнюо, сын старухи-Родительницы, – говорю.

– Нет, врешь. Я слышала, ты Дя-каты сын, а отец твой Нга-ныо. Так будто я слышала.

– Ты откуда слышала? Вот лесина стоит, ты от нее слышала, что ли? Врешь ты все.

– Нет, я не вру. Правду говорю.

Пошел спор у них.

– Я как поймаю тебя, так на огне сожгу, – парень говорит.

– Я тебя как поймаю – всего исцарапаю, нигде целого места не оставлю, – парнэку говорит.

– Вот сухая ель. Я ее сейчас подожгу, – говорит парень.

Достал кремень и огниво. Ударил два раза – огонь сверкнул. Разжег огонь и все твердит:

– Я Дя-сой ныо, сын Родительницы Земли.

А та говорит:

– Нет, ты Дя-каты-ныо, сын Дочери Земли.

Так у них все время идет спор. Только захочет парнэку его зацепить своими когтями, он ей огонь подставляет, так она и бегает – кругом огня.

– Ты, оба, меня не поймаешь. Если я побегу от тебя, то не догонишь. Но я тебя поймаю и в огонь брошу, только пепел полетит.

– Нет, Дя-каты-ныо, как только попадешь в мои когти, я тебя всего вытереблю.

Парень рассердился, что она называет его Дя-катыныо. Подбросил в огонь сухой травы, пламя поднялось вверх. Кончил огонь разводить, сказал:

– Ну, иди теперь сюда. Чья сила одолеет?

Схватились. Парень чувствует, как его схватила эта парнэку, так сразу ее когти в него впились. Тряс, тряс ее целый день. Уже ночь стала. Пошли у него кровавые слюни изо рта. На нем была плохая одежда. Она все с него содрала и стала царапать тело. Как хватит, так кровь течет. Но он кое-как от нее вырвался. Говорит:

– Моя мать Дя-сой.

– Нет, твоя мать не Дя-сой, а Дя-каты. А отец твой Нга-ныо.

– Нет, – говорит парень, – врешь.

Схватил эту парнэку, бросил ее в огонь, только искры полетели. Парнэку в огне кричит:

– Дя-каты-ныо! У тебя силы больше. Пусть мои искры разлетятся по всему твоему краю. Где бы ни был человек, они его найдут и укусят. Будут мои искры комарами.

Ее искры полетели везде, везде, стали они комарами.

А парень, как сжег парнэку, побежал домой. Видит, навстречу ему Диа едет на двух белых быках.

Остановился.

– Вот, Нга-ныо! (Стал теперь его называть Нга-ныо, а не Нгуоку.) Ты тоже тайны открываешь, как и я. Я все, что есть на свете, хочу узнать, и ты тоже. Вот ты парнэку сжег и будут теперь комары по всему миру. Я тоже узнал кое-что. Ты звезды пальцем не сосчитаешь? А я недавно узнал их число. Ты бы смог их сосчитать?

– Нет, ино [старший брат], где мне их сосчитать. А ты от кого узнал их число?

– Я узнал от Ирио-каса, мужа Луны.

– Значит, это правда. Ирио-каса знает, потому что это все его народ-тыдё. И сколько звезд на небе?

– 7007.

– Ага, 7007. Семь звезд, это Сэо-Фонсэй, Большую Медведицу видно. Но маленько Ирио-каса соврал. Еще семь звезд надо прибавить, 7014 надо считать.

– Где ты видишь еще семь?

– А вон еще семь звезд кучей, это Кондику – «Уточье крыло».

– Правда. Эти семь звезд он не сосчитал. Теперь мы их прибавили и будет 7014.

– Вот, когда дойдешь до Ирио-каса, то скажи ему: «Дя-каты-ныо прибавил тебе семь человек. Знаешь ли ты их?»

– Ладно, – говорит Диа, – а теперь разойдемся. Ты пойдешь домой, и я пойду домой.

– Ты, Диа, на свете все проведываешь, но одного не спросил у Орио-каса: сколько отсюда, где мы стоим, высоты до неба? Или ты спросил это у Ирио-каса?

– Нет, про это я не спросил его. Сколько же этой высоты?

– А вот сколько. Принеси ко мне семь орлов. Когда принесешь семь орлов, один из них взлетит вверх, так что его едва видно будет. Потом другой орел взлетит над ним на такую же высоту. Потом так же взлетит над вторым третий орел. Вот если все семь орлов взлетят друг над другом, так что каждый будет видеть другого и узнавать, что это орел, вот такова будет высота до неба. В общем, что долго говорить: семь орлов высота до неба. Так и скажи Ирио-каса.

– Ладно, это я скажу. И сам испытаю. Ты-то как это узнал? Ты ведь по земле ходишь. Я по небу хожу и то не знал этого. Теперь разойдемся. Ты иди домой, и я пойду домой совсем. Ты теперь останешься здесь, на земле. По всей земле будут люди тебе поклоняться. Ты будешь он энтио нга – бог настоящих людей. Ты тоже не будешь ходить по земле, а куда-нибудь скроешься. Бабушка твоя никогда не умрет и будет вечно такой старухой, потому что всему, что на земле живет, всему Дя-сой – мать. Все люди родились от нее. Теперь прощай. Бери моих оленей. Будешь на них ходить, куда тебе надо. И на небо подымешься. На, возьми санку.

Диа взял из санки свои лыжи и говорит:

– Ну, прощай!

Двинул ногой, затем другой и покатился. Только его и видели. Парень сел в санку и ушел к своему чуму. Дошел до чума, оленей привязал к санке и зашел внутрь. Этих двух оленей то ли отпустить надо, то ли нет?

Бабушка говорит ему:

– Давай будем есть.

Котлик повесила, и последнее ушканье мясо стали они есть. Старушка говорит:

– Вот слушай, мой сын. Все равно ты мой сын, даром что Дя-каты-ныо. Теперь разойдемся. Ты на свете будешь ходить, а я спрячусь вниз под землю. Когда ты возьмешь жену и жена будет беременна, она родит тебе дочь

или сына, но ты знай, что это я их посылаю. Я – Родительница Земли, людей и всего мира. Мое имя будет Дясой, потому что от меня родятся все люди. Вот теперь, сын, дай, я тебя поцелую.

Парень вскочил на ноги, старуха говорит далее:

– У тебя олени запряжены. Ты куда хочешь, туда и поедешь. Я хоть и здесь останусь, но ты меня больше не увидишь.

Парень подошел, поцеловал свою мать и шагнул на улицу. Оглянулся в дверях – матери уже нет, скрылась. Он двери прикрыл, придавил их палочкой.

– Вот, мать, твой чум. Ты ведь внутри сидишь?

На оленях он пошел знакомым путем в лес.

Выехал на лайду и видит, что на сопочке опять две тени сидят.

– Олени идут рысью, и как раз перед ними остановился я. Опять они разговаривают, смеясь друг с другом. Я вижу только, как губы шевелятся. А я сижу на санке. Не знаю, то ли меня видят они, то ли нет?

Теперь он тихонько с санки спрыгнул и с намотанной на руке вожжой подошел к матери, Дя-каты, схватил ее за руку. Отец, Нга-ныо, хотел подняться вверх, но он другой рукой поймал его за подол.

Парень уперся обоими своими ногами. Санка дергается, олени рвутся, испугались, что ли, и два человека рвутся в его руках. Несколько времени они так вырывались, вырывались.

– Хоу-ха! – говорит Нга-ныо. – У этого Дя-мэнюо-ныо, сына старухи Земли, сила-то большая!

– Это не Дя-мэнюо-ныо, это наш сын, – говорит ему Дя-каты. – Когда мы здесь с тобой играли, это и случилось. Вот сопочка, она приметная. После того как мы играли и родился этот мальчик. Я его травой закрыла. Вот Дя-мэнюо и нашла его здесь и воспитала. Это наш сын. Теперь куда мы его денем?

Нга-ныо говорит:

– Куда денем? Он будет жить между нами двумя. Будет, как и прежде, ходить по земле, захочет, поднимется на небо, потому что у него олени моего народа. Это Диа олени. Ну, а под землю он так и так не пойдет. Пусть здесь живет.

Говорит парню:

– Весь народ по всей этой земле будет тебе поклоняться. (Так же говорит, как раньше бабушка говорила.) Я тебя буду видеть, объяснять кое-что, и мать также будет тебе помогать, только с этой сопочки ты отпусти нас. Но ты будешь находить нас здесь.

Парень их отпустил. Один на небо поднялся, другая под землю спустилась. Он сидит сам на санке и думает.

На ноги встал, постель из-под себя на санке поднял, достал колотушку-тубо. Нож вынул и эту тубо стал строгать. Как бы человека из нее выстрогал. Руки сделал, ноги, голову сделал. Глаза, рот, нос. Поставил на сопке, лицом на полдень, на юг, воткнул крепко-крепко.

– Вот, – говорит, – в будущем, если какой-нибудь человек придет, пусть тебя возьмет. Из тебя будет каха-шайтан, а про меня будут говорить Нга-бог. Не высокий бог, будут говорить, а где-то близко находящийся, наш бог. Какого-нибудь человека я увижу сверху и скажу: «Пусть утонет, или пусть от такой-то болезни умрет, или пусть его ножом зарежут». Это я даю человеку болезнь, смерть.

Поставил изображение на сопочку и поднялся вверх.

– Но не высоко, – говорит, – пойду, не доходя неба, меня все время видно будет. Все время буду жить тут.

Его имя Сидынэ бадаси нга – нас воспитавший бог.

Рассказал Р. Силкин
(пос. Воронцово, Таймыр).
Записал в 1948 г. и перевел Б. Долгих.
Печатается с сокращениями

ДЕЛИ И ЛАУРЭ

Миф

Два брата породы Бай были. Одного звали Лаурэ, старшего – Дели. Родные братья они – одна мать, один отец. Теперь старший говорит младшему:

– У нас оленей нет, мы живем бедно. Давай пойдем промышлять диких оленей. Диких оленей пойдем промышлять, все-таки всю зиму, весну будем мясо есть.

Тогда не было хлеба. Только одно мясо и рыбу ели. Не было иголок, шили только костями дикого оленя. Топоры были каменные.

У младшего брата не было жены, холостой был. У старшего брата была жена из рода Нгузундэй. Младший брат говорит:

– Пойти-то пойдем, может быть, оленей убьем. Но можем мы и души потерять. Ведь есть тунгусы – шитые лица, которые людей убивают. (Вот такой был тогда порядок!)

– Нет, не думай об этом, пока я живой... Убьют меня, тогда и тебя убьют. Пока я живу, тебя никто не убьет. Об этих тунгусах не говори. Пойдем промышлять.

– Что же, раз ты хочешь. Выше тебя я не буду.

Решили идти. Назавтра встали. Оленей у них всего десять, бедные они.

Оленей поймали и пошли. Чумочек изломали и пошли.

У старшего брата детей нет, сроду не рожала жена. Такие женщины бывают, как бангаи*.

Пошли аргишом. Санки у них, как у тау (нганасан), высокие, с круглыми спинками и поворены** наравне с задней доской. У юраков*** не так. Пошли, значит. Идут, идут. Выше Лузиной есть Хантайка-станок. Баи тогда платили ясак в Хантайку.

---

* Бангаи (энецк.) – бесплодная важенка, самка оленя.

** Повор – ремень или веревка, которыми закрепляется груз на санках; поворать – закреплять повором груз.

*** Юраки – ненцы, живущие между Обской губой и правобережьем Енисея.

Теперь идут. Вот откуда они пошли, все время тайга. Сам идет впереди на лыжах-голицах пешком, затем брат на оленях, а затем жена с аргишом. Они пошли осенью, в сентябре, во время гона диких оленей.

Пошли. Есть против Хантайки, на правом берегу Енисея, камень Боггодо-куо. Это конец хребта, который идет от Норильска. До самого хребта дошли, десять дней до него шли, все время бродь, тайга. Под самым камнем чум поставили, против Хантайки, на восток.

Когда встали близ камня, старший брат утром из чума на улицу вышел, на камень посмотрел. Камень совсем близко. Над ним нос камня (выступ края хребта) как облако. Говорит с улицы старший брат:

– Ну-ка, младший брат, иди сюда, гляди! Наверх, на этот камень, если подняться, что-нибудь можно увидеть. Ты не поднимешься ли на него? У тебя глаза острые.

– Как я подымусь на него, он прямо над нами навис.

– Ты кругом иди, а потом иди сюда на головочку камня. Может быть, что-нибудь увидишь, может быть, диких оленей.

Младший брат ушел. Кругом объезжает камень. Долго его ждали. Почему нет? Ничего не едят без него. Старший брат все время его на улице ждет:

– Когда это младший брат подымется против меня на голове камня? О! Теперь брат мой кричит: «Я пришел».

Глянул наверх – прямо против него на выступе носа скалы стоит младший брат. Кричит младший брат:

– За этим хребтом в лесу опять хребет видно, сопку. От тебя его не видать?

– Нет, не вижу.

Стал смотреть: рядом с камнем, над лесом, чуть сопку видно. Потом опять кричит младший брат:

– За этой сопкой, на таком же расстоянии, еще сопка есть, как печка. Ты видишь?

– Нет. Только этот хребет вижу сквозь лес, а второго не видать.

– Старший брат! Я хочу соскочить отсюда прямо в чум. Только боюсь ногу сломать о твердую землю. Мягко было бы, так бы и прыгнул. А то до темноты мне кругом идти.

– Нет, младший брат, не прыгай, тебя насилу видно. Иди лучше кругом, так ничего себе не повредишь.

После этого младший брат пошел, наверное, кругом, что-то замолчал. Старший брат в чум вернулся.

– Ну, что, старуха, ничего есть нету, как будем без еды?

– Еды у нас нет, ни куска мяса, ни куска рыбы нет.

– Ну, будем десятого оленя бить, – говорит старший брат, – когда младший брат придет. Беда есть охота.

Пока они так говорили, и младший брат пришел. Темно стало, ничего не видно. Младший брат вспотел, шапку снял. Зашел в чум и говорит:

– Беда как есть хочу.

– Надо оленя бить, – говорит старший брат, – ты иди, поймай одного оленя и убей.

Младший брат только трубочку свою наклал и опять скрылся в тайге. Почти в полночь только обратно пришел.

Говорит старший брат:

– Это ты что так долго, закружал в лесу?

– Нет, не закружал, оленей не мог найти. Вот одного оленя убил. Нашел этого оленя в лесу.

– Как это ты в потемках убил? Это какой олень, домашний?

– Нет, дикий.

– Мясо принес?

– Принес, все принес.

Правильно, он дикого оленя принес. Большой, от земли поднять нельзя. Как он один этого оленя принес целиком, со шкурой и брюшиной?

Сходил за ножиком старший брат, вынес ножик на улицу. Порол, всю постель* ободрал, брюшину вынул. Олень – жир на крупе как раз на четверть. Он когда обдирал, все искал, куда младший брат убил этого оленя. Ищет, нигде не может раны найти. Как он убил его, удивляется. Потом он голову захотел отрезать. Э! Вот куда он его убил. Около уха голова вся разбита, черная, как будто брат ударил молотком или палкой. Чем это убил он?

Отрезал голову и мясо, все разложил по снегу. Ноги, спину, грудь в чум бросил варить. Старуха за кишками пришла, жир с кишок снимать. Когда в котел все мясо

* Постель (энецк.) – зимняя оленья шкура.

сложили, сел старший брат, стали сагудать* сердце, легкие, печень, почки, жиру маленько.

– А что, младший брат, не встаешь? Есть не будешь? Вставай!

Ну, встал тот, сел. (У них никого не осталось в чуме. Где хотят, там живут. Оттого дёре** коротко.) Младший брат встал и говорит:

– Ох, устал, у меня что-то крыльца*** болят.

– О! Сооко****, как не будут болеть! Когда я опускал твоего оленя, я одну его голову не мог поднять. Как не будут болеть крыльца – один его принес. Пока ты молод, силу не надо ломать. Принес бы половину или четверть, а завтра мы бы вдвоем сходили. Ты молодой, тебе еще долго жить на свете, еще много хватишь горя.

– Ну, пусть крыльца болят, – говорит младший брат, – тяжелый-то, тяжелый.

– Ты чем убил его, лука ведь с собой не брал.

Младший брат показывает кулак:

– Вот этим его убил. Он бежал в броди – в глубоком снегу, а я рядом на голицах бежал. Поймал за рог и ударил кулаком по шее. Я ведь оленей ушел собирать, палки или топора не было. Теперь не будем голодать. Они в броди тихо идут, я на голицах их догоню. Теперь луки можно не брать. Завтра, если будем здесь, можно промышлять – дороги их есть.

– Ну, ладно, кулаком так кулаком. Я не думал, что так можно. Сила в тебе есть. Но все-таки беречь себя надо, тяжелого не надо подымать. Мне скажешь, я пойду тебе пособлю принести.

Ну, ладно. Тут котел сварился, мясо стали есть. Когда мясо съели, Дели говорит:

– Старуха! Голову-то принеси, лоб я обдеру.

Старуха пошла на улицу, голову тащит едва-едва. Никак не может голову протащить в двери – рога мешают. Пока старуха тащит, Дели смотрит на оленя. Это что? Почему у него лоб белый, ухо разрезано. Отдала жена голову ему и тоже говорит:

---

* Сагудать (энецк.) – есть сырое мясо.
** Дёре (энецк.) – рассказ, предание.
*** Крыльца – лопатки.
**** Сооко (энецк.) – обращение к младшему брату.

– Это не дикий, это олень домашний.

Дели смотрит на голову и младшему брату говорит:

– Сооко! Ты в дело не попал? Это, однако, олень домашний, тунгусский, однако...

– Ну что ж, пусть, было бы мясо. Я есть хочу. Если это олень, то хозяин придет, мы ему отдадим. Только олень у него большой, ну что же, мы ему два наших отдадим. Все равно бы мы два оленя съели. Ну, давай, обдирай.

– Однако это плохо, это тунгусский олень. Тут плохо, однако, будет.

Мясо едят, сидят без парок*, голые до пояса. Старший брат сидит на постели на своей стороне, а младший брат сидит на конце доски напротив двери, за огнем.

Старший брат глядит на него снизу и думает: «Как он не подымет такого оленя? Плечи – два плеча человека, грудь – шириною почти сажень. Ну, верно, ему легко было поднять оленя, на руках мясо у него – как сопки наворочены».

Так он своего младшего брата молча разглядывает, но ему ничего не говорит.

Старший брат только два куска жира отрезал, один кусок съел, стал второй есть. Что такое? Дверь приподымается? Ветра нет, а она то подымется, то опустится.

– Почему так дверь подымается? – младшему брату говорит. – Ты что это, сооко, так голышом сидишь? Хоть парку надень. Ну, старуха, погляди дверь.

Старуха посмотрела – нет ничего. А младший брат ест себе, даже думушки не думает, есть ли там что и что его брат говорит.

Потом, когда половину мяса доедать стали, дверь опять поднялась, еще больше, чем давеча. Из-под двери высунулась стрела, рука, держащая лук. Стрела прямо целит в младшего брата, который против двери.

– Сооко! Надевай парку, а то ты уж готовый, вот стрела, – крикнул старший брат.

Младший брат посмотрел:

– Верно. Ну да ладно, пусть целится, я не боюсь.

Старший брат опять глядит. Из-под постели достал

---

* Парка (ненецк., хант.) – одежда из тонких оленьих шкур шерстью наружу.

свой лук и стал в дверь целиться. Дверь закрылась – заметили. В то время народ, говорят, никогда луки на улице не оставлял; если спит в чуме, то лук всегда около – лежит тут же.

Старший брат вскочил, дверь открыл и на улицу вышел. Нигде ничего нет. Подумал: «Это так нарочно пугает кто-то. Человек-то человек, руку я видел, лук видел. Как скоро ушел? Я ведь сразу выскочил.

Лук положил свой под голову, и немного погодя спать легли. Всю ночь спали и даже думушки не думали. Младший брат храпит беспрерывно.

Утром поднялись, свет большой уже. Еду варить стали, едят опять.

– Ну ладно, пойдем промышлять, здесь люди есть. Может быть, люди дадут нам оленя.

Оба на улицу вышли, старший брат ищет след человека, который вчера приходил. Да, правильно, кто-то ходил на голицах, из тайги пришел к чуму и обратно ушел, вот четыре ряда следов. По этому следу пойдем, наденем голицы и пойдем. Старший брат спрашивает младшего:

– Ты пошто свой лук не берешь, соoко?

– Я лук не возьму, а только палку. Ты лук держи, хватит нам одного лука.

– Как оба будем один лук держать? Это мы домашнего оленя вчера ели. Может быть, сердиться на нас будут. Тебя без лука убьют.

– Ну ладно, возьму лук, – сказал младший брат.

Оба взяли в руки луки и пошли. По две стрелы взяли только. Идут по этому следу. Идут на голицах целый день. Когда прошли лес, на круглой лайдочке три чума увидели. У среднего чума на углу сидят трое мужчин без сокуев*, видно, что тунгусы. Сидят на санке.

Увидели братьев, вскочили на ноги, что-то между собой говорят. Потом в чум зашли. И братья за ними тоже вошли в чум. В нем три тунгуса. На одной стороне – один тунгус, на другой – два. Который один – молодой, на другой стороне – один старик, другой тоже молодой, парень. Две бабы, одна седая, другая молодая, девка или

* Сокуй (энецк.) – зимняя меховая одежда с капюшоном, надевается поверх парки.

баба. Братья стоят у дверей. Никто не говорит – садитесь, что ли.

Потом этот старичок стал говорить по-своему с тем тунгусом, который на другой стороне сидит. Тогда тот человек на другой стороне стал рукой махать – садитесь-де сюда.

Старший брат впереди идет. Около этого человека сел. Сел все-таки не близко, в стороне немного сел. А младший брат опять тут сел, на доску против двери, как сидел дома.

Этот тунгус по-своему про оленя спрашивает. Некоторые слова они понимают: «орор» (олени, по-эвенкийски); «лоб белый» поминает. «Не эти ли люди убили?» – по-своему говорят с тем человеком, который рядом сидит. Этот человек, который отдельно сидит, говорит старому человеку:

– Я в этого, который за огнем сидит, целился, а тот, который рядом со мной сидит, в меня прицелился. Я ушел, испугался. Это удалые люди. Лучше с ними договориться. Пусть за оленя отдадут двух. Но как будем говорить?

Теперь старший брат, Дели, говорит:

– Друг, ежели так добром хочешь, оленя просишь, я тебе два дам, только, пожалуйста, не надо ругать. Это мой брат, молодой еще, у него ум короткий. Каждый день мы хотим есть, голодом живем. Только десять оленей у нас.

Младший брат говорит:

– Старший брат, два оленя-таки я не дам. Я вижу, у них оленей много. Они богатые люди. У нас есть один лончак* ростом большой, хороший. Дадим его. Если они этого лончака не возьмут, то ничего не дадим.

Старший брат его потихоньку толкает, по-своему говорит:

– Так говорить не надо. Их трое, нас двое. А может быть, их не трое, а больше. Два оленя дадим.

– Нет, вот лончака дадим, а если лончака не возьмут, то ничего не дадим.

Говорит тогда старший брат:

– Друг! У меня лончак есть большой. Я его отдать хочу. У моего брата ум короткий, не хочет два оленя давать. Только лончака дает. Да лончак больше быка.

---

* Лончак (энецк.) – двухлетний олень.

Вот седой человек вскочил на ноги и на эту сторону пересел. Старший брат схватился за нож на ноге (носит нож по-самоедски), держит его за черень*. Старик старшего брата по голове гладит, говорит:

– Ося сойда, бай ани сойда. Тунгус добрый, самодин тоже добрый.

Старший брат подумал: «Однако мириться хочет» – и себя по сердцу похлопал, и так они согласились. Старший брат показал два пальца – два года, лончак. Старик на свое место ушел.

Старик старухе на котел показал, стукнул по нему, потом на улицу показал. Старуха пошла, с улицы половину дикого оленя принесла. Жир как снег. Сварила это мясо и стали есть. Ничего не говорят, только едят. Видимо, не сердятся, между собой разговаривают тунгусы. Старший брат шапку надел и брату говорит:

– Ну, пойдем дикого искать, а то уже вечер, а у нас есть нечего.

На улицу вышли. За ними сидевший со стариком тунгус вышел. Старший брат, выйдя, лук взял, младший брат лук взял и по своему следу кругом чума пошли. Этот тунгус тоже кругом чума обошел, и, обойдя чум, зовет своего старика:

– Огоннгер, кэл, кэл!**

Старик со старухой вышли вместе. Старик останавливается, рукой машет, на санку показывает. Старуха расповорала санку, там только одно мясо, гольный жир. Старший брат говорит:

– Это, однако, хорошие промышленники. У них на санках гольное мясо.

Он немного понимал по-тунгусски. Старик две туши мяса вынул, на них показывает и говорит:

– Чум хуруколь, чум хуруколь.

Старший брат говорит:

– Он нам две туши мяса дает, возьмем их, что ли?

Младший брат говорит:

– Как не унесем, если дает. Прямо домой пойдем.

– Как мы их унесем? На оленях надо было бы...

---

* Черень – рукоять топора или ножа.

** Огоннгер, кэл, кэл! – Старик, подойди, подойди (якут.).

– Ну, как не унесем? Без шкуры, без брюшины и так унесем.

Старший брат говорит:

– Ну, подними их.

Младший брат взял по туше под мышку и принес их к нему.

Старший брат говорит:

– Ну, сооко, одну понесу. Другую ты неси.

Мясо взвалили на себя, а старик опять подбежал к ним, стал гладить по голове и говорить:

– Самодин добрый, тунгус добрый.

Пошли. Пришли домой. Младший брат говорит:

– Лончака как унесем им? Придут ли сами?

– Сами придут, говорили.

– Это шибко добрые люди, мяса нам дали две туши. Я думал, будут ругать. Завтра пойдем промышлять. Еще бы две-три туши добыть. А то оленей у нас десять, лончака еще унесут, есть нечего будет.

Спать легли. Старуха положила обе туши за санку. Еще у нее две санки пустые. Оттого младший брат говорит, что надо еще два-три диких оленя добыть.

Утром встали. Теперь, когда откушались, на улицу вышли два брата. Промышлять будут. Как раз по вчерашнему следу на санках пришли три тунгуса. Оленей к санкам привязали, стрелы и луки достают из санок. Идут к ним с луками. Старший брат говорит:

– Почему так? Ты говорил, что они хорошие люди, а теперь с луками идут, нас бить хотят. Бойко идут сюда.

Оленей собрали, обещанного лончака поймали, старший брат ведет его тунгусам. Тунгусы говорят:

– Тунгус добрый, самодин тоже добрый.

По голове гладят, все равно такие, как и были. Свои луки, стрелы положили на санки, обратно по своему следу пошли и увезли этого лончака. Когда тунгусы ушли, братья отправились промышлять на голицах в тайгу. Целый день ходят, ходят, ничего не могут найти. Ни одной лайдочки не могут найти, гольная тайга, следов нет, ничего нет. Ночь настала, старший брат говорит:

– Теперь кружать станем, как домой пойдем?

Младший брат говорит:

– Попадем как-нибудь.

Младший брат все идет вперед. Идут, идут, идут. Свет

потухает. Какая-то большая сопка впереди попалась. На самой сопке лесу нет, по краям ее лес. Младший брат говорит:

– Подымемся сюда на сопку. Посмотрим, что у нее наверху. Верх у нее плоский, не острый, а круглый, как чаша.

Старший брат говорит:

– Ну, давай посмотрим, что это, интересно, такое. Что за сопка такая не острая.

Взошли на сопку. Ну, зима, зима здесь. Посреди сопки яма, как котел. Кругом яры, как сопки. Зашли туда, в яму. Там гольная трава, птичьи перья, пух. Потом старший брат стал пух рассматривать, нашел в нем одно яйцо и хотел это яйцо поднять. Не может поднять, только покатывает его так и этак. Большущее яйцо, здоровенное. Младший брат говорит:

– Какой это птицы яйцо? Ты старше меня, скажи, шибко оно большое.

Старший брат говорит:

– Ты яйцо это не знаешь. Есть птица минлэ. Настолько большая, что если она здесь сядет, то крылья ее будут лежать на другой сопке. Наши деды рассказывали – есть такая птица минлэ. Как полетит, ветер подымается. Вон сопка у нашего чума, вот дальняя сопка. Она на этой сопке сидела, а крылья у нее на тех сопках были. Давай яйцо унесем? Только как унесем?

Младший брат говорит:

– Если унести надо, унесем. Я подпояшусь и положу его за пазуху.

Подпоясался и одной рукой взял яйцо и за пазуху положил, а старший брат поднять не мог.

Старший брат говорит:

– Не ломай его, сооко, в чум принесем, мы его есть не будем. Сделаем санку и положим его туда. Это будет каха, шайтан*. Положим на санку и будем держать как шайтана и будем счастливы. Оно будет нам давать талан**.

От этой сопки стали глядеть. Это та сопка, на которую они смотрели через лес. Они закружали маленько. Домой дошли без всякой канители.

---

* Каха (энецк.), или шайтан – здесь почитаемый предмет, от которого ожидают помощи.

** Талан (энецк.) – счастье, удача.

Теперь до чума дошли. Это яйцо достали из-за пазухи и положили на первую санку. Уговаривает его старший брат:

– Если хочешь шайтаном быть, ты нам навстречу посылай диких оленей, чтобы мы могли их убивать. Если не хочешь быть шайтаном, никого нам не пошлешь, я тебя разобью в крошки.

Он постукал своего шайтана. Потом легли спать. Он говорит:

– Если не принесет ничего, то будем его топором ломать.

Утром встали. Пошли промышлять. Не по той дороге, по которой вчера ходили, а в сторону куда-то пошли.

Недалеко от чума ушли; на хребет поднялись. Диких оленей след нашли. Старший брат говорит:

– О! Вот перед нами десять диких прошло. След-то новый.

Младший брат говорит:

– Ну, давай погонимся. Не отставай только, старший брат, от меня. Ты ведь тоже стрелять будешь.

Маленько отошли, старший брат закричал издали, только его лицо видно, увидел диких оленей. Младший брат пошел за ними, впереди брата. Когда дикие олени стали скакать в броди, он пошел рядом с ними.

Младший брат заворотил диких оленей и прямо к чуму их гонит. Старший брат тоже здорово идет, но только насилу видит, как с дикими наравне идет младший брат. Вот чум уже близко.

Младший брат стал стрелять. Десять диких оленей, всех убил. Последнего убил у чума, видно. Старший брат по следу идет. Видит, что всех оленей младший брат убил.

– Ино!* Правда, твой шайтан талан дал. У самого чума убили, ни одного не упустили. Завтра сделаем ему санку и обратно будем аргишить. А то здесь все-таки народ есть. Что-нибудь, может, с тунгусами будет.

Теперь они домой две туши взяли. На другой день младший брат на оленях все мясо перетаскал, а старший брат санку делал.

Мясо принесли, санку сделали. На санку положили

* Ино (энецк.) – обращение к младшему брату.

яйцо. Сырой постелью окутали это яйцо, чтобы, когда санка трястись будет, оно не сломалось.

Утром встали. Санки все полным-полны, прямо негде сесть, негде чум положить. Насилу погрузили все. В некоторых санках по одному оленю запряжено, а сами пешком идут. Пошли.

Долго ли, коротко ли ехали – и доехали до своего края, где раньше жили. У них было две важеночки и семь быков (лончака отдали). Как на место пришли, олени стали плодиться. Две важеночки отелились. У одной важенки родилось два теленка, у другой тоже два теленка. Все четыре теленка – важенки.

Теперь у них важенок стало шесть. Но вот теперь последнее слово скажем так. Из тех шести важенок оленей вышло много. Они богатые стали. Старший брат говорит:

– Это нам шайтан помог, оленей принес.

Сытыми они стали.

Рассказал Р. Силкин
(пос. Воронцово, Таймыр).
Записал в 1948 г. и перевел Б. Долгих

Нганасаны

О СОТВОРЕНИИ МИРА

Предание

* * *

Бог сперва сделал землю. Но вода ее всю накрыла.

Была утка. Утка на воде сидела. «А-а!» – сказала утка и нырнула. Ушла утка в воду и в клюве немного земли вынесла.

Носила-носила утка землю – образовалась сопка.

Потом на вершине сопки родилось солнце. Солнце дало сопке тепло, и трава выросла. От солнца вокруг сухо стало, земля кругом стала.

А все началось с утки – она нырнула в воду и в клюве принесла немного земли.

Когда вода спала, из нее поднялась вершина шайтанского хребта Койка-моу. На это место откуда-то два человека упали. Один из них сказал:

– Пойдем к богу Дёйба-нгуо, покровителю людей, скажем: «Надо на земле людей родить».

Ушли они к Дёйба-нгуо, а может быть, улетели. Потом опять вернулись. Уже большой воды не было, озера и реки только остались.

– Эта вода пусть останется, – сказали. – В ней люди рыбу добывать будут.

* * *

Когда земля появилась – одни вершины были. Из яра над рекой два комка земли отвалились. Они на прибрежный песок упали. Эти комки земли людьми стали.

Между горами маленькая лайда – ровное место – была. На лайде появился маленький тальник и двое детей –

мальчик и девочка. Сперва дети ели траву. Потом, когда земля большая стала, мальчик и девочка тоже большими стали.

Стали они ходить по земле. Нашли двух телят оленей. Из травы сделали веревку и привязали оленей.

Женщина родила двух детей – мальчика и девочку. И олenуха родила двух телят.

Живут ввосьмером – четыре человека и четыре оленя.

Когда дети подросли, у них тоже двое детей родилось. У их отца с матерью тоже двое детей родилось. Олени тоже, как люди, принесли телят. Людей восемь человек и оленей восемь. Но два теленка оборвали веревку и убежали. Так появились дикие олени.

* * *

Земля когда родилась, гольной глиной была. Оу! Моу-нямы, Мать Земли, говорит:

– По этой глине люди как ходить станут? Надо землю переделать, глину куда-нибудь спрятать.

Ну, другой бог-то, Мать Огня Туй-нямы, говорит:

– Куда же положим глину?

– У! Какая ты бестолковая. Там, где вода есть, там в воде глина будет. Хоть в озера, в реки, в Енисей надо эту глину положить. От этой глины потом, когда земля хорошая станет, пусть люди рыбу едят.

Ну ладно, недолго было отделить глину от хорошей земли. Всю глину бросили в озера, в реки. Оу! Эта глина не стоит на месте, ползет. Что будем делать? Оу! Камни надо сверху положить. Камни придавят ее, и глина никуда не пойдет. Ну что же. Хоть нынче взять Енисей. Под водой – везде глина. Ну хорошо, так все сделали два бога.

Земля чистая стала. Моу-нямы говорит:

– Опять работа-то есть.

– Какая работа есть?

– У! Как у тебя ума мало! Люди будут родиться, как они огонь добывать станут? – говорит Моу-нямы. (Она умная была, а Туй-нямы – глупая.) – Какой у тебя ум короткий. Пусть хоть сейчас огонь загорится – какие дрова он есть станет? Может быть, люди родятся – без огня они жить не будут.

– Ну, что будем делать?

– Что будем делать? В стороне солнца, на юге, есть каменные горы. Там среди гор надо поставить лес на дрова. Может быть, русский народ будет, самоедский народ будет, тунгусский народ будет – какими дровами им топить?

Хозяйка Огня Туй-барба говорит:

– Оу! Правильно ты говоришь. Ну что еще? У меня ум будто короткий.

Лес надо было родить, поставить. Попросили теперь другого бога и лес поставили. Русские родятся – пусть избы делают, самоди родятся – пусть шесты для чума делают. Русские, самоди пусть лесом топят. Тальником тоже надо топить. Самоди найдут тальник, русские не найдут, дровами только топить будут. Ну, мы нынче без огня ведь не живем?

Так на землю все положили, в воду рыбу положили, еду. До сих пор ее всякий человек ест. Хоть на земле будет сухо – под водой всегда глина. Это все два бога положили. Станут люди в воде неводить, рыбу будут добывать.

Потом шаманы у огня сидели. Некоторые говорили:

– Оу! Огонь! Почему ты такой тиховатый?

– Как тиховатым не буду?! Кто поставил чум, кто избу – это все я топлю. Все меня ловят, все меня в разные стороны тянут. Тут какой силы хватит? Потому я и тиховатый.

Теперь так вся земля стала жить. Теперь Мать Огня Туй-нямы в чумах, в избах стала жить, другая – Мать Земли Моу-нямы в земле поселилась. Так стали жить два бога, и все. Это не сказка, это старая весть.

Записали Б. Долгих и А. Лекаренко.
Литературная обработка В. Санги

СОЛНЦЕВА ДОЧЬ

Сказка

Мимо нас едет человек на пестром олене, запряженном в нарту-туркучанку. Едет-едет и видит: сидит другой человек на сопке, голова у него открытая, не мерзнет. Наш человек подъехал к нему, а тот спрашивает:

– Ты куда едешь?

– Я еду по приказу царя. Есть, говорят, привередливая солнцева дочь, ее я должен привезти себе в жены. А ты почему сидишь без шапки, что за человек?

– Я всевидящий и всеслышащий человек!

– Вот хорошо! Ты мне, может, и пригодишься, поедем вместе.

Сели на туркучанку вместе и поехали. Едут-едут, видят: на сопке человек сидит, держит в руках лук и две стрелы.

– Кто ты такой? – спрашивают.

– Я такой человек, что этими двумя стрелами могу кого угодно убить.

– Вот хорошо! А мы едем за привередливой солнцевой дочерью. Может быть, ты нам и пригодишься, поедем вместе.

Все трое поехали вместе. Едут-едут, видят: на краю равнины-лайды сидит человек, то поднимется, то присядет, как будто чего-то боится. Подъехали к нему, спрашивают:

– Кто ты такой?

– Тише, тише, смотрите: вон там на лайде стоит самка дикого оленя с теленком. Царь этой страны, чтобы я не был очень резвым, привязал меня за ногу; поэтому сижу здесь и забавляюсь тем, что хватаю этого оленя за ногу.

– Вот хорошо! А ну-ка, покажи свою ловкость!

Человек, действительно, протянул руку и схватил за ногу убегающую самку дикого оленя.

– Ловкий же ты человек, оказывается, – сказали. – Мы едем за привередливой солнцевой дочерью. Может быть, ты будешь нам нужен; поедем-ка с нами.

Все четверо поехали. Едут-едут, приезжают к двум горам со снеговыми вершинами. Сидит между ними человек, а на носу его снег.

– Что ты за человек и почему у тебя на носу снег?

– Я очень сильный человек. Как только концом носа задену эти две горы, их как будто и не бывало.

– Вот хорошо! А ну-ка, покажи свою силу!

Человек повернул голову направо и налево, зацепил носом горы, и они тотчас рассыпались.

– Мы едем за привередливой солнцевой дочерью, ты, может быть, и пригодишься нам. Не поедешь ли с нами?

Все пятеро поехали. Едут-едут, видят: стоит высокая скала с вершиной, похожей на конец хорея. На этой вершине сидит человек с непокрытой головой, и вся макушка его в снегу.

– Вот диво, – удивляются наши путники и спрашивают: – Что ты за человек? Почему у тебя голова в снегу?

– Если я тряхну головой, поднимется пурга, будут сугробы – заструги.

– А ну-ка, покажи!

Человек тряхнул головой; сильная пурга поднялась.

– Довольно, перестань, совсем нас убьешь, – стали кричать люди.

Человек перестал трясти головой, и пурга затихла.

– Мы едем за привередливой солнцевой дочерью, – говорят люди. – Ты, пожалуй, нам пригодишься, не поедешь ли с нами?

Согласился. Едут-едут, видят: на середине снежной равнины круглое талое озеро. Около него сидит человек, вытянув вперед губы.

– Что ты за человек? – спрашивают наши путники.

– Я такой человек, что могу выпить единым разом всю воду этого озера и проглотить вместе с ней двух рыб, которые в нем плавают.

– А ну-ка, покажи свое умение, – говорят.

Человек вытянул свои губы, выпил всю воду озера и проглотил двух рыб, которые плавали в ней.

– Мы едем за привередливой солнцевой дочерью. Может быть, ты будешь нам полезен. Не поедешь ли с нами?

Согласился. Едут-едут, к одному стеклянному дому приезжают. Обходят кругом, двери заперты, никак не войти. Говорят:

– Это, должно быть, дом привередливой солнцевой дочери. Ну-ка, всевидящий, всеслышащий человек, посмотри – кто есть внутри дома?

Всевидящий и всеслышащий человек посмотрел и говорит:

– Там находится одна девушка.

Тогда говорят:

– А ну-ка, человек с луком, выстрели в дверь!

Человек с луком выпустил две стрелы. Эти стрелы отскочили обратно с обломками замка на концах. Дверь раскрылась, и все люди вошли в дом. Дом внутри, оказывается, светлый-светлый, весь из золота и стекла. Сидит девушка с медными украшениями.

– Откуда вы, люди, приехали? – спрашивает.

– Мы едем за солнцевой дочерью, посоветуй, как нам найти ее. Очень привередливая, говорят, она.

– Как же не укажу, знаю про нее; только сначала еду приготовлю и накормлю вас, – сказала и вышла.

Вошла, внесла охапку дров из красной меди. Опять вышла и принесла охапку железных дров. Растопила очаг, дым повалил, огонь поднялся, ничего не видно. Девушки нигде не стало, как будто ее совсем и не было.

Где-то вдали послышался ее насмешливый голос:

– Вот бедняжки, захотели взять солнцеву дочь!

Огонь становился сильнее и сильнее, одежда наших людей начала загораться.

Сказали:

– Человек с луком, выстрели!

Огонь еще больше разгорелся, когда этот человек выстрелил.

Сказали:

– Ну-ка, хватающий за ногу дикого оленя, погаси рукою огонь!

Хватающий за ногу оленя махнул рукой, туман появился, огонь еще больше разгорелся.

Сказали:

– Ну-ка, делающий пургу, устрой пургу!

Поднялась пурга, рассеялся туман, огонь немного притих.

Сказали:

– Ну-ка, выпивающий воду, погаси огонь!

Выпивающий воду выплеснул изо рта воду и погасил огонь.

Но как выйти им – дверь заперта! Человек с луком выстрелил двумя стрелами. Стрелы отскочили назад, нако-

нечники погнулись – ничего не вышло. Тогда человек со снегом на носу провел носом по стене дома, дом распался надвое, и все вышли.

– А ну-ка, всевидящий и всеслышащий человек, укажи, где солнцева дочь.

– Солнцева дочь сильно над нами смеется, – сказал он.

– А ну-ка, человек, хватающий оленя за ногу, достань ее, – сказали люди.

Человек, хватающий оленя за ногу, далеко убежал, не видно стало.

– А ну-ка, всевидящий и всеслышащий человек, скажи, что стало с нашим человеком.

– Догнал бы наш человек солнцеву дочь, да нога-то привязана.

Тогда человек с луком выпустил две стрелы и перерезал веревки, которыми была привязана нога бегуна. Опять ничего не стало видно.

– А ну-ка, послушай, посмотри и скажи, что стало с нашим человеком? – попросили.

– Наш человек чуть не поймал солнцеву дочь, да она далеко за озером, никак ее не догнать.

Решили послать человека, выпивающего воду.

– Как я пойду? Очень далеко, ноги у меня слабые!

Дал тогда первый человек своего оленя, оседлав его золотым седлом. Поехал тот, выпил озеро, а быстроногий поймал солнцеву дочь. Все трое вернулись.

Поехали вместе с солнцевой дочерью, прибыли к тому месту, где жил человек, выпивающий воду. Первый человек сказал ему:

– Хорошо, что ты помог мне. Оставайся жить здесь, а от рыб, которых ты проглотил, пусть размножатся другие рыбы на питание людям. Будь хозяином воды!

Поехали дальше и приехали к тому месту, где жил человек, делающий пургу. Первый человек сказал ему:

– Хорошо, что ты помог мне. Оставайся здесь, будь хозяином пурги и снега!

Поехали дальше. Приехали к тому месту, где между двумя горами сидел человек. Первый человек сказал ему:

– Хорошо, что ты помог мне, оставайся здесь жить и будь хозяином гор. Имей власть над горными зверями и посылай их людям на пользу.

Поехали дальше. Приехали к тому месту, где жил че-

ловек с привязанной ногой. Первый человек сказал ему:

– Хорошо, что ты помог мне. Оставайся жить здесь. Будь ты хозяином диких оленей, корми людей.

Поехали дальше. Приехали к тому месту, где жил человек с луком. Первый человек сказал ему:

– Хорошо, что ты помог мне, оставайся жить здесь, будь хозяином, помогай охотникам.

Поехали дальше, приехали к тому месту, где жил всевидящий и вееслышащий человек. Первый человек сказал ему:

– Хорошо, что ты помог мне, оставайся здесь. Будь ты хозяином и наделяй детей хорошим зрением и хорошим слухом.

Поехал дальше первый человек с солнцевой дочерью, привез ее на свою землю, и стали они жить вместе. С тех пор солнце светит, и от лучей его вся земля получает жизнь.

Рассказал вадеевский нганасан Уранин.
Записал в 1937 г. и перевел А. Попов

ЛЮДОЕДКА И НГАНАСАНКА

*Сказка**

Стояли рядом два чума. В одном жила нганасанка с двумя дочками, в другом – людоедка с двумя своими дочерями.

Посылает людоедка старшую дочь к нганасанке. Зашла она в соседский чум, говорит:

– Тетя, сходите с моей мамой за дровами.

Нганасанка отвечает:

– Не хочу, я дочкам бакари починяю.

Дочь людоедки вернулась домой, говорит матери:

– Нганасанка идти за дровами не хочет.

Тогда людоедка сама пошла к соседке, растрепанная, на одежде все завязки болтаются. Говорит:

– За дровами пойдем!

– Не хочу, – отвечает нганасанка, – обувь дочкам починяю.

– Если не пойдешь со мной рубить тальник, – говорит людоедка, – лицо твое вдоль и поперек расцарапаю.

Тогда нганасанка стала собираться, оделась, свой большой нож взяла, пошла с людоедкой к тальникам. Вот рубят они тальник.

– Иди сюда, – кричит нганасанке людоедка, – я родничок нашла, на воде его рыбий жир, дикого оленя жир остался. Иди, попробуй!

– Не мешай мне! – отвечает нганасанка.

– Не хочешь, – кричит ей людоедка, – лицо твое вдоль и поперек расцарапаю!

Нганасанка пошла к людоедке.

– Поближе подойди, – говорит та.

Нганасанка приблизилась, стала смотреть вниз, на воду. Людоедка сзади отрубила ей своим ножом голову. Голова в воду упала. Людоедка голову вытащила, положила около себя, а тело нганасанки сбросила в воду. Взяв с собой голову, людоедка понесла домой нарубленный тальник. Навстречу ей выбежала старшая дочь нганасанки, спрашивает:

– А когда моя мама придет?

– Твоя мама ни раньше меня, ни после меня не придет, – отвечает ей людоедка.

Зайдя в свой чум, задумалась девочка: «Моя мама никогда так не делала. Пойду-ка послушаю, что соседки говорят». Подошла она к чуму людоедки, слушает. Слышит: смеются в чуме. Дочки просят мать:

– Отдай нам ее мозг.

А мать отвечает им:

– Ее взрослый мозг я съем сама, а вы детский мозг будете есть!

Услышав такие слова, девочка-нганасанка побежала домой. Сложила в мешок железные украшения матери и боковые ее украшения. После этого разобрала для сна постель, а под одеяло положила дрова, приготовленные для растопки. На улице поймала двух птичек, привязала их веревочкой к кончикам одеяла у шестов.

К вечеру они с младшей сестрой были уже далеко от своего чума.

Ночью, решив, что дочери нганасанки спят, людоедка взяла большой топор и, таща веревки, пошла к соседскому чуму. Стала рубить топором по одеялу, говорит, кряхтя:

– Их косточки трещат.

Кончила рубить, одеяло открыла – а под одеялом раскрошены сухие дрова.

– Что за дети! – закричала в гневе людоедка. – Зимние их следы, летние следы я не потеряю!

Кинулась людоедка по следам нганасанских дочек. Увидели девочки, что людоедка их догоняет. Старшая сестра вытащила из мешка материны железные украшения, бросила назад со словами:

– Пусть железной горой станут!

Поднялась сзади высокая гора. Увидела гору людоедка, закричала:

– О, что за дети! Летние ваши следы, зимние следы не потеряю!

Полезла она на гору, вопит:

– Предки мои! Я все свои ногти пообломала!

Прошло семь дней, людоедка опять девочек догоняет. Вытащили дочки нганасанки коленные украшения матери, бросили их назад со словами:

– Пусть большим озером с протоками станут!

Разлилось позади них большое озеро с протоками. Увидела озеро людоедка, закричала в гневе:

– Что это за дети! Все равно летние их следы, зимние следы я не потеряю!

Семь дней переплывала она озеро. Опять стала догонять девочек. Выбежали девочки к речке, увидели: рыбачит на ней старичок. Закричали старичку:

– Дедушка, переправь нас!

– Что ваша мать вам говорила? – спрашивает тот.

– Наша мать говорила: «Далеко за горами дедушка есть, лицо у него круглое, как гнездышко, спинка, как озеро, прямая, ровная, как лед».

– Залезайте в лодку, – говорит им старичок.

Переправил девочек на другой берег реки, к чуму. Говорит:

– Заходите в мой чум, поешьте и поспите.

Девочки поели в чуме старичка и заснули.

В это время к берегу людоедка подоспела. Увидела издалека лодку, кричит:

– Дядя, переправь меня!

– Что твоя мать тебе говорила? – спрашивает старичок.

Отвечает людоедка:

– Говорила, далеко старик живет с лицом длинным, как палка, спиной согнутой, как топор.

– Ну, садись, – говорит людоедке старичок, – на нос садись, на том краю.

Села людоедка на нос лодки, поплыли. Старик качнул рывком лодку, людоедка не удержалась, в воду свалилась, только брызги разлетелись.

Назавтра девочки встали, видят – в чуме темно, захотели выйти – дверь не могут открыть. Младшая девочка узкую щель увидела, сказала:

– Стать бы мне тонкой, как иголочка, как ниточка.

Сказала – и вышла на улицу через щель. Говорит старшей сестре:

– Теперь ты скажи: «Стать бы мне, как чум, стать бы мне, как людоедка».

Стала старшая сестра в дырочку вылезать – никак не может, только голову наружу высунула. Стала младшая тянуть ее за голову с улицы – изнутри чума держат сестру плечи. Младшая тянула-тянула, пока голова сестры не оторвалась от тела. Только вышла наружу голова, косички ее стали ногами, и пошла голова вместе с младшей сестрой. Далеко они ушли. Попалась им песцовая нора. Младшая сестра говорит:

– Здесь тебя оставлю.

Старшая просит:

– Не оставляй, меня песец съест.

Дальше пошли, волчья нора попалась.

– Здесь тебя оставлю, – говорит младшая сестра.

– Не оставляй, меня волк съест.

Дальше они идут, нашли медвежью берлогу.

– Здесь тебя оставлю, – говорит младшая сестра.

– Ну, оставь, – согласилась старшая, – хоть ты себе найди хорошую жизнь. – И предупредила уходившую сестру: – Пень попадется, на него не опирайся, если у тебя развяжется завязка.

Ушла младшая сестра. Через некоторое время попался ей на дороге пень. А у нее как раз завязка на обуви развязалась. Стала она ее завязывать и на пень оперлась. Наклонилась, красивые бусы на земле увидела. Тут с корней пня встала людоедка, смеется:

– Подругу себе, девочка, нашла.

У людоедки тоже бусы есть, плохие.

– Давай поменяемся, – предлагает она девочке.

Та не хочет. Говорит ей людоедка:

– Не хочешь меняться, твое лицо вдоль и поперек расцарапаю.

Отдала девочка свои бусы людоедке. Дальше они вместе идут. Через некоторое время пришли на место, где был чум. Девушка нашла там маут-аркан, а людоедка – короткую веревочку. Дальше пошли, увидели впереди две нарты – одну везли белые олени, другую – черные олени. Когда нарты подъехали, девушка спрашивает:

– Чей это маут?

Хозяин белых оленей ответил:

– Это мой маут.

Людоедка спрашивает:

– Чья это веревка?

– Ничья, – отвечают ей.

Эти люди к себе домой ехали. Девушку посадили в нарту с белыми оленями, людоедка села в нарту с черными оленями.

Приехали домой, вошли в чум. Девушку усадили на белые шкуры, людоедку – на плохие шкуры. Старик, хозяин чума, говорит:

– Завтра обе пойдете к себе домой, принесете свои вещи.

Вот идут людоедка с девушкой. Людоедка хвастается:

– У меня-то полземли моя родня, а у тебя никого нет.

Пришло время, разошлись они. Девушка пошла к старшей сестре в берлогу. А там уже бегают два медвежонка, катаются по берлоге, как шарики.

Расцеловала девушку старшая сестра, чаем напоила, расспросила обо всем. Заснула уставшая девушка, а когда проснулась, услышала снаружи топот оленей и звон колокольчиков. Старшая говорит сестре:

– Нарта для тебя готова, запряжена, достань из нее нужную одежду, оденься и отправляйся в дорогу.

Девушка вышла на улицу, видит: нарта хорошая, длинная, добром нагружена и упряжь покрашена, олени все с колокольчиками.

Оделась она в теплую одежду, села в нарту, взяла хорей, поводок от переднего оленя и двинулась обратно, к тем чумам.

Слышит, сзади людоедка кричит:

– Меня подожди! Поменяемся оленями и нартами.

Не хочет нганасанка-девушка меняться.

– Лицо тебе вдоль и поперек расцарапаю! – грозит людоедка.

Отдала девушка свою нарту людоедке, села в ее нарту из древесной коры. Вместо оленей в нее мыши запряжены, веревками служат черви, хореем – самая длинная травина. Взяла девушка в руку травяной хорей, в другую – веревку-червяка от передней мыши, поехала кое-как. Через некоторое время опять кричит людоедка:

– Остановись! Забирай свои нарты, слишком шумные у твоих оленей колокольчики.

Поменялись нартами, дальше едут. Приехав на место, девушка распрягла своих оленей и вошла в чум. Тут и людоедка подоспела, своих мышей распрягла. Полезли мыши через щели внутрь чума, черви-веревки стали ползать там и тут. Кинулись собаки ловить мышей, людоедка стала на них ругаться:

– Всех моих оленей искусали!

В чум вошла, села напротив девушки. Старик-хозяин зажег большой огонь. Спрашивает:

– Кто из вас красивая девушка?

Людоедка вскочила, руку подняла:

– Я – красивая девушка!

– Если это так, – говорит старик, – дай мне через горячий огонь свою руку.

Протянула она через огонь свою руку, старик схватил ее и дернул людоедку в костер. Горя в огне, людоедка воет:

– Сгорю я, пусть зола моя комарами и мухами станет, угли – жуками и пчелами; пусть они всех вас больно кусают.

Стала девушка-нганасанка молодой хозяйкой в чуме. А комары, мухи, жуки и пчелы с тех пор каждое лето оживают и больно кусают оленей и людей.

Рассказала О. Порбина
(пос. Волочаевка).
Записала и перевела А. Мачканис

ИБУЛА

*Сказка**

Теперь слушай хорошо, сказку расскажу, наверное, будет интересно.

Стоит чум, нарт возле него мало. Зашел рассказчик в чум, видит – по ту сторону постели сидят два человека. Между ними люлька с ребенком. На другой стороне сидит один человек в старом облезлом сокуе.

Имя этого человека Ибула, другой, который рядом с люлькой сидит, тоже Ибула, Ибула-брат. Он охотится – песцов приносит, куропаток, зайцев, добывает диких оленей. А тот, первый Ибула, оленей пасет.

Однажды он говорит брату:

– Завтра я тоже пойду охотиться, а то ты все время бездельничаешь.

Ушел вслед за братом охотиться, ловушки-пасти проверять. Одну пасть нашел – она упала, убила песца. Поднял Ибула песца, а он живой, глаза его смотрят. Стал Ибула гладить его по голове:

– Мне тебя жалко. Отпущу я тебя.

Песец убежал. Ибула дальше пошел, вторую пасть увидел – заяц в нее попался, живой еще. Ибула и зайца отпустил. В третьей пасти попалась куропатка, он и ее отпустил.

Пришел Ибула домой с пустыми руками. Брат его давно вернулся, дикого оленя убил. Спрашивает Ибулу:

– А ты кого добыл? Где твои песцы?

– Мои песцы живые были, – отвечает Ибула, – глаза их смотрели. Мне их очень жалко стало.

Брат Ибулы рассердился:

– Плохо ты сделал, что песцов отпустил. Дома сиди!

Наутро брат Ибулы опять ушел охотиться. Жена его говорит:

– Пойду-ка я за дровами, пока ребенок мой спит. Проснется, плакать начнет, ты, Ибула, люльку покачай.

Ребенок проснулся, заплакал. Ибула стал качать люльку, а ребенок все плачет, никак не кончает.

«Эй, – подумал Ибула, – наверное, он болеет». Стал щупать голову ребенка. «Потому он плачет, что у него болячка... – подумал Ибула. – Ее проколоть надо». И про-

колол ребенку темечко, мозги показались. «Чирей это прорвался, – подумал Ибула. – Вот и ребенок сразу уснул».

Принесла мать дрова.

– Где мой ребенок?

– Спит. У него болячка была, я ее проткнул, и он уснул.

Стала проверять своего ребенка мать, а он давно умер. Пришел с охоты Ибулы брат, стал на него ругаться:

– Какой ты черт! Ребенка нашего погубил!

Похоронили они своего ребенка.

Брат говорит Ибуле:

– Нельзя тебя дома одного оставлять. Завтра опять пойдешь к пастям. Вот тебе палка, держи ее удобно, вот так. Попадется в ловушку какой-нибудь зверь, ты его палкой по голове тресни.

Пошел Ибула к пастям. Песца найдет в ловушке, куропатку или зайца – бьет их палкой по голове. Всех поубивал.

Кончил охоту, домой пошел. По дороге встретилась ему жена брата.

– Эй, Ибула, сколько ты песцов добыл?

Ибула слез со своих санок, взял палку и треснул женщину по голове – так что она надвое раскололась. Женщина тут же умерла.

Ибулы брат с охоты пришел, на Ибулу сильно рассердился. Но делать нечего, похоронили братья женщину.

– Аргишить отсюда будем! – сказал Ибуле брат. – Недалеко речка есть, там чум поставишь.

Прикочевал Ибула к речке, стал в воде чум ставить. Настилает доски, постель готовит, а доски и постель течение уносит. «Э, – думает Ибула. – Эти доски и постель куда еще хотят аргишить?»

Пришел к реке брат и побил Ибулу.

Ибула заплакал.

Рассказал К. Порбин
(пос. Летовье).
Записала и перевела А. Столярова

Кеты

ГЛУХАРЬ, УТКА И ГУСЬ

Сказка

Однажды утка и гусь встретили старого глухаря.

– Глухарь, полетим с нами на юг, – сказали они, – а то ведь зимою ты здесь пропадешь с голоду.

– Нет, я не полечу с вами, – ответил глухарь. – Если я улечу отсюда, трудно тогда будет людям.

– А мы полетим. Не станем зимовать. Здесь холодно. Человек без нас не умрет. Зимой он может добывать и есть рыбу. Рыба никуда не уйдет; она здесь, в озерах, живет зиму и лето. А для человека есть еще и другая пища.

Глухарь на это сказал утке с гусем:

– Когда настанут сильные морозы, озера и реки застынут, покроются толстым льдом – тогда людям будет тяжело добывать рыбу. Без меня они умрут с голоду.

– Сам-то ты что будешь есть зимой? Скажи нам.

Глухарь сказал:

– Пищи у меня много. Зимой я буду есть кедровую хвою.

– На этой пище ты долго не проживешь. Если ты не хочешь с нами лететь, то мы тебя заставим лететь.

Гусь и утка схватили глухаря под зоб и потащили в теплые края. Глухарь так заплакал, что от слез у него покраснели перышки у бровей. Утка с гусем бросили глухаря и улетели на юг. Вот теперь у глухаря от слез всегда брови красные.

Рассказал С. Тетерин.
Записал в 1939 г. и перевел Г. Корсаков

НЕ НОЧУЙТЕ В МЕДВЕЖЬЕЙ БЕРЛОГЕ

Сказка

Однажды осенью два охотника собрались на промысел в тайгу. Взяли они с собою запас хлеба на несколько дней. Вот пришли в лес и целый день охотились на дичь и белку. Стемнело. Надо где-то переночевать. Стали они подыскивать хорошее место, где было бы много сухих дров для костра, но не нашли. Вместо сухих дров увидели они пустую медвежью берлогу. Разожгли около берлоги костер, сварили в котелке еду, поели и решили спать. Посмотрели на пасмурное небо и поняли, что ночью будет дождь или снег.

Делать нечего. Закрыли охотники свои вещи и добычу, перевязали крепко, а сами полезли в берлогу. В берлоге медведь мягкую постель оставил из тонких веток да сухой травы. Недолго думая, улеглись охотники спать. А ночь была холодная, и они решили закрыть отверстие в берлогу. Взяли один бесем-полушубок и прикрыли им плотно отверстие. В берлоге стало тепло. Охотники уснули да и проспали на медвежьем месте всю зиму. Шесть месяцев спали охотники! Только один раз за всю зиму перевернулись они с боку на бок.

Но вот пришла весна, и охотники проснулись. Выглянули из берлоги, а небо чистое, нет ни дождя, ни снега. Собрали они свои вещи, которые пролежали всю зиму около берлоги, и пошли домой. Пришли в становище, а людей там нет. Пошли охотники на берег реки, там чумы стоят, собаки лают. Вышли из чумов люди, увидели охотников, которые осенью ушли в тайгу и вернулись только весной. А их ведь пропавшими считали.

Недаром же кеты говорят:

– Не ночуйте в медвежьей берлоге, а то проспите всю зиму.

Рассказала Б. Берднякова
(пос. Келлог, Туруханский р-н, Красноярский край).
Записала в 1956 г. и перевела Е. Алексеенко

СКАЗКА О МЕСЯЦЕ

Давным-давно жили на земле брат и сестра. Родители их умерли. Жили сиротами. Подросли, стали жить хорошо. Только надоело брату все около чума ходить. Захотел он мир узнать. Стал все дальше и дальше уходить от чума. Ходит-ходит по земле, смотрит, кто где живет да как живет. А на небе высоко-высоко жила женщина-Солнце.

Скучно ей было – одна жила. Вот однажды видит она: ходит по земле человек, все рассматривает, на небо поглядывает. Женщина-Солнце подумала: «Какой красивый человек по земле ходит, на меня поглядывает. Нужно мне его сюда на небо взять. Но как его достать? Я высоко, а человек на земле, низко».

Стала женщина-Солнце у неба мудрости просить, как бы ей достать человека. Есть у Солнца такие руки длинные, что без труда до земли достают. Утром встанет Солнце и протягивает руки. Тянет-тянет, дотянет до земли, и станет на земле светло, тепло. Вот ходит этот человек по земле внизу, а Солнце тянет к нему руки, жар на него напускает... «Что так жарко стало, – подумал человек и лег на землю – все легче будет». Лежит человек на земле, а женщина-Солнце все протягивает к нему свои длинные руки, ближе, ближе... Дотянулась, схватила и понесла к себе на небо. Стал человек жить на небе. Неделю прожил и говорит Солнцу:

– Нехорошо мне здесь на небе с тобой жить, совсем нехорошо. Я земной человек, не могу так высоко жить. Пусти меня вниз, на землю!

Вспомнил он свою сестру, что осталась внизу. Скучно ему стало, жалко ее. «Как-то она там одна без меня живет?» Солнце ему отвечает:

– Зачем ты пойдешь назад? Вспомни, как ты прежде ходил по земле и говорил: «Вот на небе Солнце живет, наверно, там хорошо. Хотел бы я узнать, что это за женщина-Солнце». А теперь ты хочешь назад, на землю.

Человек все свое твердит:

– Пусти! Забыл я на земле что-то. Пусти меня, я это забытое возьму и вернусь.

– Не вернешься, не ходи! Плохо на земле, злые духи тебя съедят!

А человек не слушает, все свое твердит:

– Пусти, вернусь.

Солнце чуть не плачет:

– Не вернешься ты, съедят тебя на земле злые духи, снова я здесь одна буду.

Наконец, видит, не уговорить ей человека, решила женщина-Солнце отпустить его ненадолго.

– Ладно, – говорит, – дам я тебе в защиту от злых духов то, что сама имею: оселок да гребешок, иди!

Обрадовался человек:

– Не плачь, Солнце, напрасно: я вернусь, обязательно вернусь.

Топнула женщина-Солнце ногой – появился крылатый конь. Дала человеку этого коня, оселок да гребешок. Сел человек на коня и полетел. Сколько летел – неизвестно, два ли, три ли года... До своего места долетел, кругом над ним несколько раз пролетел – нашел свой чум. А за то время, пока он на небе жил, злая волшебница Хосядам съела его сестру, сама в нее обратилась.

Вот спустился человек на крылатом коне на землю, привязал коня к дереву и побежал к своему чуму. Видит, в чуме сестра сидит. Она будто бы обрадовалась брату. Побежала с котелком к речке, принесла воду, подвесила котелок на огонь. Стала брата угощать, кормить. Вышла из чума, подошла к коню, отрезала у него заднюю ногу и сунула ее варить в котел.

Сидят брат и сестра, разговаривают, радуются. Вдруг увидел брат – из котла лошадиная нога торчит. Понял он, что это не сестра здесь его встретила. Понял, что это злая Хосядам. Выхватил лошадиную ногу из котла да бежать к коню. Сел на коня, хочет скорей уехать от злой Хосядам, знает: погубит она и его, да как на трех ногах конь поскачет? Что делать? Наспех четвертую ногу хорошо не прилепишь! Кое-как прилепил все же отрезанную ногу коню и поехал. А Хосядам за ним в погоню пустилась.

Измучился конь, тяжело на плохой ноге скакать. Упал. Оставил человек коня и побежал. Да без коня далеко не уйдешь! Взглянул на небо, а женщина-Солнце на него жалобно смотрит, видит, что он без коня. А Хосядам его нагоняет, уже тянет руку, поймать хочет.

Вспомнил человек про оселок, что женщина-Солнце ему дала, бросил его позади себя. Поднялась из земли

большая гора, встала между ним и Хосядам. Озлилась Хосядам, камни разбрасывает, гору зубами грызет... А человек идет и идет... Прогрызла гору Хосядам, торопится, догоняет человека. Вот-вот схватит его.

Вспомнил человек о втором подарке Солнца – гребешке, бросил его позади себя. Такая тайга выросла: ни пройти, ни проползти через нее. Хосядам по деревцу грызет, ломает. А человек идет и идет... Сколько шел – неизвестно. Холодный, голодный, из сил выбивается. А Хосядам пробралась сквозь тайгу, нагоняет человека, тянет руку, схватить хочет.

Видит Солнце – плохо человеку: еще немного, и унесет его Хосядам. Протянула женщина-Солнце свою руку-луч и схватила человека за ногу, но поздно. Злая Хосядам в этот же миг тоже схватила его за другую ногу. Тянут они человека каждая в свою сторону. Солнце тащит к себе на небо, злая Хосядам – к земле. Тянули-тянули и разорвали человека пополам. Только Солнцу половина без сердца досталась.

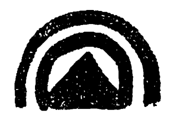
Унесла женщина-Солнце свою половину человека на небо, и что уж она с ней ни делала, старалась оживить – но все напрасно. Совсем будто живой человек станет, день-другой поживет и опять умирает. Уголек положила вместо сердца – пожил неделю и опять умер. Маялась-маялась с ним женщина-Солнце, совсем без ума стала, плачет. Наконец сказала:

– Нет у меня больше сил, ничего не могу сделать! Иди на другой конец неба. Не увижу тебя больше. Только в самый длинный день в году мы будем видеться. Я твои глаза увижу, ты – мои.

С этими словами бросила женщина-Солнце половину человека без сердца на другую сторону неба, на темную сторону. Так он там и остался и превратился в месяц. И до сих пор месяц по небу холодный гуляет, потому что нет у него живого сердца. И не видятся они с солнцем по целому году. А другую половину человека, с сердцем, Хосядам с собою забрала.

Рассказал И. Дибиков
(Енисей близ Новотуруханска, Красноярский край).
Записала в 1925 г. и перевела Е. Прокофьева

Долганы



ВОЙНА КУРОПАТОК И ЩУК

Сказка

В давние времена куропатки жили в тундре. Тогда земля и небо только утверждались и зимы были не такими снежными и холодными.

Но в один год в тундру зачастила пурга, намела высокие сугробы, потом пошел дождь и снег покрылся льдом. Нигде не проглядывали ни одна проталина, ни один кустик.

Куропатки проголодались и полетели в сторону леса.

Долетели до леса – и там нигде проталин не видно, даже верхушки ивняка не выглядывают из-под снега, чернеют одни только голые деревья.

Вожаком у птиц была самая старая куропатка.

– Теперь мы и вправду пропали! – говорит Куропатка-вожак. – Некуда нам дальше лететь – всюду погибель! Но я знаю место, где есть большая река, ту реку ни в пургу не заносит, ни в самые лютые морозы она не замерзает. По берегам ее растет ивняк, горы покрыты багульником, голубикой и травой. Но в той реке живут щуки, и они нас в свои угодья не подпустят. В старинные времена было скреплено клятвенное слово: куропатки не займут их края, а щуки – земли куропаток. Если уговор помнят – добром не уступят. Останется одно – воевать!

– Верно! Не пропадать же нам тут?! – сказали куропатки. –Лучше будем воевать! Полетели!

Куропатки прилетели к реке и увидели: река не замерзла, а ее берега покрыты ивняком и багульником, голубикой и травой. Они сели и начали кормиться.

Но тут из воды высунулась голова вожака щук.

– Эй, куропатки, почему вы сюда прилетели? Почему клятвенное слово нарушаете? Сейчас же отсюда убирайтесь! Не дам вам ни листьев ивняка, ни семечек кустарника, ни травы. Не дам и в галечнике копаться!

На это Куропатка-вожак ответила:

– В нашем краю все занесло снегом, и нам нечем питаться. Не пропадать же нам с голоду. А вы, щуки, живете в воде, вы ни листьев ивняка, ни семечек не едите. Будем мирно жить соседями!

– Я не уступлю добром! – сказала Щука-вожак. – Только перебив всех щук, отнимете это место! Будем воевать!

Щука-вожак повернулась, ударила хвостом по воде и уплыла собирать свое войско. Вскоре она привела так много щук, что река от их спин почернела.

Куропатки на берегу стоят, ждут. Луки и стрелы наготове держат.

– Стреляйте щук только в голову! – говорит Куропатка-вожак своим. – Если попадете в спину, они не умрут.

Войско куропаток пустило стрелы. Услышав щелчок тетивы лука, щуки устремились на середину реки. Стрелы куропаток вонзились в их спины.

Пока куропатки доставали новые стрелы, щуки приплыли обратно и начали стрелять в куропаток, целясь им в сердце. Куропатки увертывались, подпрыгивали, взмахивая крыльями, и стрелы вонзались им в ноги.

Долго так воевали, но никто не мог победить. Выпустив все стрелы, кончили воевать.

Щука-вожак сказала куропаткам:

– Давайте кончим войну! Летайте, где хотите, кормитесь, чем вам захочется!

С тех пор стрелы куропаток в спинах щук превратились в вилообразные кости, а стрелы щук в ногах куропаток – в сросшиеся жилистые кости.

Рассказал С. Еремин
(пос. Волочанка, Таймыр).
Записал в 1964 г. П. Ефремов.
Перевел В. Ермаков

ЭРИЙДАК-БУРУЙДАК

*Сказка**

Жил одинокий мужчина Эрийдак-Буруйдак. В достатке жил, с младшей сестрой.

Посмотрит он на солнце – солнце заслоняет. Отовсюду виден его город-дом, огороженный с трех сторон железным забором. Гулял довольный Буруйдак по дому, выпячивал грудь, пока белый серебряный пол под ним не прогнулся, золотой пол не затрещал. Раскинулся Буруйдак на медной кровати с восемью ножками, говорит:

– Выше меня и сильнее никого нет. Если сверху в дыру подует, закрою ее соболиной шапкой, если снизу повеет – ступней раздавлю.

– Грех так говорить, – урезонивает его младшая сестра. – На Средней земле кроме тебя есть и другие сильные и умные люди.

Немного спустя снизу, из-за ограды, послышался голос черта:

– Буруйдак, мужчина одинокий, твои грешные слова сбываются. Настало время, сильный человек, смелый человек, свою силу показать.

Потом черт так запел:

– Эрийдак-Буруйдак, по воле главного черта я здесь, еле-еле пришел; велел главный черт передать: быстро собери, наряди свою младшую сестру. По-хорошему не отдашь, по-плохому он все равно придет и заберет ее. На железные нарты посадит, железной цепью привяжет и увезет.

Эрийдак на эти слова внимания не обращает, как заснул, так и спит.

Посол черта наружную дверь выдернул и зашел, к средней двери подходит, поет:

– Эрийдак-Буруйдак, мужчина одинокий, хороший друг, скорее открывай дверь! Собрал ли ты, нарядил ли свою сестру? По-хорошему не отдашь, по-плохому все равно ее возьму.

Сестра плачет, будит своего брата:

– Ты ведь говорил: «Вверху заткну соболиной шапкой, внизу большой ступней придавлю». Заткнуть, придавить день твой настал.

А черт-посол среднюю дверь сорвал, к последней двери подходит, стучит. Так поет:

– Эрийдак-Буруйдак, хороший друг, собрал ли ты сестру, нарядил ли? По-хорошему не отдашь, по-плохому все равно ее возьму».

Эрийдак-Буруйдак ничего не говорит, лежит и лежит. Сестра его в слезах одевается. Недолго черт задержался у последней двери, выдернул и эту. К Буруйдаку зашел. Схватил девушку за две косы, поволок. Ухватилась она за первую дверь, спрашивает-поет:

– Эй, братец, спишь ли ты или нарочно лежишь? Прощай! Не думала я, что ты меня так отпустишь, черту на восемь зубов.

Черт дернул ее за руку, дальше потащил. Девушка за среднюю дверь ухватилась. Поет, уже не с братом, с домом-городом и богатством простилась. Черт опять дернул ее, к последней двери подтащил. Ухватилась за нее девушка, последнюю песню запела:

– Луну застилать сильную мглу спущу, солнце застилать легкий туман спущу. После моего ухода пусть каждый месяц луна обрезанной будет, пусть небо меня услышит.

Унес черт-посол девушку и к железной нарте железной цепью привязал. Повернул железного дьявольского коня по направлению к подземному миру и уехал.

Осталась сказка с Эрийдаком-Буруйдаком. Сколько дней, сколько месяцев, сколько лет спал Эрийдак, он не помнит. Захотел встать он с медной кровати с восемью ножками – не мог приподняться, мясо плеча к кровати прилипло, мясо ляжки крепко прикрепилось.

Рассердился Эрийдак, мясо плеча отодрал, мясо ляжки срезал и даже не почувствовал боли. Встав, он гулял по дому, пока белый серебряный пол не прогнулся, золотой пол не затрещал. Захотел Эрийдак поесть, но увидел, что вся еда заплесневела. Разозлился, наружу выскочил, стал мочиться, прислонившись к железному столбу-коновязи. Пока мочился, белый ангел появился, летает вокруг и поет:

– Эрийдак-Буруйдак, хороший друг, зачем свою сестру главному черту на восемь зубов свободно отпустил? Если в силе ты приподнять железную ограду врага, то и догнать его сможешь. Я тоже, – говорит ангел, – свою младшую сестру посыльному черту отдал, теперь по го-

рячему следу иду дорогой, морозом схваченной. Сказал и полетел в сторону царства смерти. Эрийдак не на шутку рассердился, зашагал к дому – в мерзлую землю по колено проваливается, в талую землю до паха проваливается. Зайдя в дом, ничего не нашел поесть и попить. Еще сильнее рассердился, оделся, из дома вышел. В сторону подземного мира зашагал. Идет, в мерзлую землю по колено, в талую землю по пах проваливается. Видит впереди идущего пешком белого ангела в образе человека:

– Давай вдвоем пойдем, – говорит ему Эрийдак.

Дальше вместе отправились. Вскоре их дорога на две стороны разошлась, а посередине растет железное дерево с семью ветвями. К седьмой ветке девушка привязана железной цепью, плачет. Увидев людей, она запела:

– Эрийдак-Буруйдак, мой писаный-суженый, на самом деле пришел! Догоняешь по следу свою сестру, но сначала освободи меня от этой муки! В покрытом тремя облаками небесном царстве стоит, крутясь, мой серебряный раскладной домик. Всякий озябший человек согреется в нем, уставший – отдохнет.

Эрийдак говорит белому ангелу:

– Настало время сделать, что мы можем, эту девушку от ее муки освободить.

Белый ангел забрался на верхушку дерева, стал тянуть привязанную железной цепью девушку, но сил снять ее у него не хватило, назад спустился.

– Э, – сказал Эрийдак-Буруйдак, – какой неумелый мне попался!

Рассердившись, сам забрался на верхушку дерева и ребром ладони разрубил железную цепь, освободил девушку. Спустилась девушка на землю, шаманкой стала, полетела на небо. Взлетев, сказала-запела:

– Эрийдак-Буруйдак, по моим горячим следам поднимайся в трехоблачное царство, где стоит, крутясь, серебряный складной дом. Это мой дом, мое одеяло для тебя расстелено, моя постель застлана.

Кончила шаманка свою речь и улетела, а сказка с Эрийдаком осталась. Вместе с ангелом-другом зашагал он по протоптанной дороге. Недолго шли они, увидели кровавое море – противоположного берега не видно. На берегу этого моря стоит железный дом.

– Если один за другим пойдем, удачи не будет, – говорят между собой.

Спрашивает Эрийдак своего друга:

– Владеешь ли ты каким-либо волшебством?

– Да, – отвечает друг-ангел. – Я мог бы превратиться в летнего песца со старой шерстью.

– А ты какой хитростью владеешь? – спрашивает ангел у своего друга.

Тот отвечает:

– Я могу стать главной летней пчелой.

Упали они на землю, повалялись – один превратился в летнего песца, другой – в главную летнюю пчелу. Дальше Эрийдак по верхушкам тальника продвигался, иногда садясь на кусты, а белый человек крался под кустами. Добрались они до подножия чертовой горы, увидели: плача, две девушки несут к реке за две дужки громадный медный чан. Сели девушки на край берега, а Эрийдак с ангелом, лежа, стали слушать их разговор. Одна девушка рассказывает подруге сон, который ей приснился: будто черпают они с подругой свой суп, а к ним подходят два их брата: брат одной, превратившись в главную пчелу, брат другой, которая сон видела, – в шкуре летнего песца. Потом пчела внутрь к главному черту забралась, через макушку, как через дымоход, спустилась к его сердцу, разорвала легочную вену и так убила главного черта. Потом, схватив за правую ногу, как палкой перебила им всех чертей. Радуется сну сестра белого ангела:

– Скоро все мы в свои дома возвратимся.

– Мой брат зачем за мной придет? – говорит сестра Эрийдака. – Когда меня черт из дома вытаскивал, он даже не обернулся.

– Все-таки не зря мне такой светлый сон приснился, – говорит ей подруга.

Услышав такой разговор, Эрийдак-Буруйдак и белый ангел сбросили свои шкурки, снова стали людьми. Подбежали к девушкам, обнялись, потом начали с ними советоваться.

– Я опять главной пчелой стану, – говорит Эрийдак-Буруйдак, – попробую внутрь главного черта через его макушку забраться. Ты, друг-ангел, не упусти убегающих из железного дома чертей, если зарубить сможешь, убивай всех.

Превратился снова Эрийдак-Буруйдак в главную пчелу, а белый ангел – в летнего песца. Полетела пчела к железному дому, проскочила через дымоход, проникла внутрь главного черта через его макушку и стала разрывать ему сердечную вену.

– Ой, – запричитал главный черт, – я заболел. Тащите сюда шаманку-старуху, добрую наполовину, а наполовину – дьявольскую.

Привели шаманку-старуху, стала она шаманить. Увидела: с солнечной земли пришел Эрийдак и, правда, забрался через макушку внутрь главного черта. Говорит она Эрийдаку:

– Разорви ему сердечную вену! К твоей силе я свою силу прибавлю. Была и я когда-то человеческой дочерью, доброе начало сейчас во мне побеждает.

– Что там бормочет эта чертова дочь? – кричит главный черт. – Выбросите ее на улицу!

А старуха сидит, шаманит.

Вскоре убил Эрийдак главного черта, схватил его за правую ногу и как палкой переколотил им всех других чертей. Одну только старуху-шаманку оставил. Та сидит себе, шаманит.

Вышел Эрийдак из дома, нашел по следам ангела-друга, видит: тот лежит, придавленный одним чертом. Черт нож точит, собирается есть сырым мясо ангела. Ударил Эрийдак черта по затылку и убил.

Белый человек, улыбаясь, встал. Говорит виновато:

– Чуть-чуть поддался я черту.

Эрийдак собрал всех своих, зашел в железный дом, а старуха все сидит и шаманит. Говорит Эрийдаку:

– Не думай, что ты убил всех чертей и главного черта тоже. В амбарчике стоит большой сундук, внутри него второй сундук, в нем – еще один, третий. В третьем сундуке спрятана душа главного черта; убьешь ее, тогда и считай, что ты всех чертей изничтожил. Да смотри, не упусти душу черта в воду, не то он оживет и с ним снова встанет весь его народ.

Вышли Эрийдак с ангелом из дома, видят: в стороне подземного мира стоят три амбарчика. Подошли они к третьему амбару, замок сдернули. Внутри сундук увидели, стали крышку открывать, сундук зашевелился. Второй сундук открыли, до третьего добрались – сундук заскакал.

Только открыл Эрийдак крышку третьего сундука, выскочил оттуда мячик, проскочил у Буруйдака между ног и покатился в сторону кровавого моря. Погнались друзья за мячиком, бьют по нему, бьют и все время промахиваются. У самой воды Эрийдак все-таки успел расколоть мяч. Тут главный черт, голову почесав, упал навзничь и умер.

Передохнув, отерев пот, Эрийдак-Буруйдак пошел в дом чертей. А там старуха как раз кончает шаманить.

– Ну, бабушка, спасибо! – сказал ей Эрийдак-Буруйдак. – Ты помогла мне, подсобила. Я тебя с этой земли с собой заберу.

– Нет, сынок, – отвечает ему старуха. – Слишком много грехов я совершила, поэтому чистое, райское место не для меня. А вот до разветвления двух дорог я бы с тобой дошла. Оставишь меня на железном дереве с семью ветвями.

Отправился Эрийдак домой. Старуху-шаманку где на спине, где волоком доставил к подножию железного дерева с семью ветвями. Старуха к Богу обратилась: «Детей моих благослови!», счастливого пути им пожелала. На прощанье сказала:

– Здесь буду я лежать, где земля черта с землей света соприкасаются. Людей из земли света в землю смерти не пропущу, дьяволам из подземной земли в мир света дорогу закрою.

Сказка осталась с Буруйдаком. Он, снова став главной пчелой, к небу полетел, ангел-друг, его советчик, был рядом с ним. Трехоблачное небо насквозь пролетели, увидели: стоит, крутится серебряный складной домик. Эрийдак пчелиную шкурку сбросил, летним облинявшим песцом стал. Обошел три раза крутящийся складной дом. Когда в третий раз его обходил, девушка приоткрыла дверь, по грудь высунулась:

– Э, Эрийдак-Буруйдак, хороший друг, не думай, что я не узнала тебя. Я как раз кровать делаю, постель мою начинаю готовить.

Сбросил Эрийдак песцовую шкуру, человеком стал и вошел в дом. Увидел: одну постель постелила девушка. Три дня мужем лежал в ней Эрийдак, на третий день говорит ему жена:

– Кончила я командовать, теперь главным будешь ты. Захочешь уйти, за этот дом не держись, мы его быстро сложим и в карман засунем.

На третий день возвратились они в дом Эрийдака, туда же пришел белый ангел с двумя девушками. Эрийдак говорит ангелу:

– Отдаю тебе в жены свою сестру, а твою сестру беру себе второй женой. Вместе мы столько мучились, теперь сестрами поменяемся. Забирай сюда свое богатство, заживем вместе.

И стали жить Эрийдак-Буруйдак с ангелом соседями. – сыто жили, богато и весело.

Рассказал М. Попов
(пос. Усть-Авам, Таймыр).
Записала в 1971 г. и перевела З. Демьяненко

ХОЛОСТОЙ ЦАРЬ

*Сказка**

Был один холостой царь. Рядом с ним жил бедняк со своей старухой и дочерью. Царь не знал о дочери бедняка.

Бедняк работал у царя с утра до позднего вечера и за эту работу получал одну ложку черной муки. Ею он и кормил семью.

Как-то царь позвал бедняка и предложил поразмыслить прирожденным умом.

– Скажи, что быстрее всего на свете? Отгадай мою загадку к следующему утру. Не отгадаешь – повешу за шею на виселицу.

Старик, плача, возвратился в свою землянку.

– О чем ты плачешь? – спрашивает дочь.

– Пропали мы, – отвечает ей старик. – Конец приходит нашему житью. Царь велел мне к утру отгадать его загадку!

– Какая это загадка? – спрашивает дочь.

– Что быстрее всего на свете?

– Э, – говорит ему дочь. – Иди-ка ты спать. Утром пойдешь к царю и так скажешь: «Ничего нет на свете быстрее зрячих глаз. На небе мои глаза видят наперечет все звезды, когда землю оглядываю, глаза мои видят наперечет все травинки и деревья. До чего мои глаза доходят, до

той земли или звезды мне никогда не дойти. Вот почему я говорю, что нет на свете ничего быстрее глаз».

Утром пришел бедняк к царю. Тот выслушал его ответ и воскликнул:

– Ты угадал, умный старик. Еще одну загадку тебе загадаю: что слаще самого сладкого?

Старик посмотрел на царскую еду, и все ему показалось сладким. А царь велел отправляться домой и к утру принести ответ.

– Если не отгадаешь, на виселице повешу.

Старик в свою землянку пришел, плачет.

– Почему плачешь, отец? – спрашивает дочь.

– О, мы пропали! Царь велел отгадать, что слаще самого сладкого?

– Не плачь, – говорит ему дочь. – Иди спать. Утром пойдешь к царю, скажешь: «Слаще сладкого на свете – сон».

Утром старик пошел к царю. Тот спрашивает:

– Отгадал мою загадку?

– Вроде бы отгадал, – отвечает старик. – Слаще сладкого на свете – один только сон. Когда я усталый после работы прихожу в свой земляной чум, где моя старуха, затопив печку, готовит еду из одной ложки черной муки, нос мой согревается и я засыпаю голодным, так и не поев своего толокна. Поэтому я и говорю: нет ничего на свете слаще, чем сон.

– Ты отгадал, – говорит ему царь. – Вот, даю тебе быка. Завтра утром приводи его с приплодом. И не вздумай собрать и принести его навоз!

Старик, плача, повел быка к своему крытому землей чуму.

– О чем плачешь, отец? – спрашивает его дочь.

– Э, дитя мое, пропали мы, – говорит ей старик. – Царь дал мне быка, велел привести его утром с приплодом. Если не отелится этот бык, мне голову отрубят.

– Не плачь, – говорит ему дочь. – Лучше скорее забей быка. Когда это бывало, чтобы мы мясо быка ели?

Старик зарезал быка, снял с него шкуру. Старуха сварила полный котел мяса. Все трое наелись и легли спать. Утром старик отнес царю приготовленный дочерью мешок: дочь положила туда четыре бычьих копыта.

– Ну что? Родил бык? – спрашивает царь.

Старик развязал мешок и достал копыто. Сказал царю так, как велела дочь:

– Бык ничего не может родить, кроме навоза, а ты, царь, даже этого не знаешь. У быка рождает это вот черное копыто. Копыто – это мать, а косточка внутри него – ее дитя.

Знала дочь старика, что царь удивится этому ответу. Подумает, не может быть таким умным человек, который делает у него самую грязную работу. «Ты, наверное, не сам отгадываешь мои загадки, – спросит он старика. – Кто-то учит тебя?»

Все так и получилось.

– Э, старик, – сказал царь. – Если ты такой умный, почему делаешь у меня самую грязную работу? Не своим умом ты разгадываешь мои загадки. Хочешь сохранить голову, скажи, кто учит тебя?

Старик ответил, как велела дочь:

– Есть у меня плохонькая дочка, она и учит, никто больше в мой земляной чум не заходит.

– Умная у тебя дочь, – говорит царь и дает старику дырявое ведро. – Пусть твоя дочь, как женщина, заштопает ведро. Если не зашьет, обоим вам голову отрублю.

Воротился старик к своему чуму, плачет.

– О чем плачешь? – спрашивает дочь.

– Пропали мы, пришел наш конец. Царь велел отдать тебе это дырявое ведро, чтобы ты заштопала его, как женщина.

– Не плачь, отец, – говорит ему дочь. – Неси ведро назад. Скажи царю мой ответ: «Как женщина, я ведро залатаю, только пусть он сначала, как мужчина, вывернет его наизнанку».

Старик отнес ведро царю.

– Залатала ли? – спрашивает тот.

Старик отвечает:

– Дочь сказала, что, как женщина, она зашьет это железное ведро, если ты, царь, как мужчина, вывернешь его наизнанку.

Ну как можно вывернуть наизнанку железное ведро?

– Иди, старик, отдыхай, – говорит бедняку царь. – Дочь твоя очень умная. Завтра приду, посмотрю на нее.

Утром царь пришел к землянке бедняка, вошел внутрь и увидел его дочь. Царь долго не сидел, попросил стари-

ка отдать ему дочь. Старик подумал немного и отдал царю свою дочь. Ни с кем не советуясь, царь взял ее в жены. Стали они жить, умная жена всем управляет вместо царя. Царь загрустил без работы, говорит жене:

– В одном царстве нельзя иметь двух царей.

– Ну и как нам быть? – спрашивает жена. – Разведемся?

Царь говорит:

– Придется развестись. Уходя, возьми с собой, что хочешь.

– Что любишь, возьми, говоришь? – спрашивает жена. – Пусть будет по-твоему.

Легли они спать вместе последнюю ночь. Заснул царь, а жена его встала, взвалила на спину своего мужа вместе с постелью и отнесла в бедный чум старика. Вытянул царь во сне ноги, задел за что-то, вздохнул – голова во что-то уперлась. Проснулся царь, оглядел землянку, испугался, разбудил жену.

– Как мы сюда попали?!

А жена отвечает:

– Разве ты не говорил: что любишь, возьми? Вот я тебя и принесла к себе. Кроме тебя, ничего другого не хочу!

Царь смутился, голову повесил.

– Э, – сказала ему жена. – Большого ума у тебя, оказывается, нет. Решай теперь все сам, как мужик, а я кончила народом править.

Муж обрадовался. А жена говорит:

– Свою мать и отца забираю с собой.

Стали они жить в одном зеркальном, огороженном доме. Около дочки зажили в достатке и бедняк со своей старухой.

Рассказал М. Попов
(пос. Усть-Авам, Таймыр).
Записала в 1971 г. и перевела З. Демьяненко

Тофалары

ИЗЮБРЬ И СОХАТЫЙ

Сказка

Торопливо шагал по Саянам сентябрь. Дни стали короче, ночи – длиннее и холоднее.

Сохатый слышит: всю ночь изюбрь громко кричит, издает призывные звуки, мешает спать. Животные и звери тоже, как и люди, дают друг другу о себе знать, зовут, встречаются, беседуют между собой, нежатся и ласкаются. «Подожди, – думает сохатый, – завтра встречусь и поговорю с тобой...»

На другой день утром сохатый пошел на водопой и тут встретился с изюбрем. Говорит:

– Ты чего, друг, всю ночь кричишь?

– Зову к себе подругу, потерялась она где-то, – отвечает изюбрь. Постоял он немного и решил объяснить сохатому:

– Думаешь, выдаю себя своим криком? Э-э, нет. Как бы я ни кричал, у меня есть жир в ногах, в них – моя сила. Никакой зверь не догонит... А ты чего стоишь? У тебя, посмотрю, нос такой раздутый, губа толстенная, опущенная...

Сохатый решил не давать себя в обиду:

– Как бы я нос ни раздул и губы ни опустил, в них – моя сила. Я слышу запах врага за сотни шагов и могу бежать без остановки через весь горный перевал...

Сохатый и изюбрь разошлись. Каждый из них говорил о том, чем он жив бывает: у одного могучие ноги, а у другого – крепкий нюх и легкое дыхание.

Рассказал И. Унгуштаев
(пос. Алыгджер, Нижнеудинский р-н, Иркутская обл.).
Записал в 1972 г. Р. Шерхунаев

КАК БЫЛ НАКАЗАН МЕДВЕДЬ

Сказка

Раньше медведь никому житья не давал. Большой и сильный, он то громко рявкнет, не на шутку напугает кого-нибудь, то нечаянно, неуклюжий, придавит насмерть маленьких зверюшек и птиц, то сломает деревья и разорит гнезда, сделанные обитателями леса с превеликим трудом и упорством. Многих обижал и не давал им покоя.

Попытались как-то звери унять хозяина тайги. Ну, куда там, и слушать их не стал.

– Не учите меня, – ответил, – я сам знаю... Что хочу, то и делаю...

Стояла середина октября. Саянская осень сняла с деревьев пожелтевшие листья и шумом холодного ветра призывала всех готовиться к зиме. Впереди – нелегкая пора года.

И вот звери задумались: как быть дальше с медведем? Если он так же будет вести себя, то добра от него не жди, будет худо. Со всей тайги дружно собрались на свой суглан звери, животные, птицы, заполнили поляну, сели на деревья, камни, пни, и было их видимо-невидимо. Собрались решать, что делать с грубияном.

Устроили суд над медведем. Судьей избрали сохатого. Много обид высказали большие и маленькие звери – каждый из них говорил, и стоял такой шум, что, казалось, поднялся ураган небывалый. Медведь такого в жизни не видел – он сжался, стал каким-то маленьким и жалким. Вынесли приговор – наказать медведя, чтобы он был в заточении всю зиму.

С тех пор косолапый зимой не ходит по тайге, а ложится в спячку в наказание за свою грубость.

И вообще он присмирел.

Звери сказали:

– Надо жить мирно!

Рассказал И. Унгуштаев
(пос. Алыгджер, Нижнеудинский р-н, Иркутская обл.).
Записал в 1972 г. Р. Шерхунаев

СОХАТЫЙ И КАБАРГА

Сказка

Встретились в тайге сохатый и кабарга. Сохатый говорит:

– Почему ты такая маленькая, лопоухая? Ты портишь своим видом наш могучий олений род!

Кабарга, пушистая и мохнатая, поглядев на сохатого снизу вверх, отвечает:

– Ты такой большой, а если подсчитать, то у тебя волос меньше, чем у меня...

Сохатый был уверен, что больше его по величине нет зверя во всей тайге. Он вдруг как-то подтянулся, напружинился, выше поднял голову, и рога мощно взлетели ввысь, к небу.

– Э-э, чего захотел, малыш, – небрежно бросает он. – Конечно, можно и проверить...

Стали проверять-считать, у кого больше волос – шерсти. Считали день, считали два, считали долго. И оказалось, что у кабарги на пять волос больше, чем у сохатого.

Сохатый рассердился и поднял переднюю ногу, чтобы ударить кабаргу. Но та успела отскочить, и копыто великана лишь задело ее сзади – так и осталась там небольшая выемка.

Кабарга с презрением посмотрела на сохатого и ушла от него с достоинством.

Рассказал И. Унгуштаев
(пос. Алыгджер, Нижнеудинский р-н, Иркутская обл.).
Записал в 1972 г. Р. Шерхунаев

ТРИ МАЛЬЧИКА

Сказка

В прежнее время на земле жил один старый бог. В одном месте он увидел трех девиц. Богу вздумалось жениться. Он спросил у старшей из трех сестер:

– Ты что умеешь делать?

– Я умею хлеб стряпать, – ответила девушка. – Сразу могу столько испечь, что можно триста солдат накормить и еще останется полный угол мягких булок.

Бог поглядел на среднюю сестру:

– Ты что умеешь делать?

– А я могу вырастить для тебя девяносто девять осин: можно для всех солдат лыж натесать.

Бог повернулся к младшей сестре:

– Ну, а ты?

– А я рожу тебе трех парней, – пообещала девушка. – У двух сынов груди будут золотые, а у третьего будет человеческая грудь.

Бог женился на этой девушке, – ему очень хотелось иметь златогрудых сыновей. Ни у кого таких не было на всей земле!

Стали они жить-поживать. Вот приходит пора жене рожать. В это время мужчинам нельзя оставаться в юрте. Бог позвал к жене одну старушку, а сам ушел на охоту.

Ребенок родился с золотой грудью. Старуха обрадовалась и отдала младенца одному богатому человеку, а к матери положила щенка.

Вот бог приходит с охоты:

– Ну как, родился наш сын?

– Родился, родился, – бормочет старушка, а сама подносит щенка.

Бог рассердился на то, что жена обманула его, ударил щенка щелчком, и голова у него отлетела прочь.

Вот стали они опять жить-поживать. Пришло время жене родить второго сына. Бог опять ушел на охоту, а злая старуха отдала младенца с золотой грудью богатому человеку за большие деньги. Воротился бог с охоты, а старуха опять вместо златогрудого сына вынесла ему паршивого щенка. Бог так же, щелчком, отшиб щенку голову.

На жену бог сердится, а ей ничего не говорит. Худое бог замышляет. Прожили они год без радости, без веселья, без доброго слова. Опять пришла пора жене родить сына. Бог в третий раз ушел на охоту, злой-презлой.

Воротился он в свою юрту – и сразу к той старухе:

– Сына родила?

– Сынка.

– Такой же, как у всех людей?

– Радуйся – с человеческим обличьем.

– А грудь?

– И грудь человечья. Все как полагается...

Бог рассвирепел, жену за обман худыми словами обругал, стал придумывать смерть для нее и для ребенка. Ночь не спал – утром придумал. Взял он коровью шкуру, зашил в нее жену с маленьким сыном и бросил их в море. Думал – на дно пойдут, но ошибся: волны подхватили коровью шкуру и понесли все дальше и дальше от берега.

Дни идут, ребенок растет, как в люльке качается.

Бог хотел другую смерть для них придумать, но лодки у него не было, и он не мог достать их из того моря.

Плыли мать с сыном, плыли, и одна добрая волна выкинула их на мягкий песок. Сын взял у матери ножик, проткнул коровью шкуру и высунул голову.

– Мы – на берегу! – сказал он матери, и они вышли на полянку, на которой росла зеленая трава и цвели кукушкины слезки. Из той травы мать сплела сыну рубашку, а из цветов сшила шапку. Сын побежал в лес играть. Воротился он вскорости и матери сказал:

– Там ходит человек, просит у меня шапку...

– Отдай, сынок, отдай, – сказала мать. – Если он просит твою шапку, значит, она ему нужна.

Мальчик побежал в лес и тому незнакомому человеку подарил свою любимую шапку. Тот человек похвалил мальчика, дал ему топор, железную палку и мешок.

– Топор тебе юрту построит, – сказал тот человек. – Железная палка защитой будет. Она спасет тебя от трехсот солдат, которых бог за тобой пошлет. А в мешке ты пищу себе найдешь.

Научил мальчика словам, которые надо говорить топору, железной палке и мешку.

Вот вернулся мальчик на поляну к матери и сказал топору:

– Мой быстрый топор, сейчас же строй для нас юрту!

Послушный топор в один миг построил для них хорошую юрту. Мальчик толкнул в юрту мешок и потряс его за края. Сразу появилось все, что идет человеку в пищу. Сели они с матерью возле костра обедать, начали мясо пробовать. Вдруг слышат – идут триста солдат. Бог приказал солдатам юрту разломать, мальчика с матерью убить.

Мальчик попросил свою железную палку:

– Моя быстрая палка, покажи свою силу!

Палка из юрты вылетела, в один миг всех боговых солдат перебила.

Когда бог ту женщину с мальчиком зашивал в коровью шкуру, мать успела взять с собой одну книгу. Теперь мальчик стал читать эту книгу и узнал, что в одной долине у богатого мужика живут его старшие братья.

– Я поеду спасать их, – сказал мальчик матери, сел на свою железную палку и в один миг исчез.

Приехал он в ту долину, зашел в одну богатую юрту и увидел двух златогрудых мальчиков.

«Это мои старшие братья», – подумал он, но поговорить с ними не успел. В юрту вошел великан. За его плечами и у широкой опояски висели туши всех зверей, какие только живут на земле.

Великан изрезал туши на большие куски, насадил на палки, поджарил на костре и стал есть. Все мясо съел, все кости изглодал, а брюхо себе погладил – голодный.

– Сейчас этого парня съем, – сказал великан, богатый мужик. – Парень жирный – я сытым буду.

Мальчик шепотом позвал:

– Моя быстрая палка, покажи свою силу!

Железная палка ударила богатого мужика и рассекла его на две половины.

Златогрудые парни обрадовались своему освобождению и стали благодарить младшего брата. Все трое сели на железную палку, а палка вмиг доставила их в юрту матери.

Мать покормила старших сыновей своим молоком, и они стали обыкновенными мальчиками с человеческой грудью. Все они выросли умными и сильными. А бог остался без солдат и ничего плохого людям сделать не мог.

С тех пор на материнском молоке из младенцев вырастают здоровые, умные и сильные люди.

Рассказал Д. Пыттыг-паем.
Записал в 1890 г. и перевел Н. Катанов.
Литературная обработка А. Коптелова

ТЕР-ОКЫШ – ДОЛИНА ЦВЕТОВ

Сказка

В одном племени жили муж да жена. Муж на охоту ходил, дичь приносил, а жена за оленями смотрела, шила одежду и покровы к чуму. Много детей у них родилось, да все умирали.

Муж опять отправился на охоту, а в это время родила жена сына. Красивый мальчик родился. Лицо, как полная луна, а глаза, как две звездочки, блестели. Искупала мать новорожденного в соленой воде, чтобы кожа его была крепкой и выносливой при невзгодах, и положила его в бедик – люльку из бересты. Затем стала печь лепешки.

Много ли, мало ли времени прошло, а муж все не возвращался с охоты.

Вот и сын уже стал большой. Согнул он себе лук из молодой березы, сделал стрелы и просит мать отпустить его на охоту – счастья попытать, отца поискать.

Идет молодой Улугэн* по тайге, дичью питается, под кедром засыпает, в горном ключе умывается и дальше шагает.

Однажды ночью Улугэн проснулся от страшного крика. Испугался молодой охотник, натянул лук и стал ждать. На вершине кедра, под которым стоял Улугэн, раздался хохот. Посмотрел юноша туда и увидел сову. Это она своим криком разбудила его, это она смеялась над ним.

Рассердился охотник, направил стрелу на сову, а сова отлетела в сторону и говорит:

– Полно, брат Улугэн, сердиться, лучше вспомни, куда ты направился, а я тебе помогу. Будем теперь днем спать, а ночами идти, отца твоего искать. Жив твой отец, но заколдовала его злая волшебница, спасать его надо...

Три ночи летела сова, а за ней шагал Улугэн. Три дня сидела сова в дупле, а Улугэн спал под деревом. На четвертую ночь сова говорит Улугэну:

– Сейчас мы будем на заколдованном месте у волшебницы. Она напустит на тебя сон, но ты не спи, а то сам пропадешь и отца не спасешь. Набери себе в карманы острых камней и сучков, подложи их под себя, когда тебя

* Улугэн (тоф.) – сова.

на сон поклонит. Ну, а дальше сам догадаешься, что нужно делать, да и я буду рядом.

В полночь Улугэн вышел на поляну. Со всех сторон раздался звон бубенчиков и колокольчиков, послышалась песня. Пела эту песню девушка. Как только раздалась песня, вся долина осветилась. Каждый цветок излучал свет. А среди этих цветов виднелась на траве желтая полоска.

У Улугэна глаза сами по себе начали слипаться. Лег он на траву и тут вспомнил, что ему наказывала сова. Подложил под себя сучки и камни.

Поет песни невидимая девушка, звенят колокольчики и бубенчики. Голова Улугэна совсем упала на траву, да ударилась о камни и сучки. Открыл Улугэн глаза и вскрикнул:

– Кто поет здесь? Кто мешает спать среди ночи своими песнями?..

– Это я, – отвечает голос девушки.

– Кто ты такая? Покажись.

– Я не могу сейчас тебе показаться, ты найдешь меня на восходе солнца.

– А как я найду тебя?

– Видишь ли ты желтую полоску? Подойдешь к ней на восходе солнца и увидишь меня.

Тут Улугэн услышал крик совы и понял, что настало время ловить волшебницу. Тогда он вскочил на ноги и пошел к желтой полоске. Колокольчики и бубенчики зазвенели тревожно.

Улугэн подошел к желтой полоске и увидел, что это красивый, блестящий женский кушак. Улугэн схватил его руками, и перед ним очутилась девушка несказанной красоты в желтом платье. Юноша смотрел на нее и забыл даже, зачем пришел сюда. Снова прокричала сова.

– Почему ты не дождался восхода солнца? Почему не послушался меня? – сказала девушка.

– Ты сейчас бессильна. Ты не околдуешь меня. Я не боюсь тебя. Говори, где мой отец?

Девушка стояла и молчала. Тут послышался крик совы.

– Говори, где мой отец? Я разорву твой кушак, и твоя сила пропадет.

– Твой отец здесь, но он слепой. Смотрел на меня на восходе солнца. Тот, кто смотрит на меня в это время, слепнет от моей красоты и моего платья. Отдай мне мой кушак, я приведу к тебе отца.

– Нет, ты сначала веди сюда отца, а потом уж я посмотрю, отдать ли тебе кушак.

Зазвенели бубенчики и колокольчики. Один красный цветок раскрылся, покачался, сбросил с себя лепестки, и вскоре перед Улугэном встал охотник, на него похожий.

– Я не вижу тебя, волшебница. Дай мне потрогать свой кушак, он даст мне жизнь, – сказал охотник.

– За тобой пришел сын. Я тебя освобождаю, но ты будешь слепой, – сказала девушка.

Обрадовался тот, слезы потекли по его щекам.

Снова прокричала сова. Улугэн посмотрел на долину, увидел много цветов и догадался, что цветы эти – охотники, которых околдовала волшебница.

– Нет, мне этого мало. Освобождай всех охотников. Чтобы ни одного цветка не осталось.

Волшебница рассердилась, но делать было нечего. Все цветы раскрылись, закачались и сбросили лепестки. Стебли стали расти, и скоро перед Улугэном предстали семьдесят семь охотников. Все они были слепые.

Опять закричала сова. Улугэн разорвал желтый кушак, поджег его, а пепел сложил в такшу*. Снова закричала сова. Юноша подошел к отцу и потер его глаза пеплом. Отец стал видеть. Так он сделал со всеми охотниками. Все они стали видеть. Обрадовались люди освобождению, благодарят Улугэна, хвалят его.

И тут опять прокричала сова. Посмотрел Улугэн на девушку. Сидит на траве красавица в блестящем платье и плачет.

– Что ты плачешь? Ты теперь не злая волшебница, а обыкновенная девушка. Ты красивая, я полюбил тебя. Собирайся с нами, будем жить вместе, я буду твоим мужем.

Улугэн с отцом и девушкой вернулись в свой чум. Мать обрадовалась сыну и мужу. Девушка тоже понравилась ей. И они сыграли свадьбу, жили все вместе долго и счастливо.

Рассказала З. Адамова
(пос. Алыгджер, Нижнеудинский р-н, Иркутская обл.).
Записала в 1970 г. Л. Матющенко

---

* Такша (тоф.) – деревянная чашка.

САЯН-МЕРГЕН

Сказание

Хан Улусун*, когда Саян-Мерген**
побил его врагов и, отдавая честь,
слова признательности произнес,
ему сказал: «Ты ходишь по земле,
ты много видишь, ты умен, учен –
так помоги спасти мне дочь мою.
Она счастливой девочкой росла,
но злые духи счастье у нее
похитили – с тех пор не ест, не пьет,
не плачет, не смеется: не живет».

Саян-Мерген пообещал помочь,
Саян-Мерген пообещал найти
украденное счастье, но просил,
чтоб хан ему больную показал.
Хан Улусун вскипел: «Ты кто такой,
чтоб видеть лица ханских дочерей?
Что одолел врагов, тем и гордись!
Что жив-здоров, тем и доволен будь!..»
Саян-Мерген с обидой вышел в путь.

Бродил Саян-Мерген в глухих лесах,
ходил Саян-Мерген в пустых степях,
однажды ночью он развел костер,
чтоб обогреться и поесть, уснул.
А как проснулся, видит: у огня,
свернувшись в кольца, голову задрав,
большой, крылатый, синий змей лежит
и красным глазом на него глядит.

«Саян-Мерген, ведь я к тебе пришел!
Саян-Мерген, я помощи прошу!» –
сказал ему крылатый синий змей.

---

* Улусун – имя монгольского происхождения.
** Саян – самоназвание одного из прежних тофаларских родов. Мерген – здесь: охотник, меткий стрелок.

Саян-Мерген ответил: «Помогу».
Змей продолжал: «Бескрылый желтый змей
подругу отнял у меня – теперь
мы утром станем насмерть драться с ним.
Во время схватки должен ты ему
стрелой попасть точнехонько меж глаз,
и этим ты спасешь обоих нас!»

«Конечно, сделаю, как ты велишь,
конечно, прямо в лоб стрелу пущу», –
сказал Саян-Мерген, а поутру
сел змею на спину – тот полетел
к условленному месту, где уже
их ожидал бескрылый желтый змей.
Схватились змеи – в кольца завились,
все разломали, размели вблизи,
все разметали, разнесли вокруг:
хвостом ударят – валится сосна,
ударят телом – рушится гора, –
так длилось от утра и до утра.

К полудню лишь стал утихать напор,
к полудню лишь сумел Саян-Мерген
прицелиться и змею в лоб стрелу
послать и насмерть поразить его.
Крылатый синий змей обвил врага –
и задушил в объятиях своих,
потом у змея желтого извлек
он из подлобья шарик золотой
и дал Саян-Мергену: «Если ты
пойдешь искать невесту, покати
перед собою шарик – он тебя
не сразу, но до цели доведет.
Ты спас меня – и он тебя спасет!»

Опять пошел Саян-Мерген в тайгу,
опять пошел он в степь – и через день
три человека встретились ему.
Они нагими были, но сперва
Саян-Мерген не понял, кто пред ним.
Как водится в пути, сварили чай,
поели вместе – и Саян-Мерген

узнал, что это были три аза*.
Сначала испугался он, потом
стал к ним приглядываться – изучил
повадки их и хитрости, потом
их волшебство и силу перенял, –
так им товарищем в скитаньях стал.

Когда узнал, что делают аза,
когда узнал, как пакостят они
и как приносят добрым людям вред,
то сильно пожалел Саян-Мерген,
что к духам злым в попутчики пошел.
Однажды стали хвастаться аза
и рассказали, что они смогли
украсть судьбу и счастье у одной
земной девицы, что сложили их
в мешочек замшевый, – и вот его
теперь хотят продать, и Чель-пага**
за тот мешочек золото сулит...
Саян-Мергена гнев объял и стыд.

Он выхватил мешочек у аза,
он выпрыгнул из круга их – бегом
пустился наутек, а те – за ним.
Бежал горами – не могли догнать,
бежал степями – не могли нагнать,
бежал тайгой – настигли, но успел
Саян-Мерген упасть в колючий куст
шиповника и затаиться там.
Аза – все трое – не могли туда
проникнуть, ведь колючего они
боятся, ведь обречены они
быть голыми всегда среди людей,
и в этом – их отличье от людей.

И так и эдак прыгали аза,
и так и эдак шевелили куст,

* Аза – злой дух в человеческом облике.
** Чель-пага – женоподобный злой дух, живущий на луне и слетающий на землю, чтобы вредить людям.

но искололись до крови – ушли,
поклявшись отомстить когда-нибудь.
Саян-Мерген в шиповнике еще
для верности до ночи пролежал,
затем тихонько выполз и ушел.
И шарик покатился по земле,
ведя его, светя ему во мгле.

Катился шарик по горам, лесам,
катился шарик по степям – и вот
остановился шарик на краю
огромного отверстия в земле,
как бы зовя спуститься в Нижний мир.
Спустился и пошел Саян-Мерген
по тропке, что под землю повела.
Увидел чумы там, людей, стада,
но понял, что невидим сам для всех,
кто под землей живет, – и потому
неловко было, как в чужом дому.

Приметил он красавицу одну,
отметил, как стройна и молода,
а подошел, дотронулся – тотчас
она вся почернела, будто хворь
внезапная напала на нее...
Родители шамана привели –
и он по виду девушки узнал,
что тут нездешний кто-то побывал.

Саян-Мерген увидел, что схватил
шаман свой бубен о семи хвостах
и так же, как повсюду и всегда
шаманы на подсолнечной Земле,
он бубен, как коня за гриву, взял
и сделал вид, что оседлал его,
и начал колотушкой в бубен бить.
По звездам приготовившись летать,
шаман принялся истово камлать:

«Неси меня, мой бубен, ввысь,
где звезды в стаи собрались!
Я всех врагов побью к утру,

а после них и сам умру.
Я вижу все и знаю все,
и песней побеждаю все!
Я землю трижды облечу –
того, кто болен, облегчу!
Помогут в этом Небо мне,
Пурхан* и звезды в вышине»...

Так пел шаман, верша за кругом круг,
так пел шаман, камлание творя,
потом к Саян-Мергену подошел,
взял за руку его – Саян-Мерген
от этого стал видимым опять.
«Кто ты? Откуда появился ты?
Зачем пришел?» – спросил его шаман.
Саян-Мерген подробно рассказал,
что он земной таежный человек,
что ищет здесь невесту, что его
волшебный шарик ввел в подземный мир.
Шаман сказал: «Живой среди живых
искать обязан счастье и судьбу,
а к мертвым не ходить, пока живой!» –
и указал тропинку в мир земной.

Померк в конце пути подземный свет,
наверх легко прошел Саян-Мерген
и рад был снова солнце увидать,
там шарик золотой лежал – и вновь
он покатился по земле, повел
к судьбе и счастью: в степи и леса.
День, два он шел, пока не подошел
к дворцу, где жил богатый человек,
но грусть и скорбь царили в доме том.
Саян-Мерген узнал, что много лет
хворает дочь хозяина – она
великой несчастливостью больна.

Вошел Саян-Мерген и во дворце
нашел его хозяина в тоске –

* Пурхан – здесь: верховное божество.

то был хан Улусун, он не узнал
Саян-Мергена, а Саян-Мерген
сказал, что может дочь его спасти,
но хочет, чтоб сперва он увидал
ее саму и с ней поговорил.
Смирил гордыню хан и проводил
Саян-Мергена к дочери – она
лежала, будто мертвая, лишь грудь
вздымалась от дыхания: спала.
Но так прекрасна спящая была!

«Спасешь ее, – сказал хан Улусун, –
возьмешь себе и сделаешь женой.
Отдам тогда дворцы, отдам стада –
для вас не пожалею ничего!»
Саян-Мерген ни слова не сказал –
во все глаза на девушку смотрел.
Саян-Мерген мешочек, что украл
у трех Аза, достал и развязал –
и высыпал, что содержалось в нем,
в ладонь несчастной девушки – и вдруг,
внезапно пробудившись ото сна,
красавица очнулась, поднялась,
глаза открыла, смехом залилась.

Как две реки сливаются в одну,
как два ствола срастаются в один,
как две руки встречаются затем,
чтоб две души любовью единить,
так повстречались наш Саян-Мерген
и хана Улусуна дочь: судьба тогда
сердца их породнила навсегда.
Но, выполняя вековой завет,
но, совершая вековой обряд,
Саян-Мерген обязан был пропеть
избраннице о том, что у него
в душе и в сердце, – и Саян-Мерген,
хоть песни петь не очень-то умел,
о сокровенном все-таки запел:

«Если я оседлаю
золотого коня,

то без плетки, я знаю,
понесет он меня!

Если девушку встречу
и любовью отвечу
на любовь, то со мной
будет жить она жизнью одной!»

Дочь хана Улусуна тот запев
точь-в-точь продолжила, придав ему свой
тайный смысл, ведь так заведено,
чтоб чувство звонким словом облеклось,
чтоб слово с чистым звуком обнялось:

«Если я оседлаю
голубого коня,
понесет ли, не знаю,
он без плетки меня?

Если юношу встречу
и любовью отвечу
на любовь, то мы с ним
насладимся ли счастьем одним?»

Вступил Саян-Мерген в хозяйский дом
и приступил к отцу: «Хан Улусун,
ты обещал мне дочь – отдай ее:
друг друга с нею полюбили мы
и жить хотим теперь одной семьей!»
Хан Улусун сказал: «Да, обещал,
да, я отдам, но только ты сперва
три легоньких задачки разреши,
три маленьких загадки разгадай!»
Саян-Мерген ответил: «Что ж, давай!»

«Пойди в лесок, – сказал хан Улусун, –
найди там зайцев и узнай у них,
какой им век отмерен на земле?»
Саян-Мерген к невесте поспешил,
и та сказала: «Ягодник найди,
там затаись – и все узнаешь сам».
Саян-Мерген в малиннике залег

и слышит: старый заяц прискакал,
малину увидал и говорит:
«За шестьдесят три года, как живу,
такой малины рясной не видал –
наемся и, наверное, помру...»
Саян-Мерген все то, что слышал здесь,
назавтра хану точно передал,
но хан ему еще задачку дал.

«Пойди в тайгу, – сказал хан Улусун, –
найди медведей и узнай у них,
какой им век отмерен на земле?»
Саян-Мерген к невесте поспешил,
и та сказала: «Я сошью тебе
три шапки, их возьми и подойди
к тропе медвежьей – сядь у той тропы,
одну из шапок на себя надень,
а две другие на колена, – сам
узнаешь все, что надобно узнать».
Саян-Мерген у той тропы засел
и видит: подошел к нему медведь,
заметил шапки – удивился так,
что прорычал: «Я на земле живу
лет восемьдесят, а впервые мне
явился трехголовый человек –
наверно, я от хохота помру»...
Саян-Мерген все то, что услыхал,
назавтра точно хану рассказал,
но тот ему еще задачу дал.

«Пойди в табун, – сказал хан Улусун, –
найди черногнедого скакуна,
по девятистремянному седлу
его среди иных ты отличишь.
Если сумеешь укротить его,
то знай, что дочь моя – навек твоя!»
Саян-Мерген к невесте поспешил,
и та ему дала железный кнут
о трех хвостах, и он пошел в табун,
и там среди других нашел коня
по девятистремянному седлу.
Вскочил – понесся конь, пытаясь сбить

и растоптать лихого седока.
Но как огрел его Саян-Мерген
железною трехвосткой, присмирел.
Еще удар, еще! – конь запросил
пощады: плакать и виниться стал –
и ханом Улусуном вдруг предстал.

«Ты победил, – сказал хан Улусун, –
ты заслужил, чтоб в жены дочь мою
взять, – так бери, живи и счастлив будь!»
Тут стали свадьбу молодым справлять:
из молока нагнали арахи*,
забили много разного скота
и горы мяса наварили там.
Родители невесты ждать гостей
у своего подворья принялись.
Подъехал на олене к ним жених,
за ним пришли все родичи его.
В просторной юрте сели гости в круг,
по старшинству и знатности заняв
места: мужчины на одном краю,
а женщины – все на другом краю.
Хан Улусун попробовал вина,
потом все гости стали пить его.
Наутро преподнес Саян-Мерген
кусок почетный хану, после – все
другие стали мясо есть, и так
продолжили старинный ритуал.
Потом три дня на игрищах народ
пел и плясал, и вновь плясал и пел –
и счастье жизни славил, как умел:
«Всевышний Бог Пурхан, доволен будь! –
ты подарил нам руки, ноги, грудь:
руками обнимается народ,
ногами в пляс пускается народ.
А грудь могучая затем дана,
чтоб силой неземной была сильна,
чтоб песнями всегда была полна,
чтоб радостью была полна она!»

* Араха – молочное вино, водка.

Когда устали песенники петь,
когда устали плясуны плясать,
когда устала свадьба пить и есть,
тогда того, кто не плясал, не пел,
прилюдно мазать сажей принялись –
тут было много смеха и обид.
Затем невесте здесь переплели
девичьих десять – в женских две косы,
чтоб знали все, чтоб видно было всем,
что перед ними мужняя жена.
Затем, чтобы обычай соблюсти,
из юрты мясо начали бросать –
собакам тоже надо дать поесть,
чтобы о свадьбе помнили они.
Затем уже и сам хан Улусун
поднялся и сказал: «Возьми жену
и откочуй, Саян-Мерген, к себе,
Отныне я – навечно друг тебе!»

Откочевал Саян-Мерген в тайгу,
отпировал и дома у себя –
и начал жить, как все тофа живут.
Сперва он чум поставил – для себя
и для жены: жердины обстругал,
воткнул их в землю, принагнул верхи
и по бокам берёстой обтянул.
Устроил в чуме дымник и очаг,
устроил дверь и полог для спанья.
Потом лишь ввел он в чум свою жену
и пожелал, чтоб хорошо жилось, –
все сделал, как от веку повелось.

Чтоб возле чума стадо завелось,
чтоб возле стада завелись стада,
чтоб возле стад – еще, еще стада.
Саян-Мерген шамана пригласил.
Когда настал благоприятный срок,
шаман пришел, чтоб совершить обряд.
Под ноги бросив белую кошму,
оленя привязали у дверей,
чтоб головой стоял он на восток.
Шаман принялся с вечера камлать,

всю ночь камлал, а после нацедил
семь чашек чаю – и расставил их
у ног и возле морды, а потом
оленя этим чаем он омыл.
С восходом солнца привязал к рогам,
пять разноцветных лент и обкурил
дымком артыша, чтоб скорей олень
ыдыком* стал: отпущенный пастись,
от всех работ в тайге освобожден,
он может лишь хозяина возить
и лишь ему удачу приносить.

Прошли зима и лето, а потом
прошли года – где жил Саян-Мерген,
где чум берестяной расположил,
немало появилось и других
людей, собравшихся со всех сторон.
И жены их друг с другом ужились,
и дети их сыгрались, и легко
текли бы дни в том стойбище лесном,
когда бы по велению Небес
однажды не стряслась бы там беда.
Народ тофа свободно жил в горах,
но и над ним всесильный был судья –
его неумолимая судьба.

Стихотворное переложение
записей Н. Катанова (1889 г.) –
реконструкция эпоса при научной консультации
чл.-корр. РАМ В. Рассадина.
Фрагмент

---

* Ыдык – навсегда отпущенное в стадо животное, хранитель и приумножатель поголовья.

Тувинцы-тоджинцы

ЧУЖИЕ РОГА

Сказка-притча

Говорят, в допамятное время у верблюда были роскошные золотые рога о сорока отростках.

Пришел к нему олень, в ту пору он был еще комолым – без рогов, и сказал:

– Дай поносить рога, хочу своей самке понравиться.

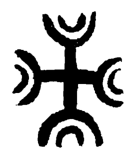
Чего не сделаешь для друга? Верблюд одолжил оленю свои рога. А тот как ушел в лес, так и не появился в степи никогда.

Остался верблюд без рогов, каким был прежде олень. Такова плата за доверие неверному другу.

Но и оленю не пошел впрок верблюжий подарок. Носит он рога недолго, ежегодно принужден их сбрасывать, испытывая головные боли и прочие неудобства. Ведь рога-то чужие, чужие.

Сказка сложена А. Преловским
по устному рассказу тувинской писательницы
и фольклористки М. Хадаханэ,
слышанному в Кызыле в 1993 г.
Публикуется впервые

Эвенки



КАК ЛИСИЦА ЖЕНЩИН ОБМАНУЛА

Сказка

Узнала лисица, что в чуме остались одни женщины с ребятами, пришла к ним. Женщины варили жирное оленье мясо и ели его. Увидела это лисица и засмеялась:

– Почему вы едите мясо? Почему не едите сладкую рыбу?

– Ели бы, да нет у нас рыбы. Где ее взять?

– Хо! Я знаю одну речку. В ней рыбы полно. Пойдете со мной? Если согласны, пошли!

– Пойдем, пойдем! – обрадовались женщины.

– Ладно, – сказала лисица, – поведу вас к рыбе. Только есть ли у вас в турсучках мука?

– Зачем тебе, лиса, надо муку?

– Да без муки плохо ловится в речке рыба. Хотите добыть рыбы, так берите турсук* муки, кладите его в лодку и скорее поедем. Торопиться надо, пока лов не кончился. Теперь рыба икру мечет.

Лисица торопила женщин, чтобы успеть уплыть от чума, пока не вернулись домой мужчины.

Женщины взяли последний свой турсук с мукой, посадили лисицу в лодку-берестянку и поплыли вверх по реке.

– До устья рыбной речки не близко, – говорит лиси-

* Турсук – берестяная сумка для хранения домашних вещей и продуктов.

ца. – Вы плывите, а я чуть посплю. По пути вам будут встречаться разные речушки, так вы будите меня и спрашивайте. Да лучше смотрите, чтобы не проехать нам мимо рыбной речки.

Гребут-гребут веслами женщины и смотрят по берегам. А лисица прилегла около турсука, накрылась меховым ковриком кумаланчиком, прикинулась спящей и принялась есть муку.

– Лисица! – будят ее женщины. – Смотри-ка, речка!

– Это речка Эчэльго – «Не начинала». Плывите дальше.

Плывут женщины дальше. Опять увидели устье.

– Лисица, ты спишь? Гляди-ка, речка.

– Это речка Гачальга – «Убавила маленько». Плывите.

Торопятся, гребут женщины. Хочется им добыть и поесть рыбы. Увидели третью речку. Будят лисицу:

– Лисица, не эта ли рыбная речка?

Спит крепко лиса.

– Лисица! Не эта ли рыбная речка? Мы ее проплываем.

– Проплывайте, – отвечает сонно лисица. – Это речка Адальга – «Все равно».

Женщины потеют, а лисица муку ест. Сопит, будто спит.

– Э! Лисица, скоро будет четвертая речка. Не в ней ли рыба? Посмотри!

Чтобы не показать своего рта в муке, лисица выглянула из-под кумаланчика одним глазом и сказала:

– Тихо что-то едете. Это речка Калтальга – «Половина».

Гребут женщины, спешат попасть к рыбному месту, а лисица торопится есть муку. Далеко, за еланью, показалась пятая речка. Женщины говорят лисице:

– Мы видим речку. Не в ней ли наша рыба?

– Нет! До рыбной речки мы скоро доедем. Эта речка Хэрэльгэ – «На дне осталось». Плывите дальше.

Плывут. Лисица долизывает муку в турсуке. Женщины увидели опять речку, кричат лисице:

– Лисица, гляди – речка. Какая это речка? Не в ней ли рыба? Есть хотим, устали грести.

– Это речка Манальга – «Кончила». В ней будем ловить рыбу. Собирайтесь выходить. Причаливайте к берегу.

Женщины причалили к берегу. Выскочила из лодки лисица на берег и говорит:

– У меня что-то с животом неладно. Вы подождите – я

сбегаю в лес. Если долго не будет меня – рыбачьте одни. Сети ставьте, можно и удочкой. Турсук под рыбу я вам опростала.

Лисица убежала, а женщины остались и без муки, и без рыбы.

Не любят за это женщины лисиц, а лисицы женщин как огня боятся. Поймали раз лисицу бабы, загнали ее на дерево. Просит она их:

– Не зажигайте дерева!

Зажгли бабы дерево. Прыгнула лисица через огонь да и обгорела, вот с тех пор она и стала красной. А раньше все лисицы только черными были.

Рассказал А. Наиканчун
(Баунтовский р-н, Бурятия).
Записал в 1947 г. и перевел М. Воскобойников

НИРХУШКА-ЕМЕРХЕН

Сказка

У одной матери было трое сыновей. Эти три брата жили богато, у них было много оленей.

Старший брат всегда сердился.

Однажды рано утром встал старший брат и сердитым голосом говорит братьям:

– Э, братья, пора вставать! Чего долго спите? Собирайте оленей.

Братья его спят. Мать же встала и говорит:

– Сыны мои! Мне что-то плохо! Болею я! Ежели вы уйдете – то погибну я без вас.

Выслушал старший брат слова матери. Выслушав, ужасно рассердился. Сердясь так на всех, он ни одного слова не сказал. Сердился-сердился он и заснул. Так он проспал целых пять дней. На пятый день тот старший брат встал и опять сказал:

– Э, братья, пора вставать! Собирайте оленей!

Братья его спят. Мать же встала и говорит:

– Сыны мои! Я боюсь! Плохо мне, хвораю! Не уходите. Ежели уйдете, то я погибну.

Старший брат выслушал просьбу матери. Выслушав, очень разобиделся. Даже словечка матери не промолвил, отправился спать. Тот старший брат теперь проспал целый год. Выспавшись, обратился он к младшим братьям:

– Ну, теперь вместе пойдем. Собирайте оленей!

Мать обращается к братьям:

– Сыны мои! Когда вы уйдете от меня – я погибну. Прошу вас сделать мне деревянный гроб, а крышку от гроба покрасить красной краской.

Выслушали сыновья просьбу матери и направились к оленям. Десять дней они разыскивали оленей, но даже одного не могли увидеть. Только лишь на пятнадцатый день у опушки леса старший брат увидел одного оленя. Старший брат взял стрелы с широким наконечником, затем взял лук и пошел к оленям. Тут сказал старший брат младшим такие слова:

– Я пойду. Вы дожидайтесь меня!

Старший брат ушел, младшие стали смотреть в его сторону. Когда подошел он к стаду, то взял стрелу с широким наконечником и метнул ее в оленя. Стрела вонзилась в самого большого оленя. Попала стрела в бок ездового оленя. Так убил он самого большого ездового оленя.

Вдруг тот олень крикнул старшему брату:

– Зачем ты убил меня напрасно! Ведь с этих пор наступит горе в твоей жизни. Тяжело тебе будет, будешь мучиться. Ты будешь шею обматывать травою, пояс себе будешь делать тальниковый.

Так сказал тот ездовой олень и взлетел в небо. Взлетевши, снова сказал:

– Больше не видать мне вас, только увижу я младшего брата.

Удивились братья, и старший брат сказал:

– О, диво! Какой же это олень!

Начали братья снова оленей искать и увидели здесь свой чум. Они поняли, что слова матери были правильны, ее уже не было в живых. Младший брат плачет, а старшие смеются. Младший брат говорит:

– Ну что же, сделаем гроб! Выкрасим дно черной краской, а верх – красной.

Все делал младший брат. Делал он все так, как просила их мать.

Младший брат выкопал могилу и положил мать головой к солнцу. После этого братья так еще три года вместе прожили. Старший брат совсем обеднел. Промысла нет. Ничего убить не могут – голодают.

Стал младший брат думать: «Почему же не стало промысла? Как дальше жить?» Так подумал он и обратился к старшему брату, сердитому:

– Брат, свяжи сети! Рыбы добудем.

Старший брат отвечает:

– Ладно! Свяжем!

Связали они сети, заметали их, но нет ни одной рыбы. Зато червей много. Стал старший брат есть червей, младший же не ест. Голодает. Голодал-голодал и говорит:

– Здесь вместе с братьями я пропаду. Надо идти в другое место.

Так он и сделал, как думал. Ходил он три дня, но ничего не нашел. Снова отправился. Опять ходил три дня и ничего не нашел. Еще раз проходил три дня и все равно пустым возвратился. Вот он однажды на десятый день упал – умирает. Когда он упал, то стал говорить:

– Песцы, лисицы, волки, съешьте меня!

Прибежали лисицы и волки и стали есть его тело.

Говорит снова младший брат:

– Орел, орел! Тебя я позабыл. Прилетай ко мне! Клюй мое тело!

Прилетел тот орел и один раз клюнул тело младшего брата. Тогда младший брат говорит:

– Э, орел! Ведь больно мне! Унеси меня!

Орел отвечает:

– Куда же тебя унесу?

– Унеси меня на небо! Очень прошу тебя! За это отплачу тебе добром!

Орел на это ему отвечает:

– Как же смогу я тебя унести? Ведь тело твое объели.

– Пожалуйста, унеси! – снова просит он.

Тогда орел говорит:

– Ну, алыкоун, колкоун! (Будь здоров!)

Тут младший брат выздоровел. Унес его орел на небо. Летел-летел орел и нашел одну дыру в небе. Один он только знал эту дыру. Подлетел к этой дыре орел и говорит младшему брату:

– Иди на солнечную сторону! Там найдешь большую реку. Переплыви на другой берег той реки. На другом берегу найдешь серебряный чум.

Выслушал это младший брат и пошел на солнечную сторону. Шел-шел он и на третий день нашел одну реку. Эту большую реку он переплыл и нашел на другом берегу серебряный чум. Сидит в том чуме один старик. Сзади старика хворь сидит. Увидел младший брат эту хворь и говорит старику:

– Кто болеет у тебя, старик?

– Дочь моя болеет.

– Что же болит у нее?

– Внутри болит. Пособи моей дочери. Пособишь – возьми! Отдам дочь тебе!

Говорит младший брат:

– Ладно! Я пособлю!

Стал он девице живот смотреть. Смотрел-смотрел и заметил у нее на животе какую-то ранку. В этой ранке увидел он стрелу с широким наконечником. Стрелу эту младший брат вытащил. Удивляется младший брат, глядя на стрелу. Ведь эту стрелу он хорошо знал, потому что она принадлежала его старшему брату, когда-то этой стрелой был ранен ездовой олень. Тогда младший брат стал думать: «Неужели эта девица и была тем самым оленем?»

Старик поглядел на пришельца и говорит:

– Будем жить вместе! Будешь моим зятем! Возьми в жены мою дочь!

Девица поправилась. Взял ее в жены младший брат, и жили они вместе со стариком. Зять разбогател, стало у него много оленей. Так вот и живут. Жил младший брат на небе три года.

Однажды он обращается к старику:

– Э, старик! Мозги мои портятся – тоскливо! Отпусти меня!

Выслушал старик зятя и говорит:

– Как ты попал сюда? Какой дорогой?

Отвечает младший брат:

– Орел меня принес сюда.

– Ну тогда, – говорит старик, – ступай обратно в свою землю. Худо тебе будет – я все равно узнаю. Пособлю тебе. Не забывай меня!

Тут зять пошел на свою родную землю – в Средний мир. Шел он три года. На четвертый год нашел гробы своих братьев. Те гробы все уже сгнили. Здесь остановился младший брат и начал чум ставить. Здесь они и зажили со своей женою – дочерью старика. Когда здесь жили, жена младшего брата стала замечать, что она забеременела. Тогда она говорит мужу:

– Пойди на солнечную сторону. Растет там на озере серебристый лес и серебряная трава, из того дерева сделай мне посох тохохо. Принеси мне тохохо и серебряную траву.

Выслушал это ее муж и направился на солнечную сторону. Нашел там озеро, на озере серебристый лес и серебряную траву. Срубил он высокое дерево и сделал тохохо.

Когда он пришел домой, то жена его спросила:

– Принес ли ты тохохо?

– Да, я все принес, что ты мне наказывала.

Спустя немного времени родила его жена сына. У сына этого до пяти лет не было имени. Говорит мать:

– Что же сын наш без имени растет? Надо дать ему имя.

– Как же назовем его? – спрашивает муж.

Жена говорит:

– Назовем его Нирхушка-Емерхен!

– Хорошо! – сказал муж.

Так и стал их сын Нирхушка-Емерхен.

Прошло пятнадцать лет. Нирхушка-Емерхен стал уже крепким, здоровым парнем и однажды говорит:

– Мозги мои портятся – тоскливо одному. Хочу жениться!

Выслушали его родители и задумались. Так думали три дня.

Потом мать стала говорить:

– Нет здесь доброй девки. На земле мы девок не знаем. Есть только одна для тебя невеста – это солнцева дочь. Но та дочь солнца очень далеко. Ступай в ту сторону и возьми себе в жены солнцеву дочь.

Нирхушка-Емерхен послушал мать и говорит:

– Вы посылаете меня к дочери солнца. Но как же я смогу туда добраться? Дайте мне девятиногого коня.

Здесь стал говорить отец сыну:

– На этой земле нет девятиногого коня, нигде не найти.

делай себе амулет. Когда сделаешь амулет из чистого серебра, садись на него и говори: «О дух мой добрый, подай мне девятиногого коня».

Все это выслушал Нирхушка-Емерхен и затем сделал из серебра себе амулет и сидел на нем три дня. Потом он обратился к доброму духу – Майину – с такими словами:

– Э, Майин! Подай мне девятиногого коня. Я поеду к солнцевой дочери.

Только на четвертый день появился девятиногий конь. Посмотрел на него Нирхушка-Емерхен и диву дается. Потом он направился в чум. Приходит, и отец у него спрашивает:

– Подал ли Майин тебе девятиногого коня?

– Да, – отвечает сын. – Подал мне Майин девятиногого коня. Тот конь необыкновенной высоты. Как же я смогу на нем ехать? Как же я смогу на него сесть?

На это ему отец отвечает:

– Теперь, сын мой, есть у тебя сила. Ударь коня в голову, и он станет на колени. Садись и поезжай.

– Хорошо, – говорит сын, – теперь поеду. Когда возвращусь я, никто не знает.

Как сказал отец, так и сделал Нирхушка-Емерхен. Отправился он на небо на этом коне. Вдруг конь остановился. Трясется весь, храпит, боится. Этого коня за шею Деге-баба (баба-яга) поймала. Поймала и говорит:

– Я девка добрая, невинная, тебя же, молодец, не отпущу. Будешь ты моим мужем.

Нирхушка-Емерхен поглядел на эту волшебницу, Деге-бабу, и засмеялся. Потом крепко толкнул ее, и Деге-баба упала.

– Ха-ха-ха! – разносился смех Нирхушки-Емерхена.

Снова он поехал к солнцу. Долго ли, коротко ли он ехал, никто не знает. Остановился его конь и говорит:

– Ну, теперь ты сам ступай. Достигнешь солнца и увидишь здесь собаку. Эта собака будет дочерью солнца. Ее ты не бойся. Добивайся от нее ответа. Дорога твоя разделится в две стороны. Одна дорога будет связана с одним духом, другая – с другим. Ты поезжай по второй дороге.

Сказал так конь и скрылся.

Идет, идет Нирхушка-Емерхен, снова идет. Долго ли, коротко ли шел, никто не знает. Наконец он увидел сере-

бряный чум. Живет в этом чуме солнце. Подошел к чуму Нирхушка-Емерхен и остановился. Смотрит вокруг, но в чум не идет. Услышали его шаги люди, услышали и стали говорить в чуме:

– Кто такой пришел?

Вышла одна женщина, поглядела кругом. Поглядела и снова в чум вернулась. Люди в чуме спрашивают:

– Кто идет?

Отвечает женщина:

– Человек пришел.

– Какой такой человек? – спросили ее.

– Не знаю какой. Таких людей я не видала. По поясу это должен быть человек со Среднего мира, со Средней земли.

Люди настороженно выслушали женщину и начали сердиться на нее:

– Как же, – говорят, – ты не знаешь этого человека? Почему как следует не рассмотрела?

Гневаясь на ту женщину, снова люди послали ее из чума разглядеть пришедшего человека. Вышла она из чума, увидела человека и стала вглядываться в его лицо. Глядела-глядела, потом начала думать: «Какой же это человек?»

Возвратилась женщина в чум. Стали ее люди расспрашивать о человеке, который стоял за чумом. Но по-прежнему женщина ничего не могла сказать. Потом она говорит:

– Этот человек на Средней земле рожденный. Родили его три звезды. Когда-то давно здесь, у нас, жили три человека. Те трое людей ушли. Один из них назад возвратился.

Выслушал солнце-старик женщину и воскликнул:

– Люди мои! Откройте двери! Пусть восемьдесят человек возьмут того человека под руки! Пусть каждый из двенадцати человек положит к его ногам по два соболя! Приведите этого человека ко мне!

Отворились двери. Тотчас подошли тут к Нирхушке-Емерхену восемьдесят человек и взяли его под руки. Каждый из двенадцати человек взял по два соболя и положил этих соболей к ногам Нирхушки-Емерхена. Повели его в чум. Солнце-старик говорит:

– Проходи, наш добрый гость. Садись!

Нирхушка-Емерхен сел.

Снова говорит солнце-старик:

– Угощайте лучше нашего гостя.

Все наперебой стали гостя кормить и поить. Смотрит Нирхушка-Емерхен по сторонам и не видит дочь солнца – нет той девицы.

Потом гость увидал собаку. Это была красивая собака. Нирхушка-Емерхен встал, поклонился солнцу-старику, поклонился солнцу-старухе и говорит:

– Подарите мне эту собаку!

Старик обратился к жене:

– Как ты думаешь – отдадим ему собаку?

Солнце-старуха отвечает:

– Ведь Нирхушка-Емерхен настоящий человек.

Поклонился Нирхушка-Емерхен старику и старухе, потом говорит:

– Ухожу я от вас. Близко буду. Вы не делайте мне плохого.

– Ладно, ступай! – ответил ему солнце-старик.

Пошел Нирхушка-Емерхен к другой девице – к дочери месяца ушел. Взял он ту дочь месяца и возвратился обратно в чум солнца. Здесь он взял также дочь солнца. Так он направился на родную землю, в родную сторону.

Шел-шел Нирхушка-Емерхен; долго ли, коротко ли шел, никто не знает. На одном месте он остановился и сказал:

– Здесь остановимся. Вы немного подождите. Я пойду.

Так и ушел он. Шел-шел и встретил одну девицу-волшебницу. Это была Деге-баба. У той Деге-бабы родился сын. Это был сын Нирхушки-Емерхена. Качает в люльке своего сына Деге-баба и поет:

Где отец твой?

Придет или нет он назад?

Нирхушка-Емерхен убил ту Деге-бабу, а сына себе взял. Потом он возвратился к месту, где оставил своих девиц. Дочь месяца взглянула на ребенка и рассердилась. Бросила этого ребенка. Дочь солнца взглянула на ребенка и сказала:

– Нирхушка-Емерхен, отдай мне твоего сына, я его стану кормить.

Отдал он ей ребенка, и они пошли к родной стороне. Сколько шли, никто не знает.

По дороге дочь солнца говорила дочери месяца, что ей, дочери месяца, будет плохо. Так они шли. Наконец Нирхушка-Емерхен достиг родной земли, но там уже не было ни оленьих троп, ни чумов людей.

Нирхушка-Емерхен сказал:

– Почему нет оленей? Почему нет оленьих троп? Почему нет чума отца?

Когда-то у Нирхушки-Емерхена был друг, с которым они вместе играли; звали того друга Серкесехе. Этого друга и повстречал Нирхушка-Емерхен. Серкесехе сказал Нирхушке-Емерхену, что его отца и мать загубил шаман Кекилдан. Как узнал об этом Нирхушка-Емерхен, то начал плакать и гневаться.

Но Серкесехе не знал, где теперь мог находиться шаман Кекилдан. Десять дней Нирхушка-Емерхен искал шамана Кекилдана и наконец нашел его на одиннадцатый день. Когда он повстречался с шаманом, то закричал:

– О, дьявол ты! Сломаю твои челюсти! Пучеглазый! Чтоб ты не видел жизни! Скажи, где мой отец? Где моя мать? Сейчас же подавай мне родителей!

Солнцева дочь сказала мужу:

– Нельзя так! Не тронь его! Остановись! Не надо гневаться и портить жизнь отцу!

Потом дочь солнца сказала шаману Кекилдану:

– Ну, шаман! Сделай живыми отца и мать его.

И Нирхушка-Емерхен велел быстрее начинать шаманить.

Шаман сказал Нирхушке-Емерхену:

– Я знаю, что ты ездил на небо на девятиногом коне. Я знаю, что ты взял себе дочь солнца и дочь месяца. Это я знаю. Я знаю, что ты убил Деге-бабу. Твой отец и твоя мать умерли. Я не могу их оживить. Нет, не могу!

Еще больше стал гневаться Нирхушка-Емерхен на шамана Кекилдана. Сломал прутья тальника и стал ими драть шамана, приговаривая:

– Подай мне отца! Подай мне мать! Собака ты!

Бьет он прутьями шамана, а тот весь съежился и говорит:

– Пожалуйста, не убивай! Отпусти меня!

Нирхушка-Емерхен бьет прутьями шамана и кричит:

– Подай отца! Подай мать!

Воет шаман.

Просит дочь солнца Нирхушку-Емерхена:

– Отпусти шамана, перестань его сечь! Я воскрешу твоего отца, будет жива твоя мать, только отпусти шамана.

Удивился Нирхушка-Емерхен словам дочери солнца и не верит ей. Все же он попросил ее оживить родителей.

Дочь солнца узнала у шамана Кекилдана, где лежат кости отца и матери Нирхушки-Емерхена, и пошла к тому месту. Первый раз она прошла около покойников – стали они дышать. Второй раз прошла – покойники сели. Третий раз прошла – покойники совсем ожили, поправились.

Обрадовался Нирхушка-Емерхен и отпустил шамана Кекилдана. Отпуская шамана, Нирхушка-Емерхен строго пригрозил ему следующий раз быть умнее.

Сын Деге-бабы стал парнем. Он пошел искать свою мать. Спустился на дно океана, долго искал там свою мать. Так и не стало его. Говорят, того парня таймень съел.

Записал у енисейских эвенков в 1911 г. К. Рычков.
Подготовил к печати М. Воскобойников

ДЯБДАР-ЧУДОВИЩЕ

Сказка

Два богача-чудовища дрались из-за своей берлоги. Оба были покрыты серебряной чешуей. Питались же они только золотом. Никто из них не мог одолеть другого. Тогда один из них, который был послабее, ушел далеко в тайгу и по дороге нашел русских. Их было семь человек. Окружил их Дябдар своим туловищем, сомкнув голову с хвостом. Русские оказались в кольце. Говорят они:

– Как же вырваться нам от чудовища? Как выйти из этого кольца?

А Дябдар думает: «Из этих семи русских отпущу шесть человек, а одного оставлю».

Среди этих людей один попался очень бедный, он ничего не имел. И решил наш Дябдар взять себе на помощь бедняка, чтобы он помог ему расправиться с другим чудовищем. Говорит Дябдар бедняку:

– А ну, садись мне на спину!

Сел человек на спину Дябдару и поехал на нем. Но человек забыл на земле свое ружье. Остановился Дябдар, и бедняк забрал с земли все свое охотничье снаряжение.

Говорит Дябдар человеку:

– Ты станешь теперь моим помощником, станешь биться в берлоге с моим противником.

Примчался Дябдар со своим русским к берлоге второго чудовища, остановился. Русский охотник долго целился и наконец выстрелом убил врага Дябдара.

Половину золота, которым наградил бедняка Дябдар, он подарил солнцу, и стали с тех пор дни теплыми, светлыми. Кусок золота подарил охотник месяцу. С тех пор стал месяц ярко светить по ночам. Много звезд появилось на небе. Русский охотник разбогател. С тех пор он больше никогда не встречал Дябдара.

Рассказал Г. Дорофеев
(пос. Полигус, Эвенкия).
Записала в 1953 г. и перевела О. Константинова

НАСТОЯЩАЯ ЖЕНА

Сказка

Жили две девушки. Они в лес ходили, тальник ломали, а дома спали. Жили бедно, еды никакой у них не было. Ели червей.

Однажды одна девушка проснулась и долго лежала без сна. Вдруг она услышала шум, стала прислушиваться к нему и увидела, как в дом вошел черт, взял мутовку, стал ею стучать по животу, приговаривая:

– Рыба, выходи. Я хочу, чтобы девушки стали жирными, и тогда я их съем.

Рыбы в доме стало много. Когда черт ушел, девушки встали. Увидели, что в доме у них много рыбы. Старшая

сестра обрадовалась и начала рыбу есть, младшая не ест. Она говорит:

– Не ешь плохую еду.

Старшая сестра сказала:

– Почему ты не ешь, эту рыбу нам Бог дал!

Младшая сестра ответила:

– Это не Бог дал, это нам черт дал.

Старшая сестра рассердилась, ударила младшую сестру:

– Не говори неправду! Какой тебе черт рыбу дал?

Девушка заплакала и сказала:

– Если ты мне не веришь, не спи сегодня ночью.

Наступил вечер, снова легли девушки спать. Младшая сестра уснула, старшая не спит. Она слышит, как пришел черт, как он стал стучать мутовкой по животу, как посыпалась рыба.

Утром в их доме снова было много рыбы. Старшая сестра сказала:

– Ты была права, действительно приходил черт. Что же теперь делать?

– Убежим, – сказала младшая сестра.

Девушки убежали. У одной девушки в руках был гребень, у другой – ящик. Больше ничего у них не было. С этими вещами они убежали в лес. Долго шли девушки и дошли до реки. Река большая, полноводная. Девушки оглянулись и видят, что за ними бежит черт. Девушки не могут реку перейти. Они побежали вверх по течению реки. Увидели домик, около которого сидела старуха. Девушки закричали:

– Бабушка, протяни свою ногу, а то нас черт съест.

Старуха ответила:

– Не могу, ищу вшей.

– Бабушка, протяни ногу, мы тебе поможем поискать вшей.

Протянула старуха ногу. По ней и побежали девушки. Вошли в дом старухи.

– Нас догоняет черт, – сказали они.

Старуха сказала:

– Мои дети тоже черти. У меня три сына, и они людей едят.

– Бабушка, спрячь нас, – попросили они.

Старуха спрятала их.

После этого черт закричал:

– Старуха, как девушки реку перешли?

Старуха ответила:

– Они перешли реку в верхнем течении.

Черт пошел вверх, но никого не нашел. Пришел снова к старухе и закричал:

– Не обманывай, правду скажи. Я знаю, они по твоей ноге прошли. Протяни ногу, и я пройду.

– Не могу, – говорит старуха, – я занята, ищу вшей.

– Не дразни, старуха, не хвастайся, я тебя съем, если ты ногу не протянешь.

Старуха протянула ногу, а черт начал переходить реку. Когда черт дошел до середины реки, старуха выдернула из-под него свою ногу. Черт упал в воду, поплыл, закричал:

– Старуха, сделай мою спину лодкой, мои руки – веслами, ноги – кормой, голову – котлом.

Только успел сказать это черт и утонул.

Старуха напоила девушек, накормила и снова спрятала их.

– Сейчас придут мои дети – черти, вы лежите до утра спокойно, не шевелитесь, – сказала она им.

В обед пришли три черта, очень злые.

– Мать, пахнет девушками, – сказали они.

– Какая девушка ко мне придет? – сказала старуха.

– Нет, девушками пахнет, ты девушек прячешь, – сказал один из чертей.

– Какие вы глупые, какую девушку я прячу! Я только сейчас сожгла в печи ящик отца, возможно, поэтому пахнет так, как будто я девушек прячу. Идите лучше спать.

Когда черти заснули, старуха сказала девушкам:

– Не шевелитесь, а то сыновья вас услышат. Лежите до утра.

Один черт это услышал, пришел к матери и спрашивает:

– С кем ты разговариваешь, скажи. Если не скажешь, убью тебя.

Старуха заплакала:

– С кем я буду разговаривать? Вшей ищу, их я ругаю.

Черт сказал:

– Не разговаривай, спи!

Утром встали черти, пошли охотиться на людей. Ста-

руха говорит девушкам:

– Девушки, идите туда, откуда вы пришли, а то мои дети вас съедят.

– Мы не пойдем домой, – сказали девушки. – Бабушка, укажи нам дорогу, где люди живут.

Старуха сказала:

– Идите вверх по течению этой реки. Когда вы пойдете, там будет правая дорога, помеченная лосиным хвостом, по ней идите, не ходите по левой – там черти живут.

– Прощай! – сказали девушки и поцеловали старуху.

Ушли девушки. Дошли они до правой дороги. Старшая сестра сказала:

– Мы не пойдем по этой дороге, мы пойдем по левой.

Младшая сестра возразила ей:

– Ведь старуха сказала, чтобы мы шли по правой дороге.

Но старшая сестра настаивала на том, чтобы идти по левой дороге. Они решили бороться: кто победит, тот и будет прав. Стали они бороться. Старшая сестра победила, и они пошли по левой дороге. Младшая сестра идет позади старшей и плачет. Вдруг они увидели, как много чертей летят вверху. И поймали в петли их черти. В амбар принесли их, на замок закрыли.

Младшая сестра сказала:

– Из-за твоей глупости нас поймали черти.

Старшая сестра говорит:

– Стань иглой.

Младшая сестра стала иглой и вышла из амбара. Старшая сестра стала большой иглой. Младшая сестра взяла голову своей сестры и убежала с ней. Она долго бежала, устала, повесила голову сестры на дерево. Отойдя немного, посмотрела на нее – она плачет. Пожалела она ее, сняла голову и снова понесла в руках. Долго шла девушка, руки заболели, опять повесила голову на березу. Отошла немного – голова заплакала. Сестра понесла ее в руках и повесила на сваленное бурей дерево. Посмотрела на нее – сестра смеется. Пошла девушка одна. Проголодалась, устала. Села на землю отдохнуть. Оказывается, что села она на дом, в котором живет лягушка. Лягушка закричала:

– Кто мой дом сломал?

Девушка испугалась, в землю провалилась, вошла в дом лягушки.

Лягушка спросила:

– Зачем ты сюда пришла? Мой муж черт, он тебя съест.

Девушка заплакала:

– Куда я теперь пойду? Везде много чертей.

Лягушка сказала:

– Не плачь, я тебя спрячу.

Девушка спросила:

– Куда ушел твой муж?

Лягушка ответила:

– На охоту, сейчас должен прийти.

Лягушка спрятала девушку на улице в мешке.

Вечером пришел ее муж. Утром позвала лягушка девушку, накормила ее, приказала:

– Ты сшей для моего мужа унты, перчатки, дошку.

Девушка все сшила. Вечером снова лягушка девушку спрятала. Когда вечером пришел муж, лягушка дала ему новую одежду. Муж спросил:

– Кто сделал эту одежду?

– Я сама; кто же сделает? – ответила лягушка.

– Ты не умеешь шить, зачем обманываешь меня?

– Конечно, сама сделала, – настаивает лягушка.

На следующий день муж не пошел на охоту, а сказал лягушке:

– Собирайся, перекочуем.

Стала собираться лягушка, а муж следит за ней. Лягушка унесла мешок, бросила его на землю. Муж спросил:

– Зачем ты бросаешь такой мешок, принеси его!

Лягушка побежала к мешку. Взяла девушку, бросила ее. Девушка превратилась в кору. Лягушка принесла мужу мешок.

Муж вышел на улицу, подошел к колодцу, нашел ту кору и начал ее резать ножом. Закричала кора, заплакала, кровь полилась. Испугался мужчина, убежал домой, поймал лягушку и начал ее бить.

– Что ты наделала? – говорит. – Зачем спрятала женщину, зачем обманула меня?

Лягушка ничего не сказала.

Муж лягушки пошел к той девушке, сказал ей:

– Не плачь, я резал тебя, ничего не зная. Пойдем ко мне домой, я тебя вылечу.

Привел девушку домой, руку залил йодом, перевязал. Потом накормил ее. Ночью легли спать. Мужчина спросил у девушки:

– Ты где будешь спать, в доме или на улице?

Девушка сказала:

– В доме.

У лягушки спросил:

– Где будешь спать, в доме или на улице?

Лягушка сказала:

– На улице.

Мужчина дал лягушке шкуру. Постелила ее лягушка на улице и легла спать.

Мужчина сказал:

– Я вас три раза позову.

Сам он уснул на крыше. Первый раз он позвал в двенадцать часов. Лягушка раньше ответила, девушка тихонько сказала: «Да». Лягушка подумала: «Девушка, наверно, умерла, это было бы очень хорошо». Потом мужчина окликнул их в четыре часа. Девушка ответила: «Хорошо», лягушка не ответила. Звал ее мужчина, звал – она не отзывается. Пошел он к лягушке и видит: лягушка мертва. Мужчина пожалел ее, в воду бросил. Там она ожила и снова вернулась домой. Мужчина сказал:

– Пусть каждая из вас принесет свое богатство. Кто богаче, с той буду жить.

Лягушка принесла две корзины разных червей. Девушка пошла к оставленной на дереве голове сестры. Вместо головы стоял амбар. Вошла в амбар и увидела там свою старшую сестру с двумя детьми. Старшая сестра спросила:

– Ты вышла замуж?

– Не вышла, – сказала младшая сестра, – собираюсь выходить. Мужчина сказал, чтобы я свое приданое принесла.

Старшая сестра дала ей одежду, шелковый платок, тридцать оленей.

– Иди к мужчине, выходи замуж, – сказала она.

Девушка пошла к мужчине, отдала свое приданое. Мужчина обрадовался, лягушкиных червей всех в огне сжег. Зарезали одного оленя, свадьбу справили. Лягушка на свадьбе ничего не ест, ругает девушку:

– Зачем пришла, зачем моего мужа у меня отняла?

Потом они перекочевали втроем в другое место. Лягушке дали верхового оленя. Вечером, когда лягушка ехала, олень сбросил ее, лягушка распорола себе живот. Так и умерла. Олень пришел один.

Мужчина поехал к оставленному дому, увидел умершую лягушку, взял ее и принес к жене.

– Наша лягушка умерла, – сказал он.

Похоронили лягушку.

Девушка с мужчиной стали жить вдвоем. Жили очень хорошо и дружно.

Рассказала эвенкийка из рода Бута Е. Игнатьева (пос. Алгазея, Эвенкия).
Записала в 1953 г. и перевела Т. Пушканская

КАК ОДИН ЭВЕНК НА НЕБЕ ПОБЫВАЛ

Сказка

Давно это было. Плыл на карбасе по реке купец с работниками к эвенкам торговать. Поднялся в тот день ветер-верховик, погнал большие волны, разбил карбас и людей по воде разбросал.

Купец и люди утонули. Один только работник остался. Он за доску уцепился. Погнал его ветер в море. И прибило его к острову. Вышел работник на остров. А на острове не то чтобы деревцо, даже трава не росла. Посмотрел он вдаль, а земля далеко за морем осталась.

Идет и думает: «Помирать, наверное, придется». Холодно стало. Видит – лежит на камнях сохатый ободранный. Шкуры и внутренностей нет. «Дай, – думает, – в него залезу. Все теплее будет». И залез.

Долго лежал. Слышит сквозь сон, будто два орла прилетели. «Сейчас съедят», – думает. Сели они. Чует – те орлы лося куда-то понесли. Долго он, как в люльке, у лося в утробе качался. Потом орлы на землю, видать, его положили и улетели куда-то.

«Будь что будет, – думает. – Вылезу...» Вылез. Видит, что это уже не остров, а какая-то другая земля. Кругом лес с деревьями до неба. Широкая дорога по нему тянется. «Дай, – думает, – по ней пойду». И пошел. Долго шел. Потом человек-великан ему повстречался. Спрашивает его великан:

– Ты откуда?

– Сам не знаю... – отвечает ему тот.

– А я знаю... Ты с земли на небо пришел. Ну, иди, стало быть, жить к нам, – сказал и дальше пошел.

Идет гость по дороге. Долго шел. Видит: между деревьями чумы каменные стоят. На площади ямы глубокие вырыты. Возле них стоят люди-великаны. Они лосей ободранных в ямы сбрасывают. Достанут, на землю положат. У лося на мясе крупинки золота блестят. Люди-великаны золото с лося соберут и обратно в яму зверя бросают. Орлы их снова достают.

Человек помогать им начал. Они его с собою жить взяли. Целый год работал. Потом женщину-великаншу себе в жены взял. Только недолго с нею жил. Заболела она и померла вскорости. Собрались люди-великаны вокруг покойницы. Гроб ей сделали. Покойницу туда положили. Говорят ему:

– Рядом с ней ложись.

– Да что вы? Я же не помер, – возражает эвенк.

– А у нас на небе закон такой. Не ляжешь – силой положим.

Долго не соглашался человек с земли, но делать было нечего – лег в гроб вместе с женой. Гроб заколотили и к яме понесли. Думает: «Пропал теперь». Принесли к яме. Что-то крикнули по-своему три раза и в яму сбросили. Полетел гроб. Перевертывается, об стенки ямы стучит. Долго летел. А когда на дно ямы упал – разбился.

Смотрит эвенк кругом, а ничего не видит. Темнота кромешная. Шарит руками около себя. Кости человечьи обглоданные нащупал. Слышит – где-то в стороне женщина плачет. Думает: «Пойду куда глаза глядят». Встал и пошел. О камень споткнулся. Видит: из темноты два огромных красных глаза показались. На него прямо идут. Свистят. Он за камень спрятался. Чудовище проползло туда, где женщина плачет. А он сидит за камнем и

слушает, что дальше будет. Женщина еще раз крикнула, а потом тихо стало. Только слышно, как у чудовища на зубах кости человечьи хрустят. Потом и оно куда-то исчезло.

Эвенк дальше пошел. Земля сначала под ногами ровная была. Дальше камни попадаться начали. «Дай, – думает, – камней в карманы наберу. Кто нападет – защищаться буду».

Набрал камней и дальше пошел. Долго шел. Видит – вдали, в темноте, звездочка маленькая блестит. На нее направился. Чем ближе подходил, тем звездочка больше становилась. Вот уже под ногами светлее стало. Отдохнуть решил. Хотел те камни из кармана выбросить, глядит: а это не камни, а куски золота. Обрадовался. В карман положил.

Встал и снова пошел. Вот уже звезда солнцем стала. Светло как днем сделалось. Оглянулся назад – а сзади туча черная стоит. Вперед глянул – реку увидел, по которой плыл. Смотрит на реку. По середине реки русские люди в карбасе плывут. Он кричать начал, чтобы к берегу пристали. Не слышат. Плывут. Тогда снял свою белую рубаху и на палку прицепил. Машет ею. Увидели с карбаса. К берегу повернули. Пристали и кричат:

– Смотри! Знакомый! Откуда ты? Ведь мы о тебе три года как весть потеряли!

Эвенк рассказал, как с ним дело было. Они его с собой взяли. До чума довезли и дальше поплыли.

Раздал он золото бедным эвенкам и себе оставил. С тех пор хорошо жить начал. В работники к купцам больше не нанимался.

Рассказал Л. Пискунов
(пос. Чильчагир, Эвенкия).
Записал в 1955 г. и перевел И. Суворов

ХРАБРЫЙ СОДАНИ-БОГАТЫРЬ

Сказание

Вот, давным-давно, говорят,
появились эти три мира*,
подобные чутким ушам
годовалого дикого оленя.
После этого –
наш Средний мир расстилался
с кумалан**,
а небо-мать растекалось
с донышко берестяного короба.
После этого –
долго ли [так] было, не знаю,
недолго ли [так] было, не знаю.
Если теперь
Среднюю землю-мать
хорошо рассмотреть –
такой широкой стала эта земля,
что восемь стерхов-птиц,
летая вокруг восемь лет,
не находили ее края.
Девять серых журавлей,
летая подряд девять лет,
не находили ее конца, –
такой огромной стала [эта] земля.
Если хорошо посмотреть, думая,
что это за земля,
какие выросли на этой земле
травы-деревья, –
на Средней земле, оказывается,
были, словно узоры, одна большая река
и бессчетные [речки],
впадающие в одно огромное море.
Там горы ее
поднимались ровными вереницами.

---

* Три мира – Верхний (небесный), Средний (земной), Нижний (подземный) миры.
** Кумалан – коврик из шкур с головы оленя.

Там ели-деревья, сталкиваясь, росли,
лиственницы-деревья, сплетаясь, росли,
сосенки-деревья, хватаясь
[друг за друга], росли,
березы-деревья, соприкасаясь, росли,
ивы-деревья, схлестываясь, росли,
тальниковые деревья, вытягиваясь, росли,
марниковые березы, извиваясь, росли,
ольховые деревья, сталкиваясь, росли,
двухсуставные вечнозеленые травы,
ухватившись [друг за друга], росли,
трехсуставные вечнозеленые тальники,
свившись, росли,
четырехсуставные вечнозеленые травы,
соединившись, росли,
пятисуставные красноталы, сцепившись, росли,
шестисуставные шелковистые
травы мягко росли,
семисуставные мягкие травы
вперегонку росли,
восьмисуставные осоки-травы, схватившись
[друг за друга], росли, –
такой красивой
стала Средняя земля-мать.
Если теперь
хорошо посмотреть
на эту Среднюю глиняную землю-мать,
такую красивую и широкую,
подумать, какие на ней звери, –
оказывается, вереницы гор
заполнили белки,
число которых неведомо.
Вдоль речек бегали
разные четвероногие звери.
У подножий покрытых гарью гор
резвились жирные медведи,
на солнечных склонах гор
лоси-самцы играли ветвистыми рогами.
На горах, поросших лиственницей,
без счета умножились дикие олени.
На тальниковых вершинах
развелись бесчисленные зайцы.

На лесистых горах
вовсю расплодились лисицы,
у подножий гольцов, между хребтами
повсюду прожорливые росомахи рождались, –
[такая] была страна, оказывается.
На дальних окраинах разных мест
повсюду пестрели рыси.
На каменистых гольцах
безмерно расплодились горные бараны.
По окраинам
всюду мелькали
белые песцы-звери.
А если хорошо посмотреть,
думая, кто же
такой красивой
Средней земли-матери хозяин,
с двумя ногами,
с голым лицом,
с гибкими суставами,
с текучей душой-матерью,
с легко поворачивающейся головой,
с именем эвенка-уранкая*, –
оказывается, на берегу широкой реки,
с истоком ее на восходе солнца,
с устьем ее на заходе солнца,
в середине этой Средней земли,
на высоком одиноком холме
построен один утэн**,
подобный отсеченному гусиному клюву,
посаженному основанием вниз.
Если спросить, каким был этот утэн, –
оказывается, в четыре жерди [по высоте],
в четыре кочевки по окружности
вокруг него изгородь.
Внутри этого утэна –
очаг с половину
целой лайды***,

---

* Уранкай – человек, эвенк.
** Утэн – жилище эвенка, род чума.
*** Лайда – открытое ровное место.

на малу* – четырехугольный огромный стол
из березы-дерева, на четырех ножках.
Свежесрубленными ветвями
лиственницы-дерева с душистой хвоей
устлан вокруг него
весь утэн.
Рядом с очагом –
медный котел
в семьдесят семь пудов,
топор для рубки дров
в пятьдесят пудов,
нож с лезвием в пядь.
В углу утэна
дваждывосьмисаженный
роговой лук.
Богатырская железная
семипудовая стрела
с восьмипудовой подпоркой,
с разящим огненным наконечником.
К луку был прислонен уткэн**
с семидесятисаженной выемкой,
с ним рядом – длинное копье
с острием в три пяди.
Там же было пятидесятипудовое
каменное ядро, слету бросаемое.
Если хорошо присмотреться,
думая, что это за оружие,
для кого оно предназначено, –
оказывается,
родился и вырос один эвенк-аи***,
которому по жидкой его крови было суждено
стать этого утэна хозяином,
по крепкой родовой его крови предназначено,
предопределено разводить
в том очаге огонь-дедушку.
Если в обличье его
хорошенько всмотреться –

* Малу – почетное место в чуме.
** Уткэн – большой ножевидный тесак, насаженный на древко.
*** Эвенк-аи – обитатель Среднего или Верхнего мира, богатырь.

оказывается, [такой] это был богатырь,
каким должен быть настоящий предок эвенков
на Средней глиняной земле.
И по наружности, и по крови
не мог он не понравиться людям,
[такой] красивый был богатырь с виду.
А если спросить о богатыре,
какой пищей питался
этот человек-человечище, –
оказывается, этот человек-человечище
мог есть [мясо] всех зверей
этой Средней страны.
Среди двуногих
это был богатырь
по-настоящему сильный и храбрый.
Паренек этот был [таким] человеком,
что, поравнявшись [на бегу] с задними ногами
бегущего лося-самца, хватал его как паука.
Медведя-зверя
богатырь брал
за загривок
и хватал как черного жучка.
Осеннего дикого оленя
паренек хватал как муравья.
Дневная пища его – ребра лосихи,
вместо масла – брюшное сало лося-самца,
дорожная пища его –
сало с крупа осеннего дикого оленя.
Сало с загривка медведя-зверя –
смазка подошвы этого богатыря.
Если же спросить, во что одет этот человек, –
оказывается, он родился в мукукэ* из [шкуры]
дикого олененка,
[такой] это был человек-человечище.
Мукукэ из шкуры дикого олененка
от головы до пят
было подбито-украшено
самой лучшей шкурой рыси-зверя.
Если хорошо посмотреть, думая,

* Мукукэ – охотничья одежда ниже колен.

каким было его звонкое имя,
громкая его слава, –
оказывается, он был
эвенк-человечище по имени
храбрый Содани-богатырь
в мукукэ из шкуры новорожденного
дикого олененка,
[ездящий] на сильном богатырском олене.
Кто были предки его,
совсем он не знал.
Не было у него добросердечной
родной матери.
Родившего [его] на свет почитаемого отца
с лицом светлее меди
не было у него совсем.
Не было у него
почитаемого старшего брата,
такого же, как он, – гололицего,
поперечноглазого, душу-мать имеющего, –
была только юная девушка,
родная сестра, лицом светлая, словно солнце,
с чистой хорошей кровью,
собой прекрасная.
Если к ней
хорошо присмотреться,
к тому, как она держится, –
оказывается, ступала она, за собой оставляя
нетронутой вечнозеленую шелковую траву
этой Средней глиняной земли-матери,
чтобы мудрые старики не осудили ее,
говоря, что слишком она озорная,
чтобы светлой славы ее не порочили,
говоря, что по Средней земле
слишком резво она шагает.
Эта юная девушка
была большой скромницей.
Если спросить, какое имя было
у красивой девушки,
приучившейся держаться так скромно, –
оказывается, когда она родилась,
ясными глазами взглянув
на яркий огонь лучистого солнца,

верхний почитаемый старик-аи
увидел ее, говорят,
поэтому, наверное, ее назвали
славная девушка Аякчан Ивекчан.
Если на эту девушку хорошо посмотреть,
оказывается, не с чем ее
было сравнить, –
была красивой молодая девушка.
Одежда, на ней надетая,
                    была хорошо ею сделана,
от головы к ногам плавно спадала.
Из лучших шкурок соболя-зверя сшитую
доху свою
на солнечный свет
никогда она не выставляла,
[такой] опрятной была красивая девушка.
Без работы она не сидела
даже недолго – из-за своего
беспокойного сердца.
По жидкой крови ее,
по крепкой родовой крови ее
этой девушке суждено было положить начало
                    роду эвенков,
[такой] хорошей она была девушкой.
Юная девушка, оказывается,
была мудрой, все обо всем знала,
имела добрые мысли,
была очень умной,
душа ее была приветливой –
вот [какой] была славная девушка
Аякчан Ивекчан.
                    После этого –
эти двое, брат с родной сестрой,
на зеленой, никем не тронутой
шелковой траве
Средней матери-земли
родившиеся вместе, парой,
как два рога дикого осеннего оленя,
не знали, долго ли жили,
не знали, недолго ли жили.
Если сказать, каким владели скотом
эти только что подросшие

молодые [брат и сестра],
такие красивые на вид, –
оказывается, их большая река,
если на нее хорошо посмотреть, –
по всем ее долинам,
от истока до устья,
была заполнена эвенкийским скотом-оленями.
На тальниковых ее берегах олени-самцы
гремели оголенными острыми рогами.
Вереницы гор, покрытых листвснницей,
заполнились упитанными оленями.
На горах, поросших березой, белые холощеные
олени
играли ветвистыми рогами.
Все лайды, поросшие мелким кустарником,
заполнили красивые серые холощеные олени.
Эта славная девушка
Аякчан Ивекчан-красавица,
всякий раз, когда было нужно,
по-оленьи хоркала раз-другой,
и все [олени],
сколько их было,
битком набивались в загон.
Тот загон был в четыре кочевки окружностью,
в шесть жердей [по высоте].
У людей этих, эвенков-аи,
и сверх того было вдоволь
всего, что только человеку нужно.
И они сами
не знали, долго ли жили.
Не знали, недолго ли жили.
Много минуло лет, будто перевалив через горы,
дни и ночи пришли и ушли,
и они сами не знали, сколько же их прошло.
У них обоих окрепли суставы,
укрепились тело и мышцы.
И однажды спросил старший брат-мата*
у своей младшей сестры:
«Неужели на всей

* Мата – богатырь.

Средней земле-матери
только двое мы родились?»
Сестра на это ответила:
«Ты раньше меня родился
и сам должен бы знать,
я тебя хотела спросить,
а ты спросил у меня.
Ну, хорошо! Если бы мы
родились в Верхнем мире,
на макушках у нас была бы роса».
Сказав так, сестра ладонью ощупала
свою макушку, но не было там ничего.
«Если бы мы вышли из Нижнего мира,
то к нашим пяткам пристало бы
немного глины».
Сказав [так], ощупала свои пятки,
но не было там ничего.
Поэтому она сказала
своему брату:
«Да, в самом деле мы родились
на Средней земле-матери,
смешавшись с ее водами и деревьями,
с ее сочными травами».
Брат ее, храбрый Содани-богатырь,
сильный богатырь [сказал]:
«Почему до сих пор
из какого-нибудь мира
не навестил нас
эвенк-уранкай,
подобно мне, неукротимый,
с богатырскими жилами,
с двумя ногами,
с гибкими суставами,
с плавающей душой-матерью?» –
упавшим голосом
сказал он.
Тогда славная девушка
Аякчан Ивекчан,
нежно взглянув на брата округлыми глазами,
как у пьющей воду кобылицы, сказала:
«Если наше имя сильно прославится,
наша слава распространится,

то придут еще неведомые чужеземцы,
поэтому ты очень не печалься».
Сказав так, она ушла в чум, где спала,
и сразу уснула.
После этого –
храбрый Содани-богатырь
расстелил свою рысью подстилку,
положил свою соболиную подушку,
укрылся лисьим одеялом и уснул.
После этого –
в ту ночь он
не мог спать спокойно:
много думал о том и о сем,
в мыслях своих далеко уходил.
Храбрый Содани-богатырь,
этот эвенк-человечище,
разве станет спокойно лежать?
Тут же вскочил,
надел охотничью свою одежду,
быстро поел,
встал, лук свой схватив,
и наружу выбежал.
Туда и сюда посмотрел:
«Ничего не видно хорошего,
день наступил
недобрый», –
сказал он так про себя,
поговорил сам с собой.
После этого –
он надел серебряные лыжи
в тридцать пядей [длиной],
схватил огромную палицу
с половину лиственницы,
взял обоюдоострое копье
с лезвием в три пяди,
прихватил свой уткэн
с лезвием в семьдесят пядей
и зашагал [шагами] в три-четыре сажени.
Когда он отправился,
послышалась ему какая-то речь.
Он прислушался:
славная девушка

Аякчан Ивекчан, его сестра,
выйдя из дома в одной нижней одежде,
вслед за старшим братом,
родным братом своим,
мягко-мягко ступая,
остановилась,
печальным голосом
такие слова говоря:
«Дэвэ-дэвэ дэвэнин!*
Храбрый Содани-богатырь,
богатырь Средней земли,
старший брат, родной брат мой!
На Средней земле
мы родились с тобой парой,
как два рога дикого осеннего оленя!
Постой, подожди!
Мои слова
вбей [себе] в мозг,
учуй нутром,
вкрути в уши!
Этой ночью
приснился мне сон,
зловещий сон!
Горе мне!
Если спросишь, о чем он,
то [отвечу:] в той стороне, где солнце восходит,
когда солнце едва еще поднималось,
его закрыла
черная туча.
После этого –
тотчас, без промедления [появилось] такое,
чего я от рождения даже во сне не видела,
слыхом не слыхивала.
Оно словно тень заснеженной ели,
[больше] ни на что не похожее!
С какой стороны у него
хоть подобие лица – не разберешь!
Мне показалось только, что у него
одна огромная железная нога,

* Дэвэ-дэвэ дэвэнин – запевное слово Аякчан Ивекчан.

одна рука посредине груди,
посредине лба один глаз,
на затылке одно ухо.
Как называется – неизвестно.
На трехвершинное наше священное дерево,
сразу три вершины его подмяв,
уселось [это]
ни на что не похожее.
Тогда ты
из своего дваждывосьмисаженного лука
в середину его черной печени
выстрелил, но не попал.
Тот огенга* что-то сделал –
твоя стрела назад отскочила.
После этого –
вы, двое равных [по силе], стали биться.
Я не успела досмотреть, как вы бились.
К месту, где сплю, откуда-то сверху
явился неизвестно кто,
напрочь сорвал половину
нашего утэна-жилища,
меня понес, помчал,
унес к заходу солнца.
Вот такой был сон
непонятный!
Братец, не уходи!
Хотя бы день побудем вместе,
а уйдешь – неизвестно, когда встретимся!
Постой, подожди!» –
[так] сказала эта славная девушка
Аякчан Ивекчан-красавица.
После этого –
храбрый Содани-богатырь
разве послушается по-хорошему?
«Посмотри-ка на эту притворщицу!
С этих-то пор так хитрит
и смеет еще бегать за мной!» –
грозно он закричал.
Громко продолжая кричать,

* Огенга – злой дух, обитатель Нижнего мира.

к сестре вернулся бегом.
Сорвал тальник,
к девушке подбежал.
 «Ну, притворщица,
 как ты смеешь
 запрещать мне идти на охоту!
 Из-за твоих запретов
 мне сидеть и не охотиться?» —
сказал ей храбрый Содани-мата
и стал хлестать ее тальником [говоря]:
 «Разве не так? Разве не так?»
Из двух добрых глаз сестры,
подобных двум солнцам,
двумя серебряными струйками
потекли крупные слезы.
Она крепко обняла брата за шею
и сказала такие слова:
 «Дэвэ-дэвэ дэвэнин!
 Старший брат, родной брат мой,
 храбрый Содани-богатырь,
 постой, подожди!
 Зачем мне тебя обманывать,
 обманом ведь ничего не добьешься.
 Почему ты так сердишься?
 Хорошо! Раз ты не веришь, что я права,
 задержись хотя бы до полудня.
 Если со мной без тебя что-то случится,
 ты сам пожалеешь,
 что меня не послушался!..»
...Храбрый Содани-богатырь
пристально посмотрел на
славную девушку Аякчан Ивекчан.
Оказывается, она вправду была опечалена.
Светлая, чистая кровь ее потемнела,
красивый, светлый облик ее потускнел.
Увидев это, человек-человечище
по имени храбрый Содани-богатырь,
кажется, свою сестру пожалел.
Огонь, пылавший
в яростных глазах его, поугас,
сердитая кровь его поостыла.
 После этого —

упрекнул сам себя, сказав:
«Зачем я довел до слез
свою единственную сестру?»
После этого –
ласково вытер ладонью
катившиеся вниз
серебряные струи слез.
«Ну, сестра, если говоришь правду,
я не уйду, не плачь!
Пробуду с тобой этот день...»
...Сказав так,
храбрый Содани-богатырь
отправил сестру в чум.
Сам же сильный человек
разве останется спокойным?
Он спустился на свою широкую лайду,
поиграл камнями, подбрасывая, как мячи.
На окрестных горах повырывал
с корнями и землей лиственницы,
принес их на плече во двор,
играючи построил навес,
и олени его, число которых неведомо,
приходили туда отдыхать, говорят.
После этого –
вскоре наступило предсказанное,
судьбой предопределенное –
о чем говорила недавно девушка.
Когда солнце стало подниматься,
оттуда-отсюда налетели ветры,
оттуда-отсюда появились белые тучи,
сгустились черные тучи,
сбежались красные тучи.
И все эти тучи,
враз, со свистом
поднялись вперегонки, говорят,
к верхушке опрокинутого неба,
закрыли собой солнце,
и его совсем не стало видно.
После этого –
в сказке ничто не задерживается,
все быстро делается –
налетел сильный ветер,

полил сильный дождь,
загремел оглушительный гром с молнией,
заполыхали зарницы.
Наш человек,
храбрый Содани-богатырь,
не утерпел, изготовился,
стал натягивать и отпускать
тетиву дваждывосьмисаженного лука.
Набежавшая туча
с громом и ливнем,
не задержавшись,
мигом умчалась.
После этого –
почти закрыв свет солнца,
прилетел трехголовый,
взъерошенный орлище.
На стоявшее во дворе
храброго Содани-богатыря
трехвершинное
священное огромное дерево
он уселся,
сразу подмяв под себя три вершины.
Туда-сюда головами повертел,
зыркнул глазами,
крыльями встряхнул, перья взъерошил.
После этого –
прибывший богатырь
перед нашим человеком,
представ в своем обличье,
отрывисто заговорил,
повел разговор.
Неизвестно кто это был,
человеком его не назовешь,
был он настоящий адярай*.
Пришлось выслушать
его речь.
Тот заговорил;
хоть и невпопад,
стал он говорить;

---

* Адярай – дьявол, черт, чудовище.

хоть и врал,
стал рассказывать;
хоть бестолково,
стал он петь:
«Кингир-кингир кингирдэнин!*
Вот это и вот это
посмотри-ка, посмотри-ка!
Богатырь Среднего [мира]-аи,
храбрый Содани-богатырь,
а ну-ка побыстрее
приведи ко мне
из своего утэнчика
младшую сестру, родную сестру твою!
После этого –
вы двое, привет примите,
а потом будет разговор!
Если спросишь меня:
«Кто ты, мата,
по роду и крови?» –
то [отвечу]: я сын
Тукала Манги-старика
из девяти племен Нижнего мира,
имя мое – сын авахи, четырехгранный
Сэлэмэ Дэвиндэр,
атаман Нижнего мира.
Если спросишь, ради чего
я ступил
на Среднюю глиняную землю,
то [отвечу]: чтобы взять в жены
младшую сестру, родную сестру
эвенка-человека, богатыря-аи,
красавицу по имени
славная девушка Аякчан Ивекчан,
с которой вы родились вместе,
словно рога осеннего дикого оленя!
В год [от роду] ей суждено было стать
моей невестой,
в два года – хозяйкой моего чума,
в три года – моей женой!

* Кингир-кингир кингирдэнин – запевное слово Сэлэмэ Дэвиндэра.

В собственном облике
я за ней явился!
Волей отдашь
или неволей отдашь?
Отдашь – возьму,
не отдашь – возьму!
Без промедления ответь, что ты думаешь!
Мне все равно.
Только как бы тебе не стать моим свадебным
угощением!
Не упрямься,
младшую сестру, родную сестру свою
наряди, чтобы стала похожа
на лесного оленя,
укрась, чтобы стала похожа
на священного оленя,
сильному богатырю ее, как подобает, выдай!
«Ха-ха-хак!» –
говорил он, разевая пасть.
Услышав это,
храбрый Содани-богатырь,
сильный человек, не мог сдержаться.
С обоих его висков
десять снопов искр полыхнули.
С десяти его пальцев брызнула
жидкая кровь.
От сильного гнева
на одну пядь вырос вверх,
на четыре пальца раздался вширь,
глаза его наполнила гневная кровь,
в грудь вошла сердитая кровь,
в сердце ударила отважная кровь,
к коленям хлынула дерзкая кровь,
живот залила густая кровь.
Одежда, в которую он был одет,
чуть не лопнула.
Когда это случилось, без промедления
он взял свой дваждывосьмисаженный лук,
стал целиться,
угрожающе оттягивая [тетиву] до самого уха,
такие слова
сказал, оказывается:

«Гиро-гиро гироканин!*
Вот, посмотри-ка,
атаман авахи Нижнего мира,
четырехгранный Сэлэмэ Дэвиндэр-богатырь!
Как полагается, привет [тебе],
потом будет кой-какой разговор!
Если спросишь меня:
«Кто ты, мата,
По роду и крови?» –
то [отвечу]: эвенк-аи Среднего мира,
храбрый Содани-богатырь
зовусь я.
После этого –
в какой стране ты видел,
чтобы авахи взял в жены девушку-аи,
поставил для семьи чум,
развел огонь-дедушку,
родил детей,
вырастил скот,
с семьей счастливо
жил бы как человек?
С этой лживой речью
зачем ты ко мне пристаешь?
Ну, берегись, держись –
пошла стрела!
Ты [не] скажешь, что я стрелял
в сильного человека, его не известив,
в доброго человека, его не предупредив.
В середину твоей черной печени
вонзится моя стрела!
Разговор короткий –
путь обратный тебе открыт!
Что захочешь:
выбрать обратный путь
или погибнуть?
Сам это выбирай!
Без обиды
прими мою стрелу!
Гиро-гиро гироканин!» –

---

* Гиро-гиро гироканин – запевное слово Содани-богатыря.

сказал наш человек,
храбрый Содани-богатырь.
После этого –
сказав: «Будь что будет», –
в середину
черной печени
атамана авахи
из лука он нацелился.
Он не промедлил:
звук от пущенной стрелы
тут же разнесся по небу,
загрохотал по земле, –
[такая] его стрела, оказывается.
Сын авахи увернулся.
Когда увертывался,
стрела на лету пробила
край его железного панциря.
После этого –
увернувшись, сын авахи
выстрелил в середину
черной печени нашего человека.
Однако
наш человек тоже увернулся,
очень ловко, словно дикий олень
со свежеоголенными рогами.
После этого –
разве остановятся
два храбрых сильных богатыря?
Свои уткэны
с семидесятисаженными выемками
они скрестили.
Ни лиц, ни глаз своих
не щадя,
по макушке,
по голому темени
рубили друг друга.
Но своими уткэнами
вреда друг другу не причинили:
как скребки старухи-мастерицы,
уткэны их затупились,
и они их назад отбросили.
Обоюдоострые копья

с лезвием в три пяди
быстро они схватили,
друг в друга ударили.
Распаляясь гневом,
в бешенстве
старались ударить друг друга копьем
в черную печень.
Но копья их
стали как кривое острие ножа
старика-кузнеца,
они их через свои макушки бросили.
После этого –
стали решать свою судьбу,
бросая друг в друга
пятидесятипудовые
каменные ядра.
Их ненадолго хватило –
даже трех дней они не выдержали,
облупились как яйца утки-гоголя,
они их в разные стороны побросали.
«Ну, теперь по-эвенкийски!» – сказав,
сами [без оружия] стали биться,
их гибкие пальцы ловко сцепились,
уподобившись десяти горностаям,
сложенным рядом
головами то в одну, то в другую сторону.
Тяжелыми кулаками
стали они бить друг друга в самое ухо.
Ломая лиственницы,
толкая ели,
сваливая растущие деревья,
дробя в щепки высохшие деревья,
словно бодаясь, они дрались.
Холмы они растоптали,
низины втоптали,
раскрошили горы,
размесили долины рек.
В мягкой земле утопали по бедра,
в твердой земле вязли по колена,
твердь превратили в болото,
болота размесили ногами.
После этого –

эти богатыри
не знали, долго ли бились,
не знали, недолго ли бились.
Они
зиму по снегу узнавали,
весну по пушистому снегу узнавали,
лето по дождю узнавали,
осень по граду узнавали.
Вот прошел круглый год
с тех пор, как начали биться.
Все это время,
не останавливаясь, не уставая,
дрались эти богатыри.
После этого —
я увидел, что враг [нашего] человека,
страшный сын нижних огенга,
стал ловчить, как убегающая туча,
стал хитрить, как уходящая туча.
Чтобы человек
голым кулаком не пробил
его железный панцирь, он раскалил его,
как на огне.
А наш человек,
молодой мата, не знающий
ни хитростей, ни коварства,
на хитрость авахи
попался, оказывается.
Широкая грудь его сузилась,
долгие мысли укоротились.
Огненные глаза его потемнели,
богатырские жилы растянулись,
упругие суставы ослабли,
крепкие мышцы расслоились.
Здоровое тело его стало дряблым,
жидкая кровь полилась,
толстая кожа стала рваться.
Свет его дня стал гаснуть,
подступила страшная смерть.
Наступило слезное горе.
Его охватила безысходная тоска:
дыхание его спасти
никто не придет — он понял

и потому еще больше сник.
А смерть уже над ним нависла.
От него удалился,
ушел далеко-далеко,
свет лучистого солнца.
Нашему богатырю,
храброму Содани-богатырю,
что бы он ни сделал,
от широкой пасти адярая-огенга
скрыться пути уже не было.
Пасть сына авахи
наполнилась жидкой кровью-аи,
когти его покрылись красной [кровью].
Еще не прервав дыхания [Содани],
своими зубами, подобными
покрытому тридцатилетней ржавчиной
железному кайлу,
он принялся грызть, терзать
верхний слой тела живого человека.
У нашего человека
сузилась грудь,
укоротились мысли.
Сам себе
сказал он такие слова:
«Гиро-гиро гироканин!
Родная земля-мать!
Вместе со мной родившаяся
младшая сестра, родная сестра моя,
славная девушка Аякчан Ивекчан!
Родной мой чум, огонь-дедушка мой!
Светлое мое солнце!
Меня послушайте!
Настал [час] прерваться моему светлому
легкому дыханию! Жаль его!
Слезное горе,
смертная мука настали!
Только тот, кто умер и ожил,
поймет, как тяжело умирать!
Под солнцем, на глиняной [земле]
нет ничего тяжелее смерти.
Если есть какой-нибудь человек,
который хочет узнать, кто это

пропадает-гибнет,
то [скажу]: богатырь Среднего мира,
храбрый Содани-богатырь.
Если спросите, что со мной случилось,
то [отвечу]: атаман Нижнего мира
по имени четырехгранный
Сэлэмэ Дэвиндэр,
сын огенга,
хитростью, подобной уходящей туче,
коварством, подобным убегающей туче,
меня обманул, победил.
Кто же придет
спасти мое дыхание?
Вот-вот настанет день,
когда прервется мое дыхание.
Ни в одном из этих миров
не родился никто,
кто бы меня пожалел!
О, слезы мои!
О, горе мне!
Славная девушка Аякчан Ивекчан-красавица,
младшая сестра, родная сестра моя!
На долгие годы прощай!
Гиро-гиро гироканин!» –
говорил умирающий мата.
После этого –
без промедления,
оттуда-отсюда
сгустились черные тучи,
умножились белые тучи,
сбежались красные тучи.
Прежде чем, взглянув, моргнешь,
прежде чем, вздохнув, заговоришь,
налетел ветер, стал дуть так сильно,
что нельзя было выдержать,
[стоя] к нему лицом.
Пошел дождь: кап-кап,
дробно посыпался град,
живым огнем засверкала молния,
раскатами загрохотал гром.
Этот вихрь
растущие деревья повалил [на землю],

высохшие деревья разбил в щепки,
все, что, двигаясь,
на земле чернело,
сдул к макушке неба, оказывается.
У храброго Содани-богатыря
унесло ветром много оленят,
затянуло вихрем много оленей-быков,
много важенок подняло в небо,
много оленей-самцов к тальникам прибило,
много верховых оленей согнало в горы,
много холощеных оленей скучило на полянах.
А наш храбрый
Содани-богатырь
лежал едва-едва [живой],
не ощущая
этого вихря.
Потом –
грозовой вихрь умчался,
наш человек немного пришел в себя.
Тут речь, разговор [послышались].
Когда он прислушался,
оказалась такая речь:
«Угэлэ-угэлэ угэндэр!*
Вот, вот, смотри-ка,
авахи Нижнего мира,
четырехгранный
богатырь Сэлэмэ Дэвиндэр!
Сначала привет,
потом уже разговор!
Если спросишь меня:
«Кто ты, богатырь,
По роду-крови?» –
то [отвечу]: я тот, кому завещали:
«На этой Средней земле,
в случае беды,
эвенкам Среднего мира-аи
будь надежной защитой!»
Эден Еексит – моя мать,
Аи Бэгин – мой отец,

* Угэлэ-угэлэ угэндэр – запевное слово Иркиничэна.

храбрый Сodани-богатырь –
мой старший брат,
красивая девушка Аякчан Ивекчан –
моя сестра.
Сам я зовусь Иркиничэн, ездящий
на диком осеннем олене.
Богатырь эвенков-аи,
я в собственном облике сюда явился!
Если спросишь, почему я пришел,
то [отвечу]: сказали мне,
что единственного моего
бедного старшего брата
одолел атаман авахи,
четырехгранный Сэлэмэ Дэвиндэр.
И я так поспешно
гнал своего дикого осеннего оленя,
что ветром, поднявшимся
от нашего дыхания,
сдуло всех оленей.
А ты, Дэвиндэр-сонинг*,
с каких это пор ты перестал бояться
богатырей-аи Среднего [мира]?
Что сделал плохого
храбрый Содани-богатырь,
которого ты ешь живьем,
даже дыхания его не прервав!
Как это обидно! Горе мне!
За обиду, тобой нанесенную,
я сейчас брошу тебя навзничь,
твою становую жилу
вырву указательным пальцем!
По твоей жидкой крови
играючи поброжу,
из длинных твоих костей
играючи остов чума поставлю,
короткие твои кости
играючи свалю на плавник.
Чтобы жениться,
прийти осмелился

* Сонинг – богатырь.

ты, сын адярая!
С таким лицом
ты хотел смотреть [в глаза] женщине!
Тьфу! Вон! Уходи!
Отправляйся скорей на поле [для битвы]!
Испытаем судьбу
тальником из распадка,
похлещем друг другу спины
тальником с горы, покрытой гарью!
Угэлэ-угэлэ угэндэр!» –
сказал, оказывается,
этот Иркиничэн-сонинг, ездящий
на диком олене со свежеоголенными рогами.
А сын авахи
даже не посмотрел [на него],
подумав: «Человек говорит», –
даже не обернулся,
подумав: «Олень хоркает», –
по-прежнему грыз богатыря.
Пришедший богатырь
сильно рассвирепел,
заскрежетал зубами –
в Верхнем мире ухнуло,
в Нижнем мире грохнуло!
Не стал он медлить,
не такой был человек!
Свой тяжелый, как камень, кулак
стал он опускать на затылок
авахи, который грыз человека.
Единственный глаз
сына авахи
на одну пядь
вылетал [из глазницы].
После этого –
он перестал грызть Содани.
Вращая [глазом], взглянул
на нашего человека Иркиничэна.
Лицо его злорадно задергалось,
как будто он уже победил.
После этого –
так он сказал,
заговорил отрывисто,

повел такую речь:
«Кингир-кингир кингирдэнин!
Смотри-ка, смотри-ка,
на этой Средней глиняной земле
есть, оказывается, шутники.
Среди эвенков, людей-аи,
бывают, оказывается, глупые люди!
За какую мою вину
тяжелым каменным кулаком
ты ударил меня играючи?
Такой негодник, как ты,
посмел пренебрегать человеком!
Ладно, подойди, парень,
если ты пришел
вырвать мои клыки,
придавить меня, [схватив] за затылок.
Двое сильных богатырей,
мы в кулачном бою
побьемся голыми кулаками,
в битве испытаем друг друга.
Только победивший останется,
а побежденный сгинет!
Не пускаясь
на разные хитрости,
полагаясь только на свои силы,
испытаем судьбу.
Если ты победишь – я погибну,
если я одолею – тебя на своей свадьбе съем,
женюсь на красивой девушке Аякчан Ивекчан!
Кингир-кингир кингирдэнин!» –
сказал огенга.
После этого – наш человек,
мата по имени Иркиничэн, ездящий
на диком олене со свежеоголенными рогами,
не стал долго с ним говорить,
даже не дал ему себя рассмотреть,
обеими руками и ногами
принялся его бить, оказывается.
А тот человек – будто имел рассудок –
дрогнул, оторопел.
Вхолостую замахал [кулаками],
в нашего человека

попасть не смог.
По сравнению с братом [Иркиничэн]
был совсем другим человеком.
Так крутился-вертелся,
что единственный глаз
сына авахи
иногда ничего толком не видел, –
такой богатырь был [Иркиничэн].
Силача авахи стал одолевать
наш человек, оказывается.
Храбрился [авахи] перед тем,
кого мог победить,
перед по-настоящему сильным сразу сник...
...А наш человек, мата
по имени Иркиничэн, ездящий
на диком олене со свежеоголенными рогами,
за время [боя] ни разу не дал
задеть свое здоровое тело
ни когтям,
ни зубам авахи.
Когда сильный авахи
ударял его сверху
своей ручищей,
подобной сосне с тремя трещинами,
он отскакивал в сторону.
Если [авахи], нацелившись, ударял снизу,
он над ним подскакивал.
Если [авахи] справа замахивался, –
[Иркиничэн] подскочив,
слева бил его в челюсть,
так, что она от удара щелкала.
Если [авахи] слева замахивался –
[Иркиничэн] заходил справа,
ладонью давая ему затрещину.
Вот тот огенга, который сам захотел, чтобы
без всяких хитростей,
одной своей
собственной силой
попытались они одолеть друг друга,
оказался слабее [Иркиничэна].
Настал день, когда
пришлось ему пожалеть [о том].

А здоровое тело
богатыря-аи
нигде не было задето.
От чего ему было устать?
Авахи был побежден,
на большее его уже не хватало.
После этого –
наш человек сказал так,
[такая] речь его была, говорят:
«Угэлэ-угэлэ угэндэр!
Посмотри-ка, посмотри-ка,
авахи Нижнего мира,
четырехгранный
Сэлэмэ Дэвиндэр-богатырь!..
...Ты [не] скажешь, что я напал
на храброго человека, его не известив,
ты [не] скажешь, что я убил
сильного человека, его не предупредив!
Ты на словах силен.
Я ждал, что позднее
ты начнешь [крепко биться],
но мощи твоей не прибавилось...
...Ты сам говорил:
«Только победивший останется», –
разве не так ты говорил?
И вот я победил,
а ты погиб, пропал!
Пока ты еще жив,
надень погребальную одежду,
пока ты еще дышишь,
скажи свое завещание,
пока ты еще в силах,
позови погребального оленя,
попрощайся на долгие годы
со светлым днем,
с родной землей!
Угэлэ-угэлэ угэндэр!» –
сказал наш человек, мата,
по имени Иркиничэн, ездящий
на диком олене со свежеоголенными рогами.
После этого –
сын авахи [сказал]:

«До чего же
обидны слова
этого эвенкийского выродка!» —
сказав так, он хотел сунуть
под нос человека-аи кукиш,
не дотянулся —
и упал ничком.
Тут [Иркиничэн] вбил его
в мерзлую землю
на глубину в девять саженей.
Ножичком с лезвием в четыре пальца
перерезал ему горло,
даже не стал ждать
его прощальных слов.
Сын авахи,
едва разевая
свою пасть,
кое-как выдавливая слова,
отрывисто дыша,
заговорил так:
«Кингир-кингир кингирдэнин!
Эвенк-аи Иркиничэн, ездящий
на диком олене со свежеоголенными рогами!
Не зря прославилось твое имя,
не зря распространилась о тебе слава.
Ты и вправду сильный богатырь-мата.
В этой битве я не был тебе [равным].
Сейчас меня победив,
не слишком своей победе радуйся.
Если трижды меня победишь,
[тогда] скажешь, что победил.
Ты меня одолел,
но мы с тобой еще раз испытаем судьбу,
увидим, кто победит,
когда мальчик, твой сын,
начнет пускать стрелы,
когда девочка, твоя дочь,
начнет кроить ножницами!
Кингир-кингир кингирдэнин!» — сказал он.
Моргнул единственным своим глазом, —
красный огонек из его глаза,
как искра, взметнулся вверх,

неизвестно куда долетел –
пропал.
Этот огенга опять убежал
с помощью своей невиданной хитрости.
[Наш человек] подумал: «Решит судьба,
упавшая на зеленую траву».
Кости огенга
играючи он [разобрал] по суставам;
голову его огромную оторвав,
поиграл ею, катая по обледенелой горе.
На черные тучи высокого неба
играючи разбрызгал черную кровь
из его огромной спины,
из реберных его костей
играючи поставил остов чума;
кости его позвоночника
бросил на галечник;
голенные его кости
спрятал в расщелину горы.
Огромную кость лопатки
засунул среди отвесных скал,
между камнями.
После этого –
наш человек
взглянул на храброго Содани-богатыря.
От него
не осталось и кусочка мяса,
одни кости
лежали, громоздясь.
Увидев это,
сильно огорчился [Иркиничэн], подумав:
«Если он был таким [слабым],
почему прославилось его имя,
разошлась о нем слава?»
После этого –
долго не задерживаясь
к младшей сестре своей по имени
красивая девушка Аякчан Ивекчан,
к молодой девушке
он пришел, хотел на нее посмотреть.
Рысья подстилка была [на месте],
лисье одеяло,

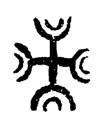
соболья подушка,
а самой сестры вовсе не было.
Верхняя часть утэна сестры
наполовину разрушена.
Увидев это,
Иркиничэн-мата
опьянел без араки,
хоть не пьян, с ума сошел,
туда-сюда забегал [думая]:
«Какое невидимое,
хитрое, как уходящая туча,
существо-авахи,
коварное, как убегающая туча,
существо-огенга,
пришло и увело [сестру]?»
Храброго Содани-богатыря
родной реки
от ее истока до устья,
с обеих ее сторон, [все] горы,
не пропуская, он пробежал –
ничего не узнал.
После этого –
снова вернулся к утэну.
Разрушенный утэн рассмотрел хорошенько.
На одной из его опор
следы трех когтей оказались.
«Откуда прилетела
эта птица?» – он подумал,
внимательно присматриваясь.
В сторону заката солнца
улетела птица, оказывается.
Рассмотрев следы,
(разве в сказке долго тянется?) –
наш человек
по имени Иркиничэн-мата, ездящий
на диком олене со свежеоголенными рогами,
раза два прохоркал
своему дикому оленю
со свежеоголенными рогами.
Его дикий олень со свежеоголенными рогами
прискакал, как прилетел,
встал перед ним, красавец, –

прежде чем взглянув, моргнешь,
прежде чем вдохнув, заговоришь.
Словно спрашивая: «Что случилось?» –
обоими ушами прядал,
туда-сюда принюхивался.
Словно подзывал: «Иди сюда», –
приблизился.
Не с чем было его сравнить,
невиданно красив он был!
Славный дикий олень
                    со свежеоголенными рогами
с виду удивительно был красивым.
Он был как налитой,
ни одной ямочки на нем не было.
Будто дунули [на его шерсть],
до того он был гладкий.
У него от рождения были
серебряное седло
с подпругой, украшенной
                    оловянными [накладками],
подседельником из лучшего соболя,
витой серебряный поводок.
                    После этого –
Иркиничэн-мата, ездящий
на диком олене со свежеоголенными рогами,
вскочил на оленя со свежеоголенными рогами.
Над храбрым Содани-богатырем,
над костями его проезжая,
засунул кости брата в карман.
Своего верхового оленя
он разогнал,
направив его
к родной земле-матери,
к самой ее середине,
именуемой Букиндек-гольцом.
Не задерживаясь,
тотчас к своему чуму-жилищу,
к огню-дедушке прибыл.
Подойдя к двери чума, дверь открыл.
[Женщине], которой в год [от роду]
                    суждено было стать его швеей,
в два года – хозяйкой его чума,

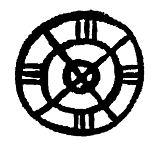
в три года — его собственной женой,
такие слова он говорил:
«Угэлэ-угэлэ угэндэр!
Солкондор-красавица
с девятисаженной волнисто-
шелковистой косой, почитаемая
подруга моя, прими привет!
После этого —
если спросишь:
«Как сходил?» — то [отвечу]:
«Старшего брата, родного брата моего,
храброго человека Содани-богатыря,
которому по жидкой крови его суждено было
стать хозяином этой Средней страны-матери,
по крепкой крови его предопределено было
стать предком людей,
этого человека со счастливым
предназначением,
убил играючи
нижний богатырь-огенга.
Придя туда,
одной своей силой,
сам я одолел
могучего богатыря Нижнего мира,
четырехгранного богатыря
Сэлэмэ Дэвиндэра.
За один год
я с ним покончил.
Силы его истощились,
я увидел его последние судороги,
растянул его сильные жилы,
вытянул его крепкие жилы,
искалечил его жесткое тело,
сломил его молодую силу,
остановил гнусные мысли,
прервал тяжелое дыхание,
разодрал толстую кожу,
разворотил его утробу,
пролил его густую кровь.
Раскидал его мелкие кости,
разбросал его длинные кости,
поиграл на ледяной горе,

подбрасывая как ядро его чугунную голову.
После этого –
я решил взглянуть на
младшую сестру, родную сестру мою.
Половина ее утэна
напрочь была сорвана,
в сторону заката солнца
ее унесли, оказывается.
Сильнейший
из когтистых,
коварный оборотень,
могучий грабитель,
самый прожорливый,
отец убийц
сам [унес]
ну, милая, почитаемая подруга моя!
Поскорее приготовь
богатырскую пищу!
Направляясь вдаль,
поем-ка я сытно!
Перед большим походом
наберусь-ка я сил!
Пришла пора
сразиться с силачами,
схватиться с огенга
пришло время.
[Вот] жребий,
выпавший мне на этой земле,
на земле-матери
с вечнозеленой шелковой травой,
под лучистым солнцем...»

Записал в 1971 г. исполнитель сказания Н. Трофимов
(пос. Кутана, Алданский р-н, Якутия).
Перевела А. Мыреева
Печатается с сокращениями



Эвены



БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ ЭВЕНА

Сказка

К природе (местности)

Ну вот, бабушка-земля, от просторов бассейна Яны-бабушки, издревле названной так, от матери жителей долины (якутов) я приехал. За ее теплой пазухой я, бедняжка, укрывался и приехал. Приехал сюда, где впервые увидел белый свет. Мать моя родная, кланяюсь я тебе, бью челом, по твоему наряду зеленому хожу. Размером с ноготь монеткой свой приезд отмечаю (дарю тебе). Если бы ты направила свой взор под черными золотистыми бровями в мою сторону, я был бы полон радостью неизмеримой.

Вот и все, что я хотел сказать. Только не сердись на меня, поскольку лицо мое не имеет облика достойного, вены мои крепким узлом завязаны и легкие мои видны насквозь, все это, конечно, ты сама видишь, матушка. Увидев мой поклон, достигающий до земли, узнав, как я ползу на четвереньках перед тобой, может, и ты отметила бы чем-нибудь мой приезд, чего я буду ждать в течение трех дней, могу ждать и все семь дней.

Ну, вот и все, матушка моя, нечего мне больше сказать. Дети-сироты твои (олени) от истоков твоих и до устья, как вино, бродят. Из своего богатства, если бы ты пожелала, подари нам хоть одного, копыта имеющего. Как было бы хорошо!

К реке

– Всемогущий дух – хозяин всей водной шири, от нас и шума много, и нечистот от нас много. На это ты не обижайся, пожалуйста. Из далекой земли, о прославленном имени твоем услышав, мы позволили себе приехать сюда. Для того чтобы не оборвалась нить нашей жизни, мы из последних сил, так что даже нутро наше прозрачным стало, к тебе устремились. Если бы ты из бесчисленного своего богатства уронил хотя бы одного малька нам на маковку (то есть такого маленького, что он уместится на маковке), мы бы с превеликой радостью схватили (его). Всемогущий дух – хозяин всей водной шири, ведь ты сам прекрасно видишь нас, мы-то сами можем разве что-либо сказать тебе. Поэтому замолчу (буквально – этим закончу). Мы с большой благодарностью оставим тебя в покое, если ты только примешь, не выражая своего неудовольствия тем, что мы хотели бы для поднятия своего собственного духа уделить тебе молоко нашей дойной важенки для омовения им твоего солнцем озаренного лица.

Рассказал В. Атласов
(Догдо-Чебогалахский наслег, Момский р-н, Якутия).
Записал в 1955 г. и перевел В. Лебедев

ОРЛА ЭВЕНЫ НЕ УБИВАЮТ

Сказка

Бог землю создал. В то время земля была не такая, как сейчас: одни камни горелые, песка даже не было. Где его взять? Надо за песком на самый край света отправляться.

Бог вызывает гусэтэ – орла:

– Ну-ка, слетай за песком. Как его притащишь – не мое дело. Чтоб был песок, и все тут.

Орел улетел на край земли. Увидел там песок. Поднял перья над копчиком, песок туда, как в коробочку, насыпал. Обратно прилетел, принес песок. Бог и рассыпал его по земле. Где были камни – образовались холмы. На них лес вырос, тайга.

Вот почему эвены не убивают орла. Грех это.

Теперь, правда, если орел нападает на олененка, пастухи в него стреляют. Потом вырезают у него из-под крыла кусок мяса, кладут ему в клюв – в знак того, что гусэтэ сам виноват в своей гибели.

Гнездо орла разорять нельзя – орел этого не простит.

Если орел убитого оленя расклевал и оставил перо из своего хвоста (сам бросил перо – в благодарность за пищу), то человек, нашедший это перо, всю жизнь будет богатым.

Рассказал сказитель Г. Афанасьев
(с. Арка, Хабаровский край)

ПЕРВЫЙ ОЛЕНЬ ОТ ДЕРЕВА РОДИЛСЯ

Сказка

В старое время, когда появился человек, пошел он в густой лес около двух речек. В лесу большие лиственницы стоят, толстые – в три обхвата. По той стороне ствола, что на солнечный восход смотрит, много смолы течет.

Вдруг слышит: ап-ап-ап... Человек остановился: откуда такой звук? Вроде бы никого нет. Лес кругом. Туда-сюда походил – слышно. По кругу пошел – опять: звук слышно, а никого нет. В глубь леса решил идти, в середину. Там самое большое дерево стоит. На солнечной стороне ствола – трещина. Смола из нее сильно течет. И торчит из трещины подобие головы теленка: носик есть, ротик. «Не буду трогать», – решил человек. Домой пошел.

Через год вспомнил: удивительное видел. На то же место пришел. Из трещины на стволе теленок до половины туловища вылез, передние копытца видно.

Еще через год пришел человек к той лиственнице: о-о, задние ноги у теленка уже из трещины вылезли. Это весной было, а осенью увидел человек: возле дерева олень ходит. Вот – лежит олений теленок, рогов еще нет, шерсти нет. Человек вокруг обошел – не убегает олешек. Как же так – не убегает? Три раза его обошел. «Пускай лежит», – решил. Домой вернулся.

Новой весной пришел человек к олененку. У теленка нютукэ уже рожки вылезли, шерсть черная появилась, как проволока скрученная. Потом появился каким-то образом и другой олень. Наверно, другое дерево было рядом. Тот, первый, был важенка, этот – бычок. Стал человек их приручать. Оказывается, они соль любят, рыбу любят. Через два года важенка отелилась. Так стадо получилось.

Смоляного теленка нютукэ зовут, обычного – энкачан. Есть поверье такое: кто убьет нютукэ – будет сильно богатым, много оленей будет добывать. Только нютукэ трудно убить.

Рассказал сказитель Г. Афанасьев
(с. Арка, Хабаровский край)

ЛИСА И МЕДВЕДЬ

Сказка

Лиса бегает совсем одна. Вдруг видит – люди подстрелили медведя. Медведь, больной, идет. Лиса подбегает к нему:

– Дедушка, что у тебя болит?

– Меня кочку вместо головы имеющие подстрелили. Ты не шаманка? Не пошаманишь мне? – спрашивает медведь у лисы.

– Ладно, дедушка, помогу тебе. Я хорошая помощница, – отвечает лиса. – Пойдем туда, где есть деревья, где каменная россыпь, там я тебе помогу.

Медведь, больной, идет.

– Лиса, мне совсем невмоготу, когда ты меня лечить начнешь? Скоро ли поможешь мне?

– Дедушка, скоро я тебе помогу. Уже пришли мы. Иди поищи дров!

Она медведя как работника работать заставляет. Больной медведь стал собирать дрова. Сама лиса разожгла большой огонь, большой костер сделала.

– Лиса, что ты делаешь? Ой, как больно стало! – говорит медведь.

– Дедушка, мы еще не кончили, – говорит лиса. – Ты видишь внизу каменную россыпь? Возьми оттуда большой камень. Я положу камень в этот костер и тебе станет лучше.

Медведь, надрываясь, принес большой камень.

– Дедушка, сейчас помогу тебе! Теперь, дедушка, клади этот камень сюда, в костер. А сам ложись. Я этот камень положу тебе на раненое место.

– Когда же камень поможет? Кажется, я умираю! – говорит медведь.

Лиса камень выхватила из костра и, раскаленный, медведю на рану положила.

– Больно, ой, лиса! Ты меня убила!

– Дедушка, ты начинаешь поправляться! Умираешь, умираешь!

– Лиса, что ты говоришь?

– Начинаешь поправляться, говорю.

Обманула она медведя, так и убила. И вот начала его есть.

Тогда другой медведь, услышав о том, как плохо поступила лиса, говорит:

– Ну, я чертовку лису, как найду, убью!

Родича своего защищать решил. Вдруг ему навстречу лиса бежит. Вот медведь идет, говоря:

– Наконец-то я тебя вижу! Голову тебе лапой разобью! За то, что ты моего родича замучила. Теперь я тебя убивать буду.

Чтобы бить, медведь лису за основание хвоста схватил. Лисица закричала:

– Дедушка, не хватай меня за хвост, немножко сзади схвати! А то я солнце спрячу, темноту устрою. Выпусти! Выпусти! А то солнце спрячу!

Медведь, испугавшись, выпустил лисий хвост. Рыжая лиса побежала, смеется:

– До чего же глупый медведи-ще! Хи-хи-хи!

Смеется над тем, как она его обманула.

Все.

Рассказала А. Слепцова (Омолон, Чукотка).
Записали в 1982–1985 гг. Л. Большакова, А. Хардани.
Перевел А. Бурыкин.
На русском языке публикуется впервые

ЧЕЛОВЕК И МЕДВЕДЬ

Сказка

Богатые эвены-орочи живут. Снег начал падать. Один человек в одиночку на охоту пошел. Вдруг пурга поднялась. Человек заблудился, бродит, блуждает. Кто его в пургу искать пойдет? Ничего не видно.

«Ну, вот я уже погибать начал!» – думает про себя человек.

Видит он большой куст кедрового стланика. И там в той стороне чуть дальше вход чернеет. Человек смотрит: «Войти туда, что ли, чтобы там погибнуть? А, пусть погибну, войду-ка!»

Только начал входить, вдруг кто-то его спереди втаскивает в дом. А это, оказывается, медведь.

«Сейчас он меня съест», – думает человек.

Медведь его возле себя положил. Ох и тепло же! Там человек жить остался. Лежит, лежит себе, а возле него медведь лежит и спит.

Медведь, голову человека захватив, своей правой лапой ухо его накрыл. Человек слышит, как у него дома разговаривают:

– Куда же он ушел? И искали мы его, перестали уже искать.

Плач его жены и детей слышится.

Вот медведь на другой бок перевернулся. Спят они и спят. И тогда медведь, взяв голову человека, левой лапой ухо его накрыл. Послушать ему дает. А там люди нехорошо ругаются:

– Мы медведя не боимся. Спокойненько его убьем. И съедим!

Медведь, рассердившись, даже свернулся. Дальше человек слушает, а там такой разговор послышался:

– Возьмем их с собой. Позовем.

Они двух шаманов взяли. Уже новый месяц наступил. Опять медведь голову человека взял, послушать дает.

Вот шаман камлать – шаманить начал, и говорит:

– Мы его живого видим! Он живой!

– Как же он живым будет! Он же почти голым ушел, когда снег только-только падать начал, как он выживет?

– Он живой!

Ох! Начали они браниться. Передового оленя того человека забили (как полагалось поступить с оленями умершего).

Ладно. Человек у медведя живет и живет. Ох, до чего же голодно стало! И печень, и живот у человека заболели. Тогда медведь человеку рот своей лапой накрыл. И опять они уснули.

Вот уже тепло стало. У медведя в доме дверь открылась. Человек через дверь медвежьего дома наружу вылез, снаружи сел и сидит. Смотрит, куда бы ему спрятаться. А медведь выйдет, войдет назад в дом, ляжет и опять выйдет. Потом сядет возле двери и смотрит на человека. И вот, человека за руку взяв, осторожно дальше повел. Ох! А вокруг уже проталины появились. Медведь своей лапой махнул. А человек все равно стоит. Тут человек с руки перстень снял, от нижней рубахи-дудыка кусочек оторвал и на шею медведю повязал.

А медведь сел и сидит, не поднимаясь, потом заплакал. Пошел человек, оглядываясь, на вершину небольшой сопочки поднялся, смотрит: «Да это та же земля, откуда я в прошлом году блуждать начал». Пошел он.

Вглядывается внимательно – остов юрты заметил. На дереве рога его оленя висят. Там в окрестностях жить стал, наконец, след кочевки нашел, верхние жерди юрты с метками-стружками. По тому следу пошел.

Оленей увидел. Их два человека пасут. Вдруг они бросились бежать мимо оленей, побежали к домам. Там начали кричать, извещая всех:

– Тот, кто пропал в прошлом году, сейчас пришел!

– Какой ужас! Не смотрите на него!

– Это он пугает нас, как злой дух!

Человек говорит:

– Я не пугаю, как злой дух! Не бойтесь.

Люди смотрят – он совсем как живой человек. Тогда тот человек в свой дом вошел, там жить стал. Соседи по стойбищу пришли. Один шаман говорит:

– Пошаманю-ка я сейчас.

Шаманит-шаманит, потом говорит человеку:

– Теперь ты, если твои родичи пойдут на медвежью охоту, никогда с ними не ходи.

Стал тот человек жить с людьми. Летом, когда он идет

заготавливать кету, медведи приходят рыбу есть и ему оставляют рыбы.

Много лет прошло. Однажды, когда уже снег падал, люди пошли охотиться на медведя. И того человека зовут, настойчиво зовут с собой. Тогда тот человек говорит своей жене:

– Они уже для меня верхового оленя привели к дому. Ладно, теперь я уже состарился, пойду-ка потихоньку. Вечером ты моего возвращения не жди. Не выходите ждать меня.

Люди пошли, и тот человек за ними.

Вход в дом медведя окружили. Вдруг оттуда медведь выскочил и на того человека набросился. Тут тот человек и погиб.

Рассказал П. Зыбин
(с. Тахтоянск, Магаданская обл.).
Записали в 1982–1985 гг. Л. Большакова, А. Хордани.
Перевел А. Бурыкин.
На русском языке публикуется впервые

ОЙЕ-КОСАЛАН

Сказка

Жили когда-то пятеро братьев. Четверо охотились целыми днями, а младшего – Ойе обычно оставляли в юрте.

– Возьмите меня с собой, – просил иногда Ойе, чуть не плача.

– Сиди дома, – отвечали братья. – Зверей только пугать будешь.

Но как-то старший брат пожалел Ойе и говорит ему:

– Иди вон в тальнике петли ставь на куропаток.

Ойе обрадовался, быстренько натянул прохудившиеся торбаса, даже тесемок не завязал. Сначала побежал без лыж, но так по глубокому снегу далеко не уйдешь. Вернулся, разыскал старые лыжи, покоробленные, потрескавшиеся и без камусной обтяжки. На ходу они скрипят жалобно-жалобно. Пока добрался Ойе до тальников, несколько раз уткнулся носом в снег, так как лы-

жи совсем не скользили. А тут еще ремешки на креплениях рвались на каждом шагу.

Поставил Ойе петли и каждое утро ходил проверять их. Но куропатки почему-то все не попадались.

И вот однажды охотник увидел в петле куропатку. Обрадовался Ойе и удивился – ведь такие куропатки водятся высоко в горах, а петли были поставлены в долине.

– Не убивай меня, Оиндя, отпусти! – заговорила вдруг куропатка человеческим голосом.

– Вот выдумала! – заявил Ойе. – Первую добычу да отпустить.

– Отпусти, – просила пленница, – а я сделаю так, что ты удачливее братьев будешь охотиться.

Подумал Ойе, а потом говорит:

– Ну, ладно. А как ты это сделаешь?

– Слушай. Найди в лесу раздвоенное дерево с рогулиной и перепрыгни через эту рогулину. А там сам увидишь...

Отпустил Ойе куропатку. А сам пошел в березовый лес, нашел нужное дерево, разогнался и прыгнул через рогулину. Зацепился при этом лыжами и свалился головой в сугроб.

Встал, отряхнулся, осмотрелся – и сам себя не узнает: верхняя одежда на нем новая, передник расшит красивыми узорами, а на торбаса даже больно смотреть, такие они белые. За плечами у него оказался лук со стрелами, а в руках копье-посох. И стоит он на лыжах, обтянутых мехом выдры.

Лыжи будто сами понесли Ойе, только шорох слышится в притихшем березняке. Кажется, не лыжник идет, а ветер по лесу гуляет (потому его и стали называть потом Ойе-Косаланом).

В тот день он убил много диких оленей. Только к вечеру вернулся домой. Перед этим перепрыгнул через рогулину и превратился в прежнего Ойе.

А братья в это время обсуждали, как завтра пойдут сватать себе в жены пять сестер из соседнего стойбища. Они уже давно ходили туда, возили сестрам мясо.

– И Ойе надо женить на младшей, – сказал один из братьев. – Не мешало бы подыскать ему одежонку поприличнее, а то стыдно смотреть.

– Братья, – вмешался в разговор Ойе, – оленей, которых я убил, тоже возьмите в подарок.

– Что, что?! Ха-ха-ха!

Смеются братья, думают, что Ойе шутит. А потом старший говорит:

– Не выдумывай. Завтра сиди дома, а то еще замерзнешь.

Утром братья уехали. Ойе побежал в лес, прыгнул через рогулину – и вот в лесу только шорох слышится. Это Ойе-Косалан на охоту спешит.

А братья привели сестер, которые стали их женами, а вместе с ними и жену для Ойе – младшую сестру Иликкая*.

Уже стемнело, а Ойе все нет.

– И где он до сих пор пропадает? – недоумевают братья.

Тут Ойе заходит. Мороз был крепкий, и он промерз до костей в рваной одежде. Сразу к костру присел, протянул к огню ноги в старых торбасах – окоченели.

А Иликкая, как увидела его, спряталась за пологом. Ну и муж ей достался!

Ойе взял с шеста кусок полукопченого мяса и грызет. Посмотрел на братьев и их жен и спрашивает простуженным голосом:

– А мне жену привезли?

– Иликкая, выходи! – позвали девушки сестру.

Та ни звука.

Так и не согревшись как следует, Ойе полез в кукуль, сшитый из шкуры оленя, сплошь продырявленный личинками овода. Дыр в кукуле было что звезд на небе. А Иликкая так за пологом и осталась.

– Братья, – говорит утром Ойе, – вчера я убил десять диких оленей. Жена, поезжай за ними, найдешь по моему следу.

Иликкая уехала. К вечеру она не вернулась, и утром Ойе пошел искать ее.

Добрался он до того места, где оставил туши оленей. Видит, Иликкая поехала дальше. «Убежала... Ну, погоди, я тебя все равно догоню», – подумал Ойе.

Прибавил он шагу и вот взобрался на гребень горизонта.

Вдалеке заметил беглянку и запел о том, что напрасно

* Иликкая – яркая звезда. Так у эвенов называется Венера.

девушка думает, убегая от Ойе, будто найдет себе счастье где-нибудь. Только с ним она его найдет.

Услышала Иликкая, что Ойе гонится за ней, рванула сильней уздечку, и верховой олень поскакал пуще прежнего.

Три горизонта неба прошел Ойе, а девушка все далеко. Наконец ее верховой упал замертво. Иликкая своим нёри* ударила по рогам оленя, и сама стала молодой важенкой.

А Ойе уже близко. Поет:

Иликкая-асикая,
дони, дони, дони,
ведь зря ты скачешь, как олень,
дони, дони, дони.
Все равно тебе не уйти,
дони, дони, дони,
от Оинди-Косалана,
дони, дони, дони.

Снова Ойе отстает от девушки. Побежал он тогда к дереву с рогулиной, прыгнул через нее. И вот уже несется на лыжах, обтянутых мехом выдры, – сзади только ветер свистит. Настиг Иликкаю. Выхватил рябиновый прут и давай охаживать ее по бокам.

Еще дальше прошли, добрались до края земли и повернули назад. И вот уже всю землю кругом обошли. Девушка-олень совсем выдохлась. Пожалел ее Ойе-Косалан, неподалеку от юрты отстал и вернулся за тушами диких оленей.

Кое-как добравшись до юрты, Иликкая снова превратилась в девушку. Запыхалась, еле дышит.

Сестры спрашивают:

– Что ты так долго? Ойе, твой муж, пошел искать тебя.

Ничего не ответила им измученная девушка.

К вечеру в юрте собрались все ее обитатели. Вдруг слышат звон бубенцов. Выходят и видят незнакомого, нарядно одетого юношу, который ведет десять оленей, навьюченных мясом. Пригласили его в юрту.

---

* Нёри – посох девушки, который она вручает тому, за кого согласна выйти замуж.

– А не в жилище ли Ойе я попал? – спрашивает незнакомец. – Говорили, что у него и жена есть – красавица Иликкая.

Иликкая, застыдившись, спряталась за пологом, затаилась.

Перед сном братья просят:

– Прохожий-мата, ты, видно, из далеких мест приехал. Расскажи что-нибудь.

И незнакомец стал рассказывать о том, что жили пятеро братьев, четверо ходили на охоту, а младшего Ойе не хотели брать с собой, о том, что тот поймал в петлю куропатку и она своим волшебством помогла ему стать добрым охотником, и о том, как он гонялся за женой, которая от него убежала.

Поняли тут все, что незнакомец и есть Ойе. Иликкая вышла из-за полога и вручила ему свой нёри.

Записал В. Лебедев

ЭЛЕ – ХРАНИТЕЛЬ ЭДЕКА

Сказание

I

С людьми это было,
с оленями было:
еще не рождалась
легенда, но чудо
уже приближалось,
не знаем откуда...

Беднейших, наверно, беднее,
зато молодых помоложе
Эле́ – человек безоленный,
Огда́ – его юная женка.
Когда полюбили друг друга,
то зажили жизнью одною.
Зимою и летом носили
бессменную обувь, одежду

они никогда не меняли –
лоснились потертостью кожи,
сверкали плешинами шкуры,
но старый, ободранный, ветхий
их чум не сдавался стихиям.

Им выпало счастье – в наследство
дал сыну оленя родитель,
а внучке от бабушки тоже
олень был дарован. Остались
Эле и Огда молодые
одни, без родных, но со стадом:
два целых оленя – богатство!

Эле уходил на охоту,
и если удача бывала,
то он добывал куропаток
иль дикого – редко! – оленя.
Огда собирала коренья
да ягоды в ближних чащобах,
хранила огонь на становье
и мужу в трудах помогала.
Так жили они, еле-еле
от голода не умирая,
но двух своих тощих оленей
жалели, пасли где получше –
хранили, как память о старших,
и в самую тяжкую пору
зарезать на мясо не смели...
А дни пролетали за днями,
за годом года проходили.

Однажды, когда разгулялась
весна и окрестные реки
разбили кору ледяную,
чтоб звонко разлиться на воле,
Эле и Огда, как ведется,
устроили перекочевку
из леса на ровную молу –
на чистое место, где ветры
от стад комарье отгоняют.

Поставили чум и пустили
оленей пастись в отдаленье,
усталые, сами пораньше
легли отдыхать. Если сразу
уснула Огда, то с ней рядом
Эле и не спит, и не дремлет.
В ночи ему чудится топот
оленей, что сгрудились в стадо:
копыт костяное звучанье,
рогов костяное шуршанье
и хорканье ярых итэнов –
двухлетних быков крепкорогих.
Как будто бы к ветхому чуму
сошлось непомерное стадо.
Все ближе, все ближе олени:
вот-вот и подступят к становью,
вот-вот и по чуму пройдутся,
вот-вот и растопчут... Поднялся
Эле – и увидел, что пусто
вокруг. Никого возле чума,
кругом тишина и пустыня...
Эле задремал, но, как прежде,
увидел во сне и услышал
все то, что и раньше блазнилось,
являлось и, как наважденье,
томило его, наступало...
Так – много ночей повторялось.
Эле удивлялся, боялся
и пел, чтоб отстать от видений,
и песней от снов отрешался:
«Однако, что за диво,
однако, что за чудо,
однако, жил счастливо,
однако, жил не худо,
однако, неужели,
однако, почему же,
однако, еле-еле
живу – все хуже, хуже...»
Он вышел однажды из чума,
взобрался на ближнюю горку –
оттуда увидел такое,
что речи лишился:

как солнце,
вдали непонятное нечто,
совсем неизвестное нечто
сияло, играло лучами,
его золотые оттенки
менялись и переливались,
зовя, ну а больше – пугая.

Придвинувшись ближе к сиянью,
что шло от чудесного нечто,
Эле так и замер, а чудо,
как червь, начало извиваться,
меняя свеченье и формы.
Все так же слепяще сверкая,
оно собралось, подтянулось
и вот! – существо золотое,
скорее всего олененок,
ножонками перебирая,
стоит, головенкой мотает
и тонкие рожки топорщит...

Эле испугался. И в страхе
домой побежал. Но и дома
не смел заикнуться о чуде –
всю ночь он без сна провалялся.
А утром пошел на охоту
и, не доходя до сиянья,
что так же за горкой светилось,
он дикого встретил оленя.
Убил! И, не чуя дороги,
домой побежал. Ободрали.
Сварили желанное мясо.
И жертвенным жиром грудинным
огонь в очаге угостили –
чтоб их не оставило счастье,
чтоб к ним приходила удача...

Эле и Огда ликовали:
впервые почти до отвала
наелись они оленины.
Уснули от сытости быстро.
И только под самое утро

пришли сновиденья: приснился
Эле его старый и добрый
отец. Как живой, он явился.
Был светлым и в новых одеждах.
Прокашлялся, заговорил он
спокойно и мудро, как в жизни:
«Послушай, давай просыпайся!
Послушай, ведь счастье-то – рядом!
Послушай, оно ведь сияет!
Послушай, потоньше веревку.
Послушай, из шкуры ты сделай.
Послушай, пойди-ка ты к чуду.
Послушай, веревку раскинь там.
Послушай, уйди без оглядки!
Послушай, будь в чуме две ночи.
Послушай, потом заберешь ты,
что станется там, что увидишь.
Держи это самое в сумке,
окуривай дымом священным,
храни пуще глаза. И это
святынею будет – эдеком:
покуда ты с ним неразлучен,
удачлив ты будешь и счастлив...»
Эле закричал и очнулся.
Проснулась Огда. Но ни в чуме,
ни возле никто не оставил
ни следа... Огда увидала,
что муж ее в страхе, в смятенье –
его уговаривать стала,
ласкать, как больного ребенка,
бодрить. Тут Эле и растаял,
и сам рассказал ей, что видел,
что слышал, что думал об этом –
все, все рассказал по порядку.

Огда рассмеялась счастливо,
щекою к нему прикоснулась,
прижалась и заговорила:
«Наверно, бояться не надо.
Наверно, плохого не будет.
Наверно, мне бабушка в детстве.
Наверно, не раз говорила

о том, что эдек существует,
что счастье нет-нет и приходит.
Будь смелым! И слушайся старших.
Не дай короедам сомнений
тебя источить. Ты исполни
отцовский наказ – испытаем
судьбу...» –
и Огда целовала,
и гладила, и обнимала
Эле своего. И решился
он сделать, как велено было.

Он выскоблил начисто шкуру
убитого раньше оленя,
размял ее, белою сделал
и мягкой, искусно разрезал –
веревкою целостной стала
та замша, как нитка, струилась
в руках его ловких. А после
возжег он священные травы,
досыта очаг накормивши
почтительным жертвенным дымом.
Поверил в удачу. Лишь после
пошел через гору к эдеку,
который все так же светился,
как малое солнце земное,
в окрестности распространяя
свое золотое сиянье.

Знакомой тропинкой пробрался
Эле к заповедному месту,
эдек обошел в отдаленье.
Эле, хоть и боязно было,
круги постепенно сужая,
все ближе, все ближе к эдеку
раскладывал петли веревки –
его окольцовывал плотно.
А в центре витков этих частых
эдек неподвижен был, только
гасил потихоньку свеченье –
лежал, беззащитный и слабый,
как будто бы новорожденный,

больной олененок, но ростом
почти со щенка, и ножонки
поджал под себя, и подставил
рога неокрепшие солнцу, –
участье к себе вызывал он
и нежность... Эле поскорее
исполнил, что нужно, и тотчас
пошел без оглядки обратно.
Но как оглянуться хотелось,
но как возвратиться хотелось!..
Однако же не возвратился
и не оглянулся. Но в чуме
упал и уснул как убитый –
без просыпа спал он две ночи,
два дня: будто бы возвратился
живым, невредимым, счастливым
из долгой, опасной дороги...

Когда же Эле пробудился,
то сразу почуял, что время
ему возвращаться к эдеку –
исполнить наказ. Он взобрался
легко на знакомую гору
и замер: сиянье исчезло,
свеченье не переливалось
и не было чудного света...
Эле в огорченье воскликнул:
«Однако, куда он девался?
Однако, наверное, птицы.
Однако, его утащили.
Однако, наверное, волки.
Однако, его растерзали.
Однако, зачем он, кому он
понадобился – эдек мой?..»

Но вот пригляделся – и видит,
что чудо осталось на месте,
но как изменилось! Все там же
эдек оставался, но только
веревкою весь обмотался –
стал вроде катушки для ниток,
что смотаны быстрой рукою.

Обмотка сиянью мешала
струиться, как прежде, вольготно...
Схватил он моток заповедный,
почувствовал, как он удобен,
как легок и мягок. Скорее
понес его к чуму. Вручил он
Огде драгоценную ношу,
и та обернула эдека
свежайшей травой шелковистой,
и в сэрук – особую сумку –
нежней, чем дитя, уложила,
и дымом багульника щедро
окуривала, чтобы почуял
эдек и заботу людскую,
и ласку, и даже почтенье...

II

С людьми это было,
с оленями было:
коль счастье искали,
удачу нашли,
то, значит, и горе
маячит вдали...

С тех пор по всему Верхоянью
оленьи стада умножались,
и было оленей так много,
что хищники трогать не смели
ни важенку, ни олененка –
могучих быков опасались.

Удачлива стала охота:
все звери долин и нагорий
к Эле подходили под выстрел –
как будто бы сами старались
поддаться ему. И в округе
все люди об этом прознали,
в чудесную силу эдека
поверили чистой душою –
один за другим потянулись

к Эле и Огде. Их встречали
радушно, сажали в застолье
и всех угощали: что было
в запасе, гостям не жалели.

Немало родных объявилось
у наших супругов в далеких,
неведомых раньше становьях –
и сами они приходили,
и родственников присылали.
Поставят поблизости чумы
и к здешним оленям подпустят
своих, истомленных дорогой, –
глядь, через какое-то время
олени поправятся, станут
плодиться и вот уже стадо
к хозяйскому чуму приводят...

В ту пору людей безоленных –
сирот, бедняков иль увечных –
немало водилось. И всех-то
Эле и Огда принимали:
дарили им свежих оленей,
вблизи очага согревали,
ссужали добротной одеждой,
кормили, учили, лечили –
встать на ноги всем помогали.

Эле и Огда ликовали:
становище их разрасталось.
Когда поутру просыпались
оленные люди, то сразу
вставали дымы над долиной,
а дым – это чум. Сосчитать их
нельзя: так пустые просторы
эвены теперь населяли.
А все из-за той благодати,
что к людям пришла от эдека –
от жизненной силы волшебной.

Когда на пастьбу собирались,
когда собирались на ловлю

оленные люди, то с ночи
Эле им в дорогу оленя
особенно жирного резал –
всех щедро одаривал мясом.
«Ой-ой, – говорили. – Не надо!
Ой-ой, столько мяса – зачем нам?
Ой-ой, нас добыча прокормит.
Ой-ой, свеженина прекрасна,
но мы без нее обошлись бы...»

Эле их не слушал и в сэрук
накладывал мяса и жира
до самого верха, притворно
ругая сородичей скромных:
«Однако, наешьтесь в дорогу.
Однако, в сугробах нелишне.
Однако, согреться едою.
Однако, трудиться придется
ночами и днями – откуда
вы силы тогда наберетесь?..»

Когда же с охоты и с пастбищ
домой возвращались, то так же
Эле накормить их старался,
Огда обогреть их спешила,
как будто бы все они – братья,
как будто бы все они – сестры.
И так же, в ответ на заботы,
оленные люди считали
Огду своей старшей сестрою,
Эле – старшим братом – обычай
велел подчиняться старейшим...
Обычай в те дни соблюдался.

Когда над опавшей листвою
поземка кружить начинала,
Эле собирал неимущих –
всем шкуры давал для одежды,
чтоб стужи они не страшились.
Он сам и следил, чтобы шили
добротно и ладно, – и славил
труды мастериц. А носящих

с зимой поздравлял и с обновой:
встречающий новую зиму,
по мысли Эле, был обязан
встречать ее в новой одежде –
из новых мехов, да и шита
должна быть, и вышита тоже
лишь новою, яркою ниткой.

И так повелось! – отмечали
пришедшую зиму обновкой:
одеждой из черного меха
встречали здесь первую зиму,
из белого меха – вторую,
из серого – третью, а пестрым
встречали четвертую зиму, –
и так же, в таком же порядке,
все это потом повторялось.

А сколько повадилось в гости! –
считалось почетным приехать
к Эле и Огде... Узнавали
о госте еще издалека.
Заранее дверь открывали,
медвежьими шкурами густо
порог устилали. Оленей
гостям распрягать не давали –
их сами пускали кормиться.
А в чуме уже не медвежьи,
но лисьи и заячьи шкуры
стелили и гостя сажали
на место почетное – в центре.
Гость должен быть важен, вальяжен,
обязан был не торопиться
куда-нибудь ехать отсюда,
пожить здесь обязан был вволю.
А коль отъезжал, то в дорогу
Эле ему в стаде отловит
и сам запряжет быстроногих,
выносливых самых оленей.

Так дни пролетали за днями,
за годом года проходили.

Эле и Огда постарели –
ушли от них резвость и сила,
пришли к ним болезни и немощь.
И как-то в осеннюю пору
Огда умерла... Горевали
и в ближних, и в дальних становьях –
приехали, чтобы в несчастье
Эле ободрить, чтобы горе
его разделить, а печали
развеять. Но был безутешен
Эле – молчалив и растерян.

А в это же самое время
вдали, за большими горами,
жил старый богач, обладатель
огромнейших стад. Называли
Чусуком его. Он прослышал
о том, что с Эле приключилось –
и черная зависть к удаче
проснулась в печенке Чусука:
он сам бы не прочь похваляться
несметным оленным богатством,
он сам бы хотел быть известным
и в ближних, и в дальних становьях,
чтоб все лишь о нем говорили,
чтоб все лишь его восхваляли.

Он всем говорил, что поедет
к Эле, чтоб утешить в печали,
и тронулся в путь, но другие
намеренья в тайне держал он.
Подъехал Чусук и увидел
оленей чужих: будто поросль
лесная, рога их качались,
когда проходили по склону
и ягель копытили. Зависть
опять шевельнулась в печенке –
Чусук задрожал, ощущая,
что слюни текут: так собаки
несдержанны, пищу завидев...
Он двинулся к чуму, а там уж

Эле его встретил приветно,
за стол усадил, и беседа
меж ними пошла. Угощенье
разлиться речам помогало.

Чусук был заботлив и вежлив,
Эле поддавался на эти
притворные знаки вниманья
и сам откровенничал с гостем:
«Однако, уж год без жены я.
Однако, мы жили счастливо.
Однако, нам жить бы да жить бы.
Однако, я помер бы с горя,
когда бы не добрые люди –
такие, как ты, и другие:
вы мне доброты не жалели...»

Хитрее лисы был в беседе
коварный Чусук: он старался
к Эле подольститься, но чтобы
тот сам бы попался в ловушку:
«Понятно, мы старые люди.
Понятно, наш век укорочен.
Понятно, что надо продолжить
свой род и земные заботы.
Понятно, коль сам ты бездетен,
то взял бы приемыша в чум свой.
Я знаю такого парнишку:
умен, работящ и отзывчив,
а родичи все перемерли...
Я сам размышлял: а не взять ли?
Но вроде он больше подходит
тебе – ты добрей и умнее,
чем я: воспитал бы достойней...»

Такие, безвредные с виду,
но очень опасные речи
Эле оказались по сердцу:
«Однако, спасибо, спасибо.
Однако, мне надо подумать.
Однако, жди осенью в гости.
Однако, тогда и посмотрим,

тогда и парнишку увидим...»
И вскоре Чусук отгостился –
в подаренных новых одеждах,
на свежих добротных оленях
домой возвратился, довольный
и гордый, что ловко приманку
в гостях для Эле приготовил,
что ждать результата недолго.

А дома, едва лишь приехал,
он сына отправил к соседу –
отдал, как раба, в услуженье,
и так наставлял на прощанье:
«Понятно, что голод и холод
обязан ты вытерпеть, чтобы
потом быть богатым и сытым.
Понятно, что будешь с наследством.
Понятно, хозяином станешь:
для этого стоит трудиться,
для этого мучиться стоит...»

Сосед у Чусука был беден,
во многом Чусуку обязан,
он этого плаксу приветил,
он неженку к делу приставил –
и в голоде тот поработал,
и в холоде тот потрудился,
пока за весною, за летом
пришла долгожданная осень.

В дождях и недобрых приметах
пришла долгожданная осень –
Эле отправляется в гости
к Чусуку за семь перевалов.
Устал он от жизни. Все чаще
невидимой острой иглою
усталость вонзается в сердце;
не спится, и дышится трудно,
и черные думы приходят:
«Однако, мой день на закате.
Однако, пора собираться
в иную дорогу, в иную

поездку, откуда возврата
ушедшему нет и не будет...»

Недолго гостил у Чусука
Эле – он парнишку увидел,
покорного, в драных одеждах:
исхлестаны травами ноги,
трудами обветрены руки, –
Эле пожалел сиротинку
и взял бедолагу с собою.
Приемыша Айнадом звали.
Был смирным, послушным, проворным,
всегда услужить он старался,
и так получилось, что стал он
родным для Эле. Ну, а вскоре
свершилось печальное: умер
Эле – отошел незаметно
в иные леса и долины,
в иные становья и чумы,
откуда никто не приходит...

И Айнаду вышло наследство –
все шкуры, все чумы, все нарты,
вся утварь, все даже запасы
мехов и одежд и, конечно,
все стадо Эле:
поголовье,
что выросло в доброе время
под солнечным знаком эдека
на пастбищах ближних и дальних –
бессчетное стадо оленье.

III

С людьми это было,
с оленями было:
в борьбе за богатство
нередко злодей
зорил нажитое
и мучил людей...
Еще не успевши наследство

свое обозреть и обмерить,
еще не успев разобраться
в становьях, в стадах и в угодьях,
стал Айнад жестоким и властным,
предстал беспощадным и грубым.
Ни старых, ни малых не стал он
щадить – всех гонял на работы:
на пастбища, в лес, на озера,
как будто бы это не люди,
а тоже имущество.
                    В холод
жалел пастухам он не только
куска завалящего мяса,
но даже истершейся шкуры:
о том, что от голода слабнут,
не думал, а скажут – не слушал.

Однажды, когда, по законам
изменчивой нашей погоды,
пришлось откочевывать, люди
согнали оленей, собрали
в дорогу и утварь и чумы,
но вдруг увидали,
                    что сэрук
с эдеком поднять невозможно:
могучая сила земная
его на становище держит –
как будто бы что-то плохое
в его неподъемности скрыто,
как будто ужасное нечто
должно совершиться в округе.

Замялись, задумались люди,
но Айнад на них раскричался –
как гром среди ясного неба
его повеление было:
оставить тот сэрук на месте,
эдек же спалить на кострище...
От страха и ужаса люди
упали пред ним на колени,
просили, чтоб их пожалел он,
чтоб бед на народ не накликал,

чтоб сэрук с эдеком не трогал,
а выждал бы день иль неделю
и не торопился в кочевье...
Но их не послушался Айнад –
оставил он сэрук с эдеком
валяться на старом становье,
а стадо велел переправить
за семь перевалов к Чусуку.

Так, в шуме и в гаме, оленей
погнали с их пастбищ привычных
к Чусуку за семь перевалов,
и Айнад, веселый, довольный,
к отцу торопился.
И сына
Чусук уважительно встретил.
Сбылись их мечты и надежды:
в их общем владенье оленей,
наверное, стало побольше,
чем в землях эвенов – деревьев.
И здесь, на становье Чусука,
никто про эдек и не вспомнил,
а старые люди боялись
о нем говорить.
Потянулись
обычные дни и работы:
для бедного – двигались тихо,
но быстро неслись – для богатых.
С годами наглея все больше,
Чусук и сынок его Айнад
соседей своих разоряли –
у них отбирали оленей,
самих же в рабов превращали
и гнали на пастбища, чтобы,
голодные, в рваных одеждах,
те им умножали бы стадо,
а сами в тоске и в печали
свой век подневольный влачили.

Но как-то однажды на дальнем,
на ягельном пастбище, ночью,
среди комариного гуда,

Бучо седовласый поведал
раздумья заветные сыну:
«Я знаю, Эле не воскреснет.
Я знаю, случится несчастье –
ведь мы оскорбили эдека.
Я знаю, что я заболею,
коль буду терпеть это дальше.
Я знаю, мне надо вернуться
к эдеку: он, слышится, плачет,
и плачет совсем по-сиротски.
Я знаю, меня призывает.
Я знаю, пора мне в дорогу».

Сын понял отца и одобрил
намеренье ехать к эдеку,
хоть сердце у парня болело:
как старый Бучо одолеет
такие пространства, как будет
осиливать ливни, и ветры,
и зверя – ведь путь в одиночку?..
Бучо продолжал – как почуял
сыновние боль и тревогу:
«Я знаю, пешком не дойти мне.
Я знаю, нужны мне олени –
возьму, ведь Чусук не заметит.
Но я уж сюда не приеду,
а ты, если спросят, расскажешь,
что здесь меня не было вовсе...
Коль выживу я, то отыщешь
меня у могил наших предков –
там с первой кукушкой, весною,
я через три года лишь буду...»

Бучо отловил самых лучших
оленей и важенок тоже,
затем верхового оленя
легко оседлал и взобрался
на спину – и тронулся в дальний,
опасный и долгий, в три года,
свой путь. Может, в самый последний...
А сын горевал, наблюдая,
как тот отдаляется – в речку

оленей сгоняет с тропинки.
Согнал – и поехал по речке,
по гибкой осоке прибрежной:
следы, значит, прячет,
чтоб люди не знали, куда он поехал.
И сын за отца стал спокоен,
а после, как дома хватились
Бучо, рассказал по порядку
все то, что с отцом порешили.

И люди поверили парню:
    «Ой-ой, – говорили, – наверно.
    Ой-ой, его звери задрали.
    Ой-ой, ведь не мог заблудиться.
    Ой-ой, а пастух был отменный...» –
жалели.
Но Айнад с Чусуком
кричали, что лучше б за стадом
смотрели, что лучше б считали
оленей, чем старого деда
жалеть: небольшая пропажа
старик – он труха, да и только...

Вновь дни полетели за днями.
Зима на тайгу навалилась:
студеные ветры свистали,
снега вырастали в ложбинах.
Но вот посветлело на небе,
потом на земле – и настала
весна. А с весной долгожданной –
отёла пора подступила,
а с ней, как известно, приходят
к оленным доверчивым людям
надежды на плодное лето.

Но вышло совсем по-другому.
Едва лишь весна утвердилась,
как новой бедою запахло:
хворобы нашли на оленей –
бессчетно их поумирало.
А лето пришло, и копытка –
болезнь, от которой нет спасу, –

испортила ноги оленям,
и те умирали бессчетно.
А осенью рыси и волки,
обжорливые росомахи
так стали терзать истощенных,
измученных хворью оленей,
что даже казалось: как будто
их кто-то травил специально...

Год-два это все повторялось:
то мор, то падеж, то потравы –
и вот оказалось весною,
что люди – все пешими стали,
что из необъятного стада,
которому не было счету,
из всех крутобоких оленей –
больных-то почти не осталось,
а справных и вовсе не видно.

Казалось, тайга опустела,
казалось, она загрустила
от этой повальной напасти –
нужда наступала на пятки,
куда бы ни двигались люди,
куда бы они ни скрывались.
И только сейчас пробудилась
застывшая совесть Чусука:
он стал как безумный от горя,
увидев, что все его стадо,
где было оленей побольше,
чем в землях окрестных – деревьев,
развеялось в прах... И, собравши
людей у последнего чума,
он встал перед ними понуро
и каяться стал беспощадно:
«Понятно, я жил недостойно.
Понятно, я жадничал слишком.
Понятно, огнем пожирала
корысть мою черную душу.
Понятно, не смыть мне позора,
и жизнь не мила мне такая,
ведь я – всем напастям причина!» –

сказал и поник головою.
Глазами вращал, как подранок.
Зубами скрипел, как безумец.
Вдруг, выхватив ножик из ножен,
вонзил себе в самое сердце –
и на землю пал, бездыханный.

И тут же раздался ужасный
вопль Айнада – волосы дыбом,
в глазах помешательство, руки
меха на груди разрывают:
сочувствия ищет... Но люди,
как будто бы их окатили
внезапно холодной водою,
молчали. И в землю глядели.
Никто к нему шага не сделал.
И Айнад, как зверь одинокий,
затравленный злою судьбою,
сам бросился в лес, подвывая,
и скрылся в дремучей чащобе,
как будто какая-то сила
его от людей отторгала –
толкала в тайгу. На погибель
от гнуса и дикого зверя...

Но люди не сдвинулись с места:
никто не жалел лиходея,
никто и помочь не пытался –
ведь если ты жил недостойно,
то так и умрешь нечестивцем.

IV

С людьми это было,
с оленями было:
когда приходила
в становья беда,
то мудрая сила
спасала всегда...

А старый Бучо как поехал
по травам речного прибрежья,

так ехал и ехал, ночуя
на береговых косогорах.
Он путь свой сверял по созвездьям,
а ход проверял по приметам.
Он след свой заботливо прятал,
и ветры его освежали,
и солнце его согревало.
Олени легко проходили
болота и дикие мари,
но, словно почуяли что-то,
пошли порезвей, будто знали,
что там – их родные просторы
и пастбища их вековые.

Немного еще – и возникли
знакомые издавна горы,
знакомые с детства долины,
и речка, и берег, где чумы
стояли когда-то, красуясь
верхами... Вот брошенный сэрук –
травою зарос он, забрызган
землею, завален листвою,
с краев грызунами изъеден...

Заплакал Бучо – то ль от горя,
то ль с радости, сердце забилось
надеждой на доброе. Взял он
тот сэрук нежней, чем ребенка,
огладил его и пощупал –
там что-то еще шевелилось.
Легко от земли оторвался
тот сэрук с эдеком, как будто
сам в добрые руки просился.

Бучо наломал поскорее
багульника, над дымокуром
он сэрук вознес, чтобы дымом
священным эдек напитался,
а сам говорил, как родному:
«Я знаю, что зла ты не держишь.
Я знаю, что волей злодея
тебя здесь оставили, бросив.

Я знаю, что лучше с тобою
здесь жить, грызунов отгоняя
от сэрука, чем у богатых
пасти их стада, как невольник.
Я знаю, тебя почитали
Эле и Огда, а уж мне-то
продолжить их дело – долг жизни.
Я знаю, что долг я исполню,
лишь только бы силы хватило», –
держал он эдек над куреньем
и чувствовал, как молодеет,
как слабость его оставляет,
как сам наливается силой.
Но видит Бучо, что не только
он сам укрепляется: травы,
деревья, цветы и кустарник –
все громче вокруг зашумело,
все ярче и радостней стало.

Поднялся Бучо на вершину
горы, где стояли могилы
Эле и Огды – поклонился
их праху и памяти. Утром
эдек на оленя навьючил
и тронулся к дальним угодьям,
куда бы дойти не сумели
посланцы Чусука, где можно
эдек от зорителей спрятать –
хранить его в холе. Дорога
Бучо потерялась в чащобах,
и жил он три долгие года
неведомо где. Но плодились
олени его, умножалось
волшебною силою стадо –
ведь не было утра и ночи,
чтоб он не возжег дымокура
и дымом багульника свежим
не стал бы окуривать вволю
спасенную им же святыню.

Бучо кочевал на становья
своих многочисленных предков –

к могилам, забытым и древним,
где сыну он встречу назначил.
И шло с ним огромное стадо,
заполнив долину до склонов,
и было оленей на склонах –
как тех комаров желтобрюхих,
что сядут на белую холку –
и холка становится черной.

Он ехал и думал о жизни:
как молодость быстро проходит,
как старость стремится исполнить,
что в молодости не успелось...
Но вдруг взволновались олени,
почуяли, видно, опасность:
навстречу Бучо появился
его дорогой, возмужавший,
единственный сын. Вот удача!
Они обнялись, как мальчишки,
запрыгали друг возле друга –
от радости. Захохотали.
Трясти и ощупывать стали
друг друга... А сын-то – в лохмотьях:
бедняк. А отец-то – чуть дышит:
от старости силы лишился.

Но радость есть радость, и снова
костер свой дымок поднимает
к безбрежному, вечному небу,
и в дыме багульника синем
струится людская забота
о доброй святыне – эдеке,
о жизни, которую надо
поддерживать добрым деяньем.

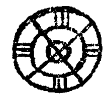
Они у костра просидели
под небом ночным до рассвета,
и сын рассказал без утайки
отцу обо всем, что случилось,
что сталось с людьми и со стадом,
что вышло злодеям, что было потом...
А Бучо у кострища

был хмур, молчалив: он-то думал,
как было бы все по-иному,
когда б не позволили люди
руки поднимать на святыню –
на счастье свое, на достаток,
на долю свою трудовую...

А через недолгое время
Бучо попросил – сын исполнил
отцовский наказ: на оленях
привез он людей из далеких,
пустых, безоленных становий
сюда, где Бучо для эдека
развел дымокур, где застолье
желанных гостей завлекает
парным свежесваренным мясом,
где нужно начать и продолжить
великое таинство жизни.

Приехали. Чумы разбили.
Назначили время. И сэбдек –
народные игрища – вскоре
вовсю разгулялись меж чумов.
Возникла веселая песня,
которую раньше не пели, –
похоже, сейчас сочинялась:
«Эй-эй, потанцуем, как травы.
Эй-эй, попоем, словно птицы.
Эй-эй, для труда и забавы,
наверное, стоит родиться...»

Рассказал эвен В. Захаров.
Записал В. Китметинов.
Русский поэтический перевод А. Преловского
Печатается в сокращении



Негидальцы

ЛЕТЯГА

Сказка

Жила летяга. У нее было пятеро детей. Однажды к летяге пришла лисица и говорит:

– Летяга, отдай своего ребенка!

– Нет, не дам! – говорит.

– Если не дашь, забодаю!

Тогда летяга своего детеныша лисице отдала. Лисица ушла. Назавтра снова пришла:

– Летяга, отдай своего ребенка!

– Не дам, не дам! – говорит.

– Если не дашь, забодаю!

Снова летяга своего детеныша лисице отдала. Лисица ушла.

На следующий день снова пришла и говорит:

– Летяга, отдай своего ребенка!

– Не дам, не дам! – кричит летяга.

– Если не дашь, забодаю!

Опять летяга детеныша своего отдала. С тем лисица ушла.

Вот назавтра снова приходит:

– Летяга, отдай своего ребенка!

– Не дам, не дам! – говорит.

– Если не дашь, забодаю!

Опять отдала детеныша лисице. После того как ушла лисица, дедушка-сова приходит к летяге. Дедушка-сова спрашивает летягу:

– Летяга, почему плачешь?

Летяга говорит:

– Лисица детенышей моих поедает.

– Ладно, не плачь. Если лисица придет, скажи: «Травяных твоих рогов я не боюсь». Затем, если спросит: «Кто сказал?» – скажи: «Дедушка-сова сказал».

Вот лисица снова приходит и говорит:

– Летяга, отдай своего ребенка!

– Не дам, – отвечает летяга.

– Забодаю!

– Травяных твоих рогов я не боюсь!

Лисица спрашивает:

– Кто сказал про травяные рога?

– Дедушка-сова сказал, – отвечает летяга.

Затем лисица говорит:

– Где дедушка-сова?

– Та-ам вон, на горе.

Лисица пошла. Дедушку-сову увидела, подкрадывается.

– Лисица, к кому подкрадываешься? – спрашивает дедушка-сова.

– Дедушка-сова, спугнешь: за тобою птичка сидит!

Лисица прыгнула к дедушке-сове. Дедушка-сова лисицу за шею когтями схватил. Затем полетел с нею ввысь. Лисица плачет в когтях у совы.

Вот дедушка-сова до моря долетел и говорит:

– Скажи: «Сало дедушки-совы есть идем».

Лисица говорит:

– Сало дедушки-совы есть идем.

Тут дедушка-сова роняет лисицу. В море упала лисичка. Плывет она по морю и плачет. Затем говорит:

Зубища, морским белым камнем станьте!

Язычище, морским листом стань!

Мозги, морской глиной станьте!

Вынырнула нерпа из воды и говорит:

– Лисица, почему плачешь?

– Нерпушка, двоюродная моя сестрица, я не плачу, а пою. Я те песни повторяю, которые пели, когда сватали мою мать и моего отца. Нерпа, а твой народ велик ли? Взгляни-ка на звезды – это мой народ. Твоего народа много ли?

Нерпа говорит:

– Очень много.

Затем нерпа нырнула и вышла опять, а за нею множество нерп показалось. Все море нерпами покрылось Лисичка принялась считать:

Од-дин-два – пропустим,
Од-дин-два – пропустим,
Три-четыре – пропустим,
Пять-шесть – пропустим.

Так принялась прыгать лиса по нерпам. Нерпа спрашивает:

– А почему ты не всех считаешь?

Лисица говорит:

– Когда назад пойду, сосчитаю.

Лисица по нерпичьим головам на землю снова выбралась и спрашивает:

– Разве мы родней по матери были?

– Лгунишка, в конце своего пути умрешь! – говорит нерпа.

– Я не умру! – отвечает лисица.

Лисица побежала. Когда бежала, налима встретила.

– Налим, куда плывешь? – спрашивает.

– Куда? Домой. А ты, лисица, куда бежишь?

– Я в ту же сторону, куда ты. Ну, налим, пойдем!

Так шли, шли, лисица кричит:

– Налим!

– Эгей! – откликается тот.

Так идя, в конце излучины реки опять окликает лисица:

– Налим!

– Эгей! – откликается налим через две излучины.

Так идет лисица. Наконец подходит к месту, где одна старушка сушит черемуху. Подошла и начала черемуху есть. Наелась, полное брюхо набила. Тогда уснула. Пришла старуха и увидела спящую лисицу. Вернулась старушка домой, взяла нож и снова пришла к месту, где она сушила черемуху. Подошла, а лисица все еще лежит. Убила старуха лисицу, освежевала и распялила шкуру. Когда шкура высохла, старуха из нее сшила себе шапку. Шапку надела и пошла щенков своих кормить. Подходит к ней волк и говорит:

– Старуха, мне поручи стеречь, шапку свою одолжи – уши у меня мерзнут.

Старуха шапку свою волку дала, домой ушла, посидела и пошла посмотреть своих щенков. Подошла к собачьей конуре, а волка нет. Старуха заплакала и сказала:

– Врун же волк, мою шапку утащил.

В то время ворона прилетела:

– Кар-кар, старуха, о чем плачешь?
–Волк шапку мою утащил, по ней плачу.
– Старуха, кар-кар, я схожу за твоей шапкой!
Старуха говорит:
– А как спросишь?
– За старухиной шапкой пришла, – скажу.
– Оставь, пусть будет так, как случилось, не ходи за ней!
Улетела ворона. Старуха плачет. Когда она так плакала, прилетела птичка:
– Старуха, почему плачешь, чвик-чвик?
– Шапку свою жалко – плачу.
– Дай-ка я за ней схожу, чвик-чвик!
– А как скажешь? – говорит.
– Старуха, как-нибудь уж скажу, чвик-чвик!
Полетела птичка. Старуха больше не плачет, ждет птичку.
Ждет. Птичка долетает до одного зимника и в круглое окошечко влетает. А в том зимнике и зайцы, и лисицы, и волки, и вороны, и хорьки, и старик со старухой сидят. Мать крестовки-лисицы камлает. Старик говорит:
– Эй-эй, крестовка-мамаша, хвост свой сожжешь!
Тогда птичка стала камлать:
– Чви-ик, чви-ик, – чирикнула, через окошечко порх – и выпорхнула и обратно впорхнула.
Старик говорит:
– Нашу шапку дай ей надеть – наверно, это большой шаман!
Шапку свою птичке дали.
– Чик-чик! – чирикнула, по полу топ-топ, по нарам скок-скок, в углу прыг-прыг, через окошечко порх-порх – выпорхнула.
С той шапкой прилетела к старухе и шапку ей отдала.
Старуха обрадовалась, птичке ножичек маленький для рукоделия дала, иглу дала.
На этом кончается.

Рассказал К. Дисиктан
(с. Им, Николаевский-на-Амуре р-н, Хабаровский край).
Записала в 1926 г. и перевела В. Цинциус

ВОРОН И КОРШУН

Сказка

Жили в зимнике ворон и коршун. Ворон – старший брат, коршун – младший. Огонь у них горит. Долго ли, коротко ли так живут. Вот однажды ворон в круглое окошечко вылетел, совсем улетел, а коршун остался один-одинешенек.

Потом и коршун вылетел через круглое окошечко, полетел вниз по Амуру. Подлетел к месту, где пять женщин-сестер черемуху собирают, поблизости от этих пяти женщин сел на дерево. Так сидит себе. Был очень жаркий день.

Вот самая старшая сестра говорит:

– Пойдемте купаться!

Младшая сестра отвечает:

– Я не буду купаться!

– Ничего, давайте все купаться, – говорит старшая.

Все пять женщин стали купаться.

Коршун подлетел, младшей сестре в штаны напачкал. Снова улетел и на то же дерево сел.

Купаться кончили, поднялись на берег. У младшей сестры в штанах помет коршуна оказался. Она помет травой вытерла. Затем начали черемуху собирать. Младшая сестра забеременела.

Стали они переезжать на другую сторону Амура. Во время переезда младшая сестра ребенка родила, мальчика. В верхнюю одежду завернула. На самой середине Амура старшая сестра говорит:

– Дай мне твоего ребенка подержать!

– Сестра, зачем тебе держать ребенка?

– Ладно, давай я подержу!

Младшая сестра отдает своего ребенка старшей. И вот старшая сестра на середине Амура бросает ребенка в воду.

Переезжают, а младшая сестра плачет по своему сыну. Старшая сестра говорит:

– Ну, что расплакалась по какому-то ребенку?

Старшая сестра за весла села. Гребет. К берегу причалили.

Старшая сестра в воду по пояс прыгнула и на берег побежала.

– Ой, отец, – говорит, – твоя любимица дочка, которую ты лучшей едой кормил, ребенка с коршуном прижила.

Старик с копьем длиной с осеннюю кету к дочке подскочил, а сестра, что постарше, задержала его.

Старик говорит:

– Убью ее!

А сестра, чуть постарше, говорит:

– Отец, оставь ее.

Тогда отец оставил, но рукой бил сильно, даже серьги сорвал.

А коршун поблизости от ребенка летит, – ребенка вниз по Амуру вода несет. Ребенка несет, а коршун провожает его. Вот в заездок для лова рыбы ребенок попал.

Попал он в заездок, что около берега очень большого селения находился, а коршун поблизости от деревни сел.

– Как же я спущусь, конгэр-р, когда ножонки мои стали перепончатыми утиными лапками, конгэр-р, а нос стал утиным носом, конгэр-р!

Так пролетел он и не спустился.

Рассказал Н. Мати из рода Удан
(с. Им на р. Амгуни).
Записала в 1926 г. и перевела В. Цинциус

ХИТРЕЦ И СИЛАЧ

Сказка

Жили Хитрец с Силачом. И у Хитреца была мать, и у Силача была мать. Вот однажды Хитрец и говорит:

– Я придумал: в деревне, что лежит ниже нашей по течению реки, живет очень много народу. Ты, – говорит силачу, – человек сильный, ступай в эту деревню и укради там жирную свинью. Ты, – говорит, – человек сильный, тащи ее живьем. Ступай сегодня ночью, а завтра мы ее убьем и будем с тобой есть.

Отправился Силач, украл ночью свинью, притащил, на следующий день они ее убили. Хитрец и говорит Силачу:

– А ведь я хозяин этой свиньи! Ведь я придумал эту

хитрость и послал тебя.

А Силач говорит:

– Нет, хозяин я, так как я свинью принес.

Тогда Хитрец говорит:

– Пойдем на мольбище, где приносим жертвы духам неба. И пусть небо укажет, кто же из нас хозяин.

Силач рассердился и отправился домой. А Хитрец пошел на мольбище. Развел огонь под деревом, где они обычно приносили жертвы духам неба, сварил, как полагается, пшено. Затем вырыл под деревом яму и спрятал в эту яму свою мать. Велел ей:

– Когда я скажу: «Небо, укажи, кто является хозяином этой свиньи», ты скажи: «Хитрец хозяин».

Потом пришел Силач. Хитрец и говорит Силачу:

– Давай просить у неба о ниспослании удачи – небо укажет, кто же из нас хозяин свиньи.

И вслед за этим Хитрец говорит:

– Издревле существующее место вознесения наших молитв, мольбище наше, кто же из нас хозяин, укажи!

Тут из-под корня дерева послышался голос:

– Хи-и-тре-е-ц хо-о-зя-и-и-н!

Простодушный Силач, рассердившись на небо, схватил палку и стал ею тыкать в то место, откуда был слышен голос. Потом отправился домой. А Хитрец вытаскивает запрятанную в яму мать, – она, оказывается, уже мертва.

Понес Хитрец свою мать домой. И нарядил ее в разные шелка из ее свадебного приданого. Нарядил в шелковые китайские халаты, усадил на нарту и повез ее вниз по течению реки. Дело было зимой.

Дошел до берега, где была расположена деревня, и там у самого края проруби оставил свою нарту. А сам направился к деревенскому старшине. У того старшины дочь-невеста – ой и красавица же девушка была! Вот Хитреца и спрашивают:

– А там, под берегом, на твоей нарте, что это за женщина сидит?

– А это моя сестра, невеста богатая-пребогатая!

– Почему она не идет сюда?

– Застыдилась, вот и не идет.

– Ничего, пусть идет сюда, чего же ей стыдиться!

Дочь деревенского старшины говорит:

– Я схожу за ней.

Тут Хитрец говорит:

– Уши у нее плохие, она глухая – не услышит, ты ее толкни посильней.

Тут девушка побежала, дошла до нарты да и толкнула сидящую изо всех сил, та – хлоп! – и упала в прорубь. Девушка испугалась и побежала домой.

– Сестра Хитреца упала в прорубь, – говорит.

Тут Хитрец рассердился:

– Вы, – говорит, – убили мою сестру, теперь пусть ваш деревенский старшина мне в обмен за нее, согласно обычаю, отдаст в жены свою дочь.

Деревенский старшина и отдал Хитрецу свою дочь. Так Хитрец обманом получил себе жену и отправился домой. Дошел он до дому. Стали они вдвоем с женой жить. Натаскали дров и развели на улице огромный костер. Когда костер сгорел, они угли собрали и туго набили ими семь кулей. Затем отправились вверх по реке, везя поклажу на нарте. Шли-шли, видят: идут два человека и везут семь кулей с разным товаром. Хитрец и спрашивает этих людей:

– Куда идете да что везете?

А те люди отвечают:

– У нас разный товар есть, семь полных кулей: пушнину покупать идем.

Тогда Хитрец говорит:

– А я семь кулей разной пушнины везу, битком набитых, – говорит, – если вам нужна пушнина, так давайте поменяемся грузом прямо с нартами, – говорит, – я дам свою пушнину, а вы давайте свой товар вместе с нартами.

Отдали они Хитрецу свой товар вместе с нартами, а Хитрец отдал им свой груз вместе с нартами.

Хитрец притащил домой товар и заложил им весь дом. Тут приходит Силач и спрашивает Хитреца:

– Откуда у тебя товар, где ты его получил?

А Хитрец и говорит:

– Обменял на семь кулей угля в деревне, что находится вверх по течению реки.

Тогда Силач говорит:

– Ну и я завтра дров натаскаю и нажгу угля, потом пойду и наменяю товару.

Ну вот, на следующий день Силач дров натаскал, угля нажег. Нагрузил семь кулей угля на нарты и потащил

вверх по реке. Шел-шел и повстречал в верховьях реки двух человек, которые везут на нарте семь кулей. Спрашивают они Силача:

– Что везешь?

А Силач говорит:

– Везу, – говорит, – семь кулей угля обменять на товар.

Тогда те люди рассердились:

– И перед этим нас так же обманули! Вот ведь как обманщики товар покупают!

И поколотили Силача за мешки с углем, едва до матери добрался. А Хитрец добром этих людей разбогател.

Вот и конец.

Рассказал П. Алексеев
(с. Новая Каменка на р. Аргуни, Хабаровский край).
Записала в 1926 г. и перевела В. Цинциус

НОЖИЧЕК

*Сказка**

Один ножичек жил. Долго ли, коротко ли так живет, – циновки у него светлые, огонь горит. Так живет себе да живет. Долго ли, коротко ли так жил, жил, да и отправился прямо куда глаза глядят, как говорится, куда идти – не знает. Если снег пойдет, в снег идет.

Так шел, шел и дошел до одного дома. А перед тем домом висят два одеяла, одно одеяло из лисьих шкур, а другое – из шкур рысьих. Он рысье одеяло стянул и в него себя завернул.

Затем выходит из дома женщина, идет в лес, а когда она возвращается, то видит, что одеяло упало. Входит она в дом и говорит своей младшей сестре:

– Твое одеяло упало.

Младшая сестра говорит:

– Почему же ты его не повесила, раз видела, что оно упало?

Младшая сестра выходит – одеяло ее упало. Она, одеяло свое взяв, встряхивает. Когда встряхнула, ножичек упал.

– Сестрица, – говорит она, – я в своем одеяле нашла ножичек, пойди посмотри!

Тогда ее старшая сестра идет смотреть. Они тот ножичек топтали и на него плевали, а потом выбросили:

– Кто бы ты ни был, к нам больше не приходи!

Тогда ножичек пошел. Так идет себе да идет. Шел, шел и опять дошел до одного дома. А перед тем домом висят три одеяла, одно одеяло из лисьих шкур, другое одеяло из рысьих шкур и одно одеяло из волчьих шкур. Он рысье одеяло стянул и себя в него завернул.

Затем одна женщина из дома выходит, идет в лес, домой возвращается и говорит:

– Сестра, твое одеяло упало!

Тогда младшая сестра говорит:

– Никогда не падало, как это оно упало!

Затем выходит – смотрит: одеяло упало. Взяв его, встряхнула – ножичек упал. Тогда своих старших сестер зовет:

– Сестрицы, идите сюда, посмотрите, откуда явился ножичек!

Сестры ее пришли посмотреть, говорят:

– Это, наверное, черт.

Младшая сестра говорит:

– Хорошо бы его взять.

А старшие сестры говорят:

– Насмеяться-поиздеваться над ним надо да и выбросить!

Младшая сестра говорит:

– Вы сами топчите его!

Старшие сестры ножичек истоптали и выбросили.

Тогда ножичек пошел. Так идет. Шел, шел и дошел до одного дома. А перед тем домом висят два одеяла – одно одеяло из лисьих шкур, а другое из собольих. Он соболье одеяло стянул и себя в него завернул.

После того как он себя завернул, выходит из дома женщина, хорошая женщина, и, посмотрев на упавшее одеяло, входит и говорит:

– Сестрица, твое одеяло упало!

Младшая сестра идет посмотреть, к одеялу идет, берет, встряхивает – ножичек упал. Завернув его в одеяло, вносит в дом, на свои нары кладет. Старшая сестра говорит:

– Зачем одеяло внесла?

Младшая отвечает:

– Скоро уже и вечер, заодно внесла.

Старшая говорит:

– Почему же оно упало?

– Наверное, ветром уронило.

Затем младшая сестра ножичек спрятала. Поели сестры и спать легли. Так спали. Утром встали. Долго ли, коротко ли так живут. Как-то ночью слышит старшая сестра, что младшая сестра ее разговаривает. Когда утром младшая сестра вышла, старшая осмотрела ее одеяло – у нее в одеяле ножичек. Тогда к родителям идет старшая сестра и рассказывает:

– Любимая ваша дочка с ножичком живет, когда ночь настает – разговаривает, в мужья себе ножичек нашла!

Старик пришел, дочери говорит:

– Ты что в одеяло положила?

Дочка говорит:

– Ничего не положила, у меня ничего нет.

Тогда старик рассердился, младшей дочери говорит:

– Уходи, в этом доме не смей жить.

Затем старик наказал свою дочь. Ушла она в тайгу, в тайге себе дом сделала, там стала жить – одна-одинешенька живет.

Так живет, еды нет, очень голодает, бедствует – старик ничего не дал. Так когда жила, свой ножичек потеряла бесследно. Ищет его, целый день ищет в доме. Искала-искала и села на нары. Вечером на улице послышались шаги человека. Вот входит человек в собольей одежде, очень красивый человек, что и за человек! Рядом с женщиной садится и, сев, говорит:

– Если сяду рядом с женой ножичка, чем убьет? И если голову на колени жене ножичка положу, чем убьет?

Тогда та женщина говорит:

– Ты думаешь, что я не знаю? Разве ты не ножичек?

Тот человек рассмеялся и говорит жене:

– Перед домом я котомку свою положил, пойди принеси!

Женщина пошла, внесла – сохатого убил муж-ножичек, очень жирного. Его ели, жена досыта наелась, очень радовалась. Легли они спать. Утром муж ее на охоту пошел. Затем так жили. Муж ее множество зверя убивает: и сохатых самых жирных убивает, и медведей убивает самых жирных, каждый день на охоту ходит. Затем один день отдыхает, мясо добытых медведей варит. Затем мас-

су жира во множество берестяных плошек-чумаков натопил, сало кусками туда опустил. Тем, что в тот день варил, – полдома полно. Вечером жене говорит:

– Мать-отца и сестру своих пойди позови поскорей, скажи: ножичек, муж мой, приглашал.

Жена его пошла, к родителям входит, рядом с матерью садится и тогда говорит:

– Мама, я за вами пришла, ножичек, мой муж, приглашал вас, поесть приглашал!

Затем домой пошла. А позади нее идут отец-мать и сестра. Вот, войдя в их дом, садятся. Тогда ножичек встает, мясо перед стариком кладет.

– Этого поешьте, – говорит.

Старик начал есть; откуда ни возьмет – все сало, мяса не находит. Затем просит:

– Дитя, принеси воды!

Дочь его в ковше жиру полно подает. Старик хлебнул:

– Зачем жиру даете?!

А дочь говорит:

– Это не жир, это наша вода.

От жира у старика сердце давить стало, пошел он к бочонку воды напиться; пьет – а это опять жир, откуда ни хлебнет – жир. Затем домой уходит, тошнит старика. За ним сестра уходит домой. Старуха много мяса съела, а еще больше домой понесла.

Затем ножичек стал добрым молодцем – Невханом, свое имя и обличие ножичка оставил. Невхан в тайгу на охоту начал ходить каждый день. Так ходит, множество сохатых убивает, много мяса приносит. Однажды жене говорит:

– Иди к матери и скажи: мой муж к себе домой собирается уходить.

Жена его пошла, в отцовский дом входит, садится рядом с матерью и матери говорит:

– Муж мой сказал: «Домой пойдем, я по своему делу соскучился», – сказал.

Тогда старик говорит:

– У меня передневав, идите!

Женщина уходит домой. Муж ее спрашивает:

– Ну, как сказали?

Тогда жена его говорит:

– Отец сказал: «У меня передневав, идите, хотя бы дня четыре переднюйте и идите».

Пошли они ночевать. Там ночевали и дневали. Четыре дня передневав, собрались домой. Невхан говорит старикам:

– Вам до смерти чтобы еды хватило – в моем амбаре еды полно, мясо есть, его ешьте!

Затем отправились. Так идут себе да идут. Шли, шли, до трех женщин дошли. Когда они мимо их дома проходили, женщины вышли – все три, – стали догонять Невхана:

– Нас-то зачем покидаешь, мы тебя каждый день ждем!

– Добрый молодец, нас подожди!

Невхан говорит:

– Если бы вы хорошо со мной поступили, подождал бы!

Тогда женщины говорят:

– Мы не знали, мы думали, что это чьи-нибудь проделки, думали, что это черт; если бы мы знали, что ты человек, так плохо не поступили бы!

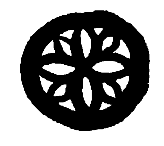
Тогда Невхан подождал их, дальше с тремя женщинами и со своей женой пошел. Так идут себе, идут. До дому дошли. Дома стали жить. Долго ли, коротко ли так живут.

Очень хороший охотник Невхан: перед собой птичке не даст взлететь, всех убивает. Невхан – сильный человек. Так живет себе да живет, долго ли, коротко ли так и живет.

Конец.

Рассказал Ф. Десиктан (Тупона)
из рода Удан
(с. Им на р. Амгуни).
Записала и перевела В. Цинциус

Ульчи



ТИГР И МАЛЬЧИК

Сказка

Это было очень давно. Охотился отец с мальчиком. Сын еще был ребенок и не умел хорошо охотиться. Он просто помогал отцу: чай сварит, дров нарубит.

Однажды во время охоты видит отец сон, будто тигр ему говорит: «Ты мне своего ребенка оставь. Если не бросишь сына, не позволю тебе домой возвратиться».

Когда сын еще спал, встал старик. Подумал: «Как быть? Если родного сына не бросить, тигр погубит нас всех. Ну, а как жизнь спасу, да ребенка брошу? Сделаю так: побуду дома да и приду сына посмотреть. Коли съест его тигр, приду, косточки соберу».

Так решил он и бросил в тайге спящего сына. Спал, спал ребенок, встал. Встал, и что же? Отца его нет. «Э... охотиться ушел», – подумал. Одевшись, из шалаша вышел. Посмотрел по сторонам и видит – тигр к нему приближается. Испугался мальчик, влез на дерево с большими сучьями. Полез за ним тигр и застрял меж ветвей. Никуда не может двинуться. А мальчик прыгнул на другое дерево и спустился на землю. Попил чаю, приготовил поесть отцу. Ждет до вечера. Нет отца. Так и лег мальчик спать. Видит ночью сон, будто тигр плачет и просит спасти его, дары разные обещает.

Взял мальчик наутро топор и пошел тигра освобождать. Весь день дерево рубил, пока не свалил. Прорычал тигр три раза и тихонько ушел.

Ночью опять во сне говорит тигр мальчику:

– Вставай наутро. Устанавливай ловушки. Очерти круг рукавицами.

Так все и сделал, а назавтра пошел смотреть самострелы. Все ловушки были с соболями. Так добывал зверя подряд несколько дней.

Живет отец дома, наконец идет сына проведать. Подходит к шалашу, а из него дымок курится. Подумал: «Видно, жив». Дверь открыл. Поглядел. Сидит сын, а шалаш полон соболей.

Увидел это отец, сына обнял и поцеловал. Поели, спать легли. Встали наутро, все погрузили и домой возвратились.

Рассказал Сидин
(р. Дичули, Хабаровский край).
Записала в 1937 г. и перевела Т. Петрова

ТРИ БРАТА

Сказка

Жили в старину на Амуре три брата. Старший и средний братья каждый день ходили на охоту, а младший оставался дома, готовил пищу, обрабатывал шкурки, разделывал мясо. Как у братьев, так и у него не было свободного времени. Когда братья уходили далеко в тайгу за соболем, младший брат ночевал один в шалаше.

Однажды два брата ушли рано утром на охоту. Целый день охотились, но ничего добыть не смогли. Так ходили попусту они несколько дней. Домой братья вернулись рано, еще до захода солнца. Быстро сняв лыжи, один за другим вошли в дом, испуганные и тревожные. Старший брат говорит младшему:

– Нэку*, побыстрее приготовь все, что требуется для моления хозяину тайги и зверей! Почему-то вот уже несколько дней мы охотимся, а добыть ничего не можем. Видно, он на нас разгневался, чем-то мы перед ним провинились. Раньше ни секач, ни матерый олень не могли от нас увернуться, а теперь даже их детенышей добыть не можем.

* Нэку – ласковое обращение к младшему брату.

Младший брат быстро приготовил все, что требовалось в таком случае, и стали они просить удачи в охоте у хозяина тайги, у хозяина сопки, у хозяина огня и у других, кто мог бы встретиться им на пути.

Затем два брата опять пошли на промысел. Младший остался дома готовить пищу.

Идут братья по следам зверей, где самострелы поставят, где сеточку-рукавчик растянут, где силок подвесят. Устали, только к позднему вечеру вернулись домой.

На следующее утро пошли осматривать свои ловушки. Ни в одну из них даже мышонок не попался, все самострелы спущены, сеточки-рукавчики – смяты, силки – перепутаны. Думают братья про себя: «Наверно, это младший брат виноват. На охоту сам не ходит, молиться о счастье не хочет, нам только мешает».

Вернулись они домой и стали бить младшего брата. Бьют его да приговаривают:

– Это твой нехороший дух мешает нам, не дает счастья, пугает зверей. Делает нас бедняками и несчастливыми. Вот тебе, вот тебе, лентяй!

Заплакал младший брат и говорит им:

– Эх, братья вы мои, братья! Разве я не работал вместе с вами, разве я вас не кормил, шкуры не обрабатывал? А вы деретесь! Сами не умеете охотиться, а на мне злость и неудачу свою срываете. Давайте завтра лучше я пойду на промысел, а вы дома сидите!

Но братья и слушать не хотят.

Наконец устали они его бить. Улеглись спать и тут же захрапели.

Наутро опять два старших брата, чуть рассвело, пошли проверять свои самострелы, а младший отправился в лес за дровами. Идет и от досады слезы глотает.

Свалил он дерево, стал его топором очищать от сучьев, на дрова рубить. Устал, сел на пень отдышаться. Сидит и слышит: не то ему кажется, не то в самом деле медные подвески позвякивают. Оглянулся и видит: у него за спиной красавица в халате с подвесками певучими сидит, на него смотрит. Испугался юноша, начал пятиться и с пня свалился

Девушка рассмеялась, говорит ему:

– Ха-ха-ха! Уж не меня ли ты, молодец, испугался?

Разве я так безобразна или на колдунью похожа?

А молодец и слова вымолвить не может, только головой мотает и бормочет:

– Мэ-эе, не-е!

А больше ничего от страха сказать не может. Девица смеется и говорит ему:

– Ты, мой долгожданный, меня не бойся! Я ничего тебе плохого не сделаю, я счастье тебе принести могу. Подойди-ка ко мне, что стоишь как дерево!

Взяла она его за руки и за собой повела. Подошли они к большому кедру. Она нагнулась. Полные руки снега набрала и стала им мыть лицо юноши. Как прикоснется к лицу, так на душе у юноши легче становится. А потом она и говорит ему:

– Ну вот почти все слезы твои отмыла, все горе твое сняла. Скажи своим братьям: «Не смейте больше меня бить. Я лучше сам пойду на промысел, тогда посмотрим, кто охотник, а кто повар». Так и скажи, не бойся, а я тебе помогу, нравишься ты мне, молодец!

И с этими словами исчезла красавица, даже следов своих не оставила. А голос ее так и остался звучать в ушах молодца.

Идет он с дровами домой, а слова по-прежнему звучат в его ушах: «Нравишься ты мне, молодец!»

Пришел младший брат домой, приготовил еду и стал поджидать братьев.

Под самый вечер пришли братья, сердитые, голодные, усталые. Старший брат замахнулся на младшего, да от усталости не смог ударить. А средний брат и руки поднять не может.

Отдохнули, поели, а потом вновь стали бить своего младшего брата. Бьют да и приговаривают:

– Это ты виноват, ты всех зверей распугиваешь, это ты виноват, что счастье от нас стороной проходит!

Устали бить и опять легли спать.

Рано утром, пока еще солнце не появилось, младший брат встал, приготовил завтрак, разбудил братьев и говорит им:

– Ну, братья мои! Долго вы били меня, а теперь больше не будете. Я сам охотиться стану, в другом месте, где вы не промышляете. Вы идите в свою сторону, а я в свою, вечером посмотрим, кто из нас охотник, а кто лентяй!

Пошел он на лыжах в тайгу, где вчера дрова рубил, на братьев даже не взглянул.

А братья не успели и слова вымолвить. Но делать нечего, вскоре и они ушли в тайгу.

Младший брат идет, следы зверьков ищет. Дошел так до места, где вчера рубил дрова, и опять увидел ту девушку. Только сегодня она была одета в костюм охотника. Девушка взяла у молодца его самострелы, лук со стрелами, силки и петли, сеточки-рукавчики, а его ввела в шалаш и сказала:

– Возьми эту новую одежду настоящего охотника, я ее для тебя сшила. Завтра на всех тропках поставь самострелы, укрепи ловушки, растяни петли. А сегодня спи, набирайся сил!

Только она так сказала, как юноша упал на постель и заснул крепким сном.

Утром молодец проснулся, все сделал так, как сказала ему девушка. Пришел он после этого в шалаш, а там его уже обед поджидает. Еще через день отправился проверить ловушки. Что ни ловушка, то полна зверей, да не простых, а самых ценных. Целый день носил он в шалаш свою добычу. А обрабатывал ее еще три дня. Повесил шкурки сушиться, а сам опять пошел самострелы ставить. Так прожил он девять дней и каждый раз приносил обильную добычу. В конце девятого дня девушка спрашивает молодца:

– Ну как, молодец, пойдешь ли к своим братьям или у меня останешься, самым удачливым охотником станешь?

Молодец ей отвечает:

– Милая девушка, никак мне остаться у тебя нельзя. Братья старшие беспокоиться будут. Завтра пойду к ним, добычу понесу, пускай порадуются.

Девушка спросила наутро:

– На следующий год осенью придешь ли, или больше мне тебя не ждать?

– Приду обязательно, – сказал молодец.

Потом потащил он нарты свои охотничьи, полные добытой пушнины. Шел он так целый день. К вечеру, когда стемнело, увидел впереди свет. Пошел на него и видит домик, у дверей которого стоит незнакомая женщина. Как только он подошел к ней, она ему сказала:

– Друг-молодец, тебя ожидая, я замерзла. Долго ты шел. Для тебя приготовила я ночлег, еду разную, питье вкусное. Но прежде умойся ледяной водой!

Умылся молодец ледяной водой и превратился в красивого, сильного, статного, богатыря мудрого. Вошел в дом, поел, попил, лег на постель и заснул крепким сном.

Утром мэргэн поблагодарил женщину и снова потащил нарты с пушниной. Женщина шла рядом с ним, помогала тянуть тяжелый груз, а потом говорит:

– Ну, мэргэн, дальше мне идти нельзя. Будь удачлив во всех делах!

Мэргэн пошел дальше один. Идет, нарты тянет, как упряжка хороших собак. Решил молодец больше нигде не ночевать. Шел-шел, но вот опять настал вечер. Опять впереди показался огонек. Молодец мимо дома решил пройти, только девушку, стоящую у дверей, снегом запорошил. А она за ним побежала. Бежит и кричит ему:

– Мэргэн, остановись, переночуй в моем доме! Остановись!

Прислушался к этим словам молодец, остановился. Дождался женщину, вместе с ней вернулся в дом. Рассказала она, что старший брат его, узнав об охотничьей удаче младшего, решил убить его и забрать всю пушнину. Он насторожил в глухом ущелье самострел.

– Я тебя жалею, потому и остановила. Я сестра той, которая тебя любит, для которой ты муж.

Поел молодец кушаний разных, попил напитков таежных, лег на постель и уснул крепким сном.

На следующее утро пошел он дальше. Зашел в ущелье и видит: из-за дерева смотрит ему в грудь медвежий самострел. Обошел насторожку молодец и бросил в нее комок снега, вмиг стрела ударила и пронзила этот комок насквозь. Ничего не сказал молодец, только языком зацокал от изумления да головой покачал от возмущения. Пошел дальше. Женщина, которая его провожала, прошептала на ухо:

– Дальше этого перелеска я идти не могу. Смотри, дальше ты встретишь своего зятя и старшую сестру. Поклонись им от меня и дай трех своих лучших соболей. Они отпустят тебя и помогут в пути. Еще дальше пойдешь, встретишь амбар-дяяо. Это не простой ам-

бар, а тайник твоих предков. В нем хранятся ценности всего рода. К ним прибавь своих зверей, пушнину. Придешь в родное селение, в первый день никуда не ходи! На следующий день иди к купцу и продай ту свою пушнину, которая к тому времени в доме появится!..

Так молодец и сделал. На своем пути он встретил большое селение. В нем жили его старшая сестра и зять. Встретились они впервые в жизни. Сестра устроила большой пир. Брат в благодарность подарил им трех самых лучших черных соболей. А они ему дали ключ от родового амбара.

Через три дня пути он нашел этот родовой амбар, дяяо такту. Никто его не открывал после смерти родового вождя – халада, деда молодца. Только мэргэн вставил ключ в запор, так дверь сама открылась. Повесил он всю свою пушнину и пошел в родное селение.

Пришел в селение, постучался в окно из рыбьей кожи. Двери открылись, и встретили его мать с отцом. А два его брата сидели в доме и рассказывали о своих подвигах на охоте. До этого они сказали, что их младший брат погиб, растерзали его звери таежные, ни одной косточки не оставили.

Как только увидели они своего брата живого и невредимого, так от стыда под циновки на кане забились. Никак выйти не могут. Увидел это младший брат, рассмеялся и простил их козни и свои обиды.

Подошел он к промысловому столу, а там лежит вся добытая им пушнина.

После этого все они стали жить дружно и счастливо. На следующий год младший брат опять поехал в тайгу, привез с собой жену и сына. Так все вместе и жили. Удача им сопутствовала во всем.

Рассказала В. Урангина
(с. Булава, Ульчский р-н, Хабаровский край).
Записали в 1957 г. и перевели Л. и Ю. Сем

ДВЕ СЕСТРЫ-ПУДИН*

Сказка

На берегу широкого и полноводного Мангу** стояло заброшенное стойбище. Его полуразвалившиеся дома далеко виднелись по реке. Люди боялись этих мест.

Как попали в эти места две сестрицы-пудин, никто не знает, никто не ведает. Не знали об этом и они сами. Только жили они в верхней части стойбища, у самой тайги.

Рано утром, когда запоет первая птица, они поднимались с теплого кана и шли ловить рыбу – сазана, калугу, амура, ленка или что попадется. Надоест им рыбачить, идут охотиться в тайгу, и тогда берегись, не попадайся им на глаза зверь таежный, птица поднебесная. Их луки не знали промаха, их копья разили насмерть.

И всегда в их доме был порядок и достаток.

Так они и жили.

Но вот однажды, поздно вечером, пришли к ним в дом два молодца, и остались ночевать. Шел день за днем, ночь за ночью, а они жили теперь вчетвером. И с этих пор уже никто не мог сказать, что это заброшенное стойбище, и потекли бы сюда гости к ним и сверху реки, и снизу реки. Да приключилась беда – пришла неизвестно откуда. Исчезли молодцы, ушло счастье, улетели птицы лесные, убежали звери таежные.

Казалось, что кто-то ждет только того, чтобы и сестрицы-пудин из стойбища уехали. Но сестрицы продолжали жить в стойбище и ожидать своих мужей. Родились у них двое детишек, у старшей – сын, у младшей – дочь. И стали сестрицы наблюдать с этого времени чудо странное.

Выйдут они из дома – на улице порядок, лыжи у стены поставлены, нарты под амбар спрятаны, берестяные ведра с водой стоят, в корзине живая рыба еще хвостом бьет, на доске кусок мяса лежит, кровь источает. Заглянут в амбар, а там всего полно, даже дверь закрыть трудно.

Удивлялись они, удивлялись этому чуду, а потом и удивляться перестали.

---

* Пудин (ульч., нан.) – красавица, сказочная героиня.
** Мангу (ульч.) – река Амур.

Живут себе и живут. Старшая сестра любит, ласкает своего сына, а младшая как-то равнодушна к своей дочери, то ли не очень ее любит, то ли стесняется показать свою любовь.

Растут брат и сестра. И вот однажды сидят сестрицы со своими детишками дома, вдруг дверь распахнулась. Младшая сестра чего-то испугалась, схватила свою дочь и спрятала ее на грудь под халатом. Легла вниз лицом на кан и с головой одеялом накрылась. А старшая сестра с удивлением смотрит на дверь и думает: «Кто же это в дом ломится без спроса?»

Осторожно, бочком в двери протиснулся большой бурый медведь и прямо к ней подошел. От испугу старшая сестра протянула ему своего сына. А медведь как будто бы только этого и ждал. Подхватил он мальчика, посадил его на свое колено, лапой гладит, обнюхивает, как будто бы целует. А потом стал с ним играть. Мальчик не боится медведя, верхом на нем ездит, ручки в пасть запихивает, за шерсть косматую теребит. Старшая сестра это увидела, сначала удивилась, а потом успокоилась, свернула цигарку табаку и подала медведю. Смотрит на него и думает: «Странно, таежный зверь, а табак курит, медведь — а сына ласкает. Странно!»

Медведь покурил, поласкал мальчика, поиграл с ним, взглянул на младшую сестру на кане и ушел из дома. Смотрит старшая сестра из окна, а медведь постоял около амбара да и пошел на другую сторону Мангу-реки.

Старшая сестра и говорит:

— Сестрица, ты сегодня какая-то странная, на охоте зверя бьешь, птицу ловишь, а в доме таежного зверя застеснялась. Если испугалась его, то и пряталась бы одна, а зачем дочку с собой берешь? Он бы с ней поиграл.

Младшая сестра лежит и ничего не отвечает. Только поздно вечером сошла она с канов.

Прошло несколько дней. И опять, как в прошлый раз, сидели сестрицы вечером, вышивали халаты. Вдруг дверь распахнулась и вошел медведь. Только это был не тот медведь, который уже приходил, а другой. Он вошел и сразу же к младшей сестре направился. Та испугалась, бежать собралась. Медведь подошел, наклонился к девочке, хотел ее обнять. А пудин вырвала у него свою дочку и к себе притянула. Снова, как и в первый раз, она

прижала ее к своей груди и под халат спрятала. А сама легла лицом вниз на каны и одеялом накрылась.

Медведь застыл на месте, посмотрел жалобным взглядом, как будто сказать что-то хотел. Старшая сестра даже слезы в уголках его глаз увидела. Сколько ни сидел на канах рядом медведь, младшая сестра так и не посмотрела в его сторону, не предложила ему выкурить табаку, не показала ему девочку. Вздохнул тут медведь, встал и пошел обратно в тайгу.

Как только дверь за ним захлопнулась, старшая сестра стала ее упрекать:

– Что же ты, сестрица, так ведешь себя с гостем. Он хоть и таежный зверь, но гость. А обычай наших предков велит принять гостя, накормить его, дать трубку выкурить, расспросить о жизни. А ты все капризничаешь. Это к добру не приведет. Зверю таежному ничего не стоит обидеть тебя, поцарапать, а то и убить.

Младшая сестра быстро с кана встала, рассердилась:

– Ты за что меня упрекаешь, сестрица моя родная, сестрица моя старшая? Если этот медведь зверь – то пускай по тайге и бродит, если этот зверь – человек, то в облике человека пускай и приходит. Зачем же к нам врываться зверем таежным? Удивительно мне: утром на охоте бьем зверя таежного, вечером его как гостя принимать будем?

Ничего не смогла ей ответить старшая сестра, промолчала.

Прошло несколько дней. Однажды сидят они, как всегда, на нарах, занимаются домашними делами. Вдруг во дворе раздался шум непонятный: не то топот медведя, не то быстрые шаги человека.

Насторожились сестрицы, присмирели дети. Дверь раскрылась, вошел красивый юноша. Коса его была туго заплетена, глаза горели, сам он был стройный, как камышинка. Посмотрела на него старшая сестра, и показалось ей, что это ее прежний муж, что это первый медведь, который приходил в их дом. Смотрит на него и думает: «Наверно, это кажется мне, – столько лет прошло, как муж пропал».

Тогда старшая сестра достала из сундука самый нарядный шелковый халат, серьги, браслеты, носовую серьгу, надела их и сама стала красавицей-пудин. Провела она молодца к почетному месту – малу, стала его

угощать, свернула огромную цигарку табаку, величиной с птицу кори, вставила ее в трубку, размером с длинный шест, и подала мэргэну.

Сидит он на кане, несколько раз потянул трубку, а потом вынул из-за пазухи медный кувшинчик хо, налил туда вина, подал старшей сестре:

– Ну, жена моя верная, пей вино, разве ты меня не признала? Превратил меня злой дух в медведя, заставил по тайге шататься. Но показала ты мне сына, и пали чары колдовские. И вот я опять человек. Стань снова моей женой!

Обрадовалась старшая сестра, но говорит ему:

– Как же я могу себя выдать замуж, или ты забыл обычаи наших предков? Проси меня у младшей сестры, дай ей выкуп подходящий!

Подал тут молодец вино и стал просить у младшей сестры выдать за него замуж ее старшую сестру. Выкуп обещал дать бесценный, вернуть и ей мужа.

Младшая сестра дала свое согласие.

На следующий день приплыл на лодке другой красивый и сильный молодец. Зашел он в дом с разными вкусными яствами, подошел к младшей сестре, а та как сидела на нарах, так и осталась там. Повернулась к стене, сидит и вышивает, на пришедшего молодца внимания не обращает.

Старшая сестра стала угощать зятя и никак не может понять, почему так ведет себя младшая сестра. Думает она: «Почему же сестрица так ведет себя – не нравится ей то медведь, то молодец? А может быть, это ее прежний муж, она его не узнала, да еще и прогонит».

Кончили они пировать. Этот молодец встал, вышел на улицу и разжег огромный костер. Когда он разгорелся, то прямо прыгнул в него. Еще выше взметнулось пламя, а молодец исчез.

Старшая сестра опять думает: «Зачем же это он сделал? От обиды, что жена его не признала?»

Пришла она в дом и рассказала все своей сестре.

Младшая сестра на следующий день в другом месте тоже разожгла большой костер, но немного поменьше костра молодца. Надела на себя самый нарядный халат, в котором на свадьбе была, нанизала на пальцы колечек до самых ногтей, надела серебряных и золотых браслетов

от запястья до локтя. Затем схватила свою дочь и прыгнула вместе с ней в костер. Прыгнула она и сразу же потеряла сознание. Когда очнулась, то очутилась в буни – подземном мире мертвых.

Идет она по буни и набрела на небольшой домик. Зашла в него, а там сидит старушка.

– Ой, дочка, давно я тебя жду! Знаешь ли ты, что твой муж скоро умрет? Он сильно рассердился на тебя. Ты его не признаешь. Не бойся его, он тебе вреда не хочет, добро принесет. Теперь иди вперед! Там встретишь две горные речки: с черной и с белой водой. Вымой в этих водах дочку, покупайся в них сама! А теперь иди! – сказала ей старушка.

Пошла пудин, шла она, шла и дошла до двух горных речек. Одна речка с белой водой, другая – с черной. Одна течет из подземного мира в мир живых, другая в обратном направлении – из мира живых в мир мертвых. Подошла пудин к речке с белой водой, вымыла девочку, подошла к реке с черной водой – выкупалась сама. И пошла дальше.

Шла-шла и встретила еще одну старушку.

– Э-э, девушка, как тебе удалось дойти до этого места? Никто еще из людей Среднего мира сюда не доходил. Иди сюда, я тебе помогу! – говорит старушка.

Подошла к ней пудин, старушка обмыла ее тело и лицо, ополоснула ребенка в прозрачной воде, дала им новую одежду. А потом и говорит:

– Детка, скоро придет сюда твой муж. Когда он придет, то возьмет дочку и поцелует. Не отнимай девочку. Это спасет его от смерти. До этого я его спасала, но сегодня мои силы иссякнут. Это же твой муж, стань опять его женой!

Вечером зашел молодец, подошел к ребенку, стал с ним играть, обнимать, смеяться. А на прощанье поцеловал он дочку, а та его. Только тогда девушка-пудин увидела, что это был ее муж. Она бросилась к нему на шею и стала просить прощения. Злой дух заколдовал и ее так, что она не могла видеть своего мужа. Вновь они стали мужем и женой.

Старушка им на прощанье сказала:

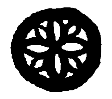
– Дети мои, мне с вами больше оставаться нельзя, меня ждут другие дела. Вы же живите мирно и счастливо.

Больше злого духа не будет. Ваша любовь изгнала его из мира живущих людей. А теперь поезжайте к себе на родину, там вас ждут сестра с мужем и сыном.

Старушка превратилась в утку и улетела.

Молодец взял жену и дочку, посадил их на нарты, и поехали они на реку Мангу. Там они и сейчас живут. А злого духа больше не стало, не появлялся он среди людей Земли. Не стало больше и заброшенных стойбищ.

Рассказала В. Урангина
(с. Булава, Ульчский р-н, Хабаровский край).
Записали в 1957 г. и перевели Л. и Ю. Сем



Удэгейцы

ТИГР И ЧЕЛОВЕК

Сказка

Давно тигр Кутэ жил в тайге. Думал: «Сильнее меня нет никого на свете. Я самый сильный». Так ходил, ходил, всех зверей пугал, кругом все боялись. Как-то, поймав добычу, тигр наелся и отдыхал под деревом. Слышит, кто-то позвал его. На ветке сидела птица Куа.

Говорит ему:

– Ты и в самом деле думаешь, что самый сильный? Сильнее тебя есть!

Тигр сразу вскочил на ноги, вверх поглядел:

– Кто сильнее меня? Говори!

Птица говорит:

– Человек сильнее тебя, вот кто!

Так сказала и улетела. Тигр, никогда не видавший человека, захотел увидеть его. Искать пошел. Ходил, ходил – навстречу сохатый попался.

– Ты человек, что ли? – спрашивает тигр.

– Нет, – говорит сохатый, – человек совсем другой, ты его зачем ищешь?

Тигр говорит:

– Хочу посмотреть немножко...

Тот сохатый ему говорит:

– Зря ты хочешь его посмотреть. Человек сильнее тебя, он может убить...

Тот тигр смеяться стал. Пошел дальше. Навстречу изюбрь попался.

– Ты человек, что ли? – спрашивает опять.

– Нет, я изюбрь. Зачем ты ищешь человека? Он сильнее тебя...

Тигр не поверил, дальше пошел. Ходил, ходил. Смотрит – кто-то на двух ногах стоит, дерево рубит. Тот тигр, притаившись, разглядывать стал. Потом ближе подкрался. Человек заметил тигра. Спрашивает:

– Что тебе нужно?

Тигр говорит:

– Хочу посмотреть человека.

– Вот как плохо ты задумал! – говорит человек. – Ты разве не знаешь, что он сильнее тебя? Смотреть на него опасно.

Тот тигр не поверил опять. Тогда человек говорит:

– Ладно. Я тебе помогу. Только надо привязать тебя к дереву, сейчас человека увидишь.

Так и сделал, привязал того тигра к дереву, сам пошел, взял ружье, выстрелил тигру прямо в глаз. Тот тигр реветь стал, просить стал:

– Отпусти меня, теперь вижу – ты, человек, сильнее меня.

Человек отпустил его, говоря:

– Теперь беги в тайгу, беги подальше и человеку не попадайся.

С тех пор все звери человека боятся.

Рассказал Б. Кялундзюга
(с. Гвасюги, р-н им. Лазо, Хабаровский край).
Записала в 1946 г. и перевела Ю. Шестакова

КАК УДЗЯ ЖЕНИЛСЯ

Сказка

Два брата жили. Старший – Егдыга, младшего звали Удзя (глуповатый). Так жили-были, охотились, рыбу ловили немножко, плохо, бедно жили. Одежды не было. Из сухой травы сплели себе одежду, халаты сделали. Другие люди смеялись.

Однажды Егдыга говорит:

– Как дальше жить будем, где невесту искать будем? Надо жениться.

Удзя отвечает:

– Я придумал, что сделать. Пойдем на другое стойбище. Там живет Канда-Мафа. У него две дочери есть, будем сватать.

Егдыга рассердился, говорит брату:

– Глупый ты, Удзя, ничего не понимаешь. Как мы пойдем к нему? Он богатый, большой калым просить будет. У нас ничего нет.

Тогда Удзя, захохотав, сказал:

– Этот раз послушаешь меня, хорошо будет. Идем!

Вот они пошли на то стойбище. Там жил Канда-Мафа. Пришли к нему в дом, стоят у порога.

Старшая дочь стала смеяться над ними:

– Кто вам такие халаты шил?

Сама выдергивает у них из халатов нитки, в огонь бросает.

Младшая сестра говорит ей:

– Зачем так делаешь, нехорошо смеяться.

Старшая отвечает:

– Они все равно ничего не понимают.

Канда-Мафа долго смотрел на них, потом спрашивает:

– Зачем пришли?

Братья рассказали ему о своем деле, что свататься пришли.

Канда-Мафа засмеялся и говорит:

– Я не знаю вашего богатства. Если у вас больше богатства, чем у меня, тогда возьмете моих дочерей в жены.

Егдыга испугался, слушавши старика. А старик еще одно слово сказал:

– Если ваше богатство меньше моего, тогда придете ко мне всякую работу делать, служить мне будете...

Тогда младший брат Удзя говорит:

– Ладно, Канда-Мафа, ты правильно рассудил, мы соглашаемся. Давайте посмотрим, у кого больше богатства.

Когда они вышли из дома, Егдыга стал бранить брата. Дома тоже все время ругался:

– Зачем головой не думаешь? Теперь будем всю жизнь страдать. Канда-Мафа палками бить будет...

– Замолчи, – говорит Удзя, – ты не знаешь, какой сон мне приснился. Я должен пойти на сопку.

Сказавши так, вышел из шалаша. Пошел в сопки. Там на самой вершине черепаху увидел. Спрашивает:

– Зачем так высоко залезла?

Черепаха говорит:

– Разве не знаешь, что большая вода идет, наводнение будет...

Удзя побежал домой, всех людей собрал, всем про это дело рассказывает. Люди слушают, не знают, что делать. Одна самая старая старуха говорит:

– Надо хороший холм найти, на этом холме спасемся.

Вот люди нашли высокий холм, стали перебираться на это место. Все шкуры из амбаров достали, туда на лодках везут, все разноцветные халаты на рогульках развесили, железные котлы на землю поставили.

Удзя говорит брату:

– Егдыга, идем скорее, Канда-Мафа нас ожидает.

Пришли туда. Канда-Мафа стал свое богатство показывать. Много показал соболиных шкур, много халатов разных, материи всякой. Так думал: «Вот нашлись два дурака, хотят со мной богатством померяться».

Удзя, не долго думавши, говорит:

– Много всего у тебя, Канда-Мафа, но у нас больше, пойдем смотреть.

Пришел Канда-Мафа на холм, увидел, сколько железных котлов, сколько мехов разных, сколько халатов всяких, и от зависти чуть не лопнул, рассердился.

– Ладно, берите моих дочерей, вижу, что вы богатые, – говорит.

Егдыга взял старшую дочь, Удзя – младшую.

Рассказала Х. Кялундзюга
(с. Гвасюги, р-н им. Лазо, Хабаровский край).
Записала в 1946 г. и перевела Ю. Шестакова

СЕМЬ БРАТЬЕВ

Сказка

Жили семеро братьев и их сестра – бэле. Братья на охоту ходили, сестра еду варила, шила братьям из кожи одежду и обувь. Однажды, вернувшись с охоты, братья принесли плохую новость: будто белки-людоеды идут к ним и всех по пути съедают. Спрятали они сестренку в

очаге, сверху залили кровью добытых животных и засыпали золой. Дымоход, двери намазали салом, даже инструменты для выделки звериных кож. Только обувь – старые заброшенные олоти – забыли салом мазнуть. Уходя, братья сказали вещам в доме:

– Скажите белкам-людоедам, что мы накормили вас салом.

А сами улетели на небо. Прискакали белки-людоеды, стали искать, братьев спрашивать:

– Скажи, дымоход, куда ушли братья?

– Меня салом накормили, не скажу, – отвечает дымоход.

– Дверь, куда братья делись? – спрашивают белки-людоеды.

– Меня салом накормили, не скажу, – отвечает дверь.

– А нас салом не кормили, мы скажем, – прибежали старые олоти. – Братья на небо улетели, сестренку – бэле в очаге закопали.

Белки-людоеды стали копьем бить и дверь, и дымоход, и очаг! Ага! Копье в крови измазалось.

– Убили бэле, – обрадовались белки, через дымоход выскочили и ускакали.

Вылезла из очага бэле, развела костер, сожгла старые олоти. Стала собираться в путь. Нагрузила нарту, запрягла собаку, сзади нарты привязала метлу:

– Березовая метла, замети наш след, пусть думают белки, что меня на свете нет.

Собака побежала, нарту потащила, метла след снегом заметает. Вдруг остановились: нарта за болотную кочку зацепилась, застряла. Вылезла из кочки лягушка – эмэнда:

– Что это за ездок такой, за мой дом цепляется, ку-кэ-кэ?

Волосы у эмэнды растрепанные, глаза выпученные, одежда из рыбьей кожи. Бэле в ее дом вошла. Видит: на одной стороне две лягушки пыхтят, рядом с ними лягушата лежат.

– Эмэнда, зачем лягушки здесь сидят? – спрашивает бэле.

– Это мои родители, братья, сестры, – отвечает эмэнда.

– Не могу я вместе с ними спать, – говорит бэле.

Эмэнда всех лягушек с лягушатами в подол халата из рыбьей кожи собрала, на другие кочки отнесла.

Стали жить бэле и эмэнда в соломенном шалаше. Бэле принесла лопухи, поставила возле кана. Сняла халат, стала голову мыть. Тут на улице собаки залаяли.

– Эмэнда, посмотри, на кого собаки лают?

Эмэнда выглянула:

– Никого не видно. Листья от ветра шуршат, вот собаки и лают.

Вдруг два мужских голоса послышались. Бэле не успела халат накинуть, вошли два егдыга, два брата. Бэле скорее в лопух превратилась. Старший брат сел на стороне эмэнды, младший брат – на стороне бэле. Посмотрел вокруг, про себя удивился: «Кем-то халат, весь узорами расшитый, снят, берестяная хаса с водой приготовлена, а никого нет». Взял лопух, охотничьим ножом его чуть надрезал, а из лопуха кровь потекла. Младший брат закрыл надрез, лопух на место положил.

На другое утро эмэнда вместе с братьями собралась уходить. Надела халат, узорами расшитый, который бэле носила, а свой, из рыбьей кожи, дома оставила. Шли, шли они, тут младший брат вспомнил, что забыл свой охотничий нож в доме эмэнды. Она не велит возвращаться:

– Зачем? Лучше новый сделаешь.

Младший брат не послушался, обратно к дому пошел. Подходя, женский голос слышит:

– Эмэнда мой халат надела, свой оставила.

Тут егдыга вошел. Бэле растерялась, хотела в лопух превратиться, да не успела, только наполовину превратилась.

– Бэле, – говорит егдыга. – Как одна будешь жить? Выходи за меня замуж.

Бэле согласилась. Догнали они старшего брата с эмэндой. Бэле свой халат забрала, эмэнде из рыбьей кожи отдала.

Канда-Мафа со старухой ждут своих сыновей, все на дорогу выходят, вдаль смотрят. Старуха первая увидела, мужу говорит:

– Мафа, наши сыновья идут, да не одни.

– Мать, стели скорей дорогу шелками от порога, шелками постель застилай. Будем невесток встречать.

Эмэнда по шелковой дороге прошлась, на шелковую постель прямо в обуви, в улах забралась.

– Я у матери, у отца по шелкам ходила, на шелковой постели сидела.

Бэле в дом вошла, прежде чем ступить, убрала с дороги шелка, а постель подогнула и села. Старик со старухой переглянулись: «Аккуратная у младшего сына жена».

Жили-жили. Однажды старик говорит старшей невестке:

– Ломят у меня, старика, кости, хочу их погреть. Разведи-ка костер.

Побежала эмэнда, выбрала дрова из сирени. Большой костер развела, приглашает Канда-Мафа:

– Одо, поближе к костру садись, погрей свои кости.

Поближе сел старик. Костер разгорелся, да так сильно, дрова трещат, искры во все стороны летят.

– Ой, горю, горю! – закричал старик. – Кто же сиреневые поленья в костер кладет? Выброси, старуха, дрова на улицу, а то сгорим.

Однажды Канда-Мафа старшую невестку просит:

– Что-то под старость лет каши захотелось. Свари-ка для меня каши.

Эмэнда схватила кастрюлю, на берег побежала, набрала в кастрюлю песку и поставила варить. Как вода закипела, сняла кастрюлю, поставила перед стариком:

– Одо, пробуй, да поглубже ложкой черпай.

Канда-Мафа полную деревянную ложку каши зачерпнул, в рот отправил.

– Ой-ой, – кричит, – рот ожег! Кто же это кашу из песка варит? Иди, старуха, вывали кашу на улицу.

Жили-жили. Однажды старик говорит старшей невестке:

– Пригласи в гости своих родителей, сестер, братьев. Хочу на них посмотреть.

– Можно и пригласить! – Эмэнда из дома выскочила, на болото побежала. А Канда-Мафа просит жену:

– Старуха, постели шелк от порога, да и постель накрой шелками, – будем гостей встречать.

Эмэнда прибежала, принесла в подоле халата лягушек, вывалила их на постель. Запрыгали по шелкам большие и маленькие лягушки, заквакали: ква-а-а, ква-а-а...

– Ой-ой, старуха, убери лягушек, видеть их не хочу! – закричал Канда-Мафа.

Жили-жили. Однажды Канда-Мафа младшую невестку просит:

– Жена моего младшего сына, разведи костер, что-то мне захотелось старые кости погреть.

– Одо, – смущается бэле, – смогу ли угодить тебе? Даже не знаю, какие дрова заготовить.

– Ну уж, как знаешь, а только придется тебе костер развести.

Пошла бэле к молокчи, где дрова заготавливают. Села под сухим деревом и незаметно уснула. Видит сон, будто пришли ее братья, заготовили хороших дров, будят сестру – домой дрова нести: старик, наверно, давно ждет. Проснулась. Видит: заготовленные дрова лежат. Принесла она дрова домой, развела костер из ясеневых поленьев.

– Одо, иди погрей свои кости, да подальше от костра садись, а то обожжешься.

Хороший костер был, жаркий. Канда-Мафа доволен остался.

Жили-жили. Однажды Канда-Мафа опять просит бэле:

– Свари-ка мне кашу, что-то каши захотелось на старости лет.

– Одо, где же я найду хорошее пшено, чтобы кашу сварить? – печалится бэле.

– Ну уж где хочешь найди, а свари кашу.

Бэле вышла на улицу, пошла по тропинке в лес, заплакала. Возле сухого дерева села, уснула. Видит сон: будто пришли братья, принесли тягбала – мешочек пшена и будят ее: «Проснись, сестричка, старик ждет кашу». Проснулась бэле, а возле нее мешочек пшена лежит. Пошла домой, сварила кашу. Вкусная получилась, старик остался доволен.

Жили-жили. Канда-Мафа говорит бэле:

– Пригласи в гости братьев своих, хочу перед смертью на них поглядеть.

– Одо, где же я своих семерых братьев найду?

– Ну уж не знаю, а только пригласи.

Бэле вышла из дома, пошла по тропинке в лес, заплакала. Возле сухого дерева села, незаметно уснула. Проснувшись, видит: стоят возле нее все семеро братьев.

– Веди нас к себе, – говорят.

Услышали старик и старуха, что гости идут, стали дорогу от порога шелками выстилать, угощали братьев вкусной едой – солими. Братья погостили, стали собираться:

– Сестричка, прощай, мы больше к тебе не придем. Мы на семи девушках женились – звездах Вайкта.

Так сказали и улетели на небо. Бэле осталась на земле.

Рассказала В. Кялундзюга
(с. Гвасюги, р-н им. Лазо, Хабаровский край).
Запись и литературная обработка А. Чадаевой

СЭЛЭМЭГЭ

Сказка

Жил один человек по имени Гээнтэй. Имел он жену. Жена его была беременна.

Однажды он сказал жене:

– Пойду-ка я посмотреть на Сэлэмэгэ, питающегося, как говорят, железом.

А жена и говорит:

– Ну, если мы так будем жить, нам до того места, где Сэлэмэгэ живет, не дойти, по дороге погибнем.

– Пойду! Иначе что я за человек такой, если дойти не сумею!

Жена говорит:

– Ну, если ты все же хочешь идти к Сэлэмэгэ, приготовь дров. За день семь поленниц поставь.

Только шесть поленниц поставил Гээнтэй, жена и говорит:

– Как же ты пойдешь, если у тебя так вот получается? Брось, не ходи. Как же ты пойдешь, если ты такой слабый?

– Пока не схожу – не успокоюсь. Пойду! – говорит муж. – Сделай мне унты.

Сделала. Из одной половины шкуры лося на одну ногу, из другой половины – на другую. Муж говорит:

– Слишком велики! Что это за унты сделала? Обрежь, чтобы поменьше были!

Обрезала. Отправился.

Пришел к одной старухе. Та старуха одной рукой скалу подпирает, другой – просо пересыпает. Сказала старуха Гээнтэю:

– Гээнтэй, куда идешь?

– Я иду к Сэлэмэгэ.

– Ну, если ты идешь к Сэлэмэгэ, одной рукой мою скалу подпирай, другой – просо пересыпай!

Попробовал Гээнтэй одной рукой скалу подпирать, другой просо пересыпать, да не смог, из сил выбился.

Тогда старуха сказала:

– Если у тебя так получается, как же ты пойдешь к Сэлэмэгэ?

Гээнтэй все равно пошел. Шел-шел и встретил старика Канда-Мафа.

– Гээнтэй, ты куда идешь?

– К Сэлэмэгэ.

– Ну, если ты идешь к Сэлэмэгэ, глотай мою картошку – клубни этого растения.

Не смог. Не проглотил. Отправился дальше.

Шел-шел Гээнтэй и набрел на след. Широко кто-то шагал. И унты у того большие. Попробовал было Гээнтэй так же шагать – не может, ступать след в след не может. Пошел дальше.

Шел- шел. Далеко ли, близко ли шел, увидел какое-то жилье. Дошел до него. Вошел. Сидит там одна старуха – мать Сэлэмэгэ. Вошел Гээнтэй, а старуха калила железо на огне. Железо ее докрасна раскалилось. Раскалив, хочет дать его Гээнтэю:

– На, согрейся грелкой моего сына!

Гээнтэй не стал.

– Не буду, – говорит.

Взяла мать Сэлэмэгэ это железо, разгрызла зубами и прыснула Гээнтэю в лицо. Все лицо у него обгорело и сморщилось.

Вечером пришел домой Сэлэмэгэ. Принес убитых медведей. Одного принес, привязав к поясу, другого – взяв в охапку. Того, которого нес в охапке, бросил Гээнтэю, а Гээнтэй – шлеп! – уронил его наземь. Бросил медведя Гээнтэй Сэлэмэгэ обратно. Высоко вверху поймал Сэлэмэгэ и снова бросил Гээнтэю. Шлеп! – уронил наземь Гээнтэй.

Сэлэмэгэ говорит:

– Ну, Гээнтэй, давай состязаться в быстроте!

Начали они свежевать медведей. Сэлэмэгэ уже сдирает шкуру, а Гээнтэй еще только вспарывать начинает. Сэлэмэгэ уже окорока отнял, Гээнтэй только шкуру начал снимать. Сэлэмэгэ свой котел на огонь поставил – мясо варить. Когда тот ставил свой котел на огонь, Гээнтэй еще только начинал отнимать окорока. Мясо на куски разрезал Сэлэмэгэ, а Гээнтэй тушу на куски едва кончил разнимать. Сэлэмэгэ свой котел снял, начал есть. Когда Сэлэмэгэ уже есть начинал, Гээнтэй только ставил свой котел на огонь. Сэлэмэгэ уже есть кончает, а Гээнтэй все еще варит. Сэлэмэгэ уже есть кончил, а Гээнтэй только снял свой котел и принялся за еду. Много спустя после того, как кончил Сэлэмэгэ есть, принялся за еду Гээнтэй. Почти всю ночь ел, тогда как товарищ его давным-давно кончил.

Наконец кончил и Гээнтэй. Легли спать.

Утром встали. Сэлэмэгэ и говорит Гээнтэю:

– Ну, Гээнтэй, что бы нам такое найти подходящее? На игрище тебя вести – напрасное дело, лучше ты у меня на всшалах, где вялят рыбу, будешь ворон пугать.

Натыкали в язык Гээнтэю иголок, привязали ему к рукам молоток и отнесли на вешала:

– Прилетят вороны клевать, так ты молотком – тук-тук, тук-тук – постукивай, отпугивай их.

После этого много времени прошло. Жена Гээнтэя в отсутствие мужа мальчика родила. Вот начал сын Гээнтэя ползать, потом ходить. Прошло много времени, и стал он большой. Однажды спрашивает сын Гээнтэя у своей матери:

– Мама, был у меня отец или нет?

– Был, был, – сказала мать.

– Мама, а как звали моего отца?

А мать ему так говорила:

– Нельзя, грешно его имя произносить, ведь отец твой, наверное, умер.

Ребенок заплакал. И тогда мать сказала:

– Твоего отца звали Гээнтэй.

Узнал он, как звали отца. Обрадовался.

– Гээнтэй, Гээнтэй, Гээнтэй, – твердил, бегая взад и вперед. – Гээнтэй, Гээнтэй... – бух! – и упал мальчуган.

Упал и забыл, как звали отца. Пошел опять к матери, заплакал:

– Мама, как звали отца? Я забыл.

– Грешно, дитя мое, грешно. Ведь он, наверное, умер и поэтому не возвращается.

– Я хочу знать, как звали отца, – плакал ребенок.

– Его звали Гээнтэй, Гээнтэй, – сказала мать.

Так вот и вырос мальчик. Начал ходить в тайгу на охоту.

– Мама, сделай мне унты!

Ну что же, сделала ему мать унты. На одну ногу – полшкуры, полшкуры – на другую. Вышла одна пара. Надел он унты.

– Ай-ай, ну и маленькие же, – говорит. – Ты надставька, чтобы побольше были.

Надставила. Снова надел их сын. Отправляется. Мать пошла посмотреть, как ее сын пойдет. Провожая, сказала:

– Тот, кто твоим отцом был, посильнее тебя.

А сын говорит:

– Ладно, хоть я и слабый, пойду отца искать.

Пошел.

Пришел к старухе. А старуха одной рукой скалу подпирает, другой – просо пересыпает.

– Тугума, ты куда идешь?

– По следам отца иду, – говорит.

Тогда старуха сказала:

– Ну, если ты идешь по следам отца, одной рукой мою скалу подпирай, другой – просо пересыпай.

Одной рукой он скалу подпирал, другой – просо пересыпал. Так подпирал, что скривилась старухина скала.

Тогда старуха сказала:

– Тугума, твой отец был сильнее тебя, ты слабее его.

Отправился Тугума. Шел-шел и пришел к старику Канда-Мафа.

– Тугума, ты куда идешь?

– Иду по следам отца.

– Ну, Тугума, – сказал Канда-Мафа, – если ты идешь по следам отца, глотай дедушкину картошку!

Проглотил. Канда-Мафа сказал:

– Твой отец был посильнее тебя, ты послабее его.

Отправился дальше. Шел-шел и набрел на след. Шаги широкие, унты большие были. И кто-то в маленьких унтах пробовал было так же шагать, да не мог ступать след

в след. Это он следы своего отца увидел. А те широкие шаги и большие унты – следы Сэлэмэгэ. Попробовал Тугума шагать по следам Сэлэмэгэ. Так шел. Дошел до какого-то жилья. Сидит там одна старуха. Когда он вошел в дом, старуха спросила:

– Тугума, куда идешь?

– Я к твоему сыну пришел, – говорит. – А вы про моего отца ничего не знаете?

– Не знаем, – говорит.

Мать Сэлэмэгэ раскалила железо. Докрасна раскалилось.

– На, Тугума, согрейся грелкой моего сына.

Подала. Разгрыз Тугума, хруп-хруп-хруп, разгрыз и прыснул в лицо матери Сэлэмэгэ. Все лицо у нее обгорело и сморщилось.

Вечером и Сэлэмэгэ пришел домой. Двух медведей убил. Одного принес, привязав к поясу, другого – под мышкой. Бросил он Тугуме своего медведя. А Тугума высоко вверху поймал его. И вот, сидя, бросил обратно Сэлэмэгэ. А Сэлэмэгэ – шлеп! – уронил наземь, своего медведя уронил. Снова бросил Тугуме. А тот даже сидя поймал, высоко вверху поймал.

Сэлэмэгэ говорит:

– Ну, освежуем по одному. Посостязаемся в быстроте.

Тугума быстро освежевал, шкуру содрал. А Сэлэмэгэ едва-едва начинает шкуру сдирать. Тугума уже разрезал на куски, котел свой на огонь поставил. Сэлэмэгэ только еще начал отнимать окорока. Тугума поел и кончил. А Сэлэмэгэ только долго спустя управился.

Наступила ночь. Легли спать. Лег Сэлэмэгэ и думает: «Этого-то, пожалуй, можно и на игрище свести».

Утром встали, поели, одеваются. Сэлэмэгэ говорит:

– Мы с тобой на игрище пойдем.

Пошли. Шли, шли. Сэлэмэгэ и говорит опять:

– Если ты сильный – не умрешь, а если слабый – погибнешь.

Дошли до секир, воткнутых на игрище в землю лезвиями вверх. Тугума подошвы своих унтов слюной смочил-помазал. Стали перескакивать. С одного лезвия секиры на другое стали перескакивать. Побежали, до копий-рогатин добежали, остриями вверх воткнутых. Стали перескакивать. У Сэлэмэгэ из ног кровь потекла, а ноги Тугу-

мы – ничего, крови нет. Так, перескакивая, добрались до острых кривых ножей для строгания. Упал Сэлэмэгэ, наткнулся на острие и тут же умер. А Тугума – ничего, ведь сильный человек он был.

Пошел Тугума к матери Сэлэмэгэ. Стал искать своего отца. Где-то – тук-тук, тук-тук – постукивает. Вышел на улицу. Смотрит на вешала: сидит человек. А к его рукам молоток привязан.

Тугума его в дом Сэлэмэгэ принес. Отвязал привязанный к рукам молоток и спрашивает:

– Как тебя зовут? Кто ты? – говорит.

– Хал-хал, – отвечает.

Раскрыл Тугума ему рот, а там множество иголок понатыкано. Вытащил иголки, спрашивает:

– Кто ты такой?

– Я Гээнтэй.

– Ведь ты же мой отец! Я твой сын, – говорит Тугума.

Съели они запасы Сэлэмэгэ. Положил Тугума отца в свою охотничью сумочку, что носят на поясе, и отправились они домой.

Шел-шел Тугума и дошел до старика Канда-Мафа.

Канда-Мафа говорит:

– Нашел ли своего отца?

– Нашел, – говорит.

– Отдай, Тугума, ты мою картошку.

Тот выплюнул. Отправились дальше. Пришли к старухе.

– Хорошо ли ходил, Тугума?

– Хорошо.

– Нашел ли своего отца?

– Нашел.

– Поправь мою скалу.

Поправил Тугума скалу.

Пришли к матери.

– Сынок, хорошо ли ты ходил?

– Хорошо.

– Отца своего разыскал ли?

– Разыскал, – говорит.

И вытащил его из своей сумки. Получила она своего старика обратно.

Подготовила к печати в 1951 г. В. Цинциус

Нанайцы

КАК ЛИСА БОГАТОГО СТАРИКА ПЕРЕХИТРИЛА

Сказка

Жили старик со старухой, бедняки. И в том же селе богатые старик со старухой жили. Что у бедного есть? – юколы немножко. Вода не разбирает, кто бедный, кто богатый, всем делит свою рыбу. Вот раз бедный старик взял пешню, черпак для льда, огниво, пошел на махалку рыбачить. Лунку пешней пробил, машет, машет махалкой – не берет рыба, и все тут.

– Ладно, – говорит себе старик, – пойду, хоть киокто – шиповника мерзлого поем.

Зашел в такое место – много-много там шиповника, кусты как будто красной материей обтянуты. И возле кустов заметил старик лисью тропку. «Ну-ка, попробую я лису перехитрить», – думает. Пару ягод киокто в углы рта себе положил, две ягодки в ноздри, две на глаза себе положил. Притворился, замерз будто. Подошла к старику лиса. «Отчего это старик умер?» – думает. Стала звать своих родственников из тайги, с сопок.

– Здесь, – говорит, – старик мертвый лежит, замерз, что ли? А почему – непонятно: вроде бы и огниво есть у него с собой. Если от жажды умер – так и пешня, и черпак есть у него с собой. Если от голода умер, так почему ягод киокто себе всюду натыкал? Давайте к старухе его понесем.

Будто тучи собрались, отовсюду лисы прибежали. Кто за руки, кто за ноги, кто за уши – схватили старика, понесли. К дому подходят, поют:

– Сестрица, дверь открой! Твой старик замерз, мы его тебе принесли.

Открыла старуха дверь, впустила лисиц. Положили они старика на накан. Он – буль-буль-буль – вроде бы бормочет что-то. Лисы насторожились:

– Старшая сестра, что твой старик говорит?

– Ничего не говорит, оттаивает он, – отвечает старуха.

А на самом деле слушает, что старик ей бормочет:

– Старуха, окошко, дверь закрой, щели нигде не оставляй.

Старуха окно, дверь закрыла, только о трубе забыла – открытой оставила. Старик тут как вскочит, схватил поленья, начал лис колотить. Всех перебил, только одна в трубу выскочила, убежала. Старики этого не заметили. Сшили из лисьих шкур и постели, и одеяла, и одежду.

Вот раз зашел к ним в гости сосед – баян-мафа, богатый старик.

– Тц-тц-тц, – языком цокает, диву дается. – Где вы так много шкур лисьих добыли?

Старик рассказал, как дело было. Баян-мафа так же решил сделать. Пошел к кустам шиповника, ягод себе в ноздри натыкал, на рот, на глаза положил, притворился, что замерз. Подошла к нему лиса, удивилась: отчего замерз старик? Стала своих родственников лис кликать, понесли они баян-мафа к его старухе. Только к дому приближаться стали, из лесу выбежала лиса: кончики ушей у нее черные и кончик хвоста черный – та самая, что через трубу выскочила. Бежит она, поет:

– Это все обман, не верьте старику, бросьте его о землю, чтобы на куски раскололся!

Раскачали лисицы старика, швырнули на землю, он сознание потерял. Очнулся, говорит:

– Лучше бедняка никогда не слушать, какое от него счастье?

А бедняк богатеть стал, шкурки продавать.

Рассказала сказительница Д. Удинкан
(с. Улика-Национальная, Хабаровский край).
Записала и литературно обработала А. Чадаева

ИВУШКА

Сказка

Когда-то давно жил где-то один мэргэн с женой, далеко-далеко от людей. Кругом непроходимый лес был. Очень хотели детей иметь эти муж и жена – а нет и нет. Уже стали стареть, уже беспокоятся: «После нашей смерти неужели и следа от нас не останется?»

Вот жена почувствовала: под сердцем шевельнулось, сама не поверила, долго не говорила мужу. Сильнее стало дитя шевелиться. Жена думает: «Это эндур-бог нас услышал».

Муж вернулся с охоты, сердитый, мрачный. Жена, как всегда, обед собирает. Он ест нехотя.

– Ты поешь, отдохни, я тебе что-то расскажу, – говорит жена.

«Что женщина знает?» – думает муж.

А в старину говорили: женщина всегда на две вещи больше мужа знает.

Муж удивляется жене: чего радуется? Детей нету в доме – и радости в доме нет. Солнце и то как будто меньше светит. Муж поел, лег. Женщина села в изголовье.

– Мэргэн, знаешь, у нас, наконец, может, радостный день будет.

Муж сразу догадался, о чем она хочет сказать.

Вот живут они теперь весело. Муж все время на охоту ходит. Без него родила жена ему девочку, такую светлую, такую красивую. Мать у нее лицом хоть и не больно пригожая была, зато ласковая, работящая и мастерица. Сколько муж пушнины принесет, она и кусочка кожи зря не бросит. Из маленьких кусочков делает большую вещь.

Не знаю, когда появилась у них в доме кэкэчэн – служанка. Откуда взялась – никому не известно. Все в доме делает, пищу готовит, от младенца ни на шаг не отходит. Все качает, песни поет. Девочка слушает да уснет, слушает да уснет, во сне улыбается. А мать уже приданое дочери готовит, несколько амбаров-такто красивой одеждой заполнила.

Однажды ни с того ни с сего заболела у девочки мать. Так сильно заболела. Ждет: скорей бы муж с охоты вер-

нулся. Вечером пришел мэргэн. Она только и успела сказать: «Береги нашу дочь» – и умерла. Мэргэн не понимает, что за напасть такая: утром жена ни на что не жаловалась.

Похоронил он ее, осиротела девочка. И кэкэчэн как нарочно исчезла. Сколько жила – мэргэн ни разу ее лица не видел, не помнит, какая она была. Дочке лет пять-шесть, еще маленькая. Что делать? Нельзя ведь на охоту не ходить. Отец ее одну оставляет. Вернется – дочка причесана, лицо умыто, и дома все так чисто, будто кто прибирает. Увидит отец девочку – и все горе свое забывает. Уйдет на охоту – опять о жене тоскует. Так время шло, и не заметил мэргэн, когда выросла его девочка, фудикэн.

Недалеко от их дома было озеро. Фудикэн любила к нему ходить. Вот сядет возле озера, опустит в воду косу. А озеро, хоть какой сильный ветер бушует, гладкое и чистое стоит, как маслом налитое. Опустит девочка косу в воду, тихое течение откуда-то появляется, волосы ее как будто расчесывает, гладит, моет. Хорошо у озера фудикэн, сидит, песни поет.

Один раз пришел к ним какой-то юноша, красивый, статный, коса толстая, в руке острога – дёбго. Приглянулась мэргэну красавица. Отец радуется:

– Ты откуда, мэргэн, появился? У нас тут поблизости людей нету.

– По свету ходил, забрел к вам.

Могучий охотник этот мэргэн. Из тайги придет, много пушнины принесет, положит у ног фудин.

Вот раз осталась фудин одна дома, слышит: где-то кто-то зовет ее голосом точно таким, как у нее. И ее песню любимую поет. Не по себе стало девушке, на сердце нехорошо. С непокрытой головой никогда не выходила она на улицу и лицо закрывала. Пошла она к озеру, опустила в воду косу. Течение появилось, стало ей волосы гладить. Фудин песню запела. И как запела – пошли вокруг нее круги по воде, волны покатились, вода выше, выше подниматься стала, и вышел из воды, до пояса поднялся мужчина и стоит. Коса толстая, где у нее конец – не видно даже. Красивее был этот мэргэн, чем жених фудин. Спрашивает ее:

– Знаешь, кто я? Помнишь, кэкэчэн тебе песни пела, баюкала тебя? Это я тебя растил-развлекал. И не думай

за кого-нибудь другого замуж выйти. Ты – моя невеста, хочу, чтобы ты моей женой стала. Пойдем, я тебе мои владения покажу.

– Я под водой не могу ходить, – отвечает фудин. – Я ведь земной человек.

– Ты об этом не беспокойся, – отвечает мэргэн. И прямо на глазах фудин расступилась вода, будто кто одеяло откинул. Вниз мраморная лестница ведет, чем глубже – тем красивее. Спускается по ней девушка. Рыбы ей кланяются. Фудин себя не узнает: на голове корона у ней, платье все сверкает.

– Ну как, нравятся тебе мои владения? – спрашивает мэргэн.

– Не знаю, что-то холодно мне здесь.

Идут, идут, а кругом золото валяется, как простые камушки, и серебро, и драгоценные каменья, и жемчуг. Большое селение Иргэн показалось. Там люди – не люди: полурыбы-получеловеки, все фудин кланяются, ее приветствуют. А ей неуютно так, холодно, просит она мэргэна:

– Отпусти меня домой, я хоть с отцом повидаюсь. Честный человек никогда обманом не женится.

Тут видит фудин – поперек дороги появилось два ручья: по одному течет золото, по другому – серебро. Одна коса ее упала в золотой ручей, другая – в серебряный. Она этого не заметила.

Вот вышли они на то место, откуда в озеро вошли.

– Смотри, фудин, не забывай меня, а то что-нибудь недоброе случится.

– Не забуду. Да только холодно мне у тебя.

– Ничего, – мэргэн отвечает, – привыкнешь.

Пришла фудин домой – никого нет, отец с женихом на охоту ушли. Заметила вдруг: косы за ней волочатся, одна золотая, другая серебряная. О-о! Вдруг жених заметит? Положила она косы в шелковый мешочек и хорошенько завязала.

Вернулись охотники. Жених улегся возле фудин, стал ей голову гладить. Мешочек развязался, упал, и рассыпались косы, золотая и серебряная. Жених даже глаза рукой закрыл.

– Откуда это у тебя, фудин? На сердце у меня что-то тревожно стало.

– Мэргэн, у меня второй жених появился. Так, видно, мне на роду написано. Ты откажись от меня, так лучше будет для нас обоих.

Он ответил:

– Если я руку сожму в кулак, уж никогда его не разожму.

Ничего не сказал больше, взял острогу-дёбго и пошел к озеру.

Никогда таким не было озеро: волны, как валуны, ходят. Мэргэн голосом фудин зовет:

– Мукка Аджяни! Водяной царь! Я по тебе соскучилась. Выходи.

Откуда-то издалека раздается:

– Ты не хитри, ты мой соперник, пришел со мной биться.

– Так, выходи!

– Я не трус, выйду, если тебе надо. – Поднялся из воды, сначала до шеи, потом до груди.

Мэргэн подзадоривает Водяного царя:

– Выше, выше поднимись, до пояса.

Выше поднялся Мукка Аджяни, не побоялся.

– Я знаю, – сказал, – зачем тебе это надо.

Мэргэн кинул в него дёбго и следом сам на соперника прыгнул.

Фудин чувствует: недоброе что-то творится на озере. Выскочила из дома, побежала. Неспокойно озеро, и вместо воды – кровь в нем. Плачет фудин: ни водяного, ни земного женихов не видно, под водой битва идет. Стоит девушка, ждет, сколько времени прошло – не знает. Стала свое детство вспоминать, служанку ласковую, стала свои песни петь. Потихоньку, потихоньку успокоилась в озере вода, чистая, прозрачная сделалась. Заглянула в воду девушка, видит свое отражение: корявая, сучковатая ива-фотоха стоит.

Так девушка в иву превратилась, ива ведь всегда возле воды растет. Ждет девушка-ива, когда кто-нибудь из женихов из озера выйдет. Руки-ветви к воде опустила. Стоит, ждет.

Рассказала сказительница Д. Удинкан
(с. Улика-Национальная, Хабаровский край).
Записала и литературно обработала А. Чадаева

КАК ТИГРЯТА МЭРГЭНА СПАСЛИ

Сказка

Жили семеро братьев. Самый младший – добрый и умный мэргэн, а шестеро – упрямые, глуповатые. Младший всегда заранее угадывал, что им судьба готовит, и давал братьям разумные советы.

Раз старшие братья ушли на охоту, младший остался домовничать, ужин приготовил, сидит, ждет. Вернулись братья и принесли с собой маленькую девчонку в люльке.

– Где вы ее взяли? – спрашивает младший брат.

– Небесный старик – эндури нам ее дал, – отвечают, – он видел, что у нас сестренки нет.

– Не к добру вы ее притащили, – огорчается младший.

Братья с ним спорят:

– Всегда ты нам перечишь! Мы девочку в дупле нашли, значит, ее нам эндури дал.

– Вот посмотрите, не миновать нам несчастья.

В доме стало больше работы: надо девочку нянчить, пищу ей готовить. А кто на охоту ходить будет? Стали младшего брата просить за девочкой приглядеть. Он отказался:

– Не останусь я с ней! Не хочу эту ведьму маленькую нянчить.

– Какая ведьма?! В ней – счастье наше, – спорят братья.

Пришлось всем на охоту в тайгу ходить. Утром уходят – в доме еда остается от завтрака. Думают: «Придем, подогреем». Вернутся – и что видят? Суп по полу разлит, лепешки разбросаны.

– Вот, убедились теперь, что ваша девчонка делает? – говорит младший.

Избили его братья, ушел он от них. Идет, идет, видит: в лесу одинокий домик стоит. Снега немного возле дома, будто кто солью чуть-чуть присыпал, никаких следов нет. Зашел мэргэн, и в доме никого, только на нарах-накан какая-то фудин спит, халат на ней распахнулся, голый живот наружу. Подошел мэргэн, стукнул ее по животу. Фудин проснулась, испугалась, говорит мэргэну:

– Это я со страху уснула, даже дверь не заперла, ночь и день сидела-сидела, боялась выйти. Там, на горизонте, то светлеет, то темнеет что-то. Дня три так. Думала, может, пожар. Поешь, на улицу со мной выйдешь, посмотришь.

Пока еду варила, пока ели – стемнело на улице. Вышли, посмотрели за сопку, и правда: синее-синее там небо, потом что-то на нем мерцать начинает. Мэргэн удивляется: «Что такое?» Крепко свой лук натянул, с жужжаньем полетела стрела – и вскоре мерцанье прекратилось, потемнело за сопкой.

На другой день мэргэн пошел туда, куда пустил свою стрелу. На горе дом увидел. В нем сидят старик со старухой. У старика на шею кусочек невода повязан. А на полу два тигренка возятся. Старик увидел мэргэна и говорит:

– Ага-а, вот мой спаситель пришел! Я три дня умирал, думал – конец мне, а ты меня спас.

– Как это я тебя спас? Я тебя никогда в жизни не видел, – удивляется мэргэн.

– А так, – рассказывает старик. – Две девочки ходили на рыбалку, много рыбы принесли. Я с жадностью ел, не разбирая, вот рыбья кость и застряла в горле. Не могу никак выплюнуть, душит меня эта кость. А твоя стрела ее выбила из моего горла. Так ты и спас меня. Спасибо тебе, сынок. В благодарность я подарю тебе этих двух тигрят. Куда пойдешь, к крепкому дереву их не привязывай – к соломинке привяжи.

Проводил на крыльцо мэргэна, опять ему про тигрят напоминает:

– Ты все понял?

– Понял, понял.

Мэргэн решил к фудин вернуться. Тигрят на веревке ведет. Пришел, стали они вместе жить. А ему дума покоя не дает: как там братья старшие? Надо домой сходить, посмотреть, что там творится. А тигрята к нему привыкли, он их жалеет, из своей чашки кормит. Собрался братьев проведать – наказывает фудин:

– Смотри, не привязывай тигрят к крепкому дереву, к соломинке привяжи.

Добрался мэргэн до своего дома, дверь настежь отворена. В окошко ткнул острой стрелой, видит: от шестерых братьев одни косточки остались, на полу белеют. В

доме девчонка – выросла, страшная стала: рот до ушей, сама словно железная. Подбирает эти кости, черепа грызет, считает:

– Один, два, три... Черепа младшего брата нету, куда он девался?

Опять погрызет, опять считать принимается. Мэргэн чуть не упал с испугу, схватился за пузырь в окне – и ведьма к окну повернулась.

– А-а, вот где ты прячешься! Я тебя ищу-ищу. А ты сам пришел!

С хохотом к мэргэну подошла. Он ей говорит:

– Я по тебе соскучился, сестренка. Уж не раз пожалел, что из дома ушел. Давай вместе жить. Вот только улы у меня совсем износились. Иди в лес за лыком, я хочу себе улы сшить, нитки сделаю.

– А ты меня не обманываешь? – сомневается ведьма.

– Что ты, что ты, сестренка, иди быстрей!

С хохотом, с гиканьем убежала она в лес, а мэргэн быстрее из дома прочь. Увидала девчонка – за ним пустилась.

– А-а, самый младший – самый хитрый! Все равно мне на зуб попадешься!

Мэргэн бежит, девчонка за ним, вот-вот схватит, сама голая и босая по снегу скачет, ей холод нипочем. Слышит мэргэн где-то вдалеке шум. Не поймет никак, что за шум, откуда. Всего три стрелы у мэргэна есть. Собрал последние силы, бросил одну стрелу, сказал:

– Стрела, стрела моя! Тобой не дед-прадед мой владел. Тобой дед моей матери владел – ты меня и спаси! Стань железным деревом!

И превратилась стрела в дерево, гладкое и твердое, как иголка: ни сучьев, ни листьев нет. Взобрался на него мэргэн. Девчонка увидела – мэргэн на самой вершине железного дерева сидит:

– Ого, высоко забрался. Ты, наверно, белка – не человек. Все равно тебя достану!

Стала дерево грызть. Вокруг ствола идет да грызет, идет да грызет, смотрит на юношу и хохочет. Мэргэн видит: на один день его жизни осталось. Бросил вторую стрелу – выросло второе дерево железное, он мигом на верхушку забрался. А ведьма перегрызла первое дерево, верхушку проглотила, живот надулся.

– О-о, это я не младшего брата съела, а сучки проглотила какие-то. Выплюнуть надо. Ха-птхи! – выплюнула.

К другому дереву подошла, грызть стала. Все глубже, глубже вгрызается. Мэргэн видит: его жизни на один день осталось, бросил третью стрелу. Третье железное дерево выросло, перемахнул он на его вершину. А шум все ближе – вой, грохот, дрожит земля. Кто-то приближается. Кто – мэргэн не знает. А девчонка тем временем третье дерево догрызает. Упал мэргэн. «Ну, погибаю!» – думает. Бросилась на него девка.

И тут из леса два тигренка выскочили. Схватили ведьму зубами: один – за голову, другой – за ногу. Трудно им с ведьмой бороться – оба к огромной коряге цепями привязаны. Шум и грохот был, когда они эту корягу тащили за собой. Мэргэн как увидел цепь, вытащил нож, отрезал ее. Тигрята ведьму на куски рвут, а она их, как собака, кусает. Уволокли ее в лес тигрята. Мэргэн успокоился, покурил, домой пошел. По дороге целую охапку прутьев наломал, с собой взял.

Пришел домой – фудин как ни в чем не бывало сидит, узоры ножом рисует. Мэргэн рассердился, стал ее за волосы таскать:

– Зачем ты тигрят к огромной коряге цепями привязала? Я же тебе велел к соломинке их привязывать.

– А чего они на меня косятся! – плачет фудин.

Мэргэн ее прутьями хлещет, все прутья сломались. Вечером мэргэн и фудин порознь легли: он возле гусиэ – тора, она – возле очага. И дверь фудин запирать не стала. Наутро проснулись, видят: на самой красивой постели две красавицы спят возле мэргэна. Проснулись, улыбаются:

– Чего смотришь, удивляешься! Ты нас спас, а мы – тебя. Мы твоего бусяку – злого духа убили. Старые люди говорили: бусяку трудно убить. Вроде бы убьешь, а бусяку снова оживает. Однако мы все-таки прикончили его. Узнаешь нас? Когда мы тигрятами были, ты жалел нас, из своей посуды кормил.

Мэргэн радуется красавицам: больше, чем фудин, они ему нравятся. Фудин злится, косится на них. Решил мэргэн туда вернуться, где он раньше с братьями жил. Красавицы ему говорят:

– Не надо свою жену бросать.

Мэргэн тогда и фудин с собой взял. Доехали до места, наладили старый дом. Одна красавица и говорит другой:

– Сестра, давай попробуем братьев нашего мужа оживить.

– Ладно, попробуем.

Собрали черепа их в одно место. Красавица один череп берет, через дом перекидывает, приговаривает:

– Если не вовремя умер – оживешь! Если вовремя умер – не оживешь!

Ожили все шесть братьев, спрашивают:

– Кто нас оживил? Мы ведь уж в Нижнем мире буни были, бабушку-дедушку там видели.

– Пожалел я вас, – говорит младший брат, – разрешил своим женам-красавицам вас оживить, хоть вы и не слушались меня, и били, и из дома выгнали.

Братьям стыдно стало, стоят, головы опустили:

– Прости нас.

Раньше говорили: сто глупых не стоят одного умного. Простил их младший брат. Мирно стали жить.

Рассказала сказительница Д. Удинкан
(с. Улика-Национальная, Хабаровский край).
Записала и литературно обработала А. Чадаева

КТО СИЛЬНЕЕ ВСЕХ?

Сказка

Один мальчик жил. Так жил. Однажды на улицу вышел, скользя по льду, к берегу спустился, играть начал.

Так, играя, мальчик упал на затылок. Упав, говорит:

– Лед, что за сила у тебя, что ты меня на затылок повалил?

Лед говорит:

– Стало быть, я сильный, если тебя на затылок повалил.

Мальчик говорит:

– Хоть ты очень силен, но как только солнце хорошо станет светить – ты весь растаешь!

Лед говорит:
– Солнце, пожалуй, сильнее.
Мальчик спрашивает солнце:
– В чем твоя сила?
Солнце говорит:
– Стало быть, сильное, если лед растопить могу!
Мальчик говорит:
– Если ты сильное, то почему тебя может закрыть даже кусочек тучи?
Солнце говорит:
– Значит, туча сильнее.
Мальчик говорит:
– Туча, что у тебя за сила?
Туча говорит:
– Стало быть, есть сила, если солнце закрываю!
Мальчик говорит:
– Если ты сильна, то почему же, когда ветер подует, ты в разные стороны расходишься?
Туча говорит:
– Значит, ветер сильнее.
Мальчик говорит:
– Ветер, что у тебя за сила?
Ветер говорит:
– Стало быть, я сильнее, если тучи разгоняю в разные стороны!
Мальчик говорит:
– Если ты силен, почему же не можешь сдвинуть горы?
Ветер говорит:
– Горы, пожалуй, сильнее меня.
Мальчик говорит:
– Если вы, горы, сильнее, почему же вы позволяете деревьям расти на ваших вершинах?
Гора говорит:
– Дерево сильнее.
Мальчик говорит:
– Дерево, если ты сильное, почему же, когда человек рубит, ты падаешь?
Дерево говорит:
– Человек сильнее.
Мальчик говорит:
– Человек, что у тебя за сила?

Человек говорит:

– Стало быть, я сильнее, если дерево, растущее на вершине горы, сваливаю.

Затем человек, оказавшийся сильнее всех, кончил сказ.

Рассказал М. Бельды
(с. Джуен на Амуре).
Записала в 1941 г. и перевела М. Каплан

ФОКА – РЫБИЙ ПУЗЫРЬ

Сказка

Жил один мэргэн, никого возле него не было. Он не охотился, только рыбу махалкой ловил. Допоздна ловил, большую кучу рыбы возле лунки на льду сложит, оставит, только одну рыбину домой на ужин возьмет. Утром придет к лунке – нет рыбы, что вчера наловил. И следов нет никаких: ни от нарты, ни от человека, ни от зверя. Так всю зиму было.

«Кто же это мою рыбу ворует?» – думает мэргэн. Однажды рано-рано встал, взял пешню, к реке пошел. Ого, видит: возле его лунки кто-то кругленький маячит, туда и сюда, туда и сюда. Подходит мэргэн, а это рыбий пузырь – фока: большой, и руки, и ноги есть у него, и глаза, и рот. У фока нарта длинная, туда он рыбу перегружает из кучи.

– Вон оно что! – кричит мэргэн. – Я-то думал: куда рыба девается? Сейчас я тебе голову проткну этой пешней.

– Ну, проткни! – пузырь грудь выпятил. – Ну, попробуй, проткни!

Размахнулся мэргэн и пешней себе ногу насквозь проткнул. Захохотал фока, рыбу перегрузил, уехал. Никакого следа после него не осталось.

– Ну, подожди, фока, я тебе отомщу!

Куда нарта скрылась, мэргэн и не заметил. Рану на ноге слюной смазал, кое-как, хромая, домой пошел. Три дня лечил рану. Потом оделся, шапку надел, думает:

«Все равно его найду». Идет. Бугорочек маленький перед ним оказался, как будто ком снежный. Наступил на него мэргэн, и тут же ногу точно пешней пронзило, опухоль вздулась, как потачан – мешочек рыбьей кожи (туда нанайцы табак и юколу кладут). Малюсенький человечек вышел из бугорочка.

– Ты что, – говорит, – небесный человек, мой домик ломаешь?

Сказал и исчез. Этот человек называется подя, подяла-хани – хозяин огня. Значит, на этом месте кто-то костер жег, головешки оставил, а их снегом занесло, мэргэн поэтому и не заметил. На пепелище или на головешки никому нельзя наступать – хозяин огня обидится. Пришлось мэргэну домой возвращаться, чуть ли не ползком полз. Принес на это место разноцветные лоскутки, кашу – лала, все оставил для подя, искупил преступление. На этом же месте костер разжег, и сразу нога зажила у него. Решил дальше идти, фока искать. Ага! Фока только возле рыбной кучи следы свои прятал, а дальше ведет тропинка натоптанная. Привела тропинка к холмику, на холмике домишко фока стоит. Подошел мэргэн поближе, прислушался, из домика доносится: «кыер-каер, кыер-каер». Видно, рыбу скоблят ножом, тахса делают.

Мэргэн залез на крышу домика, дырку проделал, смотрит: в доме всяких фока полным-полно: и большие, и средние, и маленькие – кишмя кишат. На голдён котел кипит, на плетеном блюде урэктэми лежит рыба, которую мэргэн наловил. Жены фока стряпают. Главный вор – фока сидит, трубку курит. Дым, как туман. Другие фока по углам сидят.

Мэргэн три раза кремень о кремень ударил: «чэрт-чэрт-чэрт!» Главный фока спрашивает:

– Что это за стук на улице? Может, мэргэн подходит? А ну, иди посмотри! – среднего фока во двор отправил.

Тот вышел, вверх поглядел, на реку поглядел:

– Не-ет, никого нет нигде. Это, наверно, лед на реке трещит.

«Чэрт-чэрт-чэрт», – опять мэргэн кремень о кремень ударил. Хозяин младшего фока во двор смотреть отправил, тот наверх, на реку посмотрел:

– Не-ет, никого нет, наверно, на реке лед трещит.

– Замерз, домой иди, – зовет хозяин-фока, жалеет своих детей.

«Чирк-чирк-ни-р-р-р», – загорелся огонь, занялась от огня крыша.

Самого маленького фока во двор выслал отец. Вышел фокашка, вверх поглядел – ничего не увидел, маленький, на реку поглядел – и вернулся в дом:

– Не-ет, ничего нет. Это на реке лед трещит.

А огонь разгорается, стены, двери запалил. Мэргэн с крыши давно слез, наблюдает.

Упрямые фока этому не верят, свое твердят:

– Как я сказал, так и есть!

«Пу-ту-тумм!» – лопаются пузыри: и большой, и средний, и самый маленький. Всех уничтожил мэргэн, и от дома только угли да пепел остались.

Рассказала сказительница Д. Удинкан
(с. Улика-Национальная, Хабаровский край).
Записала и литературно обработала А. Чадаева

Орочи

КРАСНОПЕРКА И СЕЛЬДЬ

Сказка

Поссорились двое – красноперка и сельдь. Красноперка говорит сельди:

– Я в реку поднимусь.

И сельдь говорит красноперке:

– Я в реку поднимусь. Уж раз так, давай поборемся. Если окажешься сильнее меня, ты в реку поднимешься, если я окажусь сильнее, я поднимусь в реку. Ну, давай бороться!

Стали бороться, а потом уж стали и сражаться. Долго бились. В сражении побежденной оказалась сельдь. Бросили борьбу. Ну, теперь-то уж видно, что красноперка сильнее. Стала красноперка подниматься в реку, а сельдь осталась жить в море. Там, в море, и икру свою мечет. Красноперка размножается в реке, а сельдь – в море. В сельди оказались стрелы красноперки, а в красноперке – стрелы сельди.

Рассказал А. Сиоченко.
Записал в 1929 г. и перевел В. Аврорин

ТАЙМЕНЬ И ТРЕСКА

Сказка

У тайменя голова была большая, а у трески – маленькая. Вот хочет таймень подняться вверх по реке, да голова у него велика. А течение-то в реке быстрое.

– Эй, треска! Голова у тебя маленькая. Живешь ты в море. Море это твое обиталище. Мне же в реку нужно подниматься против течения, а голова у меня велика для этого. Так вот, не лучше ли, братец, нам с тобой обменяться головами?

Согласились на обмен и поменялись. С тех пор таймень может подниматься вверх по реке.

Рассказал А. Сиоченко.
Записал в 1929 г. и перевел В. Аврорин

ПОЧЕМУ У ЛИСЫ ХВОСТ ДЛИННЫЙ, А У ЗАЙЦА И МЕДВЕДЯ – КОРОТКИЕ

Сказка

Давным-давно хозяин тайги раздавал всем зверям хвосты. Узнали об этом звери, поскакали к нему. Лиса, медведь и заяц бежали вместе. По дороге лиса решила обмануть медведя и зайца. Говорит им:

– Вы, друзья, поешьте-ка малины, вон за той сопкой много растет ее. Я же пойду раздобуду какую-нибудь птичку на обед. Дорога наша длинная, поесть надо.

Поверили заяц и медведь хитрой лисе. Пошел заяц вслед за медведем в малинник. Пока медведь ел малину, а заяц поджидал его, лиса побежала к хозяину тайги и успела получить у него самый большой хвост. Когда же пришли медведь с зайцем, то у хозяина тайги остался

всего-навсего один хвост. Пришлось его разорвать на две части. Одну часть дал он медведю, другую – зайцу.

Вот почему у лисы хвост длинный, а у медведя и зайца совсем короткие.

Рассказали жители с. Уська-орочская,
Хабаровский край.
Записал в 1952 г. С. Бытовой

ОТКУДА У ТАЙМЕНЯ СПИННЫЕ ПЛАВНИКИ ПОЯВИЛИСЬ

Сказка

Однажды поспорили между собой таймень и медведь. Таймень говорит:

– Я необыкновенная рыба, потому что никто не может так долго пробыть без пищи, как я. Ведь я ем только раз в году – в июле, а все остальные месяцы мой желудок совершенно пуст.

– Нашел чем хвастаться, – насмешливо ответил тайменю медведь. – И я целых семь месяцев в году, с октября по май, ничего не ем. Лежу в своей берлоге один-одинешенек и от скуки дремлю. А ты в это холодное время спокойно уходишь глубоко под лед, веселишься с другими рыбами. Где тебе тогда о еде думать!

Рассердился таймень:

– Неправда, что ты голодаешь в своей берлоге. Ведь ты все лето у реки рыбу промышляешь, в лесу ягодами лакомишься. Вот к осени и обрастаешь жиром. А всю зиму с утра до ночи только и делаешь, что сосешь свои жирные лапы. Потому никакая другая пища и не нужна тебе. Как же ты можешь сравнивать меня с собой? Нет на свете другой такой, подобной мне рыбы! – гордо крикнул таймень и медленно поплыл вниз по реке.

– Так, так, – начал поддакивать тайменю медведь, заметив на берегу охотничий шалаш, а возле него лук и стрелы. – Если уж ты считаешь себя такой редкой рыбой, то у тебя должны быть и свои особые приметы.

С этими словами медведь подбежал к шалашу и подо-

брал там лук со стрелами. Натянул он туго тетиву и начал метать стрелы в спину тайменя одну за другой, без промаха. Так и поплыл таймень по реке со стрелами.

А через некоторое время эти стрелы превратились в острые и колючие спинные плавники.

Вот с тех пор и щеголяет таймень необычными спинными плавниками, и по этой примете его легко отличишь от других рыб, ни с кем не спутаешь.

Обработал Ч. Таксами

СКАЗКА ПРО СЕСТРУ И СЕМЬ МАЛЕНЬКИХ БРАТЬЕВ

Жили семь маленьких братьев и одна сестра. Однажды они играли около юрты – сбивали палочками расставленные поодаль друг от друга колышки. Во время игры к ним прибежала поиграть белка. Нечаянно один из братьев перебил ей ногу, она рассердилась, ушла от них и пригрозила, что завтра явится к ним со множеством других белок и отомстит. Братья испугались и стали думать, как им избавиться от нашествия белок. Наконец старший предложил влезть на небо. Все с ним согласились. Тогда младший брат сказал:

– Что мы сделаем с сестрой, ведь она не может влезть на небо, а спрятать ее в тайге нельзя, потому что белки найдут ее и убьют?

Думали-думали и сделали так: вырыли яму под очагом и положили туда сестру, оставив над ее головою маленькую дырочку, чтобы она могла дышать. На грудь сестры положили кожаный мешок с кровью оленя и прикрыли его землею. После этого старший брат пустил стрелу вверх, стрела вонзилась в небо и повисла. Следующий брат пустил стрелу свою и вонзил ее в конец стрелы старшего брата, что повисла на небе. Третий брат попал в конец стрелы второго. Все братья пустили свои стрелы. По этим стрелам, образовавшим жердь от земли до неба, они один за другим влезли на небо, причем младший, когда лез, собирал позади себя стрелы.

На другой день пришли белки и стали искать братьев, но нигде не могли их найти. Белки начали спрашивать у домашних вещей, но ни ложки, ни чашки не сказали им о выдумке братьев. Только старые унты выдали, куда ушли братья и как они зарыли сестру под очагом. Тогда белки начали колоть копьями землю под очагом и попали в мешок с кровью. Увидели они кровь на копьях и решили, что закололи сестру маленьких братьев. Перебили они всю посуду и ушли домой в тайгу.

Сестра вылезла из своего убежища, изорвала старые унты и стала думать, что ей теперь одной делать. Боясь, как бы белки опять не пришли, она решилась идти искать своих братьев. Ходила-ходила и попала в юрту, где жила лягушка. Лягушка увидела, что у нее хорошая одежда, сначала приласкала ее, а потом отняла у девушки всю одежду, надела на себя, а девушку оставила голой. Вдруг залаяла собака; лягушка и говорит:

– Сейчас придут два молодых ороча; один из них увидит, что я такая нарядная, возьмет меня себе в жены, а тебя выгонит.

Сказавши так, она вышла из юрты встречать орочей, а бедная девушка начала от досады бить себя палкою по голове. Палка раздвинулась, и девушка спряталась в нее. Вошли два молодых ороча. Старший сел с лягушкой, а младший – около той палки, в которую скрылась девушка. Старший беседует с лягушкой, а младший от нечего делать взял палку и начал ее строгать ножом. Вдруг из палки потекла кровь, он испугался, бросил палку и нож и скорей выбежал из юрты. Старший брат, увидев, что младший ушел, взял с собой лягушку и тоже пошел домой.

Дорогой младший брат вспомнил, что он ножик свой бросил в юрте, и вернулся за ним. Подошел к юрте и решил сначала потихоньку заглянуть в нее, нет ли там кого. Смотрит и видит, что там сидит голая девица. Откуда и храбрость взялась у него – отворил дверь и схватил ее. Она хотела спрятаться опять в палку, но не успела. Тут она рассказала ему про своих братьев и про то, как лягушка отняла у нее одежду. Он взял, прикрыл ее, чем мог, и повел с собою к отцу.

Дома отец сначала встретил старшего сына с лягушкой, потом младшего с девушкой. Слово за слово, отец

начал расспрашивать про их родных, кто они и где живут. Лягушка по глупости своей похвасталась своими братьями и сказала:

– Я вам сейчас покажу своих братьев, дайте ведро.

Взяла ведро и пошла на речку, зачерпнула воды вместе с лягушками и принесла. Отец как увидел их, так сейчас же и прогнал лягушку, а девицу стал просить, чтобы она как-нибудь разыскала своих братьев. Она пошла в тайгу, стала под большой березой и позвала братьев.

Эндури* услышал ее: пришли семь братьев и принесли каждый по целому костюму. Она оделась в костюм, который дал ей младший брат, и повела их к старику.

Старик, как только увидел их, разостлал у входа в юрту шелковую материю, ласково принял и угостил, чем мог. Они рассказали ему, что живут на небе у Эндури, просили не обижать сестру, пробыли три дня и ушли, а сестра счастливо зажила с младшим сыном старика.

НГЭТЫРКА

Сказка

Жил-был Нгэтырка со своим старшим братом. Брат у Нгэтырки был хорошим охотником на зверя. Утром, еще до рассвета, уходил он на охоту и кончал охотиться только вечером, при звездах. Вот и опять ушел рано утром в тайгу. А в это время прилетели семеро лебедей.

– Нгэтырка, здесь твой старший брат?

– Мой брат уходит с зарей и при звездах кончает охоту. Он привозит и кабанов, и медведей, и лосей.

Семеро лебедей превратились в семерых красавиц.

– Нгэтырка, давай мы причешем тебе голову, умоем лицо и застелим дом еловыми ветками.

Застелили пол, причесали Нгэтырке голову, помыли ему лицо, вымыли все в доме. После этого они улетели, а улетая, сказали:

– Растрепли свои волосы, вымажь углем лицо и разбросай на полу ветки.

* Эндури – божество, живущее на небе.

Вернулся старший брат, а Нгэтырка волосы себе не растрепал – забыл.

– Кто это застелил пол? – спросил старший брат.

Нгэтырка отвечает:

– Это я застелил.

– А кто причесал тебе голову?

– Я сам причесался.

– Чем же ты причесывался?

– Птичьей лапкой причесывался.

– А чем лицо вытер?

– Птичьим пухом.

– Ну, ладно, я подстрелю птичку, а ты расчешешь мне голову птичьей лапкой.

Тут же он убил птичку и говорит Нгэтырке:

– Причеши-ка мне голову!

Стал Нгэтырка причесывать. Чешет, а лапка не причесывает, только царапает. Вытер брату лицо пухом, а пух весь к лицу прилип.

– Зачем же ты меня обманываешь, Нгэтырка?

– Брат, – сказал тогда Нгэтырка, – сюда прилетали семеро лебедей. Они расчесали мне голову, умыли мне лицо и застелили пол в доме.

Тогда старший брат дал Нгэтырке жильную нитку и иглу.

– Нгэтырка, – сказал он, – пришей крепко-накрепко халат самой младшей из сестер к своему халату.

– Когда пришьешь, кликни меня.

Утром они встали. Старший брат Нгэтырки спрятался. И вот семеро лебедей прилетели снова.

– Нгэтырка, ку-ку, твой брат здесь, ку-ку?

– Мой брат еще до зари ушел в тайгу. Пошел истреблять медведей, пошел принести кабанов, добыть лосей.

– Нгэтырка, – сказала одна птица, – наверно, твой брат дома.

Все же семеро лебедей стали девушками, вошли в дом. Чешут голову Нгэтырке. А Нгэтырка стал пришивать халат младшего лебедя. Пришил накрепко и крикнул:

– Брат, ку-ку!

Лебедь спрашивает:

– Что ты кричишь, Нгэтырка?

– Да вот здесь чешется, – ответил он и крикнул: – Брат, ку-ку!

Старший брат явился. Шестеро девушек-лебедей вылетели через дымовое отверстие, а самая младшая осталась, застряла в дымовом отверстии. Старший брат Нгэтырки снял с нее перья и шкурку, спрятал их. И красавица не улетела. Старший брат женился на ней. Так они и жили. Когда старший брат Нгэтырки снова ушел на охоту, жена его родила сына. Мать работала, а Нгэтырка укачивал ее ребенка. Ребенок все плачет и плачет, а Нгэтырка его качает.

– Чего ты плачешь? – говорит он. – Твоя мать скоблит шкуру, жирную шкуру. Мы с тобой будем есть оскребки, не плачь!

А он все плачет.

– Отец твой пошел добыть жирного лося, не плачь!

Сказал так, а он все плачет и плачет.

– Шкурку матери твоей отец спрятал в берестяном коробе.

И тут ребенок перестал плакать, засмеялся. В этот момент вернулась его мать.

– Нгэтырка, – сказала она, – почему твой племянник перестал плакать?

И пощекотала Нгэтырку. Тогда он говорит:

– Я сказал ему, что ты скоблишь жирную шкуру, а мы будем есть жирные оскребки. Тогда он и перестал плакать.

– Врешь ты! – сказала красавица и опять его пощекотала. Нгэтырка отвечает:

– Я сказал, что отец пошел убить жирного лося и мы будем есть его. Как сказал это, он и перестал плакать.

– Не ври, Нгэтырка!

А сама щекочет его так, что он чуть не помирает. Тогда только признался:

– Сестра, он перестал плакать, когда я сказал, что оболочка его матери лежит в берестяном коробе.

Тут она перестала его щекотать. Вынула из короба свою оболочку, порванные места зашила, оделась и превратилась в лебедя. Потом схватила своего ребенка, взвалила на плечи и улетела. Летит она, летит... Видит – ее муж свежует лося. А сын увидел своего отца и заплакал – ие, ие! Взял отец стрелу и пустил ее в улетающего лебедя. Отстрелил напрочь мизинец у своего сына. Мизинец упал вниз. Отец взял мизинец своего сына и

положил его в охотничью сумочку на поясе. Лося он освежевал и бросил. Тут прилетает ворон.

– Ешь один этого лося, – сказал он ворону, а сам пошел домой.

– Нгэтырка, – спросил он, – почему ушла твоя сестра?

– Да братец все время плакал. Хоть я и говорил ему, что мать шкуру скоблит, а мы будем есть оскребки, все равно плакал. А когда я сказал, что оболочка его матери лежит в берестяном коробе, он тут же перестал плакать. Мать пришла и спросила, почему он плакать перестал. Я ответил, что он замолчал, когда узнал, что оболочка матери лежит у отца в берестяном коробе. Тогда она вынула свою оболочку, зашила ее, оделась, взяла ребенка, взвалив его себе на плечи, и улетела.

– Ну, Нгэтырка, – сказал старший брат, – теперь я пойду вслед за лебедем. А ты съешь хорошее, жирное мясо потом, а сначала ешь плохое, постное мясо.

Так и ушел старший брат Нгэтырки. Долго шел он. Повстречал какого-то слугу, который ехал на нарте за дровами.

– Слуга, кто твой хозяин?

– У меня хозяйка женщина, – отвечает слуга.

– Какую работу ты делаешь?

– Я вью веревки для сетей, – отвечает слуга.

– Как ты называешь вертушки для витья веревок?

– Хочку, – отвечает слуга.

– А как ты, слуга, есть просишь?

– Говорю: «Дай юколы!»

– Как ты кладешь топор, когда приходишь домой?

– Бросаю его с грохотом.

Тут герой убил слугу, а сам слугой обернулся. Потом поехал по следам слуги. Бросил с грохотом топор и сказал:

– Хозяйка, дай поесть!

– Слуга, ты же только что поел на дорогу.

Тогда он стал искать вертушки для витья веревок.

– Где вертушки? – ищет он.

– Ну, что это за слуга! Сам не знаешь, что ли, куда их положил?

Затем красавица вышла на улицу. Когда она вышла, слуга приставил мизинец к руке своего сына. Потом он пошел в тайгу, убил очень много лосей и привез их. Тут

уж он снова превратился в героя, а обличье слуги сбросил в тайге. Жене своей герой сказал:

– Ну, сходи за своими отцом и матерью.

Жена пошла за родителями.

– Мама, – сказала она, – мой муж-слуга добыл зайца. Приходите есть его.

Ее старшие сестры-лебеди все вышли тем временем замуж за богачей. Говорят:

– На столько людей не хватит мяса одного зайца.

Все же отца с матерью она привела к себе в дом. Пришли старик со старухой в дом красавицы. Там сидит герой, а слуги никакого и нет. Красавица приглашает отца с матерью:

– Идите есть убитого слугой зайца!

Смотрят старик и старуха, сестры и зятья, а на улице – целая гора лосиного мяса. Наварили лосиного мяса вдоволь. Поели старик со старухой, поели и сестры с мужьями. Тогда герой говорит:

– Тесть и теща, ешьте одни это мясо!

И дал старику со старухой мяса для пропитания. А после этого он отправился к себе домой. Шел, шел и, наконец, добрался до дома. Не видно ни огня, ни дыма. «Видать, умер Нгэтырка», – подумал он. Вошел герой в дверь, смотрит, а Нгэтырка к двери прилип. Отодрал его и говорит:

– Зачем же ты, Нгэтырка, сначала жирное мясо ел?

Накормил старший брат Нгэтырку, и он ожил. Так они и жили. Все.

Рассказано в 1959 г. Е. Кэнду
(Джугджа, Хабаровский край)

Ороки

ОТЧЕГО КАМБАЛА ПЛОСКОЙ СТАЛА

Сказка

Не всегда камбала была плоской, шершавой и криворотой. А вот отчего с ней такое приключилось.

Однажды подрались в воде щука и окунь. Остальные рыбы плавали рядом и только посмеивались над ними. А камбала была очень любопытной. Она все совалась вперед: дергала за хвост то щуку, то окуня и нетерпеливо спрашивала:

– Из-за чего деретесь? Из-за чего деретесь?

– Не мешай, – с досадой оттолкнула ее щука.

Но камбала не унималась и продолжала дергать за хвосты дерущихся. Окунь рассердился и стукнул камбалу по голове. Рот у нее так и скривился набок.

Встретила после этого камбала нерпу и пожаловалась ей:

– Посмотри, как у меня рот скривился. Пропала моя прежняя красота!

– Не горюй! – стала утешать ее нерпа. – Кривой рот еще не беда! Вот жаль, что кожа у нас с тобой белая, оттого и не считают нас красивыми.

Призадумалась камбала.

– А не разукрасить ли нам друг друга? – предложила она нерпе. – Давай сначала я тебя, а потом ты меня.

Нерпа с радостью согласилась.

Долго трудилась камбала, старательно раскрашивая красками нерпу. И вот наконец всю ее покрыла очень красивыми темными пятнами.

– Как ты хороша! – воскликнула камбала. – Сроду не видала такой красавицы!

Настал черед нерпы разукрашивать камбалу. Но нерпа была ленивой и неблагодарной. Она кое-как покрыла неровными пятнами правый бок камбалы, а потом велела ей лечь на левый бок и всю завалила кучей песка.

Нерпа давно уже резвилась в море, перед всеми хвастаясь своей красотой.

А камбала еле-еле выбралась из-под песка, но с тех пор так и осталась расплющенной. А кожа ее от мелких песчинок сделалась шершавой.

Литературная версия Ч. Таксами

О ЛЮДЯХ ИЗ РОДА НАМИС

Сказка

Очень давно это было. Люди рода Намис уехали на охоту на двух лодках. Уехали и не возвратились домой, потерялись. Долго блуждали по морю, но к берегу пристать не могли. Посылали на берег своих товарищей за пресной водой, но их съедал злой дух амба. Так он съел почти всех, на лодках осталось только два человека, которые продолжали плавать по морю.

Однажды они увидели на берегу человека и его вешала с рыбой. Боясь духа амба, они не причалили к берегу. Человек с берега крикнул:

– Причаливайте к нам, не бойтесь, мы люди!

Когда те двое пристали к берегу, их впустили в дом. В доме жили старик со старухой. Старики накормили их, напоили пресной водой. Стали эти люди у стариков жить.

Старик однажды спросил их:

– Что, домой ехать хотите?

– Хотим.

Старик стал часто куда-то уходить из дома. Через несколько дней он сказал:

– Я сделал две лодки и весла. На тех лодках поедете домой. Ляжете в них и не смотрите, кто вас повезет. Лодки причалят там, где живут ваши жены.

Подвел старик тех двух мужчин к берегу, уложил их в лодки по одному и укрыл. Затем столкнул их в море. Мужчины слышали, как с шумом гребли невидимые люди и громко разговаривали. Через некоторое время лодки пристали к берегу. Сняли мужчины с себя покрышки и увидели, что никого в их лодках нет. Вышли на берег, узнали родные места. На берегу играли дети. Позвали они детей и спросили:

– Чьи вы будете?

– Наши отцы давно потерялись.

Тогда мужчины сняли чехлы с больших пальцев своих рук, отдали их детям и сказали:

– Идите к своим матерям и расскажите им, что отцы ваши приехали.

Дети прибежали домой и рассказали матерям, что видели мужчин, которые назвались их отцами. Матери не поверили. Тогда дети показали им чехлы с больших пальцев рук своих отцов.

Много было радости в этих семьях.

Те старик и старуха, которые помогли мужчинам вернуться домой, были добрыми духами моря, хозяевами рыб.

Рассказала Т. Степанова
(колхоз «Вал», о. Сахалин).
Записала в 1949 г. и перевела К. Новикова

ГЭВХЭТУ

Сказка

На краю селения жил один человек по имени Гэвхэту. Он знал много полезных трав и каждый день уходил за ними в лес.

Однажды утром он направился в лес в известные ему места и вдруг видит – летит с востока огромная птица. Эта птица пролетела над ним и направилась к дому, где жила единственная дочь вождя. Там птица села на краю отверстия трубы, повертела головой и юркнула в трубу. Гэвхэту все туда смотрит. Но вот птица вылетела, держа что-то в когтях. Гэвхэту увидел, что это была женщина.

Птица снова пролетела над ним; на левом мизинце женщины виднелся серебряный перстень. Гэвхэту все смотрел им вслед, смотрел, пока они совсем не скрылись. Уже наступила ночь, и он вернулся к себе домой.

На следующее утро Гэвхэту снова пошел в лес, а когда возвратился вечером домой, услышал печальную весть о том, что исчезла дочь вождя. Воины вождя обыскивали каждый дом. Утром они пришли и в дом Гэвхэту. Гэвхэту им говорит:

– Идемте скорее к дому вождя.

Воины привели его к дому вождя. Вождь начал его расспрашивать, как и когда он видел его дочь. Гэвхэту все рассказал ему. Тогда вождь говорит:

– Возьми сотню воинов и иди по дороге той птицы.

Гэвхэту повел свое войско. Долго шли они к востоку. Шли-шли, и наконец Гэвхэту нашел отверстие, которое шло вовнутрь земли. Гэвхэту приказал построить дом и обвязать его веревками. Дом построили, обвязали веревками. Гэвхэту вошел в дом, в левой руке его был колокол. Он сказал:

– Когда я найду дочь вождя, я три раза ударю в колокол.

Спустили дом с Гэвхэту в отверстие. Долго-долго он падал в полной темноте. Но вот стало светло, и он увидел, что достиг какой-то земли. Пошел пешком. Все шел и шел, все шел и шел и наконец увидел дом. Гэвхэту вошел в этот дом. В женском углу женщина сидит. То была дочь вождя. Увидев Гэвхэту, она заплакала и говорит:

– Ты зачем пришел-то! На свою погибель пришел!

Но все же накормила Гэвхэту досыта и уложила спать под нары. Сама все чисто-начисто вымыла. Сидит и мужа своего ждет, долго ждет. Вот вдруг на улице послышались голоса, и в дом вошел муж женщины. Бросил ей что-то и сказал:

– На, изжарь!

Вдруг он закричал:

– Фу, это почему пахнет диким оленем?

Жена ему говорит:

– Это запах того, что ты принес.

Женщина накормила своего мужа, и после этого муж потребовал, чтобы она поискала у него в голове. Жена стала искать. Она ищет, а тот засыпает. Храпит.

Жена зовет:

– Гэвхэту! Гэвхэту!

Муж поднял голову, спросил:

– Где, какой Гэвхэту?

– Да это я просто вздрогнула.

Снова он начал засыпать.

Жена ищет, а муж то просыпается, то снова засыпает. Ну, теперь, видно, крепко спит, храпит, и от этого на его голове красные волосы поднимаются, дыбом становятся.

Снова женщина позвала Гэвхэту. Гэвхэту встал, взял меч ее мужа и отрубил его красные волосы. Тот моментально умер.

Гэвхэту и женщина, дочь вождя, пошли к прежнему отверстию. Дошли. Дочь вождя и говорит:

– Ты садись в верхнюю половину дома, я в нижней сяду.

Гэвхэту говорит:

– Нет, ты садись в верхней.

Ну, та не стала спорить, села в верхней, а Гэвхэту в нижней. Гэвхэту ударил в колокол, и воины, что были наверху, потащили их. Тащили-тащили и, как только вытащили дочь вождя, дом пополам перерубили. Гэвхэту упал внутрь земли, сильно расшибся. Лежал-лежал, очнулся и ползком добрался до дому, откуда увел женщину. Лег на малу, задремал и видит сон, будто на малу есть дверь, через эту дверь когда войдешь, найдешь две посудины с водой, одна с красной, другая с белой.

Проснулся Гэвхэту, посмотрел на малу – там и впрямь одна дверь есть. Он вошел в ту дверь и долго ползал, пока не нашел две посудины с водой: в одной вода красная, в другой – белая. Окунул он свой указательный палец в белую жидкость – очень плохо стало, окунул в красную – совсем хорошо стало. Вымылся Гэвхэту красной водой и стал здоровым и сильным.

Вышел он на улицу и вдруг слышит – плачет человек. Осмотрелся и увидел, что на верхушке одного дерева ребенок повешен. Он снял ребенка, отнес его в помещение и вымыл его там красной водой. Ребенок стал здоровым и красивым. Гэвхэту у него спрашивает, на какой земле он живет. Тот говорит:

– Я отсюда недалеко живу. Мой отец и моя мать теперь сильно плачут, а меня эта птица унесла.

– Ну, тогда скорее к вам идем, – говорит Гэвхэту.

Пошли вдвоем. Идут, идут, а ребенок и говорит:

– Ты меня задаром-то родителям не возвращай, ты плату попроси – двухголового севона.

Гэвхэту говорит:

– Ладно, попрошу.

Дошли они до родных ребенка. Действительно, отец и мать сидят и так сильно плачут, что даже не замечают, что вошел Гэвхэту с их сыном. Ребенок говорит:

– Почему вы плачете?

Те услышали голос ребенка, бросились целовать его, от радости не знали, что делать.

Гэвхэту долго у них прожил. Наконец ребенок говорит:

– Отец, ты этому человеку дай двухголового севона.

Старик дал Гэвхэту двухголового севона.

Гэвхэту опять пошел к прежнему отверстию. Когда дошел, сел между двух голов севона и очутился на поверхности земли. Отсюда он пешком пошел к своему селению. Дошел до селения и явился прямо к вождю. Вождю он все рассказал о своем путешествии. Вождь ему и говорит:

– Ты зачем лжешь-то?

– Нет, я не лгу, – отвечает Гэвхэту.

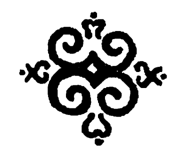
Долго они спорили. Вдруг входит дочь вождя. Она взглянула на Гэвхэту, заплакала, а потом говорит отцу:

– Этот человек меня спас, другие обманули тебя.

Вождь тогда узнал правду о ее спасении. Гэвхэту получил в жены дочь вождя и сам потом стал вождем.

Рассказал орок Х. Осипов из рода Птариса.
Записала в 1936 г. и перевела Т. Петрова

Нивхи



О СОТВОРЕНИИ МИРА

Легенда

Сперва была только вода. И утка-чирок плавала на воде. Утке нужно снести яйца, но куда? – яйцо ведь тонет! И тогда утка выщипала с груди перья и пух, свила гнездо. В гнездо снесла яйца. Из яиц вылупились утята. Утята выросли и тоже, как мать, повыдергали с грудок перья и пух, свили гнезда. В гнезда снесли яйца. Из яиц вылупились утята, много утят. Они выросли, свили каждая себе гнездо. Гнезд много – они соединились в остров. На острове выросли трава, кусты, разные деревья.

Деревья и кусты роняли на остров листву, хвою.

Остров стал большой землей.

У лиственницы сквозь кору пробилась смола. Скопившись, она стала стекать по стволу. Едва смола коснулась земли – появился нивх. Нивх произошел от лиственницы, потому он краснокожий, как лиственница. Орок-орнгар произошел от пихты, потому он белотелый. К'угиайн произошел от ели.

Рассказала А. Полдох из рода К' эвоинг
(пос. Чайво, Ногликский р-н, о. Сахалин).
Записал в 1952 г. и перевел В. Санги

ТЮЛЕНЬ И КАМБАЛА

Сказка

Некогда звездчатка была похожа на других камбал. И ей это не нравилось. И поплыла она искать, с кем бы посоветоваться, как быть не похожей на остальных камбал.

Встретилась с навагой:

– Навага, навага, ты пришла в наш залив из дальних вод. Тебе не страшен даже седьмой вал. И ты видела много. Скажи мне, как сделать, чтобы не походить на остальных камбал?

Видавшая виды навага удивилась вопросу камбалы, покачала тупой головой, вильнула тонким хвостом и ушла в глубину.

А камбала обращалась и к корюшке, и к тайменю. Но никто не мог помочь ей.

– Я помогу твоему горю! – сказал тюлень. – Только, чур, и ты поможешь мне.

– Конечно же! Конечно же! – обрадовалась камбала, подплыла к тюленю, погладила плавниками его усы.

В то давнее время тюлень был весь черный, и его можно было заметить далеко во льдах. А у тюленя, известно, много врагов: медведь, орел, лиса...

Тюлень принялся мазать камбалу потайной глиной. Долго и старательно делал он свое дело. Только и было слышно, как он сопит от усердия. На хвост камбале тюлень перенес веер северного сияния, плавники окрасил в цвет тихого заката над августовским заливом.

Камбала любуется собой – не налюбуется. Повернется то одним бочком, то другим, проплывет то под волной, то у самого дна.

Тюлень ждал-ждал, кое-как дождался, когда угомонится камбала.

– Теперь ты принимайся за меня, – говорит тюлень. – Я черный, и меня далеко видно во льдах. Сделай меня серым, чтобы я был незаметен и во льдах, и на берегу.

– Мигом я это сделаю, – сказала камбала и стала мазать тюленя белой глиной.

Но у камбалы не было столько усердия, сколько у тюленя. Да и спешила она к своим сородичам, чтобы показать себя. Она нанесла лишь несколько пятен.

– Фу-у-у, устала, – сказала она.

– Отдохни немного, – посочувствовал тюлень.

А камбала повернулась и поплыла от него.

– Ты куда? – спохватился тюлень.

Камбала сильно ударила плавниками, только и видел тюлень ее плоскую спину. Тюленю стало страшно: он ведь теперь пестрый. Ему не укрыться ни во льдах, ни на берегу: во льдах его выдадут черные пятна, а на берегу – белые.

– Ах, так! – возмутился тюлень и погнался за камбалой. Долго длилась погоня. Но куда там: только тюлень раскроет пасть, чтобы поймать обманщицу, та ловко увильнет в сторону. Тогда разозленный тюлень схватил горсть крупного морского песка и бросил в камбалу. Так и покрылась камбала колючими наростами, похожими на бородавки.

С тех пор прошло много времени. Но и по сей день тюлень враждует с камбалой. Камбала прячется от грозного тюленя в траву на мелководье. Она ложится на дно лагуны, накидывает на себя ил, и ее не видно.

А пятнистый тюлень плавает на глубине, все ищет камбалу, не находит, ныряет до самого дна, всплывает на поверхность залива, поворачивает голову влево, вправо...

Литературная версия В. Санги

«МУДРАЯ» НЕРПА

Сказка

Жила в заливе нерпа. Жила и горя не знала. Днем она выходила на песчаный берег и сладко дремала под теплыми лучами летнего солнца. Выспавшись, она влезала в воду, долго резвилась в свое удовольствие. Потом ловила самых вкусных рыб – благо в заливе много всякой рыбы.

Раздобрела нерпа от сытой жизни и стала учить других зверей уму-разуму.

Говорила вороне:

– Эх, ворона-ворона, голодные глаза. Живешь ты много лет, а ни разу не вкусила живой трепещущей ры-

бы. Все кормишься падалью, несчастная. Мне жаль тебя. Надо было тебе родиться нерпой.

Говорила зайцу:

– Эх, заяц-заяц, неспокойные ноги. Так много бегаешь по тайге за корьем. И все равно ты тощий, как сук ольхи. Мне жаль тебя. Надо было тебе родиться нерпой.

Так и жила нерпа и поучала зверей и птиц.

Как-то поселилась в прибрежных кустах лиса. Нерпа несколько раз видела лису, пыталась заговорить с ней, но та все уходила от разговора. И нерпа невзлюбила за это лису.

Все лето лиса кормилась мышами, ягодой, разоряла птичьи гнезда. Осенью она ловила мышей, подстерегала молодых, еще глупых птиц, грызла орехи. Зиму она пережила трудно. Кое-как дотянула до весны.

И вот голодной весной лиса вспомнила о нерпе. Вышла на берег залива и увидела: нерпа плавает в разводье. Облизнулась лиса. Но разве справиться ей с нерпой: та большая и сильная! И плавает нерпа в ледяной воде, где лиса не может продержаться и один миг. Но тут увидела лиса нерпенка. Жирного, беленького, еще совсем беспомощного. Нерпенок лежал на льдине невдалеке от берега.

Лиса выскочила на припай, заплясала, будто обрадовалась встрече с нерпой.

– Ты чего это пляшешь? – спросила нерпа.

– Как же мне не радоваться! Ведь я давно ищу встречи с тобой, мудрая нерпа!

А сама так и приплясывает, так и приплясывает. От голодного нетерпения, конечно.

– Зачем я тебе? – спрашивает нерпа.

– Я очень прошу тебя, мудрая нерпа, научи меня счет вести.

– А зачем тебе еще счет вести? – удивляется нерпа. И, польщенная вниманием лисы, подумала: «Вот какая я мудрая – сама лиса пришла ко мне учиться».

– А затем, чтобы знать, сколько у меня друзей. Ты мой друг. И других нерп я хочу взять в свои друзья.

– Ну ладно, научу, – сказала нерпа. – Давай повторяй за мной.

Лиса пригнулась над кромкой припая, приготовилась.

– Раз, – сказала нерпа.

— Раз, — повторила лиса и коснулась лапой головы нерпы.

— Два, — сказала нерпа.

— Два, — повторила лиса, пронесла лапу от головы нерпы и коснулась воды. — Ой-ой-ой! — закричала лиса, затрясла лапой.

— Ты чего кричишь? — спросила нерпа.

— Лапу обмочила, — жалуется лиса.

— Встряхни ее, подержи на ветру, — посоветовала нерпа. — Тоже мне, воды боится. Надо было тебе родиться нерпой.

Долго ждала нерпа, когда просохнет шерсть на лапе лисицы. Дождалась и говорит:

— Давай по новой. Значит, раз...

Лиса повторяет:

— Раз...

— Два...

Лиса повторяет:

— Два... — коснулась опять воды. — Ой-ой-ой! — закричала она, затрясла лапой.

— Экая ты неловкая. Зачем же мочить лапу? — недовольно ворчит нерпа.

— Как же я могу не коснуться воды, когда никого там нет. Ведь ты — «раз», а на «два» никого нет. Получается не «два», а пустое место.

— Вот оно что! — усмехнулась нерпа и поплыла за подружками. Привела, выстроила их одну за другой и говорит: — Давай, лиса, продолжим. Значит, раз...

— Раз, — сказала лиса и вскочила на голову нерпы.

— Два, — сказала нерпа.

— Два, — повторила лиса и прыгнула на следующую голову.

— Три, — сказала нерпа.

— Три, — повторила лиса и прыгнула на третью голову.

— Четыре...

— Пять... — Скачет лиса по нерпичьим головам, только правит хвостом, чтобы не соскользнуть в воду.

При счете «девять» лиса доскакала до льдины, вспрыгнула на нее, обернулась и прокричала:

— А теперь не мешайте мне, я сама буду тренироваться в счете.

Отплыли нерпы подальше, чтобы не мешать лисе заучить счет. А лиса тем временем съела вкусного жирного

нерпенка. И, когда наелась, вышла к кромке льда:

– Эй, нерпы! Я уже выучила счет!

Приплыли нерпы к льдине, выстроились одна за другой. И лиса поскакала по их головам:

– Раз, два, три, четыре, пять, шесть...

Доскакала до берега, выскочила на припай, полуобернулась, помахала пушистым хвостом:

– Спасибо! До свидания!..

А нерпа подумала: «Какая я мудрая – так быстро научила лису».

Литературная версия В. Санги

КЫКЫК

Сказка

Говорят, раньше лебеди были немыми птицами и лапки у всех были черными. Теперь всякий знает, что они кричат «кы-кы, кы-кы», за что и получили название «кыкык», и лапки у многих – красные.

Почему лебеди стали такими?

В стойбище, на берегу залива, жила маленькая девочка. Она очень любила играть на ровной песчаной косе: с утра до вечера рисовала прутиком разные узоры, строила из песка маленькие домики.

Еще она подолгу любовалась красивыми птицами, которые, как молчаливые белые облака, проплывали над ее стойбищем. Девочка ложилась на теплый песок и смотрела вслед стаям до тех пор, пока они не исчезали вдали.

Родители девочки очень любили свою дочь. Но однажды летом умерла мать. Отец и дочь сильно горевали. Через месяц отец уехал в дальнее стойбище за новой мамой для своей маленькой дочери.

Отец привез красивую женщину с черными собольими бровями и ресницами, похожими на кисточки ушей зимней белки, с толстыми косами, подобными хвосту черно-бурой лисицы.

Мачеха сверху вниз посмотрела на девочку и ничего не сказала.

На другой день отец ушел на охоту. Девочка встала с восходом солнца и пошла на берег залива играть с волнами. Она играла долго, а когда солнце высоко поднялось над лесом, побежала домой завтракать. Вошла в дом и увидела: мачеха еще спит. Девочка тихо вздохнула, вернулась на берег и снова стала играть.

У самой воды она строила домик из морского песка. Набежавшая волна смывала его. Но когда волна отходила, девочка успевала построить новый домик. Так она и не заметила, как наступил полдень. Спохватилась, когда солнце стало сильно печь голову, побежала домой.

Мачеха еще спала. Наконец встала, принесла из амбара белую мягкую юколу и стала есть. Она даже не замечала стоявшую рядом девочку.

Мачеха прожевала последний кусок юколы, облизала жирные пальцы и, не глядя на девочку, бросила ей хвостик вяленой кеты. Девочка съела этот хвостик. И ей еще больше захотелось есть. Мачеха зевнула, отвернулась, снова легла спать.

Так настали для маленькой девочки тяжелые дни.

Отец добывал много зверя и дичи. Приходил домой только для того, чтобы принести добычу, и снова надолго уходил в тайгу. Все вкусные куски мачеха съедала сама.

Однажды отец спросил у жены:

– Жена моя, что-то дочь сильно похудела. Может быть, она больна?

Женщина ответила:

– Нет, здорова. Она уже большая, а по хозяйству ничего не делает, не помогает мне. Только знает целыми днями бегать! Бездельница! Как ее ни корми, она будет худой – так много бегает!

Как-то осенним вечером, когда птицы большими стаями улетали в сторону полудня, отец вернулся с охоты и лег отдыхать. Мать принесла жирную юколу и стала резать ее на тонкие ломтики. Девочка не ела с утра. Она подошла к столу, стала просить мачеху дать поесть. Мачеха молчала, как будто и не видела девочки.

– Дай мне поесть! – просила маленькая девочка.

– Отойди от стола! – был ответ.

– Дай мне поесть! – просила маленькая девочка.

– Отстань! – был ответ.

У девочки совсем стянуло животик. Голод так сосал ее, что она протянула руку за розовым кусочком. Когда ее рука дотронулась до юколы, мачеха ударила по ней острым ножом. Кончики пальцев так и остались на столе. Девочка убежала на теплый песчаный бугор, стала громко плакать. Из пальцев струйками стекала кровь. Девочка всхлипывала:

– Кы-кы, кы-кы!

В это время над заливом пролетали лебеди. Они услыхали голос плачущей девочки и сделали круг. Потом сели рядом с ней, окружили ее и принялись разглядывать. Когда они заметили, что из ее пальцев струится кровь, им стало очень жалко бедную девочку. Жалость птиц была так велика, что у них на глазах выступили слезы. Лебеди заплакали молча. Слезы росинками капали на песок. И там, где сидели лебеди, песок от слез стал мокрый. Большие белые птицы плакали все сильнее и сильнее, и вдруг у них пробился голос:

– Кы-кы, кы-кы, кы-кы!

Услыхав их голоса, отец девочки вышел из дому, увидел, что его дочь окружили лебеди, бросился за луком и стрелами: хотел убить больших птиц.

Лебеди взмахнули крыльями. В тот же миг и у девочки из плеч выросли крылья – она превратилась в стройную лебедь с красными лапками.

Когда охотник выбежал из дому, стая лебедей уже поднялась в небо. В самой середине стаи летела молодая птица.

Все лебеди кричали:

– Кы-кы, кы-кы, кы-кы!

Только молодая птица молчала.

Охотник схватился за голову, крикнул вслед улетающей стае:

– Дочь! Вернись! Ты будешь хорошо жить!

В ответ раздалось только:

– Кы-кы, кы-кы, кы-кы!

Отец долго стоял у дома и, ссутулившись, печально смотрел вслед улетающей стае. Вот лебеди бисером повисли над морем. Вскоре они растаяли в лазурной дали.

Каждую весну над стойбищем у залива пролетали лебеди. И громко плакали: «Кы-кы, кы-кы, кы-кы!» Толь-

ко одна птица молчала. И каждый раз лебеди, пролетая над стойбищем, видели далеко внизу фигуру человека, одиноко стоявшего на бугре.

С тех пор прошло много времени. И на том месте, где когда-то стоял одинокий человек, выросла кряжистая лиственница. Ни туманы, ни ветры не могут сбить ее. И стоит она, подавшись в сторону полудня, воздев в небо свои ветви-руки. И лебеди с красными лапками, пролетая с севера на юг или с юга на север, обязательно завернут к этой лиственнице и громко проплачут:

– Кы-кы, кы-кы, кы-кы!

Литературная версия В. Санги

ТИГР И ЧЕЛОВЕК

Сказка

Была одна деревня. В этой деревне жил человек с сыном. В верхнем конце деревни его сестра с сыном жила. Ее сыну было восемнадцать лет.

Однажды этот человек в лес охотиться пошел. Своего сына с собой взял. По дороге зашел в дом сестры, взял ее сына с ними охотиться. Три человека вместе в лес направились. В лесу сделали шалаш из еловых веток и там жили, ловушки на соболей ставили. Охотились полтора месяца. Ни одного соболя не добыли.

Однажды утром старший человек увидел, что поперек их двери лежит тигр. Тигр лежит, старик выйти из балагана боится. В этот день совсем не выходил. Воды нет, дров нет, огня нельзя развести. Так вот эту ночь переспали. Назавтра утром встал старик, говорит:

– Тигр-дядя! Пожалей меня. В другую сторону немного отойди, дорогу мне освободи. Нас, двух человек, выпусти. Одного человека у тебя оставим.

Тогда тигр в другую сторону отошел. Старик потихоньку разбудил своего сына. Оделись, вместе вышли. Сына сестры в шалаше оставили. Этот парень спал.

Два человека из шалаша вышли и домой побежали. Тот парень когда проснулся, видит: тигр поперек выхода

лежит. Наш парень долго смотрел на тигра и плакал. Потом сказал:

– Тигр, выпусти меня наружу. Куда я убегу? Есть хочу. Облегчиться хочу.

Тогда тигр встал. Встав, в другую сторону отошел. После этого наш парень наружу вышел, облегчился, дров наколол и в балаган занес. Огонь развел. А тигр опять на свое место лег. Наш парень пищу приготовил, поел, уснул. Приснилось ему, как тигр говорит:

– Ну, завтра за тобой приду. Со мной пойдешь. Здешний лев нас убивает. Когда он крикнет, мы все умираем. Он еще раз крикнет, мы все оживаем. Мы тебя просим убить этого льва.

Утром парень встал, суп сварил, поел.

– Ну, тигр, дорогу дай. Я сделаю копье, которое с собой понесу.

Тигр в другую сторону отошел. Этот парень топор взял, на улицу вышел, из сухой лиственницы копья сделал. Восемь копий сделал. Одно железное копье имел, восемь копий из лиственницы. Наш парень сказал:

– Ну, тигр, пойдем.

Тигр поднялся, парень деревянные копья взял, железное копье взял, на тигра взобравшись, уселся. Вместе пошли. Шли, к высокой горе пришли. Вокруг этой горы лежали тигры. Когда наш парень на землю спустился, все тигры встали и ему поклонились. Тут на горе лев из пещеры вышел и закричал. Тигры все умерли. Еще раз закричал – все тигры ожили. А лев снова в свою пещеру вошел.

Тогда наш парень свое железное копье в землю воткнул. Потом, прыгая назад, через каждый шаг остальные копья втыкал. Затем к пещере льва поднялся. Заставив льва выйти, деревянным копьем уколол. Назад отпрыгнул, лев прыгнул за ним. Восемь раз наш парень отпрыгивал. Восемью деревянными копьями колол льва. Наконец, на девятом прыжке железным копьем льва уколол, убил.

Тогда все тигры встали, подошли и поклонились нашему парню. Потом тот тигр, который к балагану за ним ходил, парня обратно принес.

Вернулся тот к своему балагану, там жил. Вокруг балагана рукавицей сделал следы соболя и поставил ло-

вушки. Поставил и постоянно соболей убивал. Много добыл.

После этот парень домой вернулся. Стал жить хорошо. Соболей продавал, разбогател.

Все.

Рассказал А. Гудан
(с. Кальма, Нижне-Амурская обл.).
Записал в 1953 г. и перевел В. Панфилов

СТАРИК И СТАРУХА ЖИЛИ

Сказка

Старик со старухой жили бедной, голодной жизнью. Даже запаха хорошей пищи не знали. Когда мертвую рыбу на берег выбрасывало, и ту брали, ели.

У старика со старухой дочь росла. Незаметно как-то стала красивой девушкой. Так втроем жили. Что земля даст, ели, что вода даст, ели.

Весной одной сильно голодали. Никакой пищи в доме не было.

Старик к морю спустился, долго по берегу ходил.

– Хотя бы мертвого морского зверя на песке увидеть!

Долго ходил, искал, ничего не нашел. Камень большой на берегу лежал. На камень этот сел, голову руками обхватил.

– Как домой пойду? Старуху свою, дочь свою чем накормлю?

Так, горюя, долго сидел. Потом с последней надеждой на море посмотрел.

Море страшное стало какое-то. Вода в море, как в огромном котле, кипит.

Вдруг на берег большого кита выбросило. За ним шесть морских хозяев в образе великанов-сивучей из моря выпрыгнули. Этого кита саблями изрубили, опять в море скрылись.

Наш старик за камнем притаился; не дышал почти. Потом ползком к киту подкрался, видит – он мертвый, а рядом сабля лежит.

– Ох, – обрадовался старик, – морское счастье ко мне пришло!

Эту саблю взял, вырезал кусок мяса из кита, все домой принес, отдал старухе. Старуха саблю в большой ящик спрятала, потом огонь развела, сварила китовое мясо, накормила старика и дочку.

Сытно поев, старик уснул, старуха тоже уснула. Дочь куда-то из дому вышла.

К рассвету уже старик со старухой проснулись, видят, дочери на постели нет. Друг на друга посмотрели, заплакали:

– Куда ушло дитя наше?

Только солнце взошло, вышли из дома, до самой ночи напрасно искали пропавшую дочь.

Обратно пришли, дочь их у порога сидит, печальными глазами на них смотрит.

– О дитя, дитя, ты где же была? – спросила ее старуха.

Дочь как немая стала, руки заломила, ничего не говорит.

Потом втроем в дом вошли. Сна ни у кого нет, слов ни у кого нет, горе какое-то всех мучит.

Вдруг дочь встала, к двери пошла, переступила через порог и пропала.

Больше в родное жилище она не приходила.

Снова весна настала. Однажды, промышляя на морском берегу рыбу, старик дошел до знакомого камня.

Отдыхая, на море смотрел, о пропавшей дочери думал: «Хотя бы со дна моря ты пришла ко мне!»

А море страшное стало какое-то. Вода в море, как в огромном котле, кипит.

Вдруг с волнами шесть морских хозяев поднялись. На одном из них дочь старика верхом сидела.

Старик задрожал, заплакал:

– О дитя, дитя, ты со дна моря пришла ко мне! Неужели опять молчать будешь?

Тогда дочь сказала:

– Нет, сейчас я буду говорить, слушай меня хорошенько. Отец, ты разгневал морских хозяев. Взял им принадлежащую саблю. За это я страдаю. Иди домой, матери все расскажи. Через год опять к этому камню приходи...

Пошел домой наш старик. Дома своей старухе сказал:

– Дочь нашу морские хозяева заложницей взяли. Вер-

нется ли к нам когда – не знаю. Через год только велела приходить.

Вот опять весна настала. Старик опять к морю спустился, до знакомого камня дошел, долго-долго на море смотрел.

– О дитя, приди ко мне со дна моря, как ты обещала.

Огромная волна о берег ударилась. Вслед за ней его дочь, верхом на морском хозяине сидя, близко к берегу подплыла.

Старик смотрит, сам себе не верит. Волосы у дочери еще длиннее стали, лицо еще красивее сделалось, а на руках ее маленький ребенок лежит, улыбается.

Прижав ребенка к груди, дочь сказала:

– Отец, больше сюда не приходи. Если и придешь, меня не увидишь. Я женой морского хозяина стала, от него сына имею. Матери моей скажи, что я хорошо живу, вели ей не скучать. Вы ни в чем теперь нуждаться не будете. Если мяса захотите, на берег спуститесь, всегда мертвых нерп посылать вам буду. Не бойтесь теперь ничего, берите их, ешьте!

Так сказав, на морском хозяине тихо от берега отплыла, в море погрузилась, исчезла.

Старик, плача, домой пошел. Дома старухе сказал:

– Дочь нашу морской хозяин себе в жены взял. У нее уже сын родился. К нам она никогда не вернется. Велела тебе не скучать. Еще сказала, что мы с тобой ни в чем теперь нуждаться не будем.

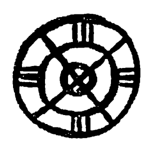
Что дочь сказала, все исполнилось. Еще долго старик со старухой жили. Морское счастье их постоянно кормило. Когда бы старик к морю ни спустился, всегда на берегу мертвых нерп находил. Нерпичье мясо, нерпичий жир ели. Запах вкусной пищи наконец узнали.

А дочь свою больше никогда не видели.

Без нужды живя, сильно состарились, и умерли один за другим.

Рассказала Е. Хаткук
(колхоз «Чир-Унвд» – «Новая жизнь»,
о. Сахалин).
Записала в 1949 г. и перевела В. Савельева

Ительмены



КАК КУТХ ЛИСУ НАПУГАЛ

Сказка

Жила-была лиса. Очень ей хотелось замуж выйти. Вот однажды бежит она по берегу и вдруг видит – евала* лежит, вся уже червивая. Взяла лиса евалу, как ребенка, уселась на берегу, убаюкивает ее, сама червей с нее ест:

– Ой, как ребенок обовшивел!

Видит: по реке гагары плывут. Сказала одна гагара:

– Какакре, какакре, смотри, какая бабенка сидит!

Лиса говорит:

– Это я, твоя жена! Возьми меня с собой, вместе поплывем!

Маленькая гагарка отвечает:

– Я не отец твоему ребенку, его отец сзади плывет!

Уплыли. Снова лиса сидит на берегу, евалу укачивает, червей поедает.

– Сильно ребенок обовшивел!

Видит: чайки плывут на плотике. Сказала чайка:

– Кейя, кейя, кейя, что там за бабенка сидит?

– Это я, твоя жена, – говорит лиса. – Возьми меня с собой!

– Ну, иди садись, раз жена!

Обрадовалась лиса, уселась на плотике. Евале говорит:

– Вот твой отец!

А чайки между собой говорят:

– Кейя, кейя, кейя, давайте вон на том глубоком месте утопим плотик, а сами улетим.

* Евала (ительм.) – отнерестившаяся рыба.

– Что вы сказали? – спрашивает лиса.

– Мы говорим: осторожно плывите, красивую бабенку не утопите, да еще и племянничек тут.

Обрадовалась лисица:

– Наверное, ты и вправду мой муж?

Вот уже на глубокое место вышли. Лиса все вшей ищет на своем ребенке, ничего не замечает. Вдруг чайки взлетели, а плотик стало водой заливать. Чуть не утонула лиса. Евалу бросила, насилу на берег выбралась, уселась на отмели.

– Ну-ка, кухляночку посушу и глазки тоже.

Сняла она шкурку, глазки вынула. Глазки в кустах положила, а шкурку на дерево повесила. Сама тут же улеглась.

– Отдохнуть, что ли.

И заснула. Вдруг Кутх идет по берегу. Наткнулся он на лису, смешно ему стало: «Ишь, голая лежит! Сейчас я тебя напугаю».

Пошел он к реке, набрал воды в рот, и снова смешно ему стало – вся вода изо рта вылилась: «Все равно напугаю!»

Снова пошел к реке, воды набрал и рот рукой закрыл: «Сейчас я тебя напугаю!»

Подошел Кутх к лисе, и снова смешно ему сделалось. Зажал он рот рукой – вода вся через ноздри вышла. Опять пошел к реке: «Ведь все равно напугаю, вот только смех свой к Мити, жене своей, отправлю».

Сидит Мити, шьет, и вдруг такой на нее смех нашел, даже живот схватило: «Что это со мной? Наверное, Кутх что-нибудь выделывает».

А Кутх снова набрал воды в рот: «Ну, теперь-то я тебя напугаю!»

Лиса лежит голая, спит. Брызнул Кутх водой на спящую. Сильно испугалась лиса, вскочила, побежала, на все натыкается сослепу. Кутх со смеху помирает. Вдруг лису окликнул кто-то:

– Ты чего это ходишь голая?

– Кутх меня напугал, – говорит лиса. – А кто тут?

– Это мы, голубички, сами себя собираем.

– Дайте мне две голубичинки.

Дали ей две ягодки, вставила их вместо глаз. Все кругом синее стало. Идет дальше – видит, бруснички сами себя собирают:

– Лиса, ты чего это так ходишь?
– Кутх напугал. Дайте две брусничинки.
Выбросила лиса голубичинки, брусничинки вставила. Все теперь красное стало. Дальше пошла. Шикши сами себя собирают. Спросили шикши лису, что это с ней. Сказала лиса:
– Кутх меня напугал, глазки я потеряла, кухляночку потеряла. Дайте мне две шикши, чтобы глазки сделать.
Дали ей, она брусничинки выбросила, шикши вставила. Нашла то место, где оставила глазки и кухляночку. Смотрит – у нее вся шкурка засохла, покоробилась. Лиса замочила ее в лужице. А все ее тело болит, исцарапалось по кустам.
Пришел Кутх домой, смеется:
– Мити, послушай!
А Мити сердится. Кутх говорит:
– Чего ты, Мити, сердишься? Послушай, что я тебе смешное расскажу. Напугал я лису, голая побежала, даже глаза не вставила.
Мити говорит:
– Эх ты, Кутх, Кутх. Никогда-то от тебя ничего путного не услышишь! Только бы тебе озорничать, а хорошего ничего не делаешь. Стыдно мне вместе с тобой жить.
– Ай, Мити, зато лиса голая бегала, вот было смеху-то! Ну уж не сердись. Как снег выпадет, залезет она в свою нору, вот тогда я ее тебе на воротник принесу.

Рассказала В. Пономарева
(с. Тигиль, Камчатская обл.).
Записал в 1929 г. и перевел А. Володин

КАК КУТХ СДЕЛАЛ РАБОТЯЩЕЙ СВОЮ ЖЕНУ МИТИ

Сказка

Жили Кутх с Мити. Мити очень ленивая была, а Кутх – очень работящий. Кутх постоянно на охоту ходил и обязательно кого-нибудь убьет: то уток, то оленя, то медведя. Очень много рыбы ловил, нерп тоже добывал. Домой придет, попросит поесть. А Мити все

одной юколой кормит, никогда ничего не сварит. Только спит.

Вот однажды пришел Кутх с охоты, а Мити опять его юколой кормит. Кутх говорит:

– Я сегодня не буду есть. Заболел. Живот очень сильно болит. Сейчас умру.

Мити заплакала:

– Как же я без тебя буду жить?

А Кутх отвечает:

– Скажу, как жить: когда умру, могилу для меня не глубокую вырой. В могилу побольше травы положи, а землей не засыпай, только кедрачом прикрой. И каждый день мне толкушу, кирилку, сарану приноси; котлеты делай с сараной и кимчигой; чагой запасись, чай заваривай. Все это на могилу приноси. Все поставишь и сама уходи. Назад не оглядывайся, иначе тоже умрешь!

И вот Мити рано встанет, в лес пойдет, много сараны и кимчиги накопает, всякой ягоды соберет. Домой вернется – котлеты приготовит, толкушу и кирилку сделает, чайник вскипятит, чай заварит и отнесет все это Кутху. Кутх все это съедал и очень поправился. А Мити с раннего утра до позднего вечера варит да в лес ходит. Наконец Кутх видит: Мити очень работящей стала. Сразу и встал. Переправился через реку, где их дом, вышел и закричал:

– Мити! Перевези!

А Мити вышла к реке и видит: очень толстый человек стоит. Не узнала сперва. Голос Кутха, только Кутх-то очень худой был. А Кутх и говорит:

– Не узнаешь меня? Я – Кутх!

Очень обрадовалась Мити. Сына Эмэмкута позвала, чтобы Кутха перевезти через реку. Спросила Кутха:

– Как это ты ожил?

– Да Бог сказал: «Твоя жена очень работящая стала, я и решил тебя оживить. Пойди и живи с ней!»

Отсюда все и началось: Мити все время варила, в лес ходила и стала очень работящей.

Рассказал Л. Толман.
Записала в 1965 г. и перевела Н. Старкова

КАК КУТХ И МИТИ ЗА ОРЕХАМИ ХОДИЛИ

Сказка

Жили Кутх и Мити. Однажды Кутх сказал:

– Пойдем за орехами!

Собрались и пошли. Начали собирать орехи. Кутх и предложил:

– Давай, Мити, громко перекликаться, а то медведи ходят. Ты меня окликай, а я – тебя.

Собирают орехи и кричат. Мити кричит: «Кукэвэ!», а Кутх: «Мити! Митивэ!»

Собирают орехи и все время перекликаются. Надоело Мити кричать, она замолчала. А Кутх подумал: «Наверное, Мити медведь съел». Испугался, стало ему жалко Мити.

А Мити подумала: «Сейчас Кутха напугаю». Подползла к Кутху и крикнула:

– Я-ха-ха-ха, Кутха!

Очень сильно испугался Кутх, сразу вороном обернулся и полетел. А Мити осталась одна.

Летел Кутх, летел, видит – балаган и травяной дом. В этом доме жили две девушки, сестры, очень красивые, мастерицы шить и работать.

Вышла старшая сестра, чтобы высыпать сор. Увидел ее ворон. Высыпала девушка сор, Кутх подлетел к ней. Сестра и подумала: «Наверное, это Кутх дразнится». Кинула в него мусором и пошла домой. Младшей сестре сказала:

– Сходи в балаган, принеси пополдничать!

Пошла девушка, поднялась на балаган, и ворон сразу туда полетел и сел. Увидела девушка ворона, сказала:

– Откуда этот воронишка взялся? Сколько здесь с сестрой живу, никогда никого не видела. Только лес.

Обрадовалась девушка, накормила ворона досыта разной ягодой. А Кутх подумал: «Хорошая девушка. Вот бы мой Эмэмкут женился на ней».

Накормила ворона девушка и сказала:

– Прилетай к нам.

Пошла домой. А дома старшая сестра сердится, говорит младшей со злобой:

– Опять, наверное, Кутх проказничал?

А ворон полетел в поселок, перевернулся трижды и тут же опять Кутхом стал. Тем временем сидит Мити дома и плачет, жалеет Кутха.

Вошел Кутх. Мити обрадовалась и спросила:

– Где ты, Кукэ, был?

– Далеко я летал, дом в лесу видел, в доме две сестры: одна злая, а другая – хорошая.

А Эмэмкут, их сын, лежит и слышит, что Кутх говорит. Послушал-послушал и говорит:

– Я бы побывал там, да не знаю, как туда идти.

Кутх предложил:

– Возьми мою кухлянку ворона, лети в ту сторону, увидишь дом в лесу. Там и живут девушки.

Надел Эмэмкут воронью кухлянку и полетел. Далеко залетел. Увидел дом, сразу же сел на него. Вышла старшая сестра, сказала ворону со злобой:

– Опять этот Кутх забавляется!

Забросала ворона мусором, пошла домой, ничего сестре не сказала.

Младшая сестра вышла на улицу, увидела ворона и сказала:

– Снова к нам ворон прилетел.

Поднялась на балаган, ворон тут же к балагану полетел и у входа сел. Девушка говорит ворону:

– Мы в лесу с сестрой живем, никогда никого не видим. Хорошо, что ты пришел!

Стала его кормить, а ворон не ест. Девушка сказала:

– Давешний ворон очень много ел, а ты не хочешь.

Затем говорит:

– Останься и живи с нами!

Сразу ворон Эмэмкутом стал, обнял девушку – и тут же ребенок заплакал. Испугалась девушка и тоже заплакала:

– Как я теперь сестре покажусь?

Эмэмкут успокоил ее:

– Не бойся! Пойдем вместе!

Спустились с балагана, вошли в дом. Сестра зло так говорит:

– Верно я говорила, что это Кутх забавляется, а теперь вот ты и с ребенком!

Эмэмкут велел ей успокоиться. Старшая сестра пере-

стала сердиться. Начала младшую сестру собирать. Спросила:

– А на чем вы поедете?

Пошел Эмэмкут в лес, свистнул три раза. Тут же олени появились. Собрались они и поехали. Стали подъезжать к поселку, пурга поднялась. Вышел Кутх из дома, сказал:

– Мити, пурга надвигается!

Вышла Мити и ответила:

– Это не пурга, это наш Эмэмкут с женой возвращается.

Кутх попросил:

– Дом тесен у нас, Мити! Попинай немного!

Попинала Мити дом, он и расширился. Мигом различные яства поставили, всех зверей и птиц пригласили. Все долго веселились, а Эмэмкут и по сей день живет.

Рассказала Т. Брагина
(с. Тигиль, Камчатская обл.).
Записала в 1965 г. и перевела Н. Старкова

ЛЕГЕНДА О ТЫЛВАЛЕ

Кто говорит, что Тылвал был большого роста, а больше слышно, что он был небольшой, но очень плотный и сильный. К нему приходило много народу бороться, но он всегда оставался победителем. За дровами Тылвал ходил к мысу на Амбон, за пятьдесят верст от реки Кульки. Да не только дров, а еще барана добудет и вместе с дровами домой принесет. Видел он далеко – как орел, а то и лучше; слышал очень хорошо.

Слух о силе Тылвала разлетелся по всей Камчатке, дошел он и до Немал-человека, который жил за хребтами на северо-восточной стороне. Волосы у того Немал-человека были черные, и заплетал он их в две косы. Немал-человек был настоящий великан. Как услышал про Тылвала – не стерпел и пошел на юго-запад бороться с ним. Взял с собой только лук из китового ребра да каменные стрелы и перевалил через хребет на западную сторону.

Приходит он на Ваямполку и спрашивает:

– Где тут ваш силач Тылвал живет?

А ваямпольские и говорят:

– Слышали мы про Тылвала, да не знаем, где он живет. Иди в Тигиль – там знают!

Приходит Немал-человек в Тигиль и спрашивает:

– Где тут Тылвал живет? Я слышал, что его никто победить не может, так я хочу побороться с ним!

– Иди на реку Кульки, там его жилище находится, – говорят ему.

– А что, он очень большой? – выспрашивает Немал-человек.

– Нет, он совсем небольшой, только сильный.

И пошел Немал-человек к Тылвалу, а сам про себя ухмыляется, думает, как он победит Тылвала. Вот идет он тундрой, подходит к реке Кульки и видит: юрта стоит большая-большая, из земли и камней сделана. Вынул Немал-человек лук из китового ребра, приготовил стрелы каменные, подошел близко к юрте и спрашивает:

– Есть ли тут живой человек?

– Есть, – ответил ему из юрты женский голос. – Входи, добрый человек.

Вошел он в юрту и видит: женщина в темноте суетится по хозяйству – торбаса шьет, а маленький парнишка, Тылвалчонок, на полу играет.

– Кто вы такие? – спросил великан.

– Я вот – жена Тылвала, а это – сынок его, – ответила женщина и стала готовить обед для Тылвала

Стал великан расспрашивать про Тылвала: большой ли он, сердитый ли? И когда узнал, что тот не большой и не сердитый, подумал про себя: «Даже стыдно, пожалуй, и бороться с ним напрасно шел».

– А где он сейчас? – спрашивает.

– Да за дровами на Амбон ушел, – ответила жена Тылвала.

После этих слов Немал-человек присмирел – чувствует, что сила-то есть у Тылвала, не напрасно говорили: ведь Амбон-то за пятьдесят верст от дома Тылвала находится.

Сидит Немал-человек и ждет хозяина, а хозяйка по дому суетится, обед готовит, мясо да рыбу варит.

Вдруг раздался страшный треск и грохот, будто близко-близко гром гремит.

– Что это грохочет? – спрашивает великан.

– Да это Тылвал вернулся, дрова принес, на землю сбросил, – спокойно отвечала жена.

Поглядел великан в щелку: целая гора дров рассыпана, и еще туша барана на плечах у Тылвала, а сам он невелик ростом. Совсем присмирел великан и ждет, когда хозяин войдет в юрту. Сам лук и стрелы за спину прячет.

Вошел Тылвал, увидал гостя, поздоровался, ничего не спросил – зачем он пришел, все равно уже знал сам. Немал-человек хотел сразу же сказать, зачем он пришел, да поостерегся. «Посмотрю, – думает, – что дальше будет».

– Дай-ка нам поесть, – сказал Тылвал жене.

Та подала им на стол жареное мясо дикого оленя. Стали молча есть. Обглодал Тылвал самую длинную кость из ноги оленя, подал ее великану и говорит:

– Не буду я бороться с тобой, если не сомнешь эту кость!

Великан взглянул удивленно, думая, не шутит ли хозяин; видит – нет; взял он кость в руки, попробовал смять и говорит:

– Нет такого человека на свете, чтобы смял такую кость.

Тогда Тылвал взял кость в левую руку, сжал ее в кулаке и смял:

– Смотри!

И посыпались из его горсти на земляной пол мелкие кусочки кости да порошок, как белая мука.

Понял Немал-человек, что не справиться ему с Тылвалом. Прячет лук и стрелы за спину, чтобы не видно было, хочет уйти из юрты, да боится. «Как пойду вон из юрты, – думает он, – так и убьет меня Тылвал».

Как ни долго сидел Немал-человек в юрте, а выходить-то нужно. Вот поднялся он и стал к выходу пробираться. А когда вышел на двор, взял Тылвал его за правую ногу, приподнял выше головы, закинул за спину да как хлопнет Немал-человека об землю!

Только хрустнул великан.

Рассказала Н. Наседкина
(с. Напана, Тигильский р-н, Камчатская обл.).
Записала в 1926 г. и перевела Е. Орлова

КУТХ И КРАБ

Сказка

Жил-был Кутх с женой Мити. Стал Кутх собираться на мыс. Сказал:

– Дай-ка, Мити, мою шапку, рукавицы и пояс!

Мити сказала:

– Ты, Кутх, коли хочешь, прямо сейчас отправляйся!

Пошел Кутх на мыс. Дошел до мыса. Морских зверей, которых встречал, всех ногами пинал, говорил:

– Вот как с вами поступать надо!

Еще дальше пошел, видит – морской краб спит.

Стал он будить краба. А краб крепко спит.

– Эй, краб, проснись!

Открыл краб глаза и сказал:

– Я спать хочу, Кутх, не мешай мне!

Кутх сказал:

– Ладно, краб, вставай, довольно спать!

Встал краб. Кутх просит:

– Эй, краб, покатай меня!

Сел Кутх ему на спину, пошел краб в море. А Кутх песню запел:

– По воде меня катают. Тебе, Мити, лучше дома посидеть!

Стал краб его катать, Кутх закричал:

– Эй, краб, отпусти меня, утопишь!

Краб сказал:

– Зачем ты, Кутх, меня разбудил? Теперь уж не бойся!

Отвез он Кутха на середину моря. А посреди моря был большой круглый камень. Оставил он Кутха на этом камне. Уселся Кутх, сидит, а волны на камень накатываются и Кутха заливают. Спрятал Кутх лицо в кухлянку, слышит: под камнем люди разговаривают. Вдруг большая волна пришла, сбросила Кутха под камень.

Пошел он по лестнице, там его морские люди встретили. Хорошо приняли. Вяленым мясом накормили. Стали спать укладываться. Морские парнишки всю воду спрятали, реку высушили. Кутх ночью проснулся, пить захотел – не может воды в доме найти. Пошел к реке. И река вся высохла. Стал он вспоминать своих домашних: жену, маленьких ребятишек. Всех по именам назвал. Сказал Кутх:

– Мити, ты с малышами воду пьешь, а я тут от жажды помираю!

Услышали это морские парнишки, но не встали. Стал Кутх вспоминать своих старших детей, девушек:

– Синаневт, Анаракльнавт, вы-то пьете воду, а ваш отец от жажды помирает!

Встали тут морские парнишки, как будто только что услышали, как Кутх причитает, и говорят:

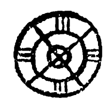
– Женщины нашего гостя совсем замучили! Не дают ему пить.

Сразу вода появилась. Начал Кутх пить. Те парнишки целую байдару воды налили. Кутх все это выпил. К реке пошел. Там снова стал пить. Напился, утолил жажду. Дочерей пропил. Отвезли женихи Кутха домой на байдаре. Кутх все рассказал жене, что с ним случилось.

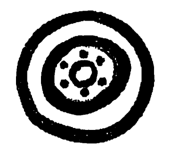
– Мити, – говорит, – вели дочерям собираться, пусть замуж выходят, пропил я их!

Так все его дочери замуж вышли. Стали жить и веселиться.

Записал в 1910–1911 гг. В. Иохельсон
(р-н Хайрузово, Камчатская обл.).
Перевел А. Володин



Коряки



СОХОЛЫЛАН

Сказка

Жили-были в тундре два товарища, два побратима – Солнце и Ворон. Были они сильны и отважны. И никто не мог сказать, кто из них лучше. По всей тундре шла слава об их удали.

Много раз слышало Солнце от Ветра, что у Севера есть красавица дочь, что много сильных, отважных людей отправлялось к Северу взглянуть на красавицу, но никто еще не вернулся обратно.

Солнце подумало: «Всех сильнее я в мире, льды превращаю я в воды, снежные пустыни делаются цветущею тундрою от моих лучей, так неужели морозы, которыми отгородился Север, не растоплю я своими лучами?»

Оделось Солнце потеплее: двойная на нем оленья одежда, одна мехом наружу, другая мехом внутрь. Село на оленью нарту и помчалось к Северу.

Едет, едет. Чем дальше едет, тем холоднее становится.

Вот на дороге стали попадаться оленьи и собачьи кости, дальше и человеческие. Завывает ветер, трещит мороз, трескается земля. Отморозило Солнце пальцы ног и рук. Задохнулись от мороза олени, а жилища Севера все не видно. Решилось Солнце вернуться домой, а на обратном пути и нос себе отморозило.

Поехало однажды Солнце в тундру по дрова и повстречалось там со своим соседом, отважным Вороном. Ворон со своим младшим братом тоже приехал сюда за дровами. Младший брат Ворона увидел Солнце и спрашивает:

– Кто это?

– Это Солнце, – отвечает старший брат.

– Эге, безносое Солнце! – засмеялся малыш.

– Тише, тише, рассердится Солнце, не надо над ним смеяться, – сказал старший.

Услыхало Солнце разговор и говорит:

– Не смейтесь! Я обогреваю всю землю – и то отморозило нос и щеки, что же будет с вами, если вы попадете туда, где побывало я?

Тогда старший Ворон спросил:

– А где же ты побывало, Солнце?

Рассказало Солнце о Севере, о его красавице дочери, о том, что много молодцов погибло, добиваясь ее.

– Так, значит, это не сказка, – сказал Ворон.

Он тоже слышал о Севере и его красавице дочери, слышал, что никто не может добраться до них. Ворон спросил:

– Где дорога к Северу?

– Поезжай туда, откуда дует северный ветер, – ответило Солнце.

Едет с дровами домой Ворон и думает: «Я тот, которому ничто не запретно на земле, я взмываю на громадную высоту, я опускаюсь в пучину моря, мне доступны высокие горы, мне доступны морские пучины. Неужели я не достигну Севера?»

Приезжает Ворон домой и спрашивает своего мудрого старого отца:

– Скажи мне, отец, как достигнуть Севера?

– Там вечная ледяная пустыня, сын мой, – отвечает старый Ворон.

– Неправда, там живет могучий Север с красавицей дочкой. Много лет много сильных людей стремятся увидеть ее, но никто не может дойти туда. Расскажи мне, отец, все, что ты знаешь о Севере, – не уснуть мне иначе целую ночь.

– Хорошо, сын мой, если знаешь уже, что это не сказка, слушай меня: твой дед погиб на пути к Северу, как и все, кто хотел увидеть ту, к которой ты стремишься. Чтобы дойти туда, нужна другая одежда. Та одежда, которая на нас, не годится. Иди к своему родному отцу – Такаютану, живущему на дне морском. Он не мог оставить тебя у себя и отдал мне на воспитание, когда ты был малышом. Спросит тебя Такаютан, кто ты, ответишь ему – Со-

холылан. Это твое настоящее имя. Такаютан поможет тебе добраться до Севера.

Опустился Ворон на дно морское, стучится в ярангу Такаютана. Услыхал стук хозяин морской пучины и удивился: кто осмелился прийти к нему на дно морское? Сказал своей дочери:

– Спроси, кто там.

Вышла дочь и спрашивает:

– Кто ты?

– Я Сохолылан.

– Отец, – сказала дочь, – это Сохолылан.

– Впусти его скорее ко мне, – сказал Такаютан.

Сохолылан вошел.

– Это ты пришел, мой сын! Узнаю я тебя. Рассказывай, я слушаю.

– Отец, – сказал Сохолылан, – помоги мне добраться до Севера.

– Ага, ты хочешь попасть к Северу и взять его дочь. До сих пор это никому не удавалось. Дам я тебе каменных оленей – их не нужно кормить, не будут они мерзнуть, и поедешь ты на них не останавливаясь. Можешь оставить этих оленей в любом месте – их никто не возьмет. Это будут простые камни. А самое главное – дам тебе нерпу. Нерпу эту ты наденешь тогда, когда услышишь звон бубна. Приедешь к Северу, не говори ему, кто ты, скажи, что племянник его – Нерпа. В яранге Севера будет страшная пурга, не обращай на нее внимания и не говори ничего Северу о дочери. Знай: не любит он женихов. На стене яранги будет висеть большой ледяной сосуд. В этот сосуд по вечерам сыновья Севера бьют палочкой, и он издает приятные слуху звуки. Возьми травинку от стельки и ударь несколько раз по дну сосуда. Он расколется. А дальше делай, как твой разум подскажет.

– Позволь мне теперь удалиться, отец, – сказал Ворон и хотел выйти из яранги. Но Такаютан крикнул:

– Подожди, сын мой, не все я тебе сказал. Сразу не увози домой жену, не удастся тебе этого сделать. Сначала возвращайся один. И я тебе дам другой совет, как привезти жену. Сейчас попробуй добраться до Севера, исполнить свое первое желание. Иди!

Едет Ворон день и ночь без отдыха. Мороз все сильнее и сильнее. Ветер воет, пурга метет, земля трещит. Кру-

том белые кости женихов лежат, а Ворон все едет. Вот уже нос отморозил, щеки, пальцы рук и ног отморозил. Стал призадумываться, не вернуться ли обратно, но устыдился, подумал: «Тогда уж никто не скажет, что нет ничего недоступного Ворону». Еще долго ехал. Но вот услыхал еле уловимый звук бубна. Показалось ему, что это звенит в ушах, но затем звуки бубна стали громче. С трудом взял он замерзшими пальцами нож, разрезал на себе одежды и надел на себя нерпу, которую дал ему хозяин моря. Сразу же стало Ворону тепло. Мороз и ветер больше не задевали его.

Вышел Север из своей яранги и заметил в тундре двигавшуюся точку. Послал туда самые сильные ветры, сам стал дуть из последних сил, а точка все движется да движется ближе к жилищу Севера.

– Смотри, жена, кто-то едет к нам. Ведь раньше, как подую, так и замерзали все, кто шел сюда, а этот движется. Кто бы это был?

Выглянул младший сын Севера и сказал:

– Да это Нерпа!

Тут подъехал Ворон в образе Нерпы, бросил каменных оленей, сам вошел в ярангу.

– Здравствуй, гость, – сказал Север.

– Ага, – ответил Ворон в образе Нерпы.

– Зачем приехал?

– Так, погостить. Моя мать Пурга – твоя сестра. Она в дальней тундре живет. Послала меня посмотреть, как живет ее брат Север, жив, здоров ли он.

– Хорошо, садись.

Сел на белые шкуры Ворон. Видит: висит на стене ледяной сосуд, весь прозрачный, но ничего в нем не видно.

Собрались вечером братья, сыновья Севера, начали по сосуду палочками бить и плясать под эти звуки. Затем устали, легли спать. Взял Ворон травку из стельки, начал потихоньку бить по дну сосуда. Вдруг дно отвалилось, и на грудь Ворона упала девушка невиданной красоты. Ворон подумал: «Недаром люди стремились к Северу! Вот какое богатство таит он у себя!»

Бьет он травкой в банку, как будто ничего не замечает. Младший сын Севера сказал отцу:

– Отец, смотри, какая-то женщина упала на грудь Нерпы из ледяного сосуда!

– Молчи, молчи, – сказал Север, – тебе все это снится.

Затем Север подумал: «Наверное, гость не видит моей дочери» – и притворился спящим.

А Ворон тоже сделал вид, что устал и засыпает. Север поднялся, подошел к Ворону, поднял свою прозрачную, еле видимую дочь с груди его и отнес в соседнюю ярангу.

После этого Север заснул крепким сном. Вокруг наступила тишина.

Рано утром, когда все еще спали, Ворон встал и пошел в ярангу к красавице, дочери Севера. В проходе он снял с себя нерпу и превратился в прекрасного юношу.

Когда он приподнял полог и вошел, дочь Севера сидела на мягких оленьих шкурах и ждала его.

– Ты Сохолылан? – спросила она.

– Да, ты не ошиблась.

– Я ждала тебя, я знала, что ты придешь, думала о тебе постоянно, но не знала, какой ты. Мне надоело сидеть всегда в ледяном сосуде или в этой яранге, куда не проникает солнечный луч. Отец не выпускает меня даже посмотреть на Солнце.

«Вот и хорошо, что ты не видела Солнца», – подумал Ворон о своем сопернике. Затем сказал:

– Ты очень красива. Я не видал девушек, подобных тебе. Завтра я уеду домой. Если ты согласна, то мои каменные олени снова привезут меня сюда, и я увезу тебя тогда в свою землю.

– Приезжай, приезжай скорее! – сказала девушка.

Ворон снова надел нерпу и принял прежний вид. Затем сел на нарту и поехал на охоту на своих каменных оленях. Недалеко от жилища Севера, в горах, он убил несколько диких оленей и к вечеру привез их Северу:

– Вот, дядя, мой тебе подарок. Завтра я еду домой. Но скоро приеду к вам снова. Я знаю теперь дорогу сюда.

Север подумал: «Что мне сделать с ним? Если он приехал первый раз, значит, приедет и второй!»

– Хорошо, племянник, приезжай! – сказал Север.

Ворон быстро помчался на каменных оленях к морскому берегу. Быстро промчался через тундру и горы и очутился около моря. Направил своих оленей в морскую пучину и вскоре был на дне, у жилища Такаютана. Постучал.

– Беги скорее, открывай, это от Севера вернулся мой сын Сохолылан, – сказал Такаютан дочери.

Ворон вошел. Приветствовали друг друга.

– Ну, рассказывай, сын, доехал ли до Севера, видел ли дочь его?

– Доехал и видел дочь его. Она согласна быть моей женой. А я не взял ее сразу, как ты мне и наказал, – ответил Ворон.

– Хорошо, все хорошо, сын мой. Теперь бери стада китов, моржей, лахтаков, морских львов, нерп и гони их к Северу. Вместе со зверьем и вода пойдет.

Сидит Север в пологе, пьет горячий чай. Тут вбегает в ярангу младший сын и кричит:

– Отец, смотри, вода стеной идет на нас! Выглянул Север из яранги и подумал: «Эге, вода всю землю зальет!» Затем крикнул сыновьям:

– Бегите все на самую высокую гору!

И побежали все на высокую гору; Север забыл только о своей дочери в ледяном сосуде. Идет вода стеной, а за нею табуны морских зверей Ворона. Выскочил Ворон на берег, вбежал в ярангу и схватил ледяной сосуд с красавицей, дочерью Севера.

– Эй, Север, я исполнил обещание, прибыл к тебе. Что же ты залез на гору?

– Где моя дочь? – спросил Север жену.

– Дома ее забыли в ледяном сосуде, – сказала старуха.

Ворон поднял руку вверх, и вода покатилась обратно в свои берега. А стада китов, моржей, лахтаков, морских львов и нерп остались лежать на берегу. Север с женой и сынами вернулся в свое жилище. Видят, Ворон крепко держит в своих руках красавицу. Говорит он Северу:

– Я не Нерпа, а Сохолылан, сын хозяина морского дна. Ты видел мою силу сейчас. Но не силой увожу я твою дочь. Она сама этого хочет.

– Да, отец, я хочу уйти с Вороном. Надоело мне сидеть в ледяном сосуде, хочу посмотреть мир.

– Я только прошу, – сказал Север, – когда дочь захочет вернуться ко мне, не неволь ее, отпусти.

– Хорошо, – сказал Ворон, – я исполню твое желание. А теперь прими от меня в подарок всех этих зверей.

Ворон указал Северу на стада морских зверей, лежавших на берегу моря.

Завернул Ворон дочь Севера в теплые меха, положил к себе на колени и поехал на морских львах домой.

Услыхало Солнце, что Ворон вернулся от Севера, пришло к нему и спрашивает:

– Говорят, ты был у Севера?

– Да, я только что вернулся от него.

– Видел ли ты дочь Севера?

– Не только видел, но и женился на ней.

– Покажи мне ее, – попросило Солнце.

– Что ж, посмотри, – сказал Ворон и приоткрыл полог.

На мягких оленьих шкурах сидела девушка невиданной красоты. Это была дочь Севера. Увидело Солнце дочь Севера и сказало Ворону:

– Отдай мне ее, ведь мы с тобой побратимы. А ты знаешь обычай наших отцов, что жена друга может быть и моей женой.

– Нет, этого не будет! – твердо сказал Ворон.

Рассердилось Солнце и ушло за море. Наступила в тундре ночь. Спит Ворон с молодой женой, проснется – увидит темноту и снова спит. Но вот надоело ему спать, а день все не приходит. Все жители тундры испугались вечной ночи и пошли к Ворону просить не гневить Солнце. Послал Ворон к Солнцу некрасивую женщину, но та вернулась и говорит:

– Не глядит на меня Солнце, не разговаривает со мною.

Тогда Ворон послал к Солнцу свою сестру, красавицу девушку.

Приходит она к Солнцу и просит его:

– Вернись к нам, Солнце, принеси нам дневной свет. Если хочешь, я стану твоей женой.

– Нет, пусть Ворон отдаст мне дочь Севера, тогда я снова вернусь в тундру.

– Разве я хуже дочери Севера? – сказала красавица, сестра Ворона.

– Хорошо. Хоть ты не так красива, я женюсь на тебе, но мы не вернемся в тундру. Пусть Ворон знает, что нельзя обижать могучего друга, – сказало Солнце.

– Разве я могу быть счастлива вдали от родных? – сказала красавица девушка.

– Хорошо. Мы будем жить и здесь и немного в тундре. Пусть жители тундры немножко будут видеть меня.

Но я буду ходить далеко от них. Пусть Ворон помнит об этом.

Увидела дочь Севера, что нет близко Солнца, что жители тундры мерзнут и недовольны Вороном, а он бессилен вернуть Солнце тундре. Посмеялась она над Вороном и ушла к своему отцу Северу. А Солнце с тех пор больше живет за морем и в тундру посылает только самые холодные лучи.

Рассказала Ныпэвье
(с. Майно-Пылгин, Чукотка).
Записала в 1940 г. и перевела О. Бабошина

ЭМЭМКУТ И БОГАТЫРЬ

Сказка

У Ворона было четыре сына: Эмэмкут, Валь, Ахати и Котгано.

Однажды Эмэмкут сказал Ворону:

– Эх, отец, пошел бы я к богатырю, о котором говорят, что он очень силен. Испытал бы я его силу в борьбе.

– Ничего тебе не сделать с ним, пока у тебя такое тело, – сказал ему Ворон. – Если не будешь силы набираться, лучше и не ходи к нему. Сперва наберись силы, только тогда иди.

Эмэмкут целый год провел, набираясь силы. Ворон сказал ему:

– В тундре есть камень, которым я давно еще пользовался, набираясь силы. Если этот камень сможешь пошевелить, тогда я скажу тебе: ты стал сильным.

Когда в первый раз Эмэмкут пришел к тому камню и попробовал его пошевелить, то даже немножко не пошевелил его.

Помаленьку он стал накапливать силы. Потом начал уже поднимать тот камень, а потом стал подбрасывать его на концах пальцев, как маленький камешек.

– Ну, наверно, теперь смогу пойти к богатырю, – сказал Эмэмкут Ворону, – пожалуй, достаточно я силы набрался.

– Плохо, еще слаб ты, – сказал Ворон, – тот богатырь сразу убьет тебя. В Большом озере есть два кита. Если их превзойдешь в силе, тогда твоя воля – захочешь осилить богатыря, можешь осилить.

Эмэмкут снова стал набираться силы. Потом превзошел в силе тех китов. Однажды настиг их, схватил каждого за хвост, сшиб одного с другим, сразу обоих убил. Пришел к Ворону.

– Ну, отец, теперь, наверно, могу пойти к богатырю, – сказал Эмэмкут.

– Хорошо, пойди к нему, – сказал Ворон, – правда, быть может, на убой себя приведешь.

Эмэмкут тотчас снарядился и отправился к богатырю. Пришел к богатырю.

– Эй, пожалуй, для борьбы я пришел! – воскликнул Эмэмкут.

– Ну-ка, сын, напади на Эмэмкута, – сказал богатырь сыну, – наверно, бедняге Эмэмкуту тебя не одолеть.

Эмэмкут сам бросился на сына богатыря, и начали они бороться. Эмэмкут взял его за руку и бросил на гладкий речной лед. Как только тот ударился об лед, ничего от него не осталось, разбился.

Богатырь вышел из дома – нет его сына. Очень он рассердился на Эмэмкута и тотчас бросился на него. Настиг Эмэмкута, схватил его и бросил на лед. Эмэмкут так ударился, что лед покраснел.

Домашние считали Эмэмкута погибшим. Ворон очень печалился о сыне.

– Наверно, убит Эмэмкут, раз до сих пор не показывается, – сказал Ворон. – Что же, придется мне набираться силы.

Он надел деревянные лыжи сына Валя. Сперва с трудом мог передвигать их, потом побежал на них. Когда он осилил лыжи второго сына, Валя, он надел лыжи, принадлежащие третьему сыну, Ахати, попробовал пойти на них, но даже немножко не пошевелил их. Много времени спустя он уже мог пошевелить лыжи, а потом осилил их. Тогда надел лыжи, принадлежащие четвертому сыну, Котгано. Не только лыжи, но даже своего тела не мог пошевелить в них. Потом сам уже мог пошевелиться и даже немного стал пошевеливать лыжи. Несколько дней прошло, только тогда

смог ходить на лыжах. Эти лыжи осилил. Надел лыжи первого сына Эмэмкута – ничем двинуть не смог – только глазами и веками. Несколько десятков дней прошло, он смог уже пошевелиться и пошевелить лыжи, потом начал ходить на лыжах. Осилил лыжи Эмэмкута.

Наконец он надел свои железные лыжи, подбитые камусами. Этими лыжами он пользовался еще в юности. Ничем не смог пошевелить, даже глазами и веками. Несколько месяцев прошло, только тогда смог пошевелить веками. Потом с трудом начал шевелить глазами. Несколько дней прошло, смог пошевелить руками, головой и всем телом. С трудом начал двигать железные лыжи, подбитые камусами. Потом начал ходить на них и бегать. По склону горы, поросшему лиственницей, скатывается, лиственницы подминает, как траву, и след прокладывает, как по траве.

Кончив набираться силы, старик Ворон отправился к богатырю. Пришел к жилью богатыря, снял лыжи и остался стоять снаружи.

– Ну, где богатырь, пусть выйдет! Силен, наверное! – воскликнул Ворон.

Тотчас богатырь вышел из юрты и бросился на Ворона. Начали бороться. Ворон схватил богатыря и бросил его в небо.

Богатырь взлетел в небо, и пока он летел, остался от него один скелет. Кости его, падая на землю, мохом обросли. Найдя Эмэмкута, Ворон разбудил его.

– Ой, кто пробудил меня? – воскликнул Эмэмкут.

– Я пробудил тебя. Кто еще пробудил бы тебя? – сказал Ворон.

Сразу они надели лыжи и отправились домой. По пути Эмэмкут сказал:

– Отец, побежим наперегонки до дому, кто из нас проворнее?

– Куда тебе, увалень, сразу обгоню тебя! – говорит Ворон-отец.

– Ладно, все-таки побежим наперегонки, – говорит Эмэмкут.

Тотчас Ворон побежал на своих железных лыжах. Эмэмкут едва лишь задние концы лыж Ворона увидел, так быстро Ворон побежал.

Ворон вернулся домой. Эмэмкут пришел домой, когда все уже легли спать.

– Эх, а я-то думал, что Ворон неповоротлив, думал, легко обгоню его! – сказал Эмэмкут.

Записал И. Баранников.
Перевел С. Стебницкий

КУЙКЫННЯКУ – СОБИРАТЕЛЬ ЛАХТАЧЬЕГО ЖИРА

Сказка

Однажды Куйкынняку сказал жене:

– Собери ягод, а я пойду попромышляю лахтачьего жира.

Отправился. Пришел к приморским жителям.

– Привет, Куйкынняку! Пришел ты! Зачем?

– Лахтачьего жиру прошу я.

Дали ему калаус – мешочек из тюленьего пузыря, наполненный жиром. Понес его домой Куйкынняку. На дороге нашел дохлую лисичку.

– Ладно, возьму Мити моей на опушку для кухлянки.

Взял лису, на калаус положил.

А Чачучанавут (это была она, притворившаяся мертвой) потихоньку продырявила калаус и весь жир выпустила. Сама удрала. Жир, смерзшийся на снегу, собрала.

Вернулся домой Куйкынняку. Мити спросила:

– Где же лахтачий жир?

– Снаружи оставил, там, в калаусе.

Вышла Мити. Вернулась:

– Ничего нету!

Куйкынняку сказал:

– Эх, видно, Чачучанавут продырявила калаус!

Так и не поели толкуши. Хоть и выжимал Куйкынняку калаус, ничего не мог выжать из него – пусто.

Опять отправился на промысел лахтачьего жира. Пришел к приморским жителям.

– Лахтачьего жиру прошу.

– А где же тот калаус, что давеча мы тебе дали?

– Эх, Чачучанавут продырявила его!

Другой калаус, наполненный жиром, дали.

Чачучанавут сказала лисенятам:

– Эй, живо срежьте мне волосы с половины головы, также бровь и ресницы на одном глазу!

Живо срезали. Побежала навстречу Куйкынняку:

– Жирцу прошу! Дай кусочек жира. Я твоя давнишняя родственница.

Дал ей жиру. Быстро домой вернулась Чачучанавут.

– Живо усы и бороду мне налепите. Пойду встречать Куйкынняку с другой стороны.

Налепили. Побежала, Куйкынняку увидел ее, сказал:

– Привет! Кто ты?

– Да ведь твой двоюродный брат я. Жиру прошу у тебя.

Куйкынняку наделил ее жиром. Быстро домой побежала Чачучанавут. Прибежала.

– Эй, живо обстригите меня всю! Побегу наперерез Куйкынняку!

Обстригли. Побежала. Прибежала к Куйкынняку.

– Привет! Кто ты?

– Да ведь твой троюродный брат я. Жиру прошу.

Дал жиру. Все, что было в калаусе, кончилось. Вернулся домой Куйкынняку.

– Где жир? – спрашивает Мити.

– Как быть? Опустошили калаус мои родственники.

Опять отправился Куйкынняку к приморским жителям.

– Привет! Пришел ты! Зачем?

– Жиру прошу.

– Много же ты жиру съедаешь!

– Да как же, все потому, что своих родственников, просящих жиру, встречаю по дороге. Теперь, ладно уж, в рот наберу.

Набрал в рот. Отправился. На пути встретил Кривляку. Что же – рассмеялся и пролил жир изо рта. Пришел Куйкынняку домой. Мити спросила:

– А где жир? Никчемный ты собиратель жира!

– Как быть? На пути встретил я Кривляку, не мог от смеха удержаться и пролил жир.

Рассказала Н. Безуглова
(с. Кичига, Камчатка).
Записал в 1928 г. и перевел С. Стебницкий

Кереки

ЙАЙУЧАННАКУТ, ЛИСА-ЖЕНЩИНА

Сказка

Пошла Лиса к дочери и говорит:

– Имынна, дай-ка плетеную веревку!

– Куда же ты пойдешь?

– Да пойду Кукки обману.

– Перестань хитрить, честно пищу добывай.

– Нет, пойду все же.

Дала дочь плетеную веревку, пошла Лиса. Уже стемнело, но ярко светила луна. Подошла к жилищу ворона Кукки и стала выбивалкой отряхивать торбаса от снега и так выбивает торбаса, словно пришло двое.

– Чу-чу-чу-чу! – стучит по торбасам Лиса.

– Подожди, подожди, сейчас выйдут, – слышится голос Кукки из землянки, а сам удивляется, почему это разный стук слышится. – Эй, кто там?!

– Это я, я, я с мужем! У мужа очень пугливые олени.

– Отгоните оленей!

– Ох-ох, не подходи, чуть в сторонке держись.

– О, тогда зайду обратно.

– Подожди, подожди, мой муж – ночной житель, света не любит, погаси светильники!

– О, тогда зайду, скажу дочерям.

Зашел Кукки в землянку и говорит своим:

– Илынау, Чинильнакут, погасите светильники! Мити, жена Кукки, удивляется:

– Что за гость такой пришел? Света не любит. Ладно, раз просят, пусть так будет.

– Эй! – закричал Кукки. – Заходите! Погасили уже светильники. Муж, наверно, привязал уже оленей?

Зашла Лиса в жилище.

– О, пришли! – думают там, что их двое.

– Да, пришли! Вот муж мой. Замуж вышла за ночного гостя.

– Ну садитесь.

Вот научил меня муж в темноте все делать, – хвастается Лиса.

– Что ж, покушайте. Приготовьте тетушке блюдо, морскую еду пусть поест.

Нарезали мелкими ломтиками и жир и мясо. А Лиса хитрит и все это в мешок складывает.

– Ох, и наелись же! – говорит Лиса.

– Вы же не напрасно пришли, ешьте хорошенько.

– А нет ли у вас яичной колбасы?*

– Мити, нет ли у нас яичной колбасы? – спросил Кукки жену.

Сходила Мити, принесла яичную колбасу.

– Подожди, ну-ка я сам блюдо приготовлю, – старается Кукки угодить Лисе.

А Лиса опять в мешок колбасу положила. Ведь она одна, врет и хитрит, разговаривает на два голоса: за себя и за «мужа». Луна сквозь ледяное окно просвечивает. Сын Кукки Ауппали говорит тихо родителям:

– Лиса притворяется, разными голосами говорит.

– Что это он говорит, – забеспокоилась Лиса. – У меня есть чем отблагодарить.

– Помалкивай, мальчишка, о себе думай, – рассердился Кукки на сына.

– О, наелись уже.

– Что, поедете?

– Да, поедем. Очень уж пугливые олени у моего мужа, – говорит Лиса.

– Да, да, очень уж пугливые олени, к одному человеку только привыкли, только он один на них может ездить, – говорит Лиса голосом мужа. – Один я управляюсь с ними.

* Яичную колбасу приготавливают так: из тушки кайры вынимают пищевод, очищают его и заполняют яичным желтком, а затем варят. Этот продукт можно заготовлять впрок, слегка подкоптив. Яичная колбаса считалась большим лакомством.

– Что ж, тогда не буду провожать вас.

– Да, да, не выходи, – радуется Лиса, – мы одни управимся.

– Как хотите.

Вышла Лиса и, как только одна осталась, понеслась к дому.

Говорит родителям Ауппали:

– Ох, мама, Лиса-то одна, нет у нее мужа Кымывальтына.

– Нет, действительно муж. Помалкивай, не твое это дело.

– Ох-ох-ох! – пришла Лиса домой к дочерям.

– О, пришла!

– Да, вот пришла! Развяжите-ка ношу, накормите своего младшего брата.

Накормили сестры младшего брата Лымнойныткина.

– И даже яичной колбасой тебя угостили?! Чем же колбаса наполнена?

– Утиные кишки яичным желтком наполнены. Также вот морской едой угостили: сушеным китовым мясом и жиром...

На следующий день проснулись Куккины. Стал отец сыну говорить:

– Ну-ка пройди по следам, посмотри, куда же они отправились.

Пошел по следу Ауппали.

– Ну как? – спросил Кукки, когда он вернулся.

– Нет, папа, только одни лисьи следы видел.

– Наверно, далеко оленей оставляли...

– Завтра опять пойду, – говорит своим Лиса. – Зимнюю сеть из-подо льда вытащу и заморожу. Вы обязательно за мной следом пойдете. Все пойдете.

На следующий день стемнело, ночь наступила, но луна хорошо светит. Пошли лисы к жилищу Кукки.

– Отсюда вытащим сеть, – сказала Лиса, остановившись у проруби, – и пока сеть мерзнуть будет, сходим к пищевому складу. Хозяева-то спят.

Никого нет. Одни лисы трудятся. Забралась Лиса в пищевой склад и все повытаскивала.

– Сколько сможете, несите, – говорит она детям. – Домой идите, а я за сетью схожу. Скажу им, вот вам богатый подарок от мужа.

Пошли дети домой. Сеть тем временем замерзла, звенит ледяшками, будто железом гремит. Пошла Лиса к Кукки.

– Чу-чу-чу-чу! – отряхивает выбивалкой торбаса Лиса около жилища.

– О, опять Лиса пришла, муж пришел! Подожди, подожди вот!

Вышел Кукки в коридор:

– Эй, кто эй?

– Мы, мы, мы! Вчерашние мы, опять пришли. Муж вот тебе богатство принес.

– Где же?

– Вот полный мешок, – и отдает его Кукки. – Только где попало не клади, железо холодное, отпотеет, ржавчина будет. Повыше положите, на полог.

– Мити, Мити! – кричит Кукки. – Смотри, муж Лисы богатство принес, железо. Положите его повыше, на полог положите.

– Заходим мы, – кричит Лиса.

– Заходите, светильники уже погашены.

– О, снова пришли!

– Да, пришли! Решили мы почаще навещать своих двоюродных братьев и сестер. Жирку поесть пришли.

Нарезали им тонкими ломтиками жир, выложили на блюдо. Едят, будто их двое.

– Нет ли яичной колбасы?

– В тот раз всю отдали!

– Жаль, это самая любимая моя еда.

– Ну-ка, Мити, поищи! Муж Лисы много ходит, пусть поест хорошенько.

– Папа, папа! – шепчет Айппали. – Лиса одна разговаривает. Притворяется она, разными голосами говорит. Одна она.

– Ох! Опять что-то сказал ваш мальчишка! УЛисы есть чем отблагодарить.

– Да это он просто так, не слушай, глупый еще. Если бы ты одна была, то мы бы видели.

Итчым, племянник Кукки, тоже наблюдает за Лисой. Вдруг он говорит Кукки:

– Она же одна разговаривает. Опять обманывает нас.

Не слышит Кукки и продолжает:

– Может, еще поедите? Если хотите, скажите, – видимо, тоже догадался он.

Мити говорит Лисе:

– Сама, сама просунь лапу в пузырь, достань жир, а мы что-то спать хотим. Вчера очень мало спали.

– Есть жир еще?

– Мити верно сказала, пройди сама, просунь лапу в пузырь, достань жир.

А Мити тем временем приготовилась Лисе лапу перевязать.

– Как же я жир достану?

– Да подойди, просунь лапу в пузырь из желудка, – говорит ей Мити.

Послушалась Лиса, засунула лапу в мешок с жиром.

– Глубже, глубже суй лапу, – говорит Мити и тут же крепко перевязала край мешка вместе с лапой.

– Ой-ой-ой! Что это со мной делаете?!

– Зачем врешь! Нет у тебя мужа, одна бродишь, вчера тоже врала!

Выскочила Лиса, убежала. Так и убежала с пузырем на лапе, словно капканом пойманная. Утащила пузырь. Хитра Лиса.

– Имынна, Имынна! Рука немеет! Пузырем, словно капканом прихватили!

– И вечно ты такая, все хитростью да обманом сделать хочешь. Нет бы по-хорошему попросить.

– Нагрей воды скорее, руку помою.

Когда убегала Лиса, крикнул ей вслед Кукки:

– К богатой женщине Контытвааль, туда бы шла обманывать!

– Развяжи же скорее руку, Имынна!

– Я еще вчера говорила, проси по-хорошему.

– Да выпросишь у них, жадные они.

Нагрела воды Имынна, помыла Лисе лапу...

На следующий день проснулись Куккины. Говорит Кукки дочерям:

– Проверьте-ка запасы наши, наверно, все выкрали.

Сходили дочери к пищевым складам и вернулись.

– Нет никаких запасов пищи, все вытащили, только стены голые остались да кости, – сказали они Кукки.

Хоть тем довольны вороны остались, что досадили Лисе-обманщице, наказали ее...

Но Лиса не угомонилась. Говорит дочери:

– Пойду-ка за пищей к богатой женщине Контытвааль.

– Куда же ты пойдешь?

– Все равно завтра к Контытвааль пойду.

– Не можешь ты без обмана жить, по-доброму бы пищу надо добывать.

– По-хорошему не выпросишь у них, жадные они. Поспим немного и завтра, как стемнеет, пойдем.

На следующий день проснулись.

– Ну-ка, дай мне плетеную веревку, Имынна, попробую пищу добыть.

– Только по-доброму проси, не делай плохо. Контытвааль же с сестрами-собаками живет. Как бы чего не случилось. Куккины только руку тебе перевязали.

– Нет-нет, по-хорошему просить буду. Иду уже.

Пошла Лиса к богатой женщине Контытвааль. Так же, как и у Кукки, стала отряхивать выбивалкой торбаса. Отряхивает, и кажется, что двое пришли.

– Чу-чу-чу-чу! – постукивает Лиса, а сама подальше от дверей, в стороне стоит.

– Эй, кто эй?!

– Я, я! – но вспомнила, что их двое. – Мы, мы, мы!

– Кто вы?!

– Да мы с Кымывальтыном. Замуж я вышла за богатого чаучу. Скоро вот стадо наше подойдет, он забьет вам оленей. Стадо сейчас у горы Пынаквын находится, далековато. Только вот муж мой – ночной житель, светильники погасите.

– Как же есть в темноте будете?

– Да научились мы, привыкли, сами с блюда еду берем.

– Пойду скажу, чтобы светильники погасили.

Погасили светильники, а одна сестра-собака и говорит Контытвааль:

– Старшая сестра, Лиса-то одна, нет с ней товарища.

– Да ладно, пусть зайдут, – не поверила Контытвааль.

– Ну как, погасили светильники? Заходим мы! – кричат с улицы.

Зашли. Лиса и говорит другим голосом:

– Я ночной житель, только в темноте могу быть.

– Да-да, садитесь вот здесь пока.

Приготовили поднос с едой, а Лиса не ест, все в мешок складывает. Наложила столько, сколько могла унести.

– Нет ли яичной колбасы?

– Нет у нас. Одни женщины, за яйцами на скалы не лазим, поэтому колбасы мы не делаем. Вот жирку поешьте.

Хотели было еще жирку нарезать, да вдруг Лиса и говорит:

– Давайте-ка я сама. Вы-то к темноте непривычны, – а сама поближе к дверям перебирается. – Я тут около дверей нарежу жиру, а то вдруг нечаянно себя пораню.

Шепчет собака-сестра:

– Старшая сестра, одна Лиса, нет у нее мужа.

– Подожди, а вдруг с мужем?

– Что это она говорит, – услышала Лиса, – я не обманываю. Стукни-ка свою сестру. Стадо уже совсем близко.

Стукнула Контытвааль сестру-собаку, которая только что говорила.

– Всех сестер побей, – добавляет Лиса, – стадо уже совсем близко. Ох, наелись уже! Пойдем навстречу, посмотрим.

– Я тоже с вами выйду.

– Нет-нет, мы одни. Очень уж пугливые олени у моего мужа. Посиди в пологе.

Выскочила Лиса на улицу и убежала.

Говорит Контытвааль своей сестре-собаке:

– Еще раз придет Лиса, я отвяжу тебя, погонишься за ней.

Прибежала Лиса домой и говорит своим детям:

– Завтра со мной пойдете. Еды много принесете. Богата женщина-собака. Много пищи в ее кладовых. Пока я забавлять их буду, вы все из кладовых вытащите.

На следующий день пошли лисы к собакам. Показала Лиса детям кладовую.

– Скорее, – торопит Лиса детей, – сделайте такие ноши, какие унести можете, и быстрее домой идите, а я к ним побегу.

Прибежала Лиса к собачьему жилищу.

– Чу-чу-чу-чу! – стала она отряхивать торбаса.

Поняли собаки, что снова Лиса пришла. Одна из них и говорит Контытвааль:

– Ты вчера обещала, отвяжи меня.

– Подожди немного, – и крикнула наружу: – Эй, кто эй!

– Мы, мы, мы! Вчерашние мы, прежние мы! Стадо уже совсем близко, завтра здесь будет.

– Как торбаса отряхнете, заходите.
– А свет потушили?
– Да погасили, заходите же!
«Ох, ох! Что-то боюсь я», – думает Лиса, а сама кричит:
– Подожди, муж шапку снимает. Сейчас приберу ее.
Наконец зашла Лиса в жилище.
– Садитесь, садитесь. Наверно, есть будете?
– Что ж, поедим, – согласилась Лиса и хотела было сесть.
А Контытвааль потихоньку отвязала сестру-собаку и шепнула ей:
– Только в пологе на нее не бросайся, послушаем, что Лиса скажет.
– Хорошо бы жирку поесть, – просит Лиса.
– Жир вот здесь, около двери. А ты, Лиса, врешь, обманываешь нас!
– Ой-ой-ой! Вместе росли, с одного подноса ели! – испугалась Лиса, выскочила и побежала.
Погналась за ней сестра-собака.
– Только до смерти не загрызи, за керкер потрепли ее, – крикнула вдогонку Контытвааль и спустила с привязи вторую сестру-собаку.
Несется Лиса, но догнали ее собаки.
– Ой-ой-ой! У одного подноса выросли, одним очагом пользовались!
– Врешь! Не у одного очага мы выросли, не товарищи мы. Зачем воруешь? Сейчас разорвем тебя!
– Ой-ой-ой! – кричит Лиса.
А собаки гонятся и хватают ее за пушистый керкер, весь разорвали.
– Ой-ой! Хватит! Хватит!
– Ладно, пусть домой к детям бежит. Керкер разорвали, напугали ее, – говорит одна собака другой.
Так и прибежала Лиса домой с разорванным керкером. Прибежала, стонет.
– Что случилось?
– Да вот сестры-собаки искусали, керкер разорвали.
– Так тебе, воровка, и надо. Убьют тебя когда-нибудь.
– Больше не буду, а то действительно убьют меня. Поставь-ка полог. Полежу я.
Успокоилась ненадолго Лиса, никуда идти не собирается...

На следующий день проснулись собаки. Пошли пищевые склады посмотреть. Из двух все вытащили дети Лисы, пока та в жилище разговаривала. Но хорошо хоть, что отомстили ей, больше не придет...

Ворон Кукки говорит своей жене:

– Ну-ка, схожу к Контытвааль. Может быть, и к ней ходила племянница Лиса. Тогда же я сказал ей, что у женщины-собаки пищи много, богата она.

Пошел Кукки к собакам. Отряхивает выбивалкой снег с торбасов.

– О, наверно, дядюшка пришел. Не так стряхивает торбаса, не как Лиса, – догадались собаки.

– Эй, кто эй?!

– О, это я, Кукки, племянница!

– Как торбаса отряхнешь, заходи. Может, светильники погасить?

Рассмеялся Кукки:

– Нет, не гаси, мы же к свету привычны. Наверно, вчера Лиса к вам приходила?

– Да, вчера была. Сестра-собака сказала, что одна она, без мужа. Я догадалась, что Лиса пришла обмануть нас.

– Мы же совсем без пищи остались, все лисы утащили.

– У нас только два склада обокрали. Что же делать будешь? Может, переночуешь?

– Что ж, переночую.

На следующий день проснулись собаки, а дядюшка уже домой собирается.

– Рассветает уже, домой пойду, – говорит Кукки.

– Чем же угостить тебя? – и дали ему сушеного мяса, мяса дикого оленя и мяса горного барана.

– Сколько возьмешь?

– О, хватит, хватит! Наверно, дети мои уже вернулись с охоты.

– Если без еды останешься, приходи.

Пошел Кукки домой. Встречает его сын.

– Вот уже папа идет, что-то очень много несет, тихо идет.

Вытащил Кукки из-за пазухи закуску и сказал сыну:

– Отнеси-ка это маме домой. Я вот тихо иду, тяжело мне.

Побежал сын домой и говорит матери:

– Папа много гостинцев несет, тяжело ему. А это вот тебе гостинец. У него и мясо дикого оленя, и баранина.

Пришел Кукки. Кричит:

– Вот, Мити, ношу возьмите!

– О, пришел!

– Да, пришел! Лиса у собак побывала, обманула их, но и они ей отомстили. Что ж, развяжите ношу, поешьте.

Накормили своих детей вороны вяленым мясом, мясом дикого оленя и горного барана.

Вот все.

Закончил сказку рассказывать. Рассказал все, что помнил, кое-что забыл. Эти сказки нам раньше старшие рассказывали.

Рассказал М. Етынкеу.
Записал в 1970 г. на рыбалке Куэт В. Леонтьев

ВЛАДЕЮЩИЙ ЖЕЛЕЗНЫМ КРЮЧКОМ

Сказка

Заснула бабушка, а перед тем как заснуть, привязала к пологу людоеда. По-нашему, по-керекски, людоеда кала зовут. Он всегда привязан. С бабушкой вместе две сестры живут. Говорит вдруг кала младшей сестре:

– Сестра, а сестра, бабушка спит, отвяжи-ка меня.

Отвечает младшая сестра:

– Нет, не отвяжу. Бабушка сказала, хватит тебе бродить где попало. Ты ведь плохой, глупый, поэтому сиди на привязи.

Тогда кала к другой сестре обратился:

– Сестренка, отвяжи!

Младшая сестра умнее старшей, говорит ей:

– Не надо отвязывать.

А кала опять просит старшую сестру:

– Отвяжи меня! Отпусти!

Послушалась старшая сестра, отвязала кала. Не успела отвязать, схватил кала железный крючок и пошел к зе-

млянкам-валькарам, где кереки жили. Пришел туда, открыл дымовое отверстие, а там, в валькаре, одни женщины – мужчины все на промысел ушли. Кричит кала в дымовое отверстие:

– Эй, вы спите?!

Две старухи отвечают оттуда:

– Нет, не спим.

– Что же это, однако, шумит, словно маленькие дети кричат?

– Не дети это, – отвечает одна старуха, – наверно, груди мои перед плохой погодой болят.

– Так вот, буду сейчас крючком ловить! – кричит кала.

– Что же ты поймать хочешь?

– Молодых уток.

– Нет сейчас молодых уток, они летом на скалах сидят. Какие здесь утки, здесь мы, люди, живем.

– Но не напрасно же я пришел?!

– Хорошо, пусть будет по-твоему, – отвечают из валькара. – Только зачем насильничать? Лови крючком!

– Ну, смотрите, начинаю!

– Что ж, начинай! Кого же поймать-то хочешь?

Опустил кала крючок в землянку, водит им и напевает:

– На сегодня, на сегодня еда будет! На сегодня, на сегодня еда будет! И на завтра, и на завтра еда будет! И на завтра, и на завтра еда будет! Кого, кого поймаю? Кого зацеплю? Ну, где же вы, молодые утки?

– Нет сейчас молодых уток, говорят тебе.

– Тогда я войду к вам.

– Нет, не входи. Лови оттуда, а мы поищем тебе молодых уток.

Между тем одна женщина в стене дыру прокапывает, чтобы уйти через нее.

– Ну, смотрите, опять начинаю ловить крючком! – кричит кала.

– Начинай!

– Кого, кого поймаю? На сегодня и на завтра еда будет! – поет кала.

Вдруг подцепил что-то, а это, оказывается, меховой женский комбинезон керкер. Вытащил наружу и тут же не глядя разорвал. А на улице ветер был, вся трава и полетела ему в глаза. Керкер-то женщины сухой травой набили и подсунули ему под крючок.

– О-о! – завопил кала. – Всего меня мусором осыпало! Что же такое? Чем наполнено? Утка? Нет, не утка! Это не то что-то!

Бросил кала чучело через отверстие в землянку:

– Берите ваше, не нужно мне. Не утка это.

Пока кала возился с чучелом, женщины выползли через дыру в стене и убежали.

– Ну, погодите, я к вам иду!

Зашел кала в землянку, а там никого, только собачонка на привязи сидит. Сказал ей:

– Где же люди?

Ничего не ответила собака, узнала, что не человек это, а кала, и царапнула его по глазам.

– О-о, о-о! – закричал кала. – Глаза запылила. Что это ты рвешь?

Не понял он, что глаза-то ему собака поцарапала.

Разозлился кала, стал по землянке бегать. Подушки вытаскивает, рвет их. Долго по землянке рыскал.

А женщины тем временем прибежали к Тинной бабушке, Морской старушке*, и говорят ей:

– Ох, кала гонится за нами, поймать хочет! Помогла бы ты нам убежать от него!

– О-о, как он вас испугал, как испугал! Ну-ка, посмотрим.

Протянула Морская старуха ноги на ту сторону моря. Говорит:

– Вот так прямо по этим ногам детей перенесите и сами бегите.

Перебрались женщины на ту сторону моря.

Успокоился кала, пришел в себя. Он, Владеющий железным крючком, стал думать. «О-о, вот они отсюда вышли, – догадался, увидев дыру в стене. – Это они, женщины, тогда и кричали».

Бросился кала по следу. Прибежал к Морской старухе. А старуха свои керкеры из тины, на мусор похожие, в море стирает.

Спрашивает кала:

– Что это ты, старуха, стираешь? Зачем?

---

*Тинная бабушка, Морская старушка – мифическая хозяйка моря у кереков.

– Да вот, одежду свою стираю.

– О-о, разве это одежда? Обманываешь ты меня. Наши бабушки только в железной одежде ходили, – взял с берега тинную одежду и бросил в море. – Это не одежда, нет.

– Как же не одежда? Моя жизнь такая, в море живу – такую одежду и ношу.

– Не видала ты женщин? Следы сюда ведут. Куда они делись?

Ответила Морская старуха Владеющему железным крючком:

– Выпили они море и на ту сторону перешли.

– А я как же? Не смогу я море выпить!

– Сможешь. Они ведь выпили.

– А ну-ка, и я попробую!

Стал кала пить море, а море нисколько не убывает. Пил-пил, тяжело стало, лопнул. Не стало кала, как пузырь, лопнул.

Морская старуха мертвого кала в море бросила и сказала:

– Пусть его железное тело в разные полезные вещи превратится – он ведь кала, Владеющий железным крючком. Пусть голова чайником станет, ноги и руки – ружьями, мозг пусть в бусы превратится. Пусть от его тела польза людям будет.

Так и случилось.

Еще в сказке два друга были: один Итчым* и другой Итчым. Другой Итчым тезка, значит, первому.

Пошел Итчым к другому Итчыму и говорит:

– Ну-ка, пойдем, Итчым-друг, на берег моря.

– Сначала пойду у бабушки спрошусь, – отвечает Итчым-друг.

Пришел и спрашивает бабушку:

– Итчым просит, чтобы я с ним на берег моря пошел.

– Кто?

– Да Итчым.

– Ох, не мужское это дело ходить по берегу моря. Этим только женщины занимаются.

– Так не разрешаешь мне идти?

---

* Итчым – мифический племянник ворона Кукки.

– Не разрешаю. Не ходи! Скажи Итчыму, пусть один к берегу моря идет. Скажи, бабушка не пустила.

Пришел Итчым-друг к Итчыму и говорит:

– Иди один! Меня бабушка не пускает.

– Ну что ж, один пойду. Много полезных вещей на берегу моря найду.

– Что же делать, не пускают меня. Если пойду, ругать будут. Иди-ка ты один.

– Ну что ж, пойду, пожалуй.

Пошел Итчым на берег моря. Идет по берегу, вдруг складной нож нашел, чайник нашел, а еще дальше ружья и бусы увидел. Чего-чего только не получилось из Владеющего железным крючком! Много всякого добра набрал Итчым, целое богатство нашел. Что хотел, то и нашел. Пошел домой Итчым, большую ношу на себя взвалил. Пришел Итчым к сестрам: одну Илынау* зовут, вторую Кайклюканау**. Крикнул Итчым сестрам:

– Сестрицы, Илынау, Кайклюканау! Выходите, ношу у меня возьмите!

Вышли сестры, спросили младшего брата:

– Что такое? Почему твоя ноша, как железо, гремит?

Ответил сестрам Итчым:

– Говорил ведь я, что на берег моря собираюсь, вдруг там богатство найду. Итчыма-друга звал, не пошел. Вот я один и разбогател. Там еще много всякого добра осталось. Пойдемте опять туда. Только вот двоюродному брату Ауппали, сыну Кукки, надо складной нож дать. Идемте, еще много всего принесем!

– Ну что ж, идем, – согласились сестры.

Пошли на берег. Опять вернулись домой с большой ношей. Двоюродная сестра говорит им:

– Дайте двоюродной сестре один чайник. Откуда такое богатство?

– Да вот на берегу моря нашли, – ответил Итчым.

Между тем Итчым-друг пошел к соседу Итчыму, который его с собой на берег звал. Сказал Итчым-друг:

– О, и верно, тезка мой разбогател. Не зря ты говорил, что полезные вещи найдешь.

---

* Илынау – племянница ворона Кукки, сделанная из китового легкого.
** Кайклюканау – вторая племянница Кукки, сделанная им из ягоды.

– Тебя же бабушка не пустила, – сказал Итчым и обратился к сестрам: – Дайте моему тезке, Итчыму-другу, складной нож.

Дали сестры ему складной нож. Обрадовался Итчым-друг, пошел домой, показал бабушке и сказал:

– Действительно, Итчым разбогател. Не зря он тогда сказал, что богатство найдет. А ты меня не пустила.

– Сколько раз тебе говорить, – рассердилась бабушка, – что не выбрасывает море такие вещи. Оно только еду выбрасывает.

– Ладно, молчи теперь.

Пришел снова Итчым-друг к соседу.

– А-а, снова пришел, – приветствовал его Итчым.

– Да!

– Ну, не сердись. Я ведь звал тогда тебя. Ты сам не пошел. Давай помиримся, – сказал Итчым.

Тут некая Ыннулнакут и говорит:

– Хорошие ты вещи сестрам нашел. Больше всего женщины бусы любят.

Хватит, сказка вся. Кончил.

Рассказал М. Етынкеу
(с. Майныпильгино, Чукотка).
Записал в 1970 г. и перевел В. Леонтьев
совместно с керечкой Е. Хатканой

Чукчи

БОЛЬШАЯ ДУМА

Сказка

Повстречались бурый медведь и лось. Медведь и говорит лосю:

– Ого, здравствуй!

– Здравствуй!

Медведь посмотрел на себя. Потом – на лося. Затем сказал:

– Почему все звери разные?

Лось спрашивает:

– А в чем разница?

Медведь говорит:

– Как же, вон на твоей голове ветвистые деревья растут, а на моей – нет!

Лось посмотрел на себя, на медведя и говорит:

– Правда, не похожи мы друг на друга, но отчего же это?

Медведь снова говорит:

– Да ведь все у нас разное: шерсть, ноги, совершенно все. А ну, пойдем вместе! Может быть, на дороге кого-нибудь встретим, спросим.

Вот идут вдвоем, а навстречу им горный баран. Медведь спрашивает его:

– Вот хорошо, что повстречались! Скажи нам, пожалуйста, почему это мы друг на друга не похожи? Для того и искали тебя, чтоб спросить. Да и ты не похож на нас!

Баран удивился, говорит:

– Почему же я не похож?

Медведь ответил:

– Да вон на твоей голове растут два толстых дерева.

А на моей – нет. А на голове лося растут вон какие развесистые деревья.

Горный баран говорит:

– Вот уж никогда я не думал, что мы друг на друга не похожи!

Медведь говорит:

– Ну-ка, сядем да подумаем, почему это мы друг на друга не похожи.

Стали думу думать. Долго думали. Лось и говорит:

– Скверно, не могу я думать, голова от этого болит!

Баран говорит:

– У меня от думы голова кружится!

Вскочили лось с бараном и убежали. А медведь и говорит:

– Вот, оказывается, почему мы не похожи! Лось и баран глупы, думать не могут, вот у них на голове и растет разная дрянь. Ведь убежали же они от большой думы.

Записал Ф. Тынэтэгын.
Перевел Г. Мельников

СБЕЖАВШИЙ ОБЪЕДОК

Сказка

Ворон нашел большой кусок оленьего сала, который обронили охотники. Схватил его и хохочет:

– Ха-ха-ха, кар-кар-кар! Вот спасибо-то, поем сальца!

Взобрался с салом на дерево и начал его есть. Сало жилистое, крепкое. Рвет его ворон клювом и когтями, а сам не нарадуется:

– Ах, какое сальце, вкусное сальце. Ха-ха-ха, кар-кар-кар! Вот спасибо, кто-то оставил его для меня!

Услышала крикуна лисичка, подкралась под дерево да как крикнет:

– Эгей!

Ворон с перепугу вместе с объедком с ветки свалился; падая, закричал:

– Кар-кар-кар! Что это с объедком?

А лисичка схватила сало и ну убегать! Ворон в снег го-

ловой упал, зарылся. Когда вылез из снега, увидел, что объедка нет. Стал звать:

– Эй, объедок, иди сюда!

Затем взлетел. Когда летел, говорил:

– Вот так чудо, объедок мой убежал!

Записал Ф. Тынэтэгын.
Перевел Г. Мельников

СТРАШНЫЙ ЗАЯЦ

Сказка

Однажды заяц нашел убитого волком горного барана. Начал варить баранину. Тут к нему подошел песец.

– Здравствуй!

– Здравствуй!

Песец спрашивает:

– Как же это ты барана-то убил?

Заяц отвечает:

– Да просто: подкрался к нему и, только подошел поближе – как закричу на него! Баран от испуга тотчас сдох.

Песец говорит зайцу:

– Ах, научи меня, пускай я тоже убью барана!

Заяц ответил:

– Подкрадывайся к барану потихоньку, а как подкрадешься совсем близко, сильно-сильно закричи!

Песец согласился:

– Ну ладно, пойду поохочусь на горных баранов!

Отправился песец на охоту. Нашел горного барана. Подкрался к нему совсем близко да как закричит! Баран убежал.

Пошел песец снова к зайцу. Пришел к нему. Заяц спрашивает:

– Ну как, убил барана?

Песец отвечает:

– Нет, не смог убить: хоть и сильно кричал я, но баран не сдох, а убежал!

Заяц спросил:

– Когда баран убегал, ты ему вдогонку ничего не кричал?

Песец отвечает:

– Нет, ничего.

Говорит тут заяц:

– Эх, и глуп же ты! Барана и то не смог убить! Когда баран побежал, почему ты ему вдогонку не крикнул: «Постой, постой!» Он бы уж наверняка сдох!

Испугался песец зайца и побежал. Убегая, сказал:

– Ой-ой-ой! Ты, пожалуй, и меня напугаешь, и я умру!

Записал Ф. Тынэтэгын.
Перевел Г. Мельников

ЛИСА И ВОРОН

Сказка

Живет в одной яранге лиса. У лисы пятеро детей. Несколько дней на дворе крутит пурга. Не может лиса выбраться за пищей для своих детей. Ждет, ждет, а пурга не унимается. Дети просят есть. Не дождалась лиса тихой погоды, выбежала на мороз, а кругом света не видно, весь снег поднялся и носится вместе с ветром вокруг. Но голод не ждет: побежала лиса на берег моря поискать морской капусты. Бежит берегом, подбирает капусту. Вдруг увидела лиса: под ногами вместе с капустой большая рыба лежит. Обрадовалась, завернула в мешок вместе с морской капустой и побежала домой. Идет-бежит, а навстречу ей ворон.

Ворон говорит:

– Где была, соседушка?

Отвечает лиса:

– На берегу, водоросли собирала.

Сказала и побежала. А ворон кричит ей:

– Постой, соседушка, дай попробовать твоей капустки. Если вкусна, то и я пойду собирать.

Лиса остановилась и подставила свою спину, на которой водоросли и рыба были привязаны. Ворон вытянул из водорослей рыбу и незаметно затоптал ее в снег. Затем взял прядь морской капусты и начал есть.

– Эх, вкусная капустка, спасибо тебе, – сказал он лисе.

Лиса ничего не ответила и побежала домой. Дома детям своим говорит:

– Снимайте с меня водоросли и рыбу, сейчас будем уху варить.

Обрадовались дети, кинулись снимать рыбу, а рыбы там как не бывало.

– Нет здесь рыбы, одни водоросли, – говорят дети.

А лиса говорит:

– Смотрите хорошенько, рыба в середину водорослей завернута.

Затем говорит старшей дочери:

– Принеси снегу и растопи его на жирнике, сейчас уху варить будем.

А дети говорят:

– Вот все водоросли разложили, а рыбы нет.

Лиса подумала: «Наверное, обронила около дома».

Выглянула она за дверь, а у соседа-ворона из дымохода дым валит.

– А! Вот где варится моя рыбка! – говорит лиса. – А ну, дочка, сходи к ворону да узнай, что он варит.

Пришла старшая дочь лисы к ворону, а он сидит у огня и варит рыбу.

– Это ты? – говорит он лисичке. – А зачем пожаловала ко мне?

Лисичка отвечает:

– Так, пришла попроведать тебя да посмотреть, как ты живешь.

Тут ворон снял с огня уху и стал угощать ею лисичку. Угощает, а сам больше гостьи ест. Поблагодарила лисичка хозяина и побежала рассказать матери, что видела она у ворона.

На другой день лиса снова пошла собирать водоросли. Пурга уже стихла. Погода была хорошая.

Повезло лисе: нашла она на берегу много водорослей и две большие рыбы, которые выбросило на берег морским прибоем. Положила лиса рыб в середину водорослей, укрепила на спине и побежала домой. А навстречу ей ворон.

– Здравствуй, соседушка! – говорит он.

– Здравствуй! – ответила лиса и хотела пройти мимо.

Но хитрый ворон загородил ей дорогу и сказал:

– Угости-ка меня, лисонька, морской капустой.

Лиса не хотела подставлять ворону свою спину, где водоросли и рыбы были привязаны, но древний обычай таков, что нельзя отказать в пище никому, даже врагу своему.

Лиса сказала:

– Ну, возьми!

А ворон вместе с водорослями захватил еще одну рыбину и снова незаметно затоптал ее в снег.

– Спасибо за капусту, – сказал ворон.

Лиса поклонилась ему и пошла дальше.

Дома лиса опять недосчиталась одной рыбки, но теперь она знала, кто ее обкрадывает.

Однажды лиса целый день рыскала по тундре, искала пищу, но вернулась домой ни с чем. Пошла лиса к ворону попросить мяса. Пришла. Сидит ворон у очага и ест мясо с мозговой приправой. А у лисы слюнки текут.

– Не дашь ли ты юколы для моих детей?

– Не дам, – говорит ворон.

Тогда лиса сердито сказала:

– Ты вор! Ведь два раза похитил ты пищу у моих детей.

– Хорошо, – говорит ворон. – Иди на берег, возьми там кусочек розового льда, положи его на нарту и вези, не оглядываясь, домой. Если не оглянешься, лахтака домой привезешь, а если полюбопытствуешь да оглянешься – все пропадет.

Пришла лиса на берег, нашла кусочек розового льда, положила его на нарту и повезла домой. Тянет лиса нарту, а груз все тяжелее и тяжелее становится. Лиса даже задыхаться стала от натуги, ноги ее в снег проваливаются, в глазах красные круги. «Нет, не довезу», – думает лиса.

Наконец нарта так врезалась в снег, что лиса не могла сдвинуть ее с места. «Наверное, обманул меня ворон, смотрит на меня и смеется. Посмотрю украдкой, что там лежит». Прищурила глаза, голову набок склонила, глаз в сторону скосила и видит на нарте огромного лахтака. Забыла лиса наказ ворона, повернулась и бросилась к нарте. А лахтак вдруг исчез, и на нарте осталась лежать розовая льдинка.

«Вот так пожадничала! – думает лиса. – Опять без пищи осталась. Теперь сама буду собирать себе пищу на берегу».

Рассказал Вантыно
(с. Яндагай, Чукотка).
Записал в 1940 г. и перевел Олье

МЫШКА И ПТИЧКА

Сказка

Жили-были мышка и птичка. Мышка сказала птичке:
– Иди по воду!
– Боюсь, в проруби утону, – ответила птичка.
– А ты держись за дерево.
– Нельзя, сорву кожу с лапки о сучья.
– Ты надень отцовские рукавицы.
– А если отцовские рукавицы порвутся?
– Тогда твоя мать зашьет их.
– У моей матери игла затупилась.
– У отца твоего точило есть.
– Отцовское точило испортилось.
– Ну, иди тогда в гости к кочевникам.
– Сейчас пойду.

Пошла птичка в гости к кочевникам. Затем вернулась. Мышка спрашивает птичку:
– В чем живут кочевники?
– В яранге.
– Чем покрыта яранга?
– Оленьей шкурой.
– Из чего сделаны стропила?
– Из оленьих ножных костей.
– Из чего перекладины?
– Из оленьих ребер.
– На чем они спят?
– На подушках из оленьей шерсти.
– Что они едят?
– Оленьи языки и оленьи глаза.
– Где сейчас стойбище кочевников?

– Оно сгорело.
– А где огонь?
– Дождем залило.
– А где дождь?
– Птички выпили.
– А где птички?
– Улетели.

Рассказал Тукэ
(с. Анадырь, Чукотка).
Записала в 1945 г. и перевела О. Бабошина

ХВАСТУН

Сказка

Один человек поехал в гости. Приехал. Ему говорят:

– Здравствуй!

– Здравствуйте!

Спрашивают:

– Что нового?

– Ничего нет, вот только думаю я: пожалуй, из всех людей я самый хитрый!

Один человек сказал ему:

– Хорошо, давай попробуем, кто кого перехитрит. Завтра снова к нам приезжай. Только поезжай по левой дороге.

Вернулся хвастун домой. Назавтра опять в гости на оленях поехал. Едет по левой дороге. Видит: валяется на дороге вышитый торбасок. А человек, с которым он в хитрости состязался, между тем неподалеку прятался. Посмотрел хвастун на торбасок и дальше поехал.

Вышел человек из укрытия, схватил торбасок, побежал напрямик, обогнал хвастуна, опять торбасок на дорогу положил, а сам снова спрятался. Увидел хвастун второй торбасок и закричал:

– Вот диво-то! Ведь это как раз пара давешнему торбасу! А ну-ка, вернусь я за тем торбаском, и будет у меня пара!

Привязал оленей, сам обратно пешком пошел.

Вышел из укрытия человек, отвязал оленей и угнал.

Искал, искал хвастун торбасок. Не нашел. Вернулся к оленям – а оленей нет. Закричал хвастун:

– Ну и хитрющий человек! Зачем я ему только говорил: «Нет хитрее меня!» Теперь вот и остался без оленей!

Пошел по следу оленей. Пришел к тому человеку, кто у него оленей увел. Уведший оленей спрашивает:

– Ну как, кто хитрее? Ты вчера говорил: «Из всех людей я самый хитрый!»

А хвастун ему говорит:

– Да, ты хитрее. С помощью торбасов оставил меня без оленей.

Тот, кто оленей увел, отвечает:

– Иди домой пешком, оленей я тебе не дам. Ты же сам хотел состязаться в хитрости!

И отправился хвастун домой пешком.

Записал в 1938 г. Ф. Тынэтэгын.
Перевел Г. Мельников

ВЫТРЫТВА

Сказка

Жили отец, мать и сын. Имя их сына было Вытрытва, что значит – лежащий на спине. Почему же именем стало «лежащий на спине»? Кто знает? Послушаем дальше.

Очень бедно они жили. Пищи не было у них совсем. А сын все только в пологу лежал. Отец уже стариться стал, да и мать тоже.

Как-то раз отец сказал сыну:

– Да иди же ты дикого оленя искать! Все только в пологу лежишь, а мы от голода страдаем!

Ничего не отвечал сын. Не пошел.

Так и пришлось отцу самому идти на поиски пищи. Зайцев и куропаток он промышлял и кормил сына. И всегда ругал его:

– Все только в пологу лежишь, ничего не добываешь!

Сын ничего не отвечал. Наконец старик и бранить его перестал.

И вот этот мальчик сделался юношей.

Когда родители по утрам будили сына, то он, пробуждаясь, был совсем мокрым от пота. Думали родители: «Почему это он так потеет?» Гадали между собой, от сына втайне. Потом снова с наступлением темноты спать ложились, а когда вставали – он опять был весь мокрый.

– Отчего это потеет он каждый раз? Видно, это от жиру так бывает.

– Видно, так, – отвечала мать.

Но только тайком говорили о сыне, потихоньку между собой разговаривали.

Немного пожили еще, а сын похудел будто. Говорят меж собой:

– Уж не болеет ли он?

– Не знаю, может, и правда болеет. С чего бы это похудел?

Как-то присмотрелись к нему – и правда, сильно похудел. И по-прежнему пробуждался мокрым от пота. Никак не могли понять они, почему он потеет.

А Вытрытва, оказывается, по ночам выходил, тайком от них, и уходил далеко. И там начинал упражняться в силе. Самую большую гору находил он, поднимал на нее большие камни и оставлял их на вершине горы. Как только начинался рассвет, возвращался домой и притворялся спящим. И потому, когда просыпались родители, он был мокрым от пота.

Но по-прежнему ничего не знали родители. И так каждую ночь ходил Вытрытва упражняться в тундру, а как только начинался рассвет, возвращался домой. Он ложился спать подальше от отца, и поэтому отец не слышал, как он выходил.

И вот однажды днем появилась вдруг откуда-то группа воинов, небольшая ватажка. Сильно испугались мать и отец. Говорят:

– Ох, кто это идет? Да это враги!

А их шатер совсем один стоял. Закричали родители Вытрытве:

– А ну, скорей! Хоть помог бы!

Вытрытва спросил:

– А что увидели?

– «А что увидели!» И не знает, что враги пришли!

Сказал им сын:

– Когда подойдут, скажите мне.

– Да вот уже они, выходи!

– Вот когда хорошо будет видно их оружие, тогда скажите мне.

– Уже, уже, скорей! Вытрытва! – Ох, и испугались же родители: – Ой-ой, да помоги же!

А он, оказывается, снаряжался тайком в легкую одежду. Вот сказал отец:

– Уже хорошо оружие видно, копья!

– Эй! Кто здесь хозяин? – закричали враги, подойдя близко.

– Я здесь хозяин!

Вышел Вытрытва с копьем. Совсем один вышел против врагов!

Бросился на них Вытрытва, поднялся в воздух с копьем и бил их сверху, сваливая одного за другим. Закричал тогда предводитель врагов:

– Бейте его из луков!

– Бьем, но не можем попасть! – отвечали воины.

Они били Вытрытву из луков, а он, находясь в вышине, пополам рассекал копьем стрелы.

Вот уже многих перебил Вытрытва. Стали убегать остальные.

– Не убегайте, раз уж напали!

– Ой, нет, не в силах мы!

– Эгей! Не в силах вы!

Вынул он свой лук и убегающих бил, сваливая их на месте. Вот уже их предводитель убит. Только один остался в живых, убежал. Понес своим плохие вести.

Ну, а Вытрытва, кончив сражаться, сильно упарился. Меж собой говорили родители:

– Когда же это он в силу вошел?

– Не знаю, когда это он наловчился. Да и кто копьище сделал, ведь не было же копья у него. Совсем ведь новехонькое копьище, а толстое какое!

Вот живут они дальше. Врагов не стало, тихо кругом.

Опять, пока спали родители, исчезал Вытрытва; уходил упражняться, оказывается. Еще сильнее он стал, а похудел еще больше. Каждую ночь упражнялся в силе.

И вот однажды снова показался вражеский отряд, гораздо больше прежнего. Опять испугались старики:

– Ой, вон какая тьма показалась, просто как тень от тучи! Ох, врагов очень много! Вот теперь-то убьют тебя, – говорили они.

Ничего не отвечал сын, в пологе лежал.

– Теперь-то уж мы не спасемся!

– Когда глаза их будут хорошо видны, тогда скажите мне.

– Эгей, – успокоились они.

И вот уже враги стали приближаться. С криками шла ватага врагов. Грозно кричали они:

– Ав-ач! Ав-ач! Что, думаешь, спасешься теперь?

И по-разному еще кричали они, чтобы напугать Вытрытву.

Опять он снаряжался тайком. Сказали родители:

– Вот близко подошли, уже видны их глаза.

Вышел Вытрытва, – а там уже врагов множество.

– Ав-ач! Вытрытва! Вот теперь по-настоящему сразимся!

Одежда на всех хорошая. Притом все как один стройные. Оружие у всех самое лучшее.

Сказал им тогда Вытрытва:

– Бросайтесь вы на меня, раз уж вы нападаете на мирного человека!

Бросились они на него, как большое стадо! Защищался Вытрытва. Десять дней и десять ночей сражались они на копьях.

Уменьшалась вражья ватага в долгой и большой битве. Хоть и один был Вытрытва против них, но хорошо бился.

Когда восьмой день битвы настал, поредела уже вражья ватага. Когда девятый день подошел к концу, все были перебиты, только один, самый ловкий воин остался.

Вдвоем продолжали они биться на копьях, но никто не мог одолеть. Наконец, выбился из сил вражий богатырь, так как был он слишком жирен.

В разгар битвы вышиб у него копье Вытрытва, и покатилось оно в сторону. Сказал тогда вражий богатырь:

– Ого-гой! Совсем одолел ты меня. Эгэ-гэй! Ох, сил лишил ты меня! Ну что ж, совсем одолел ты меня; теперь настало время смерти от тебя. Но только смотри: когда пронзишь копьем, то вытащить должен его. Если оставишь копье, то не будет силы у тебя прибавляться, с

прежней останешься и даже слабеть начнешь.

– Вот как! А почему же?

– Да так уж, сам тогда испытаешь.

– Вот как!

Потом сказал вражий богатырь:

– Теперь пора, пронзай меня!

Лег на спину богатырь и закрыл глаза. Пронзил его копьем Вытрытва, и умер вражеский воин. И сразу, как умер, затвердел, и все мышцы плотными стали. Никак не мог вытащить копье Вытрытва. Совсем оно там застряло.

На десятый день только вытащил копье. Вытаскивал столько дней потому, что из-за большой силы богатыря мышцы его сжались. Только на десятый день смог вытащить, когда тело богатыря остыло и мышцы разжались.

Тогда вернулся домой. Опять по ночам становился мокрым от пота. Тревожным был, когда будили. Однажды говорит он своим родителям:

– Очень я тревожным стал, когда пробуждаюсь.

– Вот как? А отчего же?

– Не знаю. – Но ничего не рассказывает родителям. – Теперь, когда будить станете, не притрагивайтесь ко мне. Если же прикосновением разбудите, плохо тогда вам будет.

– Вот как!

И опять стали жить дальше.

Лето наступило. Ну, и жаркое было лето! Однажды в пологе он спал. И вот отец прикосновением его разбудил. Совсем забыл, тронул его и сам испугался. К его голове притронулся. Вдруг, как пуля ружейная, наружу Вытрытва выскочил, из полога наружу выбросился. Закричал:

– Ой-ой-ой! Больно мне! Больно! Ведь говорил же вам, что не будите прикосновением!

– Да ведь забыли совсем. Притом как же будить тебя?

– Или ударом по голове, или по телу. Поняли?

– Ну да, поняли.

Опять так живут. Как-то отец в тундру ушел – так просто или за дровами. Потом домой вернулся. Когда домой пришел, сыну сказал:

– Смотри не ходи туда, к берегу озера. Если пойдешь, плохо тебе будет. Не спасешься!

– Да ну? Неужели не спасусь? Отчего же это? Вот только если шаман заколдует.

Вытрытва быстро гневным становился. На другой день он все же отправился в тундру. Там, на берегу озера, на видном месте, уснул. Очень крепко заснул Вытрытва.

Вдруг какой-то человек появился. На виду спал Вытрытва. Стал к нему этот человек подкрадываться. Приблизился к нему. Толкнул мужичище Вытрытву. Потом копье вытащил свое и стал колоть его. Хотел было пронзить Вытрытву, но не успел: быстро отполз в сторону Вытрытва. Осмотрелся – недалеко озерный дух стоит. Увидев Вытрытву, сказал:

– Зачем здесь спишь? Разве не говорил тебе отец?

– Говорил.

– Почему же запрет нарушил, сюда спать пришел? Так знай же, что нельзя здесь спать!

– Ничего, можно! Для всех одинаково земля существует.

– Эгей! Тогда бейся со мной!

Бросился на него озерный дух. Начали на копьях биться. Пять дней в вышине сражались. Ну и ловким же стал Вытрытва! Да и озерный дух был ловок в битве. А жара-то была какая! Солнце сильно припекало сражающихся. Изо всех сил бились они в вышине. Быстро носился Вытрытва, мелькая то здесь, то там.

А дома не знали о битве. И вот вдруг на солнце тень появилась. Говорят родители:

– Смотри, смотри! Что это?

Вот приближаться стало сюда. Вдруг будто человечек показался против солнца, еще там мелькнул.

– Смотри, смотри! Да что же это такое?

А это, оказывается, Вытрытва под солнцем мелькал в вышине! Даже над шатром проносился, как птица!

Это бился он так с озерным духом.

Ох, и кричали же родители, когда проносился он над шатром:

– Ой-ой! Ой-ой! Да что же это за чудо?

Когда Вытрытва над шатром проносился, свистело все вокруг, как сильный ветер.

Когда четвертый день наступил, вниз стали опускаться ноги воинов. На пятый день, когда стемнело, во время сильной битвы опустились ноги их на землю, и тут же копье вышиб Вытрытва, далеко отлетело. И сразу пронзил

Вытрытва в гневе озерного духа. Тут же убил, даже его слов не ожидая.

Опять застряло копье в теле. Опять старался выдернуть копье. Сильно копье разогрелось там в теле и вот застряло совсем. Да и тело богатыря твердым стало, мышцы сильно сжались, поэтому не мог Вытрытва выдернуть копье.

Только когда зима наступила, выдернул копье. Сильно упарился Вытрытва и лег прямо в снежный сугроб. Весь погружался в снег, вылезал, потом погружался снова. Только так и смог охладиться, тогда оделся.

Так стал жить дальше.

Рассказал Амо
(с. Чептокаиргын, Чукотка).
Записал в 1942 г. и перевел Л. Беликов
при участии Эйнелькута

ТЫРКЫНЕКУ

Сказка

Тыркынеку очень любил красавицу Гытиннэу, которая жила по соседству на высокой сопке и была подругой его сестры. Тыркынеку часто ходил со своей сестрой к красавице на сопку, пил чай и смотрел на Гытиннэу, но никогда не имел сил сказать ей одного слова. Сестра Тыркынеку хотела, чтобы брат взял в жены ее подругу, но та даже не позволяла говорить об этом.

Обе подруги обычно вместе шили одежду для Тыркынеку.

Но как только возвращался с охоты Тыркынеку, так Гытиннэу сразу убегала домой.

Рассердился Тыркынеку сам на себя и сказал сестре:

– Собирайся, будем кочевать на другое место!

Вот собрались они и поехали: впереди табуна оленей идет Тыркынеку, а сзади едет сестра в крытой нарте.

Увидела Гытиннэу со своей сопки уезжающих и кинулась вслед. Догнала она караван, села на нарту к подруге и уговорила не ездить далеко, не оставлять ее одну со стариками на сопке.

Тогда сестра Тыркынеку сказала:

– Вот тебе на память от меня браслет из бус! – и поехала дальше.

А красавица пришла домой и не может отвести глаз от браслета, все смотрит и смотрит на него и думает о Тыркынеку. Вдруг она решила: «Не браслет это, а Тыркынеку». Сорвала она с руки браслет и швырнула его с сопки.

Полетел вниз головой Тыркынеку с сопки да еле-еле уцепился за кустарник. Догнал он табун, остановил сестру, и поставили они ярангу за сопкой.

Сказал Тыркынеку сестре:

– Не любит она нарядов, подари ей нож или копье, – может, она любит больше вооружение!

Пришла Гытиннэу в гости к подруге и засиделась до поздней ночи, а когда красавица пошла домой, подруга дала ей на дорогу нож.

Хороший нож: и рыбу резать, и дерево строгать, и на груди ловко лежит.

Пришла она домой и подумала: «Не Тыркынеку ли это?» И бросила опять нож с сопки.

Приходит Тыркынеку домой и говорит сестре:

– Не любит она вооружения, надо подарить ей что-нибудь из хозяйского обихода!

Приходит Гытиннэу опять в гости, угощает ее подруга чаем на новом деревянном подносе. И что это за поднос, и каких только узоров на нем нет, какие красивые линии, и глаз не может отвести Гытиннэу от подноса. Подруга говорит:

– Возьми, если нравится, пригодится в твоем доме.

Взяла Гытиннэу поднос и всю дорогу смотрела на него, да еще вечером у костра рассматривала рисунки на нем, а затем подумала: «Не Тыркынеку ли это?» Да и бросила в костер поднос, хотя и жалко было.

Когда же пришла Гытиннэу к подруге, Тыркынеку вышел из яранги да и ушел на охоту. Удивилась красавица. Потом опять пришла, и опять ушел Тыркынеку. Обиделась красавица на Тыркынеку. Тыркынеку же как только увидит красавицу Гытиннэу, так и уходит. Гытиннэу спрашивает подругу:

– Что это с Тыркынеку, что он от меня бегает?

– Не знаю, – говорит сестра Тыркынеку.

— Скажи ему, — говорит однажды красавица, — что я согласна быть его женой!

Когда сестра передала брату слова Гытиннэу, то он сказал:

— Скажи ей, что любовь моя сгорела в огне!

Рассказал Тэргинкэу
(с. Уэлен, Чукотка).
Записал в 1942 г. и перевел Л. Беликов

Юкагиры

ЛЕГЕНДА О ЯРХАДАНЕ

Жила когда-то красавица-река Коркодон, была она влюблена в Солнце. Оно ласкало ее короткими летними месяцами. Когда Солнце надолго исчезало, Коркодон очень грустила и страдала. Она не знала, что Солнце ласкает в это время другие реки, а если бы узнала, то умерла бы от ревности.

Шло время, и несла красавица Коркодон в своем сердце тяжесть безответной любви. Родились у нее две веселые дочки, две Ярхаданы, но выросли они горделивыми и холодными.

Влюбились в них два парня, две сопки. Парни пытались преградить им дорогу, но Ярхаданы, изгибаясь, пронеслись мимо. От горя сопки окаменели и покрылись льдом, а у их подножий текут две ледяные реки – две Ярхаданы.

С тех пор у юкагиров появилось поверье: если кто назовет свою дочь Ярхаданой, ее уделом будет одиночество. Девушка с таким именем не испытает высокого чувства любви.

Один юноша полюбил девушку, но когда узнал, что любимую зовут Ярхаданой, понял, что его любовь будет безответной. В одиночестве и печали он сложил песню:

С подножий гор, с белизны снегов,
белые свои воды Ярхадана-мать,
протекая величаво, несет.
Ах, любимая, ах, любимая!
На крутом берегу стоят тальники,
зимний ветер их тихонько шевелит.
Ах, любимая, ах, любимая!

Зачем так случилось –
мою любимую девушку
назвали именем Ярхадана?
Зачем так назвали!
Ах, любимая, ах, любимая!

Рассказала Л. Демина (г. Якутск).
Записала в 1989 г. Л. Жукова

ОТРАЖЕНИЕ

Легенда

Кочевали по тайге юкагиры – старик со своей старухой. Детей у них не было. Старик ходил на охоту, ловил рыбу, догонял диких оленей. Иногда было трудно и тяжело старику, но старуха всегда была недовольна мужем. Она сидела дома, готовила пищу, чинила торбаса, выделывала шкуры. Хозяйство у них было хорошее, юкагир был кузнецом, умел из железа делать ножи волшебные. Если прикоснется человек таким ножом к медведю или к другому зверю – падали они мертвыми.

Так прокочевали, прожили они всю жизнь в тайге вдвоем, пришла старость. Старуха не могла даже сама воды принести. Приходилось все делать старику, а старик был уже слаб и плохо видел.

Надоела старуха старику. Хотелось ему иметь молодую жену, чтобы она песни пела, все сама делала и забавляла его.

Послала однажды старуха старика за водой, а старик долго не приходил. Забеспокоилась старуха. Пошла сама к проруби. Только вышла из юрты, а старик идет с ведром, но в ведре нет воды. Как ни спрашивала старуха старика, почему он не принес воды, старик молчал. Набрала старуха снегу, вскипятила чаю, напоила старика, напилась сама и легла спать. Лег спать и старик. Но не спит он, глаза широко открыты, смотрит в одну точку, улыбается. Вспоминает старик лицо молодой женщины, вспоминает, как подошел он к проруби и в воде увидел лицо молодой женщины. Испугался, отошел он от проруби, заду-

мался. Потом осмелел, заговорил с женщиной. Что говорила женщина, старик понять не мог, но видел, как губы у нее зашевелились. Тогда старик громко крикнул:

– Хочешь быть моей женой?

– Быть женой? – повторило эхо.

– Да, да! – кричал старик.

Эхо громко повторило:

– Да, да!

Старик пошел домой. Надо было обдумать, как уйти от старухи к молодой жене, и вот теперь, ночью, он решил, как поступить завтра.

Встав на другой день, старик не пошел за водой, а стал собирать в мешок все свои вещи. Положил топор, напильники, клещи, молотки – все, что ему требовалось в кузнечном деле. Положил всю свою одежду. Видела старуха, что старик все собирает, и удивилась, как они, старые, смогут кочевать в зимнее время: ведь у них и сил не хватит тащить нарты. Не только оленей, но и собак у них нет, чтобы везли нарты. Решилась старуха спросить старика, куда он собирается. Старик ничего не сказал, а лицо у него стало каким-то страшным. Старуха испугалась и замолчала. Выждав время, когда старуха пошла за дровами в тайгу, старик схватил мешок и побежал к реке. Подбежал к проруби, заглянул туда, улыбнулся. Оттуда смотрело улыбающееся лицо.

– На тебе мои деньги, – сказал старик и посыпал из горсти серебряные монеты.

От середины проруби, куда упали деньги, пошли круги. Старик улыбался, смотрел, но женщины не было видно.

– Собираешь деньги, обрадовалась, – сказал старик. – Я все тебе отдам, ты только посмотри на меня.

И он опять наклонился над прорубью. Опять улыбалась женщина. Старик быстро стал спускать в прорубь мешок. Набухшие от воды вещи и железо потянули мешок на дно. «Ишь как тащит мешок, – подумал старик, – хочет, чтобы я поскорее к ней пришел». И не успел еще мешок погрузиться в воду, как старик сам бросился туда. Брызги залили края проруби, а на поверхности воды пошли круги.

Старуха долго ждала старика, думала, что он пошел снимать капканы. Ждала его до самого вечера, но и вечером старик не вернулся.

Утром старуха встала пораньше и сама пошла за водой. Подошла она к проруби, видит – кругом снег примят. Нагнулась старуха и стала всматриваться в воду. Там увидела утонувшего старика и мешок с вещами. Заплакала старуха, пошла с пустым ведром домой. Осталась она одна, есть было нечего, обессилела и дожидалась смерти. Знала старуха, что если встретят бедняков богатые юкагиры, то сейчас же уйдут из этого места. Даже если были бы дети, то и тем не дали бы ни кусочка мяса. Проходили мимо юрты богачи, но у старухи не было сил выйти на улицу и попросить помощи.

Кочевали мимо бедняки с детьми. Дети первые нашли лежащую старуху, позвали старших. Поделились взрослые скудной пищей, какая у них была. Старуха рассказала им о своем несчастье. Все старались, чтобы старуха поправилась.

Рассказал юкагир на р. Коркодоне.
Записала в 1939 г. А. Поповицкая

МИФ ОБ ОГНЕ

Давным-давно маленькие люди жили. Одну беличью шкурку надевали, так ходили. Другой одежды совсем не было.

Как-то неожиданно наступили сильные холода. Встревожились люди: «Холод пришел. Как жить будем в таком холоде? Теперь мы умрем».

Однажды, когда люди так сидели, послышался шум ветра. Посмотрели люди: с неба что-то темное медленно падает. Пригляделись: человек, держа палку, на землю спускается. Спускался-спускался, вот уже на земле оказался. Огромный человек в нарядной юкагирской одежде: кожаные чулки на нем, короткие штаны выше колен, короткая кожаная куртка и торбаса-щеткари на шнурках. Испугались люди. Собрались все вместе, сидят. Тогда тот человек сказал им:

– Не бойтесь меня, я вам огонь принес. Больше вы не будете мерзнуть, в тепле жить будете.

Обрадовались люди: «Где же твой огонь, где?»

Тот человек из подмышки вытащил палку. Удивились люди, спрашивают:

– Как мы с этой палки огонь добудем?

Говорит им человек:

– Палку черным концом на землю положите, щепки соберите, стружку ольховую сверху положите, тогда огонь появится.

Люди засуетились, побежали, щепки собрали, с ольхи стружку принесли, положили, смотрят – огонь! Горит огонь, дым прямо вверх идет. Обрадовались люди, от радости туда-сюда забегали, а потом посмотрели – где же тот человек? Нигде его нет. Улетел на небо к Богу. Небесный человек. Потом и те маленькие люди исчезли, и большие-большие люди появились в юкагирских одеждах. Такая вот быль.

Рассказала А. Слепцова
(пос. Нелёмное, Верхнеколымский улус, Якутия).
Записала в 2000 г. и обработала П. Прокопьева.
Публикуется впервые

ЛЕГЕНДЫ О ХОЗЯИНЕ ЗЕМЛИ

У Земли есть Хозяин. Он людям помогает, выручает из беды или наказывает виновных. У Хозяина Земли человек может что-нибудь попросить: лося, медведя, соболя, лису, белку. Иногда хорошим охотникам он показывается во сне.

Однажды одному охотнику приснился Хозяин Земли. Сказал:

– Принеси мне бочку спирта. Если принесешь, я тебе пушнину дам.

Пошел охотник к купцу, взял у него бочку спирта и Хозяину Земли отнес. Тот кружку трижды наполнил, выпил – бочка уже пустая.

– Ну, что тебе нравится, то и бери из одного амбара, – говорит он. – Какая лиса тебе нужна, чернобурка или красная? Белка, может, нужна? Бери сколько хочешь. Еще приходи и спирт приноси.

– Хорошо, – отвечает охотник, – еще приду.

У Хозяина Земли было три амбара с пушниной. В них лежали медвежьи, лисьи, волчьи, горностаевые шкуры. Нагрузил охотник нарту так, что еле домой дотащил.

Через какое-то время он опять собрался к Хозяину Земли. Только из дома вышел, пурга началась, ветер поднялся, снег выпал и занес его следы. Еще одну бочку спирта понес охотник Хозяину Земли. Обрадовался тот:

– Бери пушнину в другом амбаре, там всего полно. Бери и домой неси. Только никому не рассказывай, что у меня бываешь. Когда нужно будет, еще приходи.

– Хорошо, – говорит охотник, – приду.

Опять пушнины много взял. Богатым человеком стал, купцом. К купцу весь поселок ходит, все его уважают. Этого ему мало показалось. Задумал он Хозяина Земли убить, а амбары с пушниной себе забрать.

Взял опять бочку спирта и к Хозяину Земли пошел. Смотрит, как Хозяин Земли пьет. Дождался, когда тот к нему спиной повернулся, и топором по спине ударил. Только ударил – сам упал, потерял сознание. Когда очнулся, Хозяин Земли говорит ему:

– Оказывается, ты плохой человек. Меня, Хозяина Земли, хотел убить! Мою пушнину хотел взять! Вот как за мою доброту отплатил! Я тебя уничтожу, на Нижнюю землю отправлю!

Так исчез тот человек.

Рассказала Н. Лихачева.
Записала в 1980-х гг. Л. Жукова

* * *

Жила семья: старик, старуха и два сына. Как-то в тех местах, где они жили, ничего добыть не удалось, ни мяса, ни рыбы, ни ягод. Послал отец старшего сына узнать, где поблизости живут люди. Велел попросить у них помощи.

Долго шел сын, наконец, добрался до незнакомой речки. Видит – дом стоит, окошко светится. Следов кругом нет, только дрова лежат. Парень в дом вошел. Камелек старинный горит, за столом сидит бородатый старик огромного роста.

– Здравствуй, дедушка, – сказал парень и перекрестился.

– О-о, – обрадовался старик, – сколько лет я здесь живу, никто не приходил! Первый раз вижу человека, в Бога верующего. Здорово, здорово, Божий человек! Ты откуда и куда идешь?

– Издалека я пришел, – отвечает парень. – Мы летом от родственников отделились. Что добудем – ягоды соберем, рыбу наловим – тем и питаемся. У нас ничего не осталось. Рыбы нет, зайцев нет. Если людей не найдем – умрем. Не знаешь, есть ли тут поблизости люди? Подскажи, помоги, пожалуйста. Я вижу, ты один живешь, если хочешь людям что-нибудь передать, я передам.

– Я тебе помогу, – ответил старик. – У меня все есть, что тебе нужно. Хорошо, что ты обо мне решил позаботиться, но мне ничего не надо. Я сам могу любому помочь, а то и наказать. Меня зовут Хозяин Земли.

Сказав это, старик из-под стола еду достал:

– Сейчас ты поешь и спать ложись. Здесь мясо птицы, дикого оленя, лося, медвежий жир, рыба вареная. Вот юкола нельмы, омуля, чира. Поспишь и утром обратно пойдешь.

Поел парень, уснул. Утром Хозяин Земли говорит:

– Домой иди по своему следу. Все, что нужно, я сам принесу. Дома увидишь. Зайцы теперь ловиться будут. Они с ветром вместе ходят, я ветер вызову. Если нужно будет – приходи, помогу тебе. Про меня никому не рассказывай, а то плохие люди начнут ходить. Если кто задумает прийти ко мне, пусть сам придет, дорогу ему не показывай. Если покажешь, я тебя накажу. Своим умом живи.

Попрощался парень с Хозяином Земли и назад пошел. На полпути отдохнуть остановился. Костер развел, снега натаял, чаю попил, поел. Пошел дальше. Домой вернулся и глазам не поверил: дом полон еды – тут рыба мороженая, сушеная, юкола, мясо, ягоды!

Отец и мать радуются:

– Нам люди еду принесли. Сказали, что ты на дороге чай пить остался. Кто нам помог? Где ты этих людей встретил?

– В тайге, – ответил парень. – Они мне богатого человека показали. Он помог нам.

Про Хозяина Земли ничего не сказал. К нему парень еще много раз ходил, когда трудно было. Стал хорошим охотником, на красивой девушке женился. А в том месте, где они жили, с тех пор звери не переводились.

Рассказал В. Шалугин (пос. Нелёмное, Якутия). Записала в 1988 г. на юкагирском и русском языках Л. Жукова

* * *

Недалеко от Верхнеколымска жил охотник с женой и детьми. На охоте ему не везло, и семья часто голодала. Однажды навстречу ему из леса вышел человек ростом с лиственницу.

– Ты мне нравишься, – сказал он, – но ты неудачливый охотник. Я знаю, что вы живете очень бедно, и помогу вам. Но со своей добычей обращайся бережно.

Человек проводил охотника до дома и напомнил:

– Я ухожу, не забудь, что я тебе сказал.

Великан ушел. Лыжня его пролегла от дома охотника до гор Арга-Таса. На следующее утро, когда охотник проснулся, он увидел возле своего дома множество зверей. Они пришли к нему по этой лыжне. С тех пор удача не покидала охотника. У него появилось много пушнины и мяса, но изменился характер. Он стал жадным, скупым и все время возмущался:

– Неужели тот человек не мог проложить еще одну лыжню?

Однажды утром охотник увидел, что возле дома появилась вторая лыжня. В капканы стало попадать так много зверей, что он не успевал их вытаскивать. Когда пришла весна, туши зверей начали портиться. Пропадало даже мясо лосей.

Однажды в тайге охотник вновь встретил того высокого человека.

– Помнишь мое первое предупреждение? – спросил он. – Ты забыл о нем. Я в последний раз напоминаю.

Но охотник и в этот раз не послушал слов великана. Мясо и шкуры зверей гнили у него по-прежнему. Однажды он вернулся домой, но никто его не встретил. Охотник зашел в дом и увидел, что жена и дети его мертвы. Тут он понял, что это месть того великана – Хозяина Земли.

Он запряг оленей и помчался в Верхнеколымск. Возле озера Чоголон охотник почувствовал погоню и оглянулся. Его настигал Хозяин Земли. Догнал и придавил к нартам. Пошарил у него за пазухой и вытащил что-то красное. Это было сердце охотника.

– Доезжай до Верхнеколымска, расскажи, что с тобой случилось, и умри, – сказал Хозяин Земли.

Охотник доехал до села, рассказал обо всем и умер. Так он был наказан за жадность.

Рассказала Е. Дьячкова.
Записала в 1988 г. П. Прокопьева

ЛЕГЕНДА О ШЕСТИНОГОМ ЛОСЕ

С древних времен юкагиры охотятся на лося. Добыть его нелегко. Охотники иногда по целым дням гоняли лося вдоль речек, но лось убегал, и люди оставались голодными. Если же охота проходила удачно, был настоящий праздник: мясо лося ели, из шкуры шили одежду, обувь, мешки, лосиными камусами подклеивали лыжи, из костей делали орудия.

Однажды охотники наткнулись на след необычного лося. Этот лось всех других лосей распугивал. Почему он это делал – никто не знал. Охотники погнались за ним – не догнали. С тех пор ни одного лося добыть не удалось, и начался голод.

Люди обратились к большому шаману:

– Помоги нам, узнай нашу судьбу: почему на охоте удачи нет?

На следующее утро шаман сказал молодому охотнику:

– Возьми лук со стрелами и иди по речке до второй развилки, там лоси будут стоять. Мы пойдем за тобой.

Пошел охотник, куда его шаман направил. Увидел множество лосиных следов. Трех лосей добыл. Двое пошли дальше. Преследуя их, еще одного добыл. Когда последнего нагонять стал, увидел у него наросты по обе стороны груди, будто суставы. Кто-то на нем верхом сидит.

Охотник в этого лося выстрелил. Сверкнуло, лось свалился, а маленький человечек, сидевший на нем, схватил переметную суму, быстро пошел вперед и скрылся за поворотом реки. Охотник за этим человеком погнался, смотрит – следов его нигде не видно. Испугался, назад вернулся.

Подошел к необычному лосю и увидел, что у того четыре передние ноги. На двух ногах бежит, две другие к груди прижимает. Охотник только шкуру с лося снял, ничего с собой не взял и пошел обратно. Дома рассказал все, что видел. Услышав его рассказ, шаман обратился ко всем людям:

– Лось – земное животное, он Хозяина имеет. Маленький человек был Хозяином лося. Мы, добывая лося, кости его где попало разбрасывали. Поэтому Хозяин добычу перестал давать. Теперь, добыв лося, череп, кости ног, копыта хорошо чистите и на лабазе храните. Земля-мать пусть чистой будет, брошенные кости пусть тут и там не валяются. Если не будем этого соблюдать, Хозяин лося второй раз нам не простит. Вместе с лосями перекочует в другие места.

С тех пор юкагиры, добывая животных, на землю ничего не бросают. Шкуры вешают, черепа, кости ног, копыта – все на лабаз кладут. Положат, лапником закроют.

Рассказал В. Шалугин на р. Ясачной
в местечке Мугудан.
Записала в 1988 г. на юкагирском
и русском языках Л. Жукова

ПРЕДАНИЕ О ДРЕВНИХ ЛЮДЯХ

Два брата вместе жили. Оба были женаты. Старший из братьев имел двух сыновей, младший имел одного ребенка. Они уже в летах обзавелись семьями, заимели детей. Не были богачами, только хорошо одевались, хорошо питались.

Дети их подросли, стали оленей пасти. Стали руками и ногами своих отцов, помощниками.

Дети старшего брата, уходя в стадо, постоянно избивали своего двоюродного брата. Палкой, чем попало, избивали. Мальчик об этом не рассказывал родителям. Отец его стал замечать, что лицо у сына всегда бывает заплаканным. Он начал догадываться. И однажды, когда дети пошли в стадо, прокравшись по скрытому месту, стал наблюдать. Видит, с обеих сторон посохом начали избивать мальчика. Он пошел туда. Как увидели его те — убежали, оставив своих оленей. Сыну отец сказал:

— Неужто тебя все время так избивают?

— Да, все время.

— Почему не рассказывал?

На это мальчик ответил:

— Нарочно не рассказываю. Когда вырасту, над ними учиню расправу.

Вернувшись домой, отец пошел к соседнему дому, к своему старшему брату, и сказал:

— Мы вместе родились, вместе выросли и до сих пор не дрались, не ругались. А твои дети плохо поступают — каждый день, придя в стадо, избивают моего сына. Так они могут убить его. Мне придется отделиться от тебя до той поры, пока не поумнеют наши ребята.

На это старший брат говорит:

— Ну что ж, следуй своему желанию. Иногда хоть навещай, я тоже буду навещать. Наша забота — олени, их поделим.

Вот на другой день расстались, разделив поровну своих оленей. Младший из братьев откочевал.

Позже еще дочку родил. Дети, наконец, подросли, и оленей стало много. Сын все время пас оленей, а его сестренка находилась дома.

Однажды сын сказал отцу:

— Я перегоню наших оленей к морскому побережью. Когда земля подмерзнет, вернусь.

Он множество оленей забил для родителей. Перевез стариков в местность, где было в обилии топливо. Отец спросил напоследок:

— Почему так далеко оленей перегоняешь?

— Если попьют соленую морскую воду, шерсть их будет густой, зимой не будут мерзнуть.

Вот пошел он к морю, неся на себе свои вещи. На морском побережье возле плавника нашел взрослого птен-

ца, который не мог еще летать. Стал гоняться за ним, чтобы убить. В это время мать того птенца прилетела. Чирикая «чи-чи», стала летать вокруг. Потом сказала:

– Добрый человек, не убивай моего младенца.

Держа того птенца в руках, наш человек сел. Мать же птенца говорит:

– Не убивай моего ребенка, я тебя буду учить.

– Как будешь учить?

– Три лета буду учить. И тогда, через три лета, ты не будешь отставать от меня, начнешь даже меня догонять, станешь таким же проворным, как я.

После этого человек отпустил птенца. И вот птичка стала учить его. Говорит:

– Давай, гонись за мной!

Человек не поспевает за ней. Когда та летит над сушей, он бежит наравне с ней, не отставая, когда же летит над водой – отстает. Так учила его птичка каждый день. А тот птенец уже начал летать, подрос.

Как-то раз обучавшая человека птица сказала:

– Приблизилось время моего отлета в теплые края, лапки мои зябнут.

Тот человек говорит:

– Почему же меня обманула, ведь собиралась учить три лета?

– Не обману, летом опять прилечу, место моего гнездования находится здесь. Во-он, под кочкой мое гнездо.

Видит парень: там лежат скорлупки яиц.

Парень сказал:

– Ну что ж, улетай. В будущем году на этом месте буду ждать.

– Когда растает снег, я прилечу.

Птичка улетела в другие края. Этот парень пошел домой, перегоняя оленей. Дошел до дома. Сестры его нет. Отец и мать лежат, плача. Он спросил:

– Что с вами случилось?

Родители сказали:

– Сонмище людей прибыло, все наши вещи забрали, увезли твою сестру. Нас не убили, говоря, что слишком стары, сами умрем.

Сын их заплакал, вспомнив свою сестру. И стал готовиться, тренировать себя ежедневно. Поднимал камни, бегал. Постоянно тренировал себя.

Наступило лето. Та птичка прилетела еще до того, как он пошел на ее поиски. Теперь как летит птичка, он так же наравне идет, не отстает. Птичка сказала:

– Ты стал меня догонять за два года. Больше тебя учить не буду, ты перегнал меня, ты сильный стал.

Этот человек пошел к своим родителям. Сказал:

– Спать не могу, придется идти по следам сестры.

Мать сказала:

– Как мы будем жить? Умрем от холода и голода.

Отец сказал:

– Почему не хочешь отпускать? Все равно желание мальчика не направим туда, куда мы хотим. Пусть осуществит то, что у него на уме. Если суждено жить – живы будем, если суждено умереть – умрем.

После этого сын сказал своей матери:

– Дай мне для носки три пары обуви.

Вот отправился этот парень. Так идучи, ворону с птенцами увидел.

Птенца поймал. Ворона говорит:

– Добрый человек, не убивай моего детеныша, сделаю все, что бы ни попросил сделать.

Парень говорит:

– Если тебе жалко своего детеныша, расскажи мне, где находятся люди, которые имеют склонность убивать человека?

– Во-он, как раз по направлению полудня они живут.

Приблизительно по тому направлению он пошел. Добрался до каменных скал. Прячась там, несколько дней наблюдал за сестрой. Один раз сестра его пошла за водой. Заметила своего брата, заплакала. И сказала:

– Старший брат, зачем пришел? Уж очень страшные люди эти. Всех, кто к ним приезжает, они убивают.

Брат сказал:

– Вон там имеется хорошее озеро, там хочу с ними играть. Когда стемнеет, приходи сюда – надо убежать. Их мы будем поджидать на озере с островом.

Когда стемнело, сестра пришла. Они пошли. Сестру он посадил на себя, нес ее.

Наступил рассвет. Остановились на берегу моря, на озере с островом. И вот те люди догоняют их, прямо-таки чернеют вдали, так их много! А парень в это время на камне скакал на одной ноге. Эти люди, окружив остров,

стали стрелять из луков. Но не могли попасть в них. Стреляли, но стрелы их кончились. Тогда наш парень, прыгая над ними, всех поубивал копьем. Поверхность озера стала жидкой от крови. Затем он направился в стойбище тех людей. Оленей и вещи забрал, луки тоже. Некоторые вещи и оленей отдал слугам-батракам. Домой вернулся, став богачом, и сестру свою привел.

После этого он к своим двоюродным братьям отправился. Братья догадались, зачем он пришел. Когда он говорил, даже лбами друг о друга стукались – так боялись его.

Парень известным богатырем стал. Своих старших двоюродных братьев он сделал слугами-батраками.

Рассказал Н. Трифонов
(пос. Колымское, Нижнеколымский р-н, Якутия).
Записал в 1959 г. и перевел А. Лаптев

ЛЮДИ С НАРТАМИ, ПОХОЖИМИ НА КОТЕЛ-ЧОРАСКУ*

Сказка

Старик со старухой до глубокой старости не имели детей. Однажды, уже постарев, старуха старику говорит:

– Я, кажется, забеременела.

В ответ на это старик говорит:

– Разве теперь, уже старыми став, детей можем родить?!

Через несколько месяцев родился мальчик. Этот их ребенок растет по дням. Вскоре он начал бегать по двору, затем ходить-бродить по тундре. Просто так ходил сначала. Потом стал брать с собой лук. И все время рос. После каждого такого хождения по тундре он говорил:

– Я видел людей, которые ездят на чорасках!

Однажды бродя по тундре, убил дикого оленя. Притащил домой и сказал матери:

– Задние ноги не заноси, положи на левой стороне, при входе.

* Чораска (чуораска) – посуда для варки еды; котел.

Вот освежевали, разделали тушу дикого оленя. Задние ноги положили снаружи у двери. Потом легли спать. Утром старик со старухой встали. Когда они вышли из дому, увидели: там, где лежали две задние ноги, лежат две огромные собаки. А мальчик, увидев их, даже не удивился. Только и сказал:

– А-а, хорошо, что друзья у меня появились.

Эти собаки вовсю ласкались к парнишке. Попив чай, сын присел перед отцом и матерью, сказал:

– Вот теперь меня отпустите. Я сходил бы к тем людям, у которых нарты похожи на чораску-котел.

Родители только поплакали. Ничего не сказали. Когда сын поднялся, чтобы идти, старик сказал:

– Ну что ж поделаем? Ты только съезди и сразу же возвращайся.

После этого парень вышел из дому. Взял тех собак, пошел в тундру. Так идет и идет этот парень. И через какое-то время показались те, у которых нарты были похожи на чораску-котлы. У них были свои оленьи пастбища. И оленей у них было много. Приблизившись к ним, парень освободил от ошейников своих собак. И людей, и оленей – всех поубивали эти собаки.

Прикончив тех людей, парень пошел дальше. Идет и идет. Опять показались те, у которых нарты были похожи на чораску. У них тоже были свои оленьи пастбища. И оленей у них тоже было много. Приблизившись к ним, он опять освободил от ошейников своих собак. И людей, и оленей – всех поубивали эти собаки.

Прикончив тех людей, парень пошел дальше. Идет туда, куда несут его ноги. Три дня бродил-ходил. И не может сообразить, как далеко ушел он от своего жилища.

Поднялся на высоченный холм. И тут увидел, что далеко-далеко, на той стороне, посредине равнины стоит одно летнее жилище. Пошел туда. Увидел старика со старухой. У них была взрослая девочка.

– Ну, откуда же ты пришел? – спросили.

На это парень сказал:

– Я из дому давно ушел. Не знаю даже, когда оттуда вышел. Но там у меня остались отец с матерью.

Но он не рассказал о своих собаках, оставленных в тундре. Когда он оставлял своих собак, те сказали:

– Смотри, не проговорись о нас!

Парень узнал, что старик со старухой имеют дочь и трех взрослых сыновей. Эти люди не отпустили парня. Стали держать у себя в качестве будущего зятя.

На другой день три юноши с нашим парнем пошли на охоту на диких оленей. Этот парень видит, что его товарищи не берут мясо дикого оленя, берут только их мольгуруру – твердый жир между суставами бедра и крупа. Понаблюдав за своими будущими родственниками-хаудя*, он направился к своим собакам.

Приближаясь к тому месту, где остались собаки, он заметил стадо диких оленей. Увидев своего хозяина, собаки сразу бросились на диких оленей и всех задавили. Парень стал отдирать мольгуруру. Подражая тем, кто должен стать его родственниками-хаудя, эти мольгуруру он нанизывал на ремень. Вот он закончил нанизывать. Когда он собрался идти домой, собаки сказали:

– Смотри, не выдавай нас!

После этого он ушел. Вернулся к жилищу позже всех. Когда он пришел, старуха стала сравнивать четыре ноши. Сказала:

– О! У того, кто станет моим младшим сыном, самая тяжелая ноша!

Вот так каждый день охотники забирали только мольгуруру диких оленей. У этого юноши всегда оказывалось больше других.

Вскоре те свою младшую дочь выдали замуж за этого юношу. А братья девушки уже стали догадываться о собаках зятя. Про себя думали: «Не сам убивает. У него, кажется, есть помощники».

Один раз их зять опять пошел на охоту. Когда он закончил нанизывать мольгуруру, собаки, присев перед своим хозяином, сказали:

– Твои люди о нас догадались. Сейчас они об этом спросят. Не скрывай нас.

Вот он пошел домой. Опять у него оказалось добычи больше всех. Эти мольгуруру старуха развесила около дома, так как в доме уже негде было вешать.

На другой день на охоту пошли все вместе, вчетвером. Через некоторое время его новые родственники неожи-

* Хаудя (хаудьаа, или хавдьаа) – дед; старший брат матери.

данно сели все на землю. Он тоже сел. Самый старший сказал своему зятю:

– Не бойся, ничего с тобой не сделаем. Скажи, есть у тебя помощники?

Он сказал, что есть. Тогда те спросили:

– Что они представляют из себя?

– У меня две огромные собаки.

Услышав это, все разом сказали:

– Оу! А зачем в тундре их держишь? Чем они там питаются? Почему домой не приводишь?

На это зять ответил:

– Срок их ухода от меня приближается. Они не придут.

После этого пошли охотиться и принесли очень много мольгуруру. У зятя опять оказалось их больше всех. Внутри дома, возле дома – везде было полно мольгуруру. Старуха уже нигде не может их разместить...

Однажды утром старик, посадив своих детей вокруг стола, сказал зятю:

– Вот и вы с дочкой хозяевами стали. Поезжайте, навестите родителей.

Зять со своей женой укочевал. Доехал до жилища родителей. Старик со старухой, оказывается, недавно умерли. Он их вымыл, приодел и похоронил. Закончив со всем этим, он жене сказал:

– Здесь проведем еще один день. Потом придется укочевать назад.

На другой день он пошел из дома. Только поднялся на холм – во-он! на склоне холма лежат его помощники. Хозяин подошел к ним. Собаки сказали:

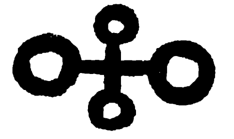
– Ну что ж, теперь расстанемся насовсем.

И с двух сторон бросились к своему хозяину, долго лизали его. Потом повернулись и побежали прочь. Так и исчезли из виду. Даже не оглянулись ни разу.

Хозяин их пошел домой. На другой день откочевали назад, к родителям жены. Там стали жить. Жили хорошо, родили много детей. Жили до того времени, когда внуки их стали бегать по двору.

Рассказала А. Атласова
(пос. Андрюшкино, Нижнеколымский р-н, Якутия).
Записал в 1963–1964 гг. и перевел Улуро Адо (Г. Курилов)

Эскимосы



ВОРОН И ЧЕЛОВЕК

Сказка

Жил в селении одинокий человек. Не было у него ни жены, ни детей. Не было у него ни отца, ни матери.

Пошел он однажды в тундру. Идя по тундре, увидел впереди себя, на маленьком холмике, огромное съедобное растение. Это растение было с нерпичью шкуру величиной. Хотел было охотник вырвать это растение из земли, но с первого раза не смог. Вторично поднатужился и опять не смог. Тогда сбросил он с себя верхнюю одежду, взялся за растение и потянул изо всех сил. Растение заскрипело, затрещало, но вышло из земли. А человек устал. Решил отдохнуть. Прилег на мох и вскоре заснул. Много или мало спал, не знает, а когда проснулся, услышал вороний крик: кук, кук, кук, кук, кук!

Приоткрыл глаза и увидел: сидят около него вороны и разговаривают человеческими голосами. Один из них говорит:

– Давайте пообедаем. Ведь не каждый день такая находка!

Другой говорит:

– Давайте подождем нашего вождя умилыка.

В это время прилетел ворон и сел прямо на грудь человека. Человек открыл глаза и увидел маленького ворона. Это и был умилык – вождь воронов. Сначала ворон клюнул человека в руки. Человек едва стерпел боль, чуть не отдернул руки, но удержался, решил подождать, что дальше будет. Затем ворон клюнул человека в ноги. Тот опять чуть не отдернул ноги. После этого маленький ворон сказал:

– Я съем только глаза, а вы ешьте все остальное.

Тут ворон подпрыгнул к голове человека и только хотел клюнуть в глаз, как тот быстро схватил его за ноги и сел. Остальные вороны разлетелись по сторонам. Человек сказал:

– Ты хотел съесть мои глаза. Вот за это убью тебя сейчас.

Ворон ответил:

– Не убивай меня, я мудрый ворон и могу сделать тебя шаманом!

Человек сказал:

– Не хочу быть хитрецом.

Ворон сказал:

– Сделаю тебя богачом!

Человек ответил:

– Не хочу быть обманщиком!

Ворон сказал:

– Подарю тебе деревянное блюдо. Что захочешь, то и принесет тебе оно!

Человек сказал:

– Вот это дело. Смогу помочь бедным охотникам.

Ворон крикнул:

– Эй, блюдо, где ты?

Тут перед человеком явилось новое деревянное блюдо. Человек спросил ворона:

– А что мне делать с этим блюдом?

Ворон ответил:

– А ты скажи: «Блюдо, хочу то-то и то-то». И то, что просишь, появится перед тобой. А теперь отпусти меня.

Человек сказал:

– Сначала испытаю блюдо, а затем и отпущу тебя. – Он взял блюдо, поднял его вверх на ладони и сказал:

– Блюдо-блюдо, хочу моржового мяса!

Вдруг блюдо сделалось тяжелым, человек не удержал его и поставил на землю. Перед ним стояло блюдо, наполненное моржовым мясом. После этого человек отпустил ворона, а блюдо стало служить человеку. Когда в море не было зверя, человек пользовался своим блюдом и помогал сородичам доставать пищу.

Рассказал Тегикак
(с. Чаплино, Чукотка).
Записал в 1940 г. и перевел Г. Меновщиков

КИТ, ЖЕНЩИНОЙ РОЖДЕННЫЙ

Сказка

Давно это было. У одного науканского охотника из рода Нунагмит было две жены. Первая жена имела детей, вторая – была бездетной и жила в отдельном пологе. Вот однажды эта женщина притворилась больной. Муж из жалости к ней перестал охотиться в море, не отходил от дома. Боялся охотник, как бы жена не умерла.

В том же селении в роду Нунагмит была девочка-подросток. Жила девочка с отцом, без матери, и, когда отец на охоту уходил, бродила по селению, подслушивала да подглядывала, все знать хотела. Однажды муж больной женщины сидел у порога землянки и увидел проходившую мимо девочку. Девочка посмотрела в глаза охотнику и рассмеялась. Рассердился охотник и закричал:

– Уходи отсюда, насмешница, не то палкой прибью. Разве не знаешь, что жена моя больная лежит?

Девочка сказала:

– Ты можешь ударить меня, но я смеюсь потому, что знаю про твою больную жену кое-что.

Сказав это, девочка убежала. Охотник вошел в полог первой жены и сказал ей:

– Эта озорная девчонка что-то сказать мне хочет. Надо позвать ее и хорошенько угостить.

На следующий день девочку позвали и стали угощать. Охотник спросил:

– Что хотела сказать? Почему смеешься, видя меня?

Девочка сказала:

– Твоя вторая жена, что живет в отдельном пологе, постоянно обманывает тебя. Совсем она не больна, а только притворяется.

Человек тот спросил:

– Что же делает она?

– А ты сам сегодня ночью около землянки укройся да покарауль, может быть, увидишь что-нибудь.

И вот, когда ночь наступила и полная луна взошла, охотник спрятался около землянки за большой камень. И когда луна дошла до середины ночи, больная жена его на улицу вышла, одевшись в дождевой плащ сильягак и в камгыки, обувь для морской охоты. В одной руке у женщи-

ны деревянное блюдо с мясом, в другой – ведро с водой. Поднялась женщина на крышу землянки, встала посередине и запела. Услышал охотник, как женщина песней звала мужа своего – кита. Кончив петь, стала прислушиваться. Вдруг далеко в море послышался шум: это было дыхание кита. Услышав шум, женщина снова запела. Вот уже ближе послышались выдохи кита. В третий раз запела женщина. Луна осветила берег, и охотник увидел, как к берегу подплыл кит. Женщина быстро вниз побежала. Кит прислонился к большому прибрежному камню. Встала женщина на камень и начала кормить и поить кита. Когда накормила и напоила, из ноздрей кита человек вышел и на берег поднялся. Человек тот, вышедший из кита, был молодой и красивый. Он вместе с женщиной в ее полог ушел и надолго там остался.

Охотник рассказал своей первой жене, что вторая жена действительно мужа имеет. Утром он взял большое копье-капун и стал точить его камнем. Целый день капун точил, пробуя острие на своей щеке. Хорошо наточил. На следующий день старшей жене сказал, что на охоту идет. Захватил с собой охотничье снаряжение, вышел, у скалистого берега спрятался, стал жену-обманщицу караулить. И вот, когда луна до середины ночи дошла, снова женщина появилась, одетая в сильягак и камгыки.

Как и прежде, запела женщина, призывая из моря своего мужа-кита. Вдалеке послышался шум от выдоха. Это кит шел к берегу. Четырежды женщина спела призывную песню, и снова кит подошел к прибрежному камню. Накормила она и напоила кита, и после этого из ноздрей его человек вышел, поднялся на берег, вошел вместе с женщиной в ее полог, там остался. Тем временем охотник к берегу спустился, держа в руках капун. Приблизившись к киту, вонзил капун ему прямо в сердце. И в этот же миг китовый человек около женщины сильно вздрогнул, поднялся, вниз побежал. Прибежал к киту, в ноздри его вошел, и не стало его. Охотник вернулся в землянку. Другие охотники кита освежевали, никакого человека там не нашли. К вечеру охотник к неверной жене пошел, там ночевал. Оказывается, забеременела она.

Охотник стал добывать много зверей, каждый день уходил в море. И вот вторая жена его разрешилась. Муж спросил:

– Кого же ты родила, мальчика или девочку?

Женщина ответила:

– Китеныша родила я!

Испугался муж, но ничего не сказал.

Положила мать китеныша в большой таз с водой и стала его растить, кормя своим молоком. А муж ее еще больше старается на охоте. Быстро растет китеныш. Вот уж таз для него мал. Сделали китенышу большую яму на берегу ручья. Воду из ручья в яму пустили. Но и эта яма оказалась мала, когда китеныш вырос величиной с белугу. Решили нунагмитцы всем родом пустить китеныша в море. Дорогу к морю выровняли, на большой моржовой шкуре подтащили китеныша к воде. Чтобы не потерялся он, привязали к ноздрям красную метку. Так с меткой и ушел в море.

Но привык кит к людям и часто стал приходить к Нунаку с другими китами. Подходил кит к прибрежному камню, и женщина-мать кормила его грудью. Напитавшись, он уходил снова в море. Во время охоты нунагмитцы узнавали своего китеныша по красной метке и не трогали его. Зато он приводил с собою других китов, поэтому нунагмитцы постоянно удачно охотились и не испытывали голода.

В то же время люди из рода Мамрохпагмит перестали добывать китов, не имели вкусной пищи мантак – китовой кожи с жиром. Всех китов от их селения уводил к нунагмитцам кит, рожденный женщиной. Но однажды мамрохпагмитцы увидели нунакского кита с красной меткой. Умилык, старшина их рода, сказал:

– Вот то, что будет нашей едой!

Гарпунщик загарпунил рожденного женщиной кита, убили его мамрохпагмитцы.

Долго ждали нунагмитцы своего воспитанника, но не дождались. А сестра одного нунагмитского охотника за мамрохпагмитцем замужем была. Жалея своих родственников, отправилась в Нунак и рассказала, что мамрохпагмитцы убили кита с красной меткой.

Был в Нунаке левша, хорошо владеющий луком. Ни одна стрела, пущенная левшой, не уходила мимо цели. Причалят охотники к берегу, а левша, сидя на высоком месте около своей землянки, кричит:

– А ну, поднимите весло, стрелу пущу!

И действительно, от верхних землянок до берега в Нунаке ничья стрела не долетала, а левша в весло попадал. Хороший стрелок был левша.

Снарядились нунагмитцы, взяли луки и стрелы и поплыли на байдарах в сторону мыса Оюк.

Там, около Оюка, увидели они плывущего на каяке мамрохпагмитского умилыка. Оказывается, он один выехал на охоту. Стали нунагмитцы приближаться к нему. Умилык к берегу причалил, из каяка выскочил, вверх по траве карабкаться стал. В это время нунагмитский умилык левше сказал:

– А ну, вон того бегуна сразил!

Левша на носу байдары примостился, лук свой натянул, спрашивает:

– В какое место попасть?

Сидящий за рулем умилык говорит:

– Попади в то место, которое убегать ему помогает.

Левша прицелился, пустил стрелу и попал мамрохпагмитцу прямо в пятку. Стрелою даже кость раздробило. Высадились на берег нунагмитцы и убили врага. Затем к мамрохпагмитцам поехали, к берегу причалили, вверх поднялись. Мамрохпагмитцы гостей радушно приняли, мясом китового позвонка накормили. Не знали они, что их умилык убит. После этого нунагмитцы спустились к берегу, сели в байдары и уехали. Достигнув мыса Умкуглюк, привязали к острию гарпуна поплавок и подняли вверх. Подняв высоко поплавок, стали кричать. Увидели мамрохпагмитцы поднятый вверх поплавок, услышали крики, тотчас к байдарам побежали. Но не смогли догнать нунагмитцев. Так отомстили они за своего кита, рожденного женщиной.

Мамрохпагмитцы же с весны до осени не смогли отомстить нунагмитцам за своего умилыка. Наконец решили заманить их моржовым ревом. В ту же ночь с луками и стрелами спустились через гору Мамругагнак к морю, спрятались у прибрежного утеса Тыпагрук и принялись громко кричать по-моржовому. А нунагмитцы еще до рассвета на моржовую охоту выехали в сторону Тыпагрука. Как только к Тыпагруку приблизились, услышали сильный моржовый рев. Все их байдары поплыли в сторону моржового рева. В это время мамрохпагмитцы и начали стрелять из луков по байдарам. Одну байдару

продырявили, утопили, многих людей поранили. Через некоторое время нунагмитцы в Мамрохпаг поехали, у жителей жерди от нар поотнимали. Так друг другу отомстили. Затем хорошо и дружно стали жить в одном селении – в Наукане.

Все.

Рассказал Ытаин
(с. Наукан, Чукотка).
Записал в 1948 г. и перевел Г. Меновщиков

МЫЛЯ

Сказка

В сказке это было, говорят. Далеко на северной стороне жил Мыля-великан. В одном месте долго не оставался, из одного селения в другое переходил. Оттуда, с северной стороны, все побережье вокруг мыса обошел, в Сирениках остановился.

До прихода Мыли в Сирениках народ уменьшаться стал. Множество землянок опустело, люди вымирали от голода и болезней. Как только пришел в Сиреники Мыля, перестали вымирать люди. Морской зверь приблизился к берегу, удача к охотникам пришла, и жители забыли о голоде. Даже у скалы Ухсик с кромки льда добывали теперь моржей, лахтаков, нерп.

Взял Мыля на воспитание обыкновенного эскимосского мальчика-сироту. Мальчик быстро рос и вскоре научился добывать морских зверей столько, сколько не добывал ни один взрослый охотник.

Был среди жителей селения злой шутник. Любил этот шутник людям плохое что-нибудь делать. Однажды он решил подшутить над воспитанником доброго великана Мыли. Мыля ничего не ел, кроме моржовой печенки. Сам не ходил на берег, а обычно посылал за печенкой своего воспитанника, так как лед ломался под Мылей, а на берегу ноги погружались в песок. Добыли как-то охотники много моржей и свежевали их на припае. Все, кто мог носить в мясные ямы добычу, вышли на припай.

Мыля послал к охотникам своего мальчика – за печенкой. Дальше припая из толстого льда около охотников начинался тонкий лед. Злой шутник увидел мальчика, пришедшего за печенкой, крикнул:

– На, мальчик, печенку!

И бросил печенку на тонкий лед. Воспитанник Мыли бросился за печенкой, лед под ним поломался, и он начал тонуть. Люди хотели спасти его, но боялись провалиться. И мальчик утонул.

Тогда злой шутник достал палкой печенку и велел одному юноше отнести ее Мыле. Притащив печенку, юноша сказал:

– Мыля, вот для тебя печенка!

Мыля вылез из землянки и увидел, что воспитанника его нет. Ничего не сказал. Взял печенку и повесил ее над жирником. Из печенки в жирник вши стали падать. Увидев это, Мыля быстро стал одеваться в плащ из оленьей ровдуги. Затянул капюшон, завязал крепко, чтобы не продувало, и вышел из землянки. Начал большими охапками снег в окружности сгребать и носить в одну кучу. Вот целую гору снегу насыпал. В это время много мужчин, женщин и детей на льду находилось. Подошел Мыля к снежной горе и изо всех сил стал дуть на нее.

Что-то как будто разверзлось. Подул сильный северный ветер. Люди не успели выбежать с припая на берег, лед оторвало и понесло в море. Как же спастись? Началось волнение, а льдину с людьми уносило все дальше. До самого лета не стихал ветер. Не вернулись унесенные льдиной, а те, кто остался в Сирениках, жили без мяса и жира. Многие пытались достать остатки запасенного в складах старого мяса, но не возвращались домой, потому что ветер не давал им подняться из ям. Уцелели в живых только те, кто имел запасы еды дома.

С тех пор в Сирениках мало эскимосов осталось. А Мыля-великан ушел, и никто его больше не видел. Вон через ту гору в Мангак ушел. По дороге в Мангак, недалеко от Сireников, из больших пальцев своих рукавиц высыпал две кучи крупных камней; одна из них больше, другая меньше. Пешеходы и теперь видят эти камни. Там, где шел Мыля в западную сторону, до сих пор видны его следы. На этих следах величиною с байдару даже

мох не растет. Говорят, Мыля, уходя из Сиреников, переночевал в верховьях реки Сянлык, а куда ушел, никто не знает. Все.

Рассказал Нумылен
(Сиреники, Чукотка).
Записал в 1954 г. и перевел Г. Меновщиков

КАНАК И ОРЛЫ

Сказка

В береговом селении Наукан жил отважный человек, смелый и сильный охотник Канак. Был у Канака единственный сын, подросток. Канак назвал сына по имени умершего деда Таграком. Хотел было Канак женить своего сына на красавице Туткан, дочери соседа, но юноша и слышать не хотел о женитьбе. Он желал стать самым сильным, ловким и смелым охотником, побеждать иноплеменников-таньгов и орлов, которые жили на вершинах небесных гор и причиняли много бед людям, земным и морским зверям.

Каждый день Таграк упражнялся в силе и ловкости, взбирался на высокие скалы, прыгал через пропасти и ущелья, догонял в тундре убегавшую лису. Вскоре Таграк смог уже заменить постаревшего Канака на охоте и приносил домой много морских зверей.

Канак стал теперь собирать плавник для летних и зимних костров. Наступила весна, снег почти весь стаял, и теперь легко было находить деревья, которые выбросило на берег осенними штормами. Все жители Наукана начинали собирать топливо вместе с Канаком: Канак был старшиной, а по древним обычаям нельзя начинать никакого дела, пока его не начал старшина.

Однажды, когда Таграк собрался за добытым Канаком плавником, Канак сказал сыну:

– На ком думаешь жениться? Разве девушка Туткан не умеет хорошо шить и варить мясо? На ее лице – лучшие узоры, красивее их нет ни у одной девушки нашего села. Ты, наверное, задумал жениться на той, кто не ходит по земле, а летает по воздуху?

Таграк молчал. Он думал об орлах, которых хотел победить. Орлы похищали детей. Орлы опустошали море, которое давало жизнь людям. Поднебесные орлы уносили, как маленьких рыбок, даже огромных черных китов.

Таграк поехал за плавником, который собрал Канак. Пришел вечер, а он все не возвращался. Жена Канака беспокоилась:

– Почему так долго не возвращается наш сын? Уж не случилось ли с ним беды?

Канак спокойно ответил:

– Что-то его задержало. Наверное, сейчас придет.

Но вот наступила ночь, наступил и рассвет, а Таграк все не возвращался. Утром Канак сказал жене:

– Оповести всех односельчан, пусть плывут на байдарах в южную и северную стороны и ищут моего сына.

Мужчины захватили охотничье снаряжение – гарпуны, копья и луки, взяли мешки с дорожной пищей и разъехались в разные стороны. К вечеру стали возвращаться их байдары. Никто из охотников не обнаружил следов Таграка. Горе пришло в жилище Канака! Отец и мать потеряли единственного сына.

Вот и осень пришла. Начались морозы, по берегам образовался припай, а Таграка все не было. Тогда Канак сказал своим товарищам:

– Завтра я сам пойду на гору Кыхлявик, где живут орлы, может быть, узнаю там что-нибудь о сыне.

Рано утром, когда все спали, Канак взял на плечи нерпичий мешок с пищей и отправился к горе Кыхлявик. Подошел к подошве горы и увидел, как она высока. Хватит ли сил подняться на ее вершину? Но Канак хотел найти сына и стал взбираться на гору. Много раз отдыхал старый Канак, пока наконец очутился на вершине.

Стал искать орлов, но их нигде не было. Кругом только белели, как снег, кости китов, птиц и рыб.

Канак шел по вершине горы и вдруг увидел двух маленьких орлят. Они не умели еще летать, прижимались друг к другу и тряслись от холода.

Канак подумал: «Замерзнут орлята. Надо дать им пищи, пусть живут. Наверное, давно уже ничего не ели».

Тут он увидел, что мясо уже все съедено им и нерпичья сумка пуста. Тогда Канак отрезал от своей кухлянки два больших куска и накрыл ими орлят, чтобы те не за-

мерзли. Затем взял свой лук и подстрелил двух куропаток – накормить орлят. Орлята съели куропаток, отогрелись под шкурами, и к ним вернулась сила. Канак стоял и смотрел на орлят, но думал он о своем сыне. В это время один из орлят встал, ударил сильно крылом по земле и превратился в мальчика. Канак не верил своим глазам, но мальчик заговорил:

– Спасибо тебе, человек. Ты спас нас от холода и голода. Но скоро прилетит наша мать, у которой нет жалости ни к зверям, ни к людям,– она может съесть тебя. Нашей матери нет уже четыре дня, она ищет добычу далеко отсюда. Ты должен спрятаться, иначе погибнешь. Прячься под наши крылья.

Мальчик ударил рукой по земле и снова превратился в орленка. Канак спрятался под крыльями орленка и тотчас услышал свист и шум в воздухе. Затем что-то огромное упало рядом с орлятами. Канак посмотрел в щелочку между перьями и увидел огромную орлицу. Орлица-мать заговорила:

– Откуда это пахнет человеком? Не здесь ли человек? Какой хороший завтрак будет!

Сын ее сказал:

– Послушай меня. Безумная от неудачи, ты можешь съесть этого человека. Но если бы не он, мы погибли бы от холода и голода. Только он спас нас от гибели! Что же, ешь скорей этого человека. Вот он, под моими крыльями.

Орлица сказала:

– Нет, я не съем этого человека! Пусть смело выходит сюда.

Канак вышел из-под крыльев орленка. Перед ним была самая большая птица, какую он когда-либо видел. У ног орлицы лежал добытый ею кит, и кит этот казался маленькой рыбкой. Затем орлица ударила клювом в землю, сняла с себя пернатую одежду и стала женщиной-великаном. Женщина спросила Канака:

– Зачем ты пришел сюда, человек?

Канак ответил:

– Я ищу своего сына и пришел спросить у тебя, не знаешь ли, где он? Ведь ты летаешь всюду и видишь, что делается кругом на земле.

Женщина сказала:

– Мой муж тоже не вернулся с охоты. Возможно, его убили незнакомые орлы или сам он свалился в узкое ущелье или в море.

Канак спросил:

– Но ты знаешь, наверное, где находится мой сын Таграк?

Женщина ответила:

– Да, я знаю, где твой сын. Там, высоко, на небесных горах, живет самый сильный и самый большой орел. Он похитил твоего сына, привязал его к столбу и каждый день клюет его кожу, потому что сын твой не хочет жениться на его дочери. Сын твой очень страдает и стал совсем худой. – Затем женщина сказала Канаку: – Сейчас ступай домой, а через четыре дня приходи сюда ко мне да захвати с собою еды на дорогу. Я тоже приготовлю дорожной еды. Мы полетим воевать с большим орлом.

Канак вернулся в свое селение и вошел в землянку, где его ожидала жена. Жена спросила:

– Ну, рассказывай скорее, что ты узнал о сыне?

Канак ответил:

– Да вот узнал кое-что. Говорят, он женился на дочери большого орла, который живет в небесных горах. Через четыре дня я снова пойду на гору Кыхлявик и узнаю еще что-нибудь о сыне.

Канак сказал так старой женщине, чтобы она не знала правды, не испугалась.

Через четыре дня Канак поднялся с запасом пищи на гору Кыхлявик и пришел к орлице. Она к тому времени припасла много диких оленей и одного кита для еды в пути. Канак положил на орлицу туши диких оленей и привязал их ремнями к ее перьям. Очень много оленей положил Канак на орлицу.

Сел Канак на спину орлицы, орлица зацепила своими огромными когтями кита, и они полетели ввысь, на небесные горы. Вскоре земля скрылась из виду. Орлица по пути отрывала от кита куски мяса и поедала их. Долго летели, и вот уже кончилось китовое мясо, тогда Канак стал кормить орлицу олеными тушами. Вот уже и небесные горы показались, но у Канака кончились все оленьи туши, и орлица без пищи стала слабеть. Канак отдал орлице все запасы из нерпичьей сумки, орлица пролетела немного и опять остановилась. Вот уже совсем близко

вершина горы, а сил у орлицы нет, не может она дальше лететь. Тогда Канак отрезал свою правую ягодицу и сунул ее орлице. На этот раз она долетела до вершины небесной горы и села около большого камня. Канак увидел впереди огромную землянку, а вокруг нее множество костей, словно белый снег покрыл землю.

Орлица сказала Канаку:

– Приведи сюда сына. Вон там, за землянкой, он привязан к столбу ремнями.

Подошел Канак к столбу и увидел привязанного за руки и за ноги сына. Канак быстро перерезал ножом толстые моржовые ремни, сын упал, он не мог даже сидеть от слабости. Канак бережно поднял его и спросил:

– Сын мой, разве нет у тебя сил, чтобы ходить?

Сын ответил:

– Совсем обессилел, не могу.

Канак взял сына на плечо и принес его к орлице. Орлица сказала:

– Орел-богатырь спит и не знает, что ты взял у него сына. Давай скорее спускаться на землю.

Отец и сын сели на орлицу и стали спускаться на землю. Вот и земля уже близко. Вдруг они услышали позади крик:

– Кто вы такие? Почему похитили мою добычу? Не жить вам больше!

Догнал орел орлицу, ударил грудью по спине и сшиб сына Канака, вторым ударом сшиб самого Канака и мешок из-под мяса, третьим ударом подбил ослабевшую без пищи орлицу. Все они упали в море, а орел улетел в небеса.

Упала орлица в море и превратилась в остров Аяк. Упал Канак в море и стал островом Имаклик. Упал сын Канака в море и стал островом Укивак.

А на горе Кыхлявик ждали свою мать два молодых орла, два брата. Но мать-орлица не вернулась. И пришлось им самим добывать себе пищу. Сначала они добывали мелких тундровых зверей, затем стали ловить диких оленей и даже моржей.

Прошло много времени, выросли братья-орлы, начали добывать больших китов. Однажды младший брат сказал старшему:

– Где наша мать? Не полететь ли нам на небесные горы? Возможно, узнаем о ней что-нибудь. Ведь оттуда все видно.

Старший брат сказал:

– Что же, мы достаточно сильны, чтобы подняться на те высокие горы.

Запаслись братья едой. Пока летели, все запасы поели, наконец прилетели на небесную гору. Впереди себя увидели огромную землянку. А вокруг той землянки много костей, словно белым снегом покрыта земля. Ударили братья-орлы клювами о землю, сняли с себя пернатые одежды, и старший брат сказал:

– Что же, войдем в эту землянку!

Оставили одежды на месте, а сами вошли в землянку. Около деревянного блюда с китовым мясом сидели орел и его жена. Орел сказал:

– Вот пришли орлы-братья отомстить мне за то, что я убил их мать. Да, я убил вашу мать, убил и старшину Канака из Наукана и его сына. Все они стали островами между двумя большими землями.

Старший из братьев сказал богатырю:

– Что же, одевайся, полетим с нами ближе к земле и поборемся. Может быть, и нам удастся превратить тебя в остров.

Орел-богатырь принял вызов молодых братьев.

Вместе с ними решила лететь и его жена-орлица. Надели орлы свои пернатые одежды и стали спускаться ближе к земле. Когда земля была близко, старший брат сказал:

– Не пора ли начать бой?

– Что же, начнем!

– Ты сразись с орлицей подальше к северу, а я с этим орлом буду сражаться на юге.

Разлетелись в разные стороны: младший на север с орлицей, а старший на юг с орлом.

И вот начался бой между старым орлом и молодым.

Долго бились орлы. Наконец молодой орел ударил грудью по голове старого орла. Не вынес тот такого удара, упал в море и превратился в большой остров Сивукак.

А младший брат далеко на севере победил орлицу. Ударом в грудь он подбил орлицу, упала она в море и превратилась в остров Кулюсик.

Рассказал Уникак (с. Наукан, Магаданская обл.).
Записал в 1941 г. Увролюк, сын Уникака.
Перевел Г. Меновщиков

ЧЕЛОВЕК В БЕЛОМ

Сказка

У подножия входной горы в Синявином заливе жил оленный старик со старухой. У него были дети и всего шесть оленей. Из них пять самок и один самец. Олени ему приплода не давали, потому что старик осенью забивал молодых оленей на мясо. На одежду ему не оставалось, поэтому приходилось охотиться и весной и осенью на нерпу, чтобы шить из нерпичьих шкур одежду для себя и всей семьи. Зимой и летом он ползал по льду, чтобы достать нерп, а осенью и летом уходил на каяке в море и охотился гарпуном.

Так прошло много лет. Осенью была низовая пурга. Олени паслись у подножия горы. Старик поднялся на ее вершину и стал ходить взад-вперед, посматривая на своих оленей. Идет вперед, идет назад. Так он ходил несколько раз. Один раз, когда он повернулся в другую сторону, увидел там человека, одетого во все белое. Копье тоже было белое. Старик испугался и попятился. Но человек в белом заговорил первым:

– Это твои олени там внизу пасутся?

Старик ответил:

– Да, там мои олени.

Человек в белом говорит:

– Я жил раньше далеко вглуби, но там появился черт, и, чтобы спасти оленей, я пришел сюда. Давай сделаем один табун.

Старик ответил:

– Нет.

Тогда человек в белом говорит:

– Оленей перемешаем, сделаем один табун. На одежду и для пищи будем бить моих оленей. А твои пусть плодятся, тебе же будет лучше. Вот посмотри, сколько у меня оленей.

И человек в белом подвел старика к другой стороне горы. Тот увидел большое стадо. Куда ни посмотрит, везде шевелятся олени. И он согласился. Стали они спускаться вниз с горы. Когда соединили табуны, старик потерял из виду своих оленей. Так было много оленей у белого человека. Пошли они в юрту к старику есть. Человек

в белом стал рассказывать, что он даже не успел взять с собой старуху и погнал оленей сюда. Теперь олени наедятся, отяжелеют и никуда не уйдут.

А он поедет за старухой. После еды человек в белом уехал, а старик остался с оленями. Много он думал. Если бы все олени были его, то он не был бы таким бедным, каким был. Дети бы всегда были сыты и тепло одеты. Долго он думал, как бы сделать оленей своими. Наконец говорит своей старухе:

– Разбирай юрту, будем переезжать отсюда.

Старуха начала разбирать юрту. Но так как юрта испокон веку не разбиралась, то старухе пришлось тяжело и много работать. Наконец она справилась с юртой. Ее погрузили на сани и поехали. А старик погнал оленей. Они поехали на остров Аракчечек.

Когда они приехали на остров, старик начал звать северо-восточный ветер. Ветер задул и был таким сильным, что от всего берега оторвало лед. Даже самые маленькие заливчики очистились ото льда.

Когда ветер утих, человек в белом приехал со своей женой к тому месту, где оставил оленей. Но оленей он найти не мог. Он стал выслеживать их по следам и нашел, что они ушли в пургу на лед и со льдом их унесло в море. Когда он узнал по следу, что оленей унесло, говорит жене:

– Все наше достояние, все, что мы с тобой имели и чем мы жили, унесло ветром вместе со льдом. Мы остались с тобой без ничего.

Жена говорит:

– Ну так что же, осталось только одно.

Муж отвечает:

– Ну так что же...

И он взял свое копье. Жена подняла левую руку, и он ее заколол, а потом заколол и себя.

А старик со своим семейством, перегнав оленей на остров, стал жить богато. К нему начали ездить жители за оленьим мясом и шкурами. А ему стали привозить лахтачьи шкуры, ремни, сало и прочее.

С тех пор старик ни в чем не нуждался.

Рассказал Аналько (о. Врангеля).
Записал в 1926 г. Г. Ушаков

Алеуты

ОДНОГЛАЗЫЙ ЧЕЛОВЕК И ПРЕВРАЩЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В ЛИСИЦУ

Сказка

Жил одноглазый человек с женой. Ночи он проводил с женой, но как только начинало светать, он оставлял жену и уходил из дому. Так он целый день где-то ходил. Жена его не знала, почему муж днем домой не приходит, где он и что делает. Она решила это узнать.

Однажды, когда он ушел утром, она пошла за ним и дошла до того места, куда он днем уходил. Но когда она подошла к нему близко, то увидела, что у него нет одного глаза. Как только она это увидела, решила покинуть его. Днем она отправилась в путь. Когда она шла, увидела: навстречу ей идет великан. Великан дошел до нее, взял к себе на плечи и понес. Он дошел с нею до горы и поднялся на вершину. Там была подземная юрта. Великан бросил женщину в проход юрты. Она очнулась в землянке и начала плакать. Не имея одежды, она сильно мерзла и жалела о том, что оставила мужа из-за того только, что сочла его некрасивым. Так плача, она вдруг услышала, что кто-то говорит:

– Перестань плакать. Вот над тобою находятся шкурки земных птиц. Возьми их и надень.

Женщина посмотрела вверх и увидела корзину, плетенную из травы. Поискав в ней, она нашла кухлянку из вороньих шкур. Взяла кухлянку, но, как ни старалась ее надеть, не могла. Кухлянка была ей мала.

Опять она начала плакать. И снова услышала чей-то голос:

– Перестань плакать. Вот над тобою висит травяная корзина. В ней ты найдешь шкуры земных животных, возьми их и надень. Перестань плакать.

Когда ей это сказали, она посмотрела вверх и увидела корзину. Там нашла выделанные шкуры лисиц. Взяла их и попробовала надеть. Когда стала их надевать, почувствовала тепло. Надев шкуры, она начала искать выход из землянки. Нашла его и вышла. Отправилась в путь.

По дороге женщине захотелось пить. Она дошла до реки, и когда нагнулась, чтобы напиться, то увидела, что у нее, оказывается, появились лисьи уши. Женщина отправилась дальше. Когда шла, почуяла, что за нею кто-то идет. Повернула назад голову и увидела, что за нею, оказывается, волочился лисий хвост. Когда она это увидела, попыталась от него освободиться, но не смогла. Так с лисьим хвостом пошла дальше.

Женщина дошла до места, где ее отец обыкновенно промышлял тюленей. Она спустилась к берегу моря и стала смотреть, как отец тюленей убивает. Вот отец перестал охотиться на тюленей и поехал к берегу. Увидел он на берегу лисицу и пристал к тому месту, где она сидела. Заметив, что лисица его не боится, он хотел ее взять, но она все от него отскакивала. Тогда он бросил ей тюленины. Накормив ее, он отправился в свое селение. И когда отец ушел в свое селение, она тоже туда побежала.

Когда день уже кончился, женщина-лисица пришла к дому своего отца. Много раз она пыталась войти в дом. Но как только женщина-лисица наклонит свою голову, чтобы спуститься в дом, так ее голова сама отскакивает в сторону. Так она не спустилась в дом своего отца, ушла в поле и, сказывают, там осталась.

Все.

Рассказал О. Крюков (о. Умнак).
Записал и перевел В. Иохельсон

АТХИЛЯХ*

Сказка

Ого-го-го, как давно это было. Еще люди в юртах да землянках жили, еще на промысел зверя в океан на утлых байдарах ходили, еще постоянными спутниками каждой семьи были холод да голод.

Ого-го-го, как давно это было. С той поры и юрт, и землянок уж и в помине не осталось, дома в поселке красивые стоят, в каждом солнце свое под потолком светит. На промысел алеуты теперь на судах больших с мотором ходят, всегда с хорошей добычей возвращаются. Давно уж в каждом доме счастье поселилось. О нужде и горе люди и думать забыли. А сказку эту до сих пор помнят: от старого к малому, от деда к внуку, из уст в уста она передается.

Жил себе бедный алеут-охотник. Жена его рано умерла, оставив кучу маленьких детей. Голод да нужда надолго поселились в семье бедняка. Дети росли хилыми, часто болели.

Пошел однажды охотник к океану в поисках какойлибо добычи, но сколько ни ходил по берегу, ничего не мог раздобыть.

Возвращается домой с пустыми руками, думы горькие не дают покоя: опять детей накормить нечем. И вдруг видит: две рыбины на берегу лежат, однако, морем выброшены. Подошел ближе, так и есть – атхилях на песке, живые еще, хвостами шевелят. Обрадовался охотник, схватил рыбин и бегом домой. Одну рыбину, что побольше, на вешала подвесил, а другую детям понес. Вошел в дом, а дети все мертвые на нарах лежат – не дождались отца, с голоду померли. Один только, самый маленький сын, живой остался. Не снес такого горя старый охотник, упал на нары и вскоре тоже помер. Плачет малыш-сирота о помершем отце и братьях, но слезами горю не поможешь. Похоронил он отца и братьев, стал один жить.

Быстро бегут дни, много раз оттаивала и снова замерзала тундра. Подрос мальчик, сильным, стройным, как

* Атхилях (алеут.) – треска.

молодой олень, стал. И вспомнил он о другой, оставленной отцом рыбине атхилях, посмотрел, а там одна шкура осталась – не то высохла рыба, не то песец съел.

«Что же мне делать с этой шкурой?» – подумал юноша и решил шлюпку сшить. Пошел он в село и спрашивает у женщин:

– Покажите, как вы байдары из шкур шьете.

– Зачем тебе, глупый, все равно ведь шкуры у тебя нет.

– А я из шкуры атхилях сошью, – говорит юноша.

Засмеялись женщины, но показали, как шьется байдара. А одна из них, самая молодая девушка, вызвалась помочь парню.

Взяли они тресковую шкуру и сшили небольшую шлюпку, из костей шпангоуты сделали, а из куллаха, самой большой волшебной кости, планку для мачты смастерили, из хвостовой кости руль приладили. Поблагодарил юноша девушку, на прощанье улыбнулся ей, взял старое отцовское копье и поплыл в океан счастья искать, зверя морского добывать.

Долго плыл по волнам океана юноша, три раза опускалась ночь над ним, но ни зверя, ни рыбешки никакой ему так и не попалось. Упал он в отчаянии на дно лодки и вымолвил в горе:

– Атхилях, атхилях, неужели ты не поможешь мне хотя бы нерпушку небольшую добыть?

Только он это вымолвил, чувствует, как под ним куллах, волшебная кость, зашевелилась и как бы направление в море указывает, мачту с парусом поворачивает. Послушался юноша и поплыл дальше в море. Весь день плыл, а к вечеру увидал вдалеке, в море, фонтаны из воды поднимаются, стая китов резвится. Обрадовался молодой охотник, стал осторожно к китам приближаться, увидал большого кита и метнул в него отцовское копье, а конец веревки крепко к шлюпке привязал.

Выбросил раненый кит огромный фонтан воды над головой, взмахнул мощным хвостом, так что волны в разные стороны пошли, и потащил в океан шлюпку с охотником. День плавает кит, другой, а оторваться от лодки не может. На третий день кит выбился из сил и испустил дух. Тут молодой охотник поставил парус и направил свою лодку к родным островам.

Через три дня приплыл он к своему селу, где его счита-

ли давно погибшим, и только девушка одна, та, что шлюпку ему шить помогала, каждый день на берег ходила и подолгу в море смотрела. Верила, что вернется юноша.

Обрадовались все жители села, принялись поздравлять юношу с удачной охотой и большой добычей, а старики признали его лучшим охотником среди всех алеутов и имя ему почетное дали – Атхилях.

Вскоре и свадьбу молодые отпраздновали. Атхиляха предводителем рода выбрали, и с тех пор уже больше не знали нужды в пище и одежде его сородичи, им всегда сопутствовала удача в охоте и промысле.

Запись и литературная обработка Л. Иванова

Библиография

ОБЩИЕ

Антология фольклора народностей Сибири, Севера и Дальнего Востока / Сост. В. Санги. – Красноярск, 1989.

Богораз В.Г. Миф об умирающем и воскресающем звере // Худ. фольклор. 1926. № 1.

Богораз В.Г. Основные типы фольклора Северной Евразии и Северной Америки // Сов. фольклор. 1935. № 4.

Вагатова М., Тарханов А. Ханты-мансийские сказки. – Свердловск, 1977.

Вопросы языка и фольклора народностей Севера. – Якутск, 1972.

Ворон Кутха. Сказки народов Севера / Для ст. шк. возраста. – М., 1976.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьев А.И. Легенды и были таежного края. – Новосибирск, 1989.

Головнев А.В. Говорящие культуры, традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург, 1995.

Диксон Олард. Шаманские учения клана Ворона: История, теория и практика коренных шаманских традиций. Предания. – М., 2000.

Древние легенды Таймыра / Сост. О.Э. Добжанская, К.И. Лабанаускас. – М., 2000.

*Древний свет. Сказки, легенды, предания народов Хабаровского края / Очерки о фольклоре, запись и лит. обраб. сказок А.Я. Чадаевой. – Хабаровск, 1990.

* Звездочкой отмечены издания, тексты из которых вошли в состав нашей книги.

*Дульзон А.П. Сказки народов Сибирского Севера. – Томск. Вып. I. 1972; Вып. II. 1976; Вып. III. 1980.

Евсюков В.В. Мифы о Вселенной. – Новосибирск, 1988.

Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. – М., 1964.

Катанов Н.Ф. Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым: Часть IX, наречия урянхайцев (тувинцев), абаканских татар (хакасов) и карагасов (тофаларов) / Тексты, собр. и пер. Н.Ф. Катанова. – СПб., 1907.

Ключ счастья: Сказки народов Сибири / Ред.-сост. Н.М. Закусина. – Новосибирск, 1975.

*Колчан сердечных стрел: Любовная лирика, героические сказания и легенды сибирских тюрков в записях XIX–XX веков / Пер. и перелож. А. Преловского. – Красноярск, 1995.

Ксенофонтов Г.В. Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов. – М., 1960.

*Легенды и мифы Севера / Сост. и примеч. В. Санги. – М., 1985.

Мелетинский Е.М. Миф и сказка / Фольклор и этнография. – М., 1970.

Мелетинский Е.М. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона. – М., 1979.

Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. – М., 1980.

Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и исторические памятники. – М., 1963.

Мифы, предания, сказки хантов и манси. – М., 1960.

Мифы, предания, сказки хантов и манси / Пер. с хант., манс., нем. яз. – М., 1990.

*На Севере дальнем: Общ.-полит. и лит.-худож. альманах. – Магадан, 1965. Вып. 2.

Неклюдов С.Ю. Богатырская сказка: Тематический диапазон и сюжетная структура // Проблемы фольклора. – М.,1972.

Ненянг Л.П. Ня – отец земли: Таймырские сказания ненецкое, нганасанское, энецкое / Пер. А.В. Преловского. – Красноярск, 1993.

Песни народов Севера. – Магадан, 1960.

Поцелуй на скаку: Любовная лирика и проза, сказания и легенды о любви коренных народов Сибири. Па-

мятники сибирского фольклора XVIII–XX веков / Пер. и перелож. А. Преловского. – М., 2001.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л., 1946.

Пропп В.Я. Чукотский миф и гиляцкий эпос / Фольклор и действительность. – М., 1976.

Протодьяконов П. Песни, былины и сказки уссурийских гольдов: Зап. о-ва изучения Амурского края. – Владивосток, 1886. Вып. I.

Северная мудрость: Пословицы и поговорки долган, ненцев, нганасан. – Красноярск, 1991.

Семейная обрядность народов Севера. – М., 1980.

Сибирские сказания / Вступ. ст., пер., перелож., коммент. А. Преловского. – М., 1991.

Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки (азиатские эскимосы, чукчи, кереки, коряки и ительмены). – М., 1974.

Сказки народов Дальнего Востока. – Владивосток, 1974.

*Сказки народов Севера. – М.;Л., 1951.

*Сказки народов Севера. – М.;Л., 1959.

*Сказки народов Севера. – Л.; Ханты-Мансийск, 1991.

Сказки народов Севера / Сост. и обраб. В.В. Винокуровой и Ю.А. Сема. – Смоленск, 1992.

Сказки народов Севера / Сост. М.Г. Воскобойников и Г.А. Меновщиков. – М.;Л., 1958.

Сказки народов Сибири. – Новосибирск, 1984.

Сказки народов Сибири. Fairy tales of Siberian folk: На рус. и англ. яз. / Сост. М. Смирнова. – Красноярск, 1992.

Сказки о просторе: Сказки народов Бурятии, Горного Алтая, Калмыкии, Тувы, Хакасии, Якутии и малых народов Сибири – долган, тофаларов и шорцев. – Л., 1988.

Сказки сибирских народов. – Петроград, 1917.

Так в Сибири говорят: пословицы и поговорки народностей Сибири. – Красноярск, 1964.

Таксами Ч.М. Фольклорные материалы об истоках этнических и культурных связей народов Нижнего Амура и Сахалина / Фольклор и этнография. – Л., 1970.

Топоров В.Н. О типологическом подобии мифологических структур у кетов и соседних с ними народов: Кетский сб. «Мифология, этнография, тексты». – М., 1969.

Традиционные верования и быт народов Сибири: Сб. ст. – Новосибирск, 1987.

Три маралухи: Сибирские сказки о животных / Сост. Э.Г. Падерина и А.И. Плитченко. – М., 1986.

Фольклор и этнография народов Севера. – СПб., 1992.

Фольклор народов Таймыра: энецкий, ненецкий, нганасанский. – Дудинка, 1992.

*Чучелина Т.С. Сказки Югры. – М., 1995.

Шаманские песнопения сибирских тюрков: Из фольклорного наследия Н.Ф. Катанова, записи 1878–1892 гг. / Пер. А. Преловского ритуальной поэзии хакасов, тувинцев и тофаларов. – М., 1996.

Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны: Ст. и мат. – Хабаровск, 1933.

Этнография и фольклор народов Дальнего Востока: Сб. – Владивосток, 1981.

Язык – миф – культура народов Сибири: Сб. науч. тр. – Якутск, 1991.

АЛЕУТЫ

Иохельсон В. Образцы материалов по алеутской живой старине / Живая старина. Вып. 3. – СПб., 1915.

Конопацкий А. Легенда о древе жизни / Сов. этнография, 1976. Вып. 6.

Ляпунова Р.Г. Ворон в фольклоре и мифологии алеутов / Фольклор и этнография. – Л., 1984.

ВЕПСЫ

*Вепсские народные сказки: Сб. / Сост.: Н.Ф. Онегина, М.И. Зайцева. На рус. и вепс. яз. – Петрозаводск, 1996.

Скородумов Е. Вепсские сказки: Для дошк. и мл. шк. возраста. – М.;Л., 1939.

ДОЛГАНЫ

Аталами – сын Лошади: Долганское сказание / Пер. с долган. А. Преловского. – Якутск, 1992 // Полярная звезда. № 1.

Долганский фольклор / Вступ. ст., тексты и пер.

А.А. Попова; Лит. обраб. Е.М. Тагер. – М., 1937.

Долганы: язык, история, фольклор, культура: Указ. рек. лит. – СПб., 1993.

Ефремов П.Е. Долганское олонхо: Исследования, тексты. – Якутск, 1984.

Ефремов П.Е. Таймырские сказы / Пер. с долган. – Красноярск, 1982.

КЕРЕКИ

*Леонтьев В.В. Этнография и фольклор кереков. – М., 1985.

КОРЯКИ

Стебницкий С.Н. Лымныло-нымыланские (корякские) сказки. – Л., 1938.

МАНСИ

Авдеев И.И. Песни народа манси. – Омск, 1936.

Анисимкова М.К. Янгал-Маа (Тундра). – М., Тюмень, 1990.

Анисимкова-Бекина М.К. Мансийские сказы. – Свердловск, 1960.

Баландин А.Н. Мансийские сказки. – Л., 1938.

Баландин А.Н. Мансийские сказки и песни. – Л., 1939.

Вогульские сказки: Сб. фольклора народов манси (вогулов). – Л., 1935.

Конькова А.М. Сказки бабушки Аннэ. – Свердловск, 1985.

Плотников М.А. Янгал-Маа: Вогульская поэма со ст. автора о вогульском эпосе / Клычков С. Мадур Ваза-Победитель: Вольная обработка поэмы «Янгал-Маа». – М.; Л., 1933.

*Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). – Сургут, 1993.

Чернецов В.Н. Вогульские сказки: Сб. фольклора народа манси (вогулов). – Л., 1935.

НАНАЙЦЫ

Аврорин В.А. Материалы по нанайскому языку и фольклору. – Л., 1986.

Айзенштат А.М. Поют нанайцы и ульчи // Сов. музыка. 1958. № 11.

Баранов И.А. Как шаман солнце украл: Нанайские сказки для детей. – Южно-Сахалинск, 1960.

Гаер Е.А. Древние бытовые обряды нанайцев. – Хабаровск, 1991.

Нанайский фольклор: нингман, слохор, тэленгу. – Новосибирск, 1996.

Песни и сказки бикинских (уссурийских) нанайцев: Репертуарн. сб. – Владивосток, 1922.

НГАНАСАНЫ

Мифологические сказки и исторические предания нганасан / Зап. и подгот. текстов, введ. и коммент. Б.О. Долгих. – М., 1976.

НЕГИДАЛЬЦЫ

Хасанова М.М. Обрядовый фольклор негидальцев: Аборигены Сибири: проблемы исчезающих языков и культур. – Новосибирск, 1995.

Штернберг Л.Я. Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора. – СПб., 1908.

НЕНЦЫ

Вербов Г.Д. Ненецкие сказки и былины. – Салехард, 1937.

Куприянова З.Н. Ненецкий фольклор: Учеб. пособие для пед. училищ. – Л., 1960.

Куприянова З.Н. Эпос ненцев: Специфика фольклорных жанров. – М., 1973.

Ненецкие сказки: Для дошк. возраста. – М.; Л., 1939.

Ненянг Л.П. Ненецкие песни. – Красноярск, 1980.

Ненянг Л.П. Фольклор таймырских ненцев: В 2 кн. – М., 1994.

*Ненянг Л.П. Ходячий ум народа: Сказки, легенды, мифы, предания, поверья, эпические песни, пословицы, поговорки, поверья, обереги, народные приметы, загадки таймырских ненцев. – Красноярск, 1997.

Фольклор и этнография народов Сибири: Межвуз. сб. науч. тр. Тирлей. На двух яз. / Зап. мифа и пер. Е.Т. Пушкаревой. – Л., 1986.

Фольклор народов Таймыра. – Дудинка, 1992 / Ненецкий фольклор. Вып. 2.

Хомич Л.В. Ненецкие предания о сихиртя / Фольклор и этнография. – Л., 1970.

Эпические песни ненцев / Зап. и сост. З.Н. Куприяновой. – М., 1965.

НИВХИ

Крейнович Е.А. Медвежий праздник у нивхов: бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск, 1974.

Островский А.Б. Мифология и верования нивхов. – СПб., 1997.

*Санги В.М. Легенды Ых-мифа. – Южно-Сахалинск, 1974.

Санги В.М. Песнь о нивхах. – М., 1989.

Санги В. Человек Ых-мифа: Эпич. поэма по мотивам нар. сказаний / Пер. Н. Грудининой. – М., 1986.

*Таксами Ч.М. Ахт Ургун, Верный Ургун: Сказки народов Севера / Пер. на нивх. яз. С.Ф. Полетьевой. На нивх. и рус. яз. – Южно-Сахалинск, 1996.

Тывус Л. Нивхские песни. – Сахалин, 1985.

Чесалин В.В. Отважные ымхи. – Южно-Сахалинск, 1981.

ОРОЧИ

*Аврорин В.А., Лебедева Е.П. Орочские сказки и мифы. – Новосибирск, 1966.

Аврорин В.А., Лебедева Е.П. Орочские тексты и словарь. – Л., 1978.

Березницкий С.В. Мифология и верования орочей. – СПб., 1999.

*Маргаритов В.Я. Об орочах Имперской гавани. – СПб., 1888.

САAMЫ

*Немирович-Данченко В.И. Страна холода: Сказки и песни лопарей. – СПб., 1887.

Сенкевич-Гудкова В.В. Лирические песни нотозерских саами. – Петрозаводск, 1959 / Вопросы литературы и народного творчества.

Травина И.К. Саамские народные песни. – М., 1987.

Чернолусский В.В. Легенда об олене-человеке. – М., 1965.

ТОФАЛАРЫ

Легенды, сказки и песни седого Саяна: Тофаларский фольклор / Зап. и пер. В.И. Рассадин. – Иркутск, 1996.

Мельникова Л.В. Тофы: Ист.-этнограф. очерк. – Иркутск, 1994.

Преловский П.П., священник-миссионер. Нижнеудинские карагасы: Образ жизни, верования, мифы, предания, кр. словарь. – Иркутск, 1868–1869 / Сб. «Записки и труды Иркут. Губерн. Статист. комитета». Вып. 4.

Стоянов А.К. Тофаларские народные песни: Мат. фольк. эксп. 1975–1976 гг. – Иркутск, 1980.

Тофаларские народные сказки / Зап. и обраб. В. Рассадин. Пересказал для детей В. Бахревский. – М., 1988.

Шерхунаев Р.А. Сказки и сказочники Тофаларии. – Кызыл, 1977.

УДЭГЕЙЦЫ

Айзенштат А.М. Песни народа удэге // Сов. музыка. 1959. № 5.

Дункай Н.С. Скала сокровищ: Удэгейские сказки. – Владивосток, 1989.

Кялундзюга В.Т. Два солнца: Удэгейские сказки. – Хабаровск, 1974.

УЛЬЧИ

Вальдю А.Л. Сказки народов нани: По мотивам ульчского фольклора. – Л., 1961.

ХАНТЫ

Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Легенды и сказки хантов. – Томск, 1973, 1978.

Материалы по фольклору хантов / Зап., введ. и примеч. В.М. Кулемзина и Н.В. Лукиной. –Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978.

Мифы, предания, сказки хантов и манси. – М., 1990.

Неттина-Лапина Н.А. Фольклор тэкёх. – СПб., 1999.

Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком. – СПб., 1884.

Патканов С.К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям / Живая старина, 1891. Вып. 3–4.

Пухначев В.М. Сказки старого Тыма: Для мл. и сред. возраста. – Томск, 1959.

ЧУКЧИ

Богораз В.Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. – СПб., 1900.

Кто самый сильный на земле: Чукотские сказки / Лит. обраб., коммент., вступ. ст. В.В. Леонтьева. – Магадан, 1974.

Лукашина Т.П. Сказки бабушки Петровны. – Петропавловск-Камчатский, 1991.

Лыткин В.А. Песни и танцы Чукотки // Сов. музыка. 1966. № 11.

Новая жизнь древних легенд Чукотки: Сказки Чукотки в рисунках и рассказах В. Эмкуль и др. – Магадан, 1987.

Рытхэу Ю.С. Песни родного берега //Огонек. 1965. № 4.

ЭВЕНКИ И ОРОЧЕНЫ

Айзенштат А.М. Песенная культура эвенков. – Красноярск, 1995.

Василевич Г.М. Исторический фольклор эвенков: Сказания и предания. – М.; Л., 1966.

Васильев В. Тунгусские предания. – СПб., 1908 /

Живая старина. Вып. I.

Васильев В.Н. Образцы тунгусской народной литературы (пересказ): Сб. ст. в честь 75-летия Г.Н. Потанина. – СПб., 1909.

Воскобойников М.Г. Кто дал эвенкам солнце: Сказки, предания и устные рассказы эвенков. – Иркутск, 1973.

Дэвэлчэн – первочеловек Среднего мира: Эвенкийский эпос / Зап. и пер. А. Мыреевой и В. Санги. – Красноярск, 1991.

Лебедева Е.П. Эвенкийские этиологические сказки о животных. – Новосибирск, 1974 / Вопросы языка и литературы.

Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX века). – Новосибирск, 1984.

Надеин С.А. Энгеспал: Эвенкийские легенды, предания, сказки, рассказы. – Южно-Сахалинск, 1982.

Романова А.В., Мыреева А.Н. Фольклор эвенков Якутии. – Л., 1971.

Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / Сост. Г.М. Василевич. – Л., 1936.

Суворов И.И. Эвенкийские сказки. – Красноярск, 1973.

Фольклор эвенков Прибайкалья / Зап. и обраб. М.Г. Воскобойников. – Улан-Удэ, 1967.

Эвенкийские героические сказания / Сост. Н.Г. Трофимов. – Новосибирск, 1990.

*Эвенкийские героические сказания: Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока / Сост. А.Н. Мыреева. – Новосибирск, 1990.

ЭВЕНЫ

Баргачан. Эле – хранитель эдека: Эвенское сказание / На эвенк. яз., рус. пер. А. Преловского. – Якутск, 1993.

Кривошапкин А.В. Мир эвена: Этнографическая поэма / Пер. А. Преловского. – М., 2001.

Лебедева Ж.К. Архаический эпос эвенов. – Новосибирск, 1981.

Новикова К.А. Эвенские сказки, предания и легенды. – Магадан, 1987.

Тайшина Е.И., Роббек В.А. Нёлтэк: Сказание / На эвен. и рус. яз. – Якутск, 1992.

Эвенский фольклор / Сост. К.А. Новикова. – Магадан, 1958.

Эпос охотских эвенов: В зап. Н.П. Ткачика. – Якутск, 1986.

ЭНЦЫ

*Мифологические сказки и исторические предания энцев / Зап., введ. и коммент. Б.О. Долгих. – М., 1961 // Тр. ин-та этнографии, новая серия. Т. 66.

Силкин Р.А. Бытовые рассказы энцев. – М., 1962.

ЭСКИМОСЫ

Маховский Я. Огненный шар: Легенды, предания, сказки эскимосов / Пер. с польск. яз. С. Тельнюка. – Магадан, 1981.

ЮКАГИРЫ

Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Ч. I. – СПб., 1900 / Тр. Якут. экспедиции. Отд. III. Т. IX. Ч. III.

Иохельсон В.И. Образцы материалов по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Якутской экспедиции. – СПб., 1898 // Зап. Императ. Академии наук. Т. IX. № 2.

*Предания о древних людях / Ред.-сост. и пер. с юкагир. яз. Г.Н. Курилов. На рус. и юкагир. яз. – Якутск, 1991.

Улуро Адо (Курилов Г.Н.). Идилвей: Юкагирское сказание / Авт. версия, пер. на рус. яз. А. Преловского. – Якутск, 1992 // Полярная звезда. № 4.

Фольклор юкагиров Верхней Колымы: Хрестоматия. Ч. 1–2. – Якутск, 1989.

*Хозяин земли. Легенды и рассказы лесных юкагиров: Сб. / Сост.: Л. Жукова, О. Чернецов. – Якутск, 1994.

Содержание

СЕВЕРНАЯ БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

Книга для детей среднего и старшего школьного возраста

Фольклор народов Крайнего Севера и Дальнего Востока России

Редактор-составитель Е.Р. Акбальян
Редактор И.В. Бодрова
Компьютерный набор М.П. Борисовой
Художественный редактор И.А. Захарова
Корректор В.И. Хомутова

Сдано в набор 05.02.2002.
Подписано к печати 25.02.2002.
Формат 84x108/32. Бумага офсет. № 1.
Печать высокая. Тираж 10000 экз. Бесплатно.
Заказ № 0203760.

ISBN 5-87098-049-6
ISBN 5-87098-052-6

ЛР № 070064 от 25.12. 1997 г.

Адрес редакции:
129110, Москва, ул. Гиляровского, д. 56
Государственное унитарное предприятие
«Северные просторы»
Тел./факс 288-47-51, 284-80-45
E-mail: sp-arctic@mtu-net.ru

Цветоделение и верстка ООО «Центр «Гончарный круг»
109240, Москва, Гончарная ул., д.1.
Тел./факс 915-70-12

Отпечатано в полном соответствии с
качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

ISBN 5-87098-052-6
9 785870 980522 >